ЕВРАЗИЙСКАЯ № 4 (81) 2026

АДВОКАТУРА

Журнал основан в 2012 году.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (список Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации) по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки, по которым присуждаются ученые степени:
5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки),
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки),
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки),
5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).
В соответствии с произведенным распределением журналов, входящих в Перечень по категориям, журнал отнесен к категории «К2».

Редакционный совет:

АДИЛОВ Надир Адил оглы – доктор философии по юридическим наукам, доцент, Председатель правления Совета Медиации Азербайджанской Республики, заместитель председателя Комитета Организации Объединенных Наций по экономическим, социальным и культурным правам
(Азербайджанская Республика, г. Баку);

АМИНЕВ Фарит Гизарович – доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Башкортостан, профессор кафедры криминалистики Института права Уфимского университета науки и технологий, член президиума Союза «Палата судебных экспертов имени Ю.Г. Корухова (СУДЭКС)», председатель Общественного совета по экспертной деятельности в Республике Башкортостан (Российская Федерация, г. Уфа);

БИРЮКОВ Павел Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и евразийского права юридического факультета Воронежского государственного университета
(Российская Федерация, г. Воронеж);

ВАН Ерп Сьеф – магистр права, профессор кафедры гражданского права и европейского частного права и заведующий департаментом частного права Маастрихтского университета, президент Нидерландской ассоциации сравнительного права, член исполнительного комитета Европейского юридического института
(Нидерланды, г. Маастрихт);

ВЛАСОВ Анатолий Александрович – доктор юридических наук, профессор, проректор Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева (Российская Федерация, г. Москва);

ВОРОНОВ Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, адвокат, профессор кафедры гражданского и трудового права Воронежского института Федеральной службы исполнения наказаний России (Российская Федерация, г. Воронеж);

ВУЯДИНОВИЧ Драгика – доктор права, профессор кафедры теории, философии и социологии права юридического факультета университета г. Белграда (Республика Сербия, г. Белград);

ГАРАДЖАЕВ Джейхун – доктор юридических наук, судья Конституционного Суда Азербайджанской Республики в отставке, профессор кафедры конституционного права юридического факультета Бакинского государственного университета, член Комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания Совета Европы (Азербайджанская Республика, г. Баку);

18+

Периодическое печатное издание (журнал): «Евразийская адвокатура».
Учредитель: Автономная некоммерческая организация
«Евразийский научно-исследовательский институт проблем права».
Свидетельство о регистрации средства массовой информации: ПИ № ФС77-50845 от 14.08.2012.
Регистрирующий орган: Федеральная служба по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Адрес издателя и редакции: 450006, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Ленина, д. 102, оф. 24.
Адрес типографии: ФГУП «Издательство Известия», 127254, Российская Федерация, г. Москва, ул. Добролюбова, д. 6, стр. 1, **тел.**: +7 (495) 650-38-80, **website**: izv-udprf.ru.
Дата выхода в свет: 14.10.2026. Формат 62x84 1/8. Усл. печ. л. 23, 5. Тираж 500 экз. Свободная цена.
Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России»: 41210
website: www.eurasian-advocacy.ru, **e-mail**: eurasian-advocacy@mail.ru, **мессенджеры**: +7-917-40-61-340

ГАРМАЕВ Юрий Петрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Бурятия, профессор кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, заведующий лабораторией сравнительного правоведения в странах Азиатско-Тихоокеанского региона Бурятского государственного университета
(Российская Федерация, г. Улан-Удэ);

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна – доктор юридических наук, доцент, адвокат, профессор департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва);

ДЕХАНОВ Сергей Александрович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и гражданского права Государственного университета просвещения, профессор кафедры гражданского права Российской таможенной академии (Российская Федерация, г. Москва);

ЕГОРОВА Мария Александровна – доктор юридических наук, профессор, начальник управления международного сотрудничества, профессор кафедры конкурентного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), заместитель председателя Исполнительного комитета Московского отделения Ассоциации юристов России, со-президент Международного союза юристов и экономистов
(Российская Федерация, г. Москва);

ЕГОРЫШЕВ Сергей Васильевич – доктор социологических наук, профессор, руководитель центра социологии права и правоохранительных органов Евразийского научно-исследовательского института проблем права
(Российская Федерация, г. Уфа);

ЖАНАБИЛОВ Нурлан Еркинович – доктор права, профессор, почетный работник образования Республики Казахстан, Главный эксперт Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, первый вице-президент Международного Союза (Содружества) адвокатов, президент Международной ассоциации адвокатов «Азия Инюрколлегия», Ректор учреждения «Международная Академия труда»
(Республика Казахстан, г. Астана);

ЗИНН Арндт – доктор права, профессор, руководитель Института экономического уголовного права и руководитель кафедры немецкого и европейского уголовного права и уголовного процесса, международного уголовного права и сравнительного правоведения Университета г. Оснабрюк, директор Центра европейских и международных исследований уголовного права (Федеративная Республика Германия, г. Оснабрюк);

КОСТЮК Михаил Федорович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова
(Российская Федерация, г. Москва);

КУДРЯВЦЕВ Владислав Леонидович – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции, руководитель магистерской программы (Российская Федерация, г. Санкт-Петербург);

ЛЕВУШКИН Анатолий Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Ульяновского государственного университета (Российская Федерация, г. Москва);

МЕЙЗА Исса – доктор частного права, профессор факультета права и политических наук Университета Джельфы (Алжирская народная демократическая республика, г. Джельфа);

РАГУЛИН Андрей Викторович – доктор юридических наук, доцент, адвокат, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура» (Российская Федерация, г. Москва);

РАХИМБЕРДИН Куат Хажумуханович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса Восточно-Казахстанского государственного университета имени Сарсена Аманжолова, председатель Палаты юридических консультантов Восточно-Казахстанской области «Парасат» (Республика Казахстан, г. Усть-Каменогорск);

РОДРИГЕС Хосе Норонья – доктор права, адвокат, директор центра юридических и экономических наук, профессор права факультета экономики и управления Азорского университета
(Республика Португалия, г. Понта Дельгада);

САНГАДЖИЕВ Бадма Владимирович – доктор юридических наук, профессор, профессор Российской академии образования, заведующий кафедрой конституционного и международного права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), почетный работник сферы образования Российской Федерации, заслуженный юрист Республики Калмыкия (Российская Федерация, г. Москва);

СВИРИН Юрий Александрович – доктор юридических наук, профессор, почетный адвокат России, действительный член Российской академии естественных наук, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Академии труда и социальных отношений, профессор кафедры гражданского процесса и организации службы судебных приставов Всероссийского государственного университета юстиции (Российская Федерация, г. Москва);

ТАТАР Ольга Владимировна – доктор юридических наук, преподаватель кафедры частного права Комратского государственного университета Республики Молдова (Республика Молдова, г. Комрат);

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович – доктор юридических наук, руководитель центра международно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права
(Российская Федерация, г. Москва);

ХАЛИКОВ Аслям Наилевич – доктор юридических наук, профессор, адвокат, профессор кафедры криминалистики Института права Уфимского университета науки и технологий (Российская Федерация, г. Уфа);

ЧИХЛАДЗЕ Леван Теймуразович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой муниципального права Юридического института Российского университета дружбы народов, и.о. заведующего кафедрой конституционного и муниципального права юридического факультета Московского государственного областного университета (Российская Федерация, г. Москва);

ШАГИЕВА Розалина Васильевна – доктор юридических наук, профессор, Первый проректор Российской академии адвокатуры и нотариата, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Высшей школы правоведения Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва);

ЮРЬЕВ Сергей Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, адвокат, профессор кафедры адвокатуры Российской академии адвокатуры и нотариата (Российская Федерация, г. Москва);

ЯНГ Саймон Нгай ман – магистр права, профессор юридического факультета Университета Гонконга, адвокат (Гонконг);

ЯРТЫХ Игорь Семенович – доктор юридических наук, адвокат, вице-президент Федерального союза адвокатов России, профессор кафедры адвокатуры Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры гражданского права Института мировых цивилизаций
(Российская Федерация, г. Москва).

Редакционная коллегия:

***Главный редактор*:**

РАГУЛИН Андрей Викторович – доктор юридических наук, доцент.

Члены редакционной коллегии:

СОЗАЕВА Елизавета Петровна – руководитель направления технической проверки материалов;

КАУРАКОВА Мария Викторовна – кандидат юридических наук, руководитель направления рецензирования научных публикаций;

КУЛАГИН Александр Владимирович – руководитель направления предпечатной подготовки;

МЕЛЬНИЧЕНКО Роман Григорьевич – кандидат юридических наук, доцент, руководитель направления SMM;

ПОЛЯНСКАЯ Вероника Владимировна – руководитель направления литературного редактирования;

РАГУЛИНА Индира Тагировна – кандидат юридических наук, заместитель главного редактора;

ФАРХУТДИНОВ Динар Инсурович – руководитель направления IT.

EURASIAN № 4 (81) 2026
ADVOCACY
The journal has been published since 2012.

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences should be published (list of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) in scientific specialties and the corresponding branches of science in which academic degrees are awarded:
5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences),
5.1.2. Public law (state law) sciences (legal sciences),
5.1.3. Private law (civil law) sciences (legal sciences),
5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences).
In accordance with the distribution of the journals included in the list by category, the journal is classified as "K2".

Editorial Advisory Board:

ADILOV Nadir Adil oglu – PhD, Associate Professor, Chairman of the Board of the Mediation Council of the Republic of Azerbaijan, Vice Chairman of the United Nations Committee on Economic, Social and Cultural Rights (Republic of Azerbaijan, Baku);

AMINEV Farit Gizarovich – LLD, Associate Professor, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Professor of the Department of Criminalistics of the Institute of Law of the Ufa University of Science and Technology, Member of the Presidium of the Union «Chamber of Judicial Experts named after Yu.G. Korukhov (SUDEKS)», Chairman of the Public Council for Expert Activity in the Republic of Bashkortostan (Russian Federation, Ufa);

BIRJUKOV Pavel Nikolaevich – LLD, Professor, Head of the Department of International and Eurasian Law of Law Faculty of the Voronezh State University (Russian Federation, Voronezh);

CHIHLADZE Levan Teymurazovich – LLD, Professor, Head of the Department of Municipal Law of the Law Institute of the People's Friendship University of Russia, Acting Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Faculty of Law of the Moscow State Regional University (Russian Federation, Moscow);

DEHANOV Sergey Alexandrovich – LLD, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional and Civil Law of the State University of Education, Professor of the Department of Civil Law of the Russian Customs Academy (Russian Federation, Moscow);

EGOROVA Maria Aleksandrovna – LLD, Professor, Head of the Department of International Cooperation, Professor of the Department of Competition Law of the Moscow State Law University, Deputy Chairman of the Executive Committee of the Moscow Branch of the Russian Bar Association, Co-President of the International Union of Lawyers and Economists (Russian Federation, Moscow);

EGORYSHEV Sergey Vasilevich – LLD, Professor, Head of the Center of Sociology of Law and Law Enforcement Agencies of the Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law (Russian Federation, Ufa);

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich – LLD, Head of the Center of International Legal Studies of the Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law (Russian Federation, Moscow);

GARMAEV Yuri Petrovich – LLD, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Buryatia, Professor of the Department of Criminal Procedure Law and Criminalistics of the East Siberian Branch of the Russian State University of Justice, Head of the Laboratory of Comparative Law in the Asia-Pacific Region of Buryat State University (Russian Federation, Ulan-Ude);

GRUDTSYNA Lyudmila Yurievna – LLD, Associate Professor, Advocate, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Russian Federation, Moscow);

JURIEV Sergey Sergeyevich – LLD, Professor, Advocate, Professor of the Department of Advocacy of the Russian Academy of Advocacy and Notaries (Russian Federation, Moscow);

KOSTYUK Mikhail Fedorovich – LLD, Professor, Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Russian University of Economics (Russian Federation, Moscow);

KHALIKOV Aslyam Nailevich – LLD, Professor, Advocate, Professor of the Department of Criminalistics of the Institute of Law of the Ufa University of Science and Technology (Russian Federation, Ufa);

KUDRYAVTSEV Vladislav Leonidovich – LLD, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice, Master program manager (Russian Federation, St. Petersburg);

LEVUSHKIN Anatoly Nikolaevich – LLD, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Russian State University of Justice, Professor of the Department of Civil and Commercial Law of the Ulyanovsk State University (Russian Federation, Moscow);

MAIZA Aissa – PhD, Professor of the Faculty of Law and Political Science of the Djelfa University (People's Democratic Republic of Algeria, Djelfa);

QARACAYEV Ceyhun – LLD, retired Judge of the Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan, Professor of the Department of Constitutional Law of the Faculty of Law of Baku State University, member of the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (Republic of Azerbaijan, Baku);

RAGULIN Andrey Viktorovich – Advocate, LLD, Associate Professor, head of the Centre for the study of the organization and operation of the advocacy of Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law, editor-in-Chief of the «Eurasian Advocacy» Journal (Russian Federation, Moscow);

RAKHIMBERDIN Kuat Hazhumukhanovich – LLD, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of the East Kazakhstan State University, Chairman of the «Parasat» Chamber of Legal Advisers of the East Kazakhstan Region (Republic of Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk);

RODRIGUES Jose Noronha – PhD, Advocate, Director of Center of Juridical and Economic Studies, Professor of Law of the Azores University (Portuguese Republic, Ponta Delgada);

SANGADZHIYEV Badma Vladimirovich – LLD, Professor, Professor of the Russian Academy of Education, Head of the Department of Constitutional and International Law of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Republic of Kalmykia (Russian Federation, Moscow);

SHAGIYEVA Rozalina Vasilyevna – LLD, Professor, First vice-rector of the Russian Academy of Advocacy and Notaries Named by G.B. Mirzoev, Professor of the Department of State Disciplines of the Higher School of Law of the Institute of State Service and Government of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation (Russian Federation, Moscow);

SINN Arndt – PhD, Professor, Head of Institute of Economic Criminal Law, Head of the Department of German and European Criminal Law and Criminal Trial, International Criminal Law and Comparative Jurisprudence of the University of Osnabruck, Director of the Center of the European and International Researches of Criminal Law (ZEIS) (Federal Republic of Germany, Osnabrück);

SVIRIN Yuri Alexandrovich – LLD, Professor, Honorary Advocate of Russia, Full Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Head of the Department of Civil Law and Process of the Academy of Labor and Social Relations, Professor of the Department of Civil Procedure and Organization of the Bailiff Service of the All-Russian State University of Justice (Russian Federation, Moscow);

TATAR Olga Vladimirovna – LLD, Lecturer of the Department of Private Law of the Comrat State University of the Republic of Moldova (Republic of Moldova, Comrat);

VAN ERP Sjef – LLM, Professor of the Department of Civil Law and European Private Law, Head of the Private Law Department of the Maastricht University, President of the Netherlands Comparative Law Association, Member of the Executive Committee of the European Law Institute (Netherlands, Maastricht);

VLASOV Anatoly Aleksandrovich – LLD, Professor, Vice-Rector of Russian University of Advocacy and Notaries Named by G.B. Mirzoev (Russian Federation, Moscow);

VORONOV Alexander Alekseevich – LLD, Professor, Advocate, Professor of the Department of Civil and Labor Law of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Russian Federation, Voronezh);

VUJADINOVIC Dragica – PhD, Professor of the Faculty of Law of the University of Belgrade (Republic of Serbia, Belgrade);

YARTYKH Igor Semenovich – LLD, Advocate, Vice-President of the Federal Union of Advocates of Russia, Professor of the Advocacy Department of the Moscow State Law University, Professor of the Department of Civil Law of the Institute of World Civilizations (Russian Federation, Moscow);

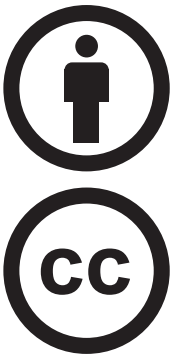
YOUNG Simon Ngai Man – LLM, Advocate, Professor of Faculty of Law of the University of Hong Kong (Hong Kong);

ZHANABILOV Nurlan Erkinovich – PhD, Professor, Honorary Worker of Education of Kazakhstan, Chief Expert of the Kazakhstan Institute of Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, First Vice-President of the International Union (Commonwealth) of Advocates, President of the International Association of Advocates «Asia Injurkollegiya», Rector of the International Labor Academy Institution (Republic of Kazakhstan, Astana).

Editorial Board:

Editor-in-Chief:
RAGULIN Andrey Viktorovich – LLD, Associate Professor.

Members of the Editorial Board:
SOZAEVA Elizaveta Petrovna – Head of Technical Verification of Materials;
KAURAKOVA Maria Viktorovna – PhD, Head of Reviewing of Scientific Publications;
KULAGIN Alexandr Vladimirovich – Head of Preprinting Preparation;
MELNICHENKO Roman Grigoryevich – PhD, Associate Professor, Head of SMM;
POLYANSKAYA Veronika Vladimirovna – Head of Literary Editing;
RAGULINA Indira Tagirovna – PhD, Deputy of the Editor-in-Chief;
FARKHUTDINOV Dinar Insurovich – Head of IT.



Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве. Ссылки на настоящее издание обязательны. За содержание опубликованной рекламы редакция ответственности не несет. Точка зрения авторов материалов, опубликованных в журнале, может не совпадать с точкой зрения Редакционного Совета и Редакционной коллегии журнала.
Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная. Вы можете свободно: делиться (обмениваться) – копировать и распространять материал на любом носителе и в любом формате, адаптировать (создавать производные материалы) – делать ремиксы, видоизменять, а также создавать новое, опираясь на этот материал в любых целях, включая коммерческие. При этом вы должны обеспечить соответствующее указание авторства, предоставить ссылку на лицензию и обозначить изменения, если таковые были сделаны. Вы можете это делать любым разумным способом, но не таким, который подразумевал бы, что лицензиар одобряет вас или ваш способ использования произведения. https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Содержание

СОБЫТИЯ

Заявление главного редактора международного научно-практического юридического журнала «Евразийская адвокатура» в связи с попыткой вмешательства в деятельность издания и давления на свободу профессиональной дискуссии и научных исследований 9

Заявление Правления Межрегиональной общественной организации адвокатов и юристов «Инициатива 2018» «О произвольном преследовании адвоката, преподавателя, ученого и правозащитника Романа Григорьевича Мельниченко» 15

Заявление Правления Межрегиональной общественной организации адвокатов и юристов «Инициатива 2018» «О неправомерном уголовном преследовании адвоката и правозащитника Владимира Анатольевича Сорокина» 20

Заявление Правления Межрегиональной общественной организации адвокатов и юристов «Инициатива 2018» «О произвольном дисциплинарном преследовании и прекращении статуса адвоката Павла Васильева» 24

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ

КРЮЧКОВ Даниил Владимирович
Правовые особенности взимания ясака в контексте налоговой деятельности государства на Дальнем Востоке в период Первой и Второй Камчатских экспедиций 35

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АДВОКАТСКОЙ ПРАКТИКИ

СУЛТАНОВ Айдар Рустэмович
Правильное определение материального истца в делах по искам прокуроров 41

СПАРТАК Сергей Андреевич
От регулирования контента к регулированию поиска: статья 13.53 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и реклама средств доступа 50

РАХМАТУЛЛАЕВ Алексей Ильич, БАСТРИКОВ Александр Альбертович
Гражданско-правовое ограничение принципа свободы договора и злоупотребление свободой договора 57

САРГИСЯН Артем Павлович
Порядок взаимодействия судебного пристава-исполнителя и держателя реестра ценных бумаг в исполнительном производстве 66

МАРКАРОВ Михаил Давидович
Правовая природа коллективного осуществления и защиты утилитарных и гибридных цифровых прав 71

ШОГЕНОВ Алан Асланович
Отдельные аспекты отнесения объектов к специальным техническим средствам и приспособлениям в рамках производства судебной трасологической экспертизы 77

ГИРФАНОВ Ильназ Исрафилович
Онлайн-урегулирование споров на маркетплейсах в системе гражданско-правовой защиты прав потребителей 83

ПРАВОСУДИЕ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

РАГУЛИН Андрей Викторович
Судебная контрреформа против процессуальных гарантий: анализ законопроекта № 1264907-8 88

БУЛЫЧЕВ Евгений Николаевич
Феномен шринкфляции в уголовном праве: соответствие стоимостных критериев дифференциации ответственности принципам равенства и справедливости 112

НАМНЯСЕВА Виктория Вячеславовна
Особенности регламентации уголовной ответственности за фальсификацию результатов оперативно-разыскной деятельности: компаративистский анализ 116

КАМИНСКИЙ Александр Алексеевич
Цифровые следы коммерческого подкупа в корпоративной среде: криминалистическая классификация и доказательственное значение 122

НОВРУЗОВА Саадат Самед кызы
Европейский суд по правам человека и международное частное право 128

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

ЕСЬКОВ Александр Александрович, МОШКИНА Ирина Викторовна
Декомпозиция процесса судебной экспертизы на составляющие по модели: цель, объект, предмет, задачи 133

СУНАГАТУЛЛИН Станислав Русланович
Концепция согласия потерпевшего в российском гражданском праве: вопросы квалификации и ограничений 156

ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА ЕВРАЗИИ

СПАРТАК Сергей Андреевич
Право на проверяемую видимость 164

АРЗУМАНОВА Сильва Михайловна, РЯБОВА Татьяна Владимировна
Конституционно-правовые основы государственной политики Российской Федерации в сфере защиты института семьи и семейных ценностей 172

ДЕМИДОВ Леон Игоревич
Сравнительный анализ правового регулирования отношений между цифровыми платформами и предпринимателями в Российской Федерации и Европейском союзе 176

ШУЛБАЕВ Прокопий Вячеславович
Защита прав в цифровом контракте 182

КОНАРОВСКИЙ Никита Александрович
Токенизация инвестиционных фондов: новые тренды в правовом регулировании 187

КАРЕВ Максимилиан Константинович
Граница допустимости использования процедуры опротестования банковской операции по переводу денежных средств перевозчику или агенту в счет провозной платы 193

РОЖКОВ Никита Геннадьевич
Участие Российской Федерации в хозяйственных обществах: тенденции и перспективы развития 198

Contents

EVENTS

Statement of the Editor-in-Chief of the International Scientific and Practical Law Journal «Eurasian Advocacy» in Connection with an Attempt to Interfere in the Activities of the Publication and Pressure on the Freedom of Professional Discussion and Scientific Research 9

Statement of the Board of the Interregional Public Organization of Lawyers and Jurists «Initiative 2018» «On the Arbitrary Persecution of the Advocate, Teacher, Scientist, and Human Rights Defender Roman Grigoryevich Melnichenko» 15

Statement of the Board of the Interregional Public Organization of Lawyers and Jurists «Initiative 2018» «On the Unlawful Criminal Prosecution of Lawyer and Human Rights Defender Vladimir Anatolyevich Sorokin» 20

Statement of the Board of the Interregional Public Organization of Lawyers and Jurists «Initiative 2018» «On the Arbitrary Disciplinary Persecution and Termination of the Status of Advocate of Lawyer Pavel Vasilev» 24

HISTORICAL EXPERIENCE

KRYUCHKOV Daniil Vladimirovich
Legal Features of Collecting Yasak in the Context of the Tax Activities of the State in the Far East During the First and Second Kamchatka Expeditions 35

CURRENT PROBLEMS OF ADVOCACY PRACTICE

SULTANOV Aydar Rustemovich
The Correct Identification of the Material Plaintiff in Cases of Lawsuits by Prosecutors 41

SPARTAK Sergey Andreevich
From Content Regulation to Search Regulation: Article 13.53 of the Russian Code of Administrative Offences and Advertising of Access Tools 50

RAKHMATULLAEV Alexey Ilyich, BASTRIKOV Alexander Albertovich
Civil Law Limitations on the Principle of Freedom of Contract and the Abuse of Freedom of Contract 57

SARGISYAN Artem Pavlovich
Procedure for Interaction Between the Enforcement Officer and the Securities Register Holder in Enforcement Proceedings 66

MARKAROV Mikhail Davidovich
Legal Nature of the Collective Exercise and Protection of Utilitarian and Hybrid Digital Rights 71

SHOGENOV Alan Aslanovich
Specific Aspects of Classifying Objects as Special Technical Equipment and Devices in the Context of Forensic Trace Examination 77

GIRFANOV Ilnaz Israfilovich
Online Dispute Resolution on Marketplaces Within the System of Civil Law Protection of Consumer Rights 83

JUSTICE AND LAW-ENFORCEMENT ACTIVITY IN THE EURASIAN SPACE

RAGULIN Andrey Viktorovich
Judicial Counter-Reform Versus Procedural Safeguards: An Analysis of Draft Law No. 1264907-8 88

BULYCHEV Evgeny Nikolaevich
The Phenomenon of Shrinkflation in Criminal Law: The Correspondence of Cost-Based Criteria for Differentiating Liability to the Principles of Equality and Justice 112

NAMNYASEVA Victoriya Vyacheslavovna
Specifics of Regulating Criminal Liability for Falsification of Operational-Search Activity Results: A Comparative Analysis 116

KAMINSKY Aleksander Alekseevich
Digital Traces of Commercial Bribery in the Corporate Environment: Forensic Classification and Evidentiary Significance 122

NOVRUZOVA Saadat Samed kizi
European Court of Human Rights and Private International Law 128

CURRENT PROBLEMS OF LEGAL SCIENCE AND PRACTICE

ESKOV Aleksandr Aleksandrovich, MOSHKINA Irina Viktorovna
Decomposition of the Forensic Examination Process Into Components According to the Model: Purpose, Object, Subject, Tasks 133

SUNAGATULLIN Stanislav Ruslanovich
The Concept of Victim's Consent in Russian Civil Law: Legal Qualification and the Limits of Consent 156

POLICY AND ECONOMY OF EURASIA

SPARTAK Sergey Andreevich
The Right to Verifiable Visibility 164

ARZUMANOVA Silva Mikhailovna, RYABOVA Tatiana Vladimirovna
The Constitutional and Legal Foundations of the State Policy of the Russian Federation in the Field of Protection of the Institution of the Family and Family Values 172

DEMIDOV Leon Igorevich
Comparative Analysis of the Legal Regulation of Relations Between Digital Platforms and Entrepreneurs in the Russian Federation and the European Union 176

SHULBAEV Procopii Vyacheslavovich
Protecting Rights in a Digital Contract 182

KONAROVSKII Nikita Alexandrovich
Tokenization of Investment Funds: New Trends in Legal Regulation 187

KAREV Maksimilian Konstantinovich
Admissibility of the Transaction Dispute Procedure in Respect of a Transfer of Funds to a Carrier or Agent in Payment of Carriage Charge 193

ROZHKOV Nikita Gennadievich
Participation of the Russian Federation in Business Entities: Development Trends and Prospects 198

ЗАЯВЛЕНИЕ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА «ЕВРАЗИЙСКАЯ АДВОКАТУРА» В СВЯЗИ С ПОПЫТКОЙ ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИЗДАНИЯ И ДАВЛЕНИЯ НА СВОБОДУ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДИСКУССИИ И НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

STATEMENT OF THE EDITOR-IN-CHIEF OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL LAW JOURNAL «EURASIAN ADVOCACY» IN CONNECTION WITH AN ATTEMPT TO INTERFERE IN THE ACTIVITIES OF THE PUBLICATION AND PRESSURE ON THE FREEDOM OF PROFESSIONAL DISCUSSION AND SCIENTIFIC RESEARCH

30 сентября 2026 года

Уважаемые авторы, читатели, представители научного, журналистского и юридического сообществ!

Как главный редактор средства массовой информации, периодического печатного издания – международного научно-практического юридического журнала «Евразийская адвокатура» – считаю необходимым сообщить о полученном редакцией письме, автор которого потребовал удалить выпуск журнала и изменить тематику будущих публикаций, поставив его обращение в Министерство юстиции Российской Федерации в зависимость от исполнения этих требований.

26 сентября 2026 года в 07:19 (по данным почтового сервиса) с адреса электронной почты «korobkova-anna@list.ru» на адрес электронной почты редакции «eurasian-advocacy@mail.ru» поступило адресованное мне как главному редактору журнала электронное письмо, содержащее угрозы и требования от лица, выступающего под именем «Анна Васильевна Коробкова».

Автор письма в категоричной форме пытается диктовать редакционную политику и требует от меня в течение пяти суток со дня отправки обращения удалить с сайта журнала его последний выпуск № 3 (80) за 2026 год [1], в котором за моим авторством опубликованы, в частности, интервью с Бертраном Фавро, известным французским адвокатом, учредившим международную премию в области прав человека имени Людовика Трарье, и материал «Адвокатура в Российской Федерации: хроника кризиса (август 2025 г. – май 2026 г.): научно-практический доклад».

Автор письма, заявляя, что журнал опубликовал «выступление давно отошедшего от реальности французского адвоката против российской власти», также требует не публиковать «выступления с лицами, выступавшими против специальной военной операции Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Украины» и «свои обзоры о якобы имевших место нарушениях прав юристов в России». Между тем в интервью «выступлений против российской власти», как и против «специальной военной операции», не содержится, а утверждения автора письма являются надуманными плодами его субъективного восприятия текста.

Текст посвящен истории и проблемам адвокатуры, защите прав адвокатов и международным стандартам их деятельности. Содержащиеся в нем оценки касаются положения адвокатов в разных странах. Исследование о нарушениях прав адвокатов в России представляет собой мониторинговый обзор открытых источников информации с поэпизодными ссылками, позволяющими установить соответствие действительности приведенных фактов. Автор письма не назвал конкретного высказывания и нормы закона, которые, по его мнению, обязывали бы редакцию удалить весь номер и отказаться от публикаций по указанным им темам.

Автор письма, ставя направление материалов в Министерство юстиции Российской Федерации с целью инициирования процедуры признания журнала и меня лично «иностранными агентами» в зависимость от исполнения его требований по удалению выпуска журнала и отказу от будущих публикаций, заявляет, что данный статус – «отличный механизм наказания для СМИ», а также утверждает, что после его «доносов» иностранными агентами признаны упомянутые им ученые и журналисты.

Таким образом, автор письма пытается использовать существующие правовые механизмы в качестве орудия шантажа и инструмента давления на редакцию СМИ в собственных интересах.

В настоящее время достоверно не установлена личность отправителя письма, однако известно, что в 2024 году независимые исследователи связали псевдоним «Анна Васильевна Коробкова» с конкретным лицом, информация о котором может быть легко найдена при помощи поисковых систем в сети Интернет.

В связи с изложенным полагаю необходимым заявить следующее.

1. В пункте 2 статьи 19 Международного пакта о гражданских и политических правах предусматривается, что каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения; это право включает свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи, независимо от государственных границ, устно, письменно или посредством печати или художественных форм выражения, или иными способами по своему выбору. Частью 1 статьи 44 Конституции Российской Федерации гарантирована свобода научного творчества. Частью 3 статьи 29 Конституции Российской Федерации установлено, что никто не может быть принужден к выражению мнений или отказу от них. В частях 4 и 5 статьи 29 Конституции Российской Федерации и статье 1 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» (далее – Закон) гарантирована свобода СМИ, а статья 19 указанного Закона устанавливает правила о самостоятельности редакции СМИ. В статье 25 Закона установлено, что воспрепятствование осуществляемому на законном основании распространению продукции средств массовой информации со стороны граждан, объединений граждан, должностных лиц, предприятий, учреждений, организаций, государственных органов – не допускается.

Моя прямая профессиональная обязанность как главного редактора СМИ – обеспечивать выход журнала в свет, формировать его содержание на основе принципов свободы массовой информации и защищать редакцию от любого незаконного вмешательства, диктата и цензуры. Полученный мной ультиматум с требованием удалить опубликованный номер журнала – это беспрецедентное давление на меня именно как на руководителя СМИ и журналиста. При этом согласно статьям 2 и 18 Закона редакция действует на основе профессиональной самостоятельности и никто, даже учредитель, не вправе указывать главному редактору СМИ, какие материалы он должен удалять из публичного доступа.

Использование угрозы доноса в качестве рычага для принуждения редакции к самоцензуре, требование удалить опубликованный номер с сайта издания и запретить освещение определенных тем посягает на гарантированные права и свободы и направлено против профессиональной самостоятельности исследователя, журналиста и редакции, что, исходя из положений статьи 58 Закона, влечет ответственность.

Требование цензурировать профессиональную дискуссию и не публиковать результаты исследований актуальных проблем адвокатуры не только ущемляет права журналистов и СМИ, но в данном случае посягает и на независимость исследователей и независимость адвокатуры, поскольку пункт 23 Основных принципов ООН, касающихся роли юристов, предусматривает, что адвокаты, как и другие юристы и граждане, имеют право на свободу выражения мнения, убеждений и право принимать участие в общественных дискуссиях по вопросам, касающимся права, отправления правосудия, поощрения и защиты прав человека.

2. Журнал соблюдает все требования российского законодательства, предусмотренные для публикации материалов в СМИ. Содержание материалов, публикуемых в журнале, носит научный характер, что в силу части 4 статьи 4 Федерального закона «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» не признается политической деятельностью.

3. Считаю избранную автором письма форму воздействия на редакционные решения совершенно недопустимой. Публикация интервью с иностранным адвокатом, как и публикация основанных на конкретных фактах научных докладов, является обычной практикой для международного научно-практического издания.

Редакция продолжит самостоятельно определять содержание журнала, проверять сведения, публикуемые как фактические, и предоставлять место профессиональной дискуссии об адвокатуре. Оценка интервью или научного доклада автором письма не является основанием для удаления материалов из публичного доступа.

4. Обращение гражданина в государственный орган и сообщение о таком намерении обратиться сами по себе правомерны. Однако поставленное в письме условие – отказ от обращения в обмен на удаление номера и прекращение публикаций – требует проверки на предмет возможного принуждения журналиста к отказу от распространения информации по части 1 статьи 144 УК РФ. Окончательная оценка зависит, в частности, от установления отправителя, обстоятельств направления письма и его намерений. В то же время очевидно, что лицо, действительно убежденное в нарушении закона, не отказывается от сообщения в обмен на подчинение, а сама условность выдает инструментальный характер обращения.

В связи с этим я обратился с заявлением о нарушении прав и свобод человека и гражданина в прокуратуру в порядке статей 10 и 27 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации».

В своем заявлении я прошу установить отправителя письма, проверить обстоятельства его направления и дать правовую оценку содержащемуся в нем условному требованию. При наличии предусмотренных законом оснований прошу передать материалы компетентному органу для решения вопроса в порядке, предусмотренном законом.

5. Попытка неизвестного лица обусловить отказ от направления доноса в государственные органы немедленным удалением материалов официально зарегистрированного СМИ является неприкрытым шантажом. Подобный ультиматум демонстрирует, что планируемое обращение в Министерство юстиции России – это не проявление гражданской позиции или заботы о соблюдении закона, а инструмент блокирования легального распространения информации. Принуждение к удалению продукции зарегистрированного СМИ под угрозой применения санкционных статусов представляет собой прямое противоправное покушение на гарантированную Конституцией Российской Федерации свободу массовой информации и независимость профессиональной дискуссии.

6. По сути, редакция журнала столкнулась с примером действий по злоупотреблению государственной системой в целях запугивания, нарушения прав СМИ и прав граждан на получение информации, что создает существенную, всеобъемлющую и все возрастающую угрозу праву на свободу выражения мнений, извращая принципы верховенства права в целом, что, в общем, аналогично по свойствам так называемым SLAPP-искам. В данном случае мы сталкиваемся с российской модификацией этого негативного явления – стратегическими доносами, направленными против СМИ, общественного участия, академической свободы и профессиональной дискуссии. Использование механизмов обращений в государственные органы в качестве инструмента серийного шантажа и подавления профессиональной дискуссии требует надлежащего комплексного реагирования.

7. В связи с весьма вероятным наличием в действиях автора письма признаков систематической кампании массового запугивания и доносительства, призываю журналистское, академическое и юридическое сообщества к солидарности и совместным действиям.

Предлагаю распространять информацию о произошедшем, фиксировать подобные письма, не исполнять незаконные требования, пользоваться предусмотренными законом способами защиты своих прав, предпринимать иные действия, направленные на недопущение противоправного подавления свободы слова и массовой информации, а также свободы научных исследований и профессиональной дискуссии.

Попустительство серийному доносительству ставит под угрозу свободу средств массовой информации, свободу распространения информации, свободу слова и научных исследований, свободу профессиональной дискуссии, а также саму возможность осуществления профессиональной деятельности в сферах науки, журналистики и права.

Главный редактор, адвокат, доктор юридических наук, доцент А. В. Рагулин

Справочно:

Международный научно-практический юридический журнал «Евразийская адвокатура» [2] – это средство массовой информации, периодическое печатное издание, представляющее собой открытую в 2012 году международную информационно-аналитическую площадку для обмена мнениями по вопросам организации и деятельности адвокатуры и актуальным проблемам юридической науки и практики на евразийском правовом пространстве.

Учредителем и издателем журнала является автономная некоммерческая организация «Евразийский научно-исследовательский институт проблем права [3]».

Журнал является зарегистрированным в Российской Федерации средством массовой информации (ПИ № ФС77-50845 от 14 августа 2012 года), ему присвоен ISSN (2304-9839), подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» (41210), выпускается в печатном виде один раз в два месяца, размещается в полнотекстовом формате в постоянном свободном доступе на основе принципов Open Access в сети «Интернет», направляется в библиотеки, представлен в российских и международных базах данных, индексируется в Российском индексе научного цитирования, научным статьям присваиваются идентификаторы DOI.

С 2015 года журнал включен в Перечень Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, и в нем публикуются основные результаты научных исследований, необходимые для защиты диссертаций, а также интервью, новости, информационные сообщения, материалы, освещающие практику работы адвокатов.

В состав Редакционного совета журнала входят более тридцати ведущих ученых-юристов.

September 30, 2026

Dear authors, readers, representatives of the scientific, journalistic, and legal communities!

As the Editor-in-Chief of a mass media outlet, a printed periodical – the international scientific and practical law journal «Eurasian Advocacy» – I consider it necessary to report on a letter received by the editorial office, the author of which demanded to delete an issue of the journal and change the subject matter of future publications, making his appeal to the Ministry of Justice of the Russian Federation conditional upon the fulfillment of these demands.

On September 26, 2026, at 07:19 (according to the mail service), from the email address «korobkova-anna@list.ru» to the email address of the editorial office «eurasian-advocacy@mail.ru», an email addressed to me as the Editor-in-Chief of the journal was received, containing threats and demands from a person acting under the name «Anna Vasilievna Korobkova».

The author of the letter, in a categorical form, attempts to dictate the editorial policy and demands from me, within five days from the date of sending the appeal, to delete from the journal's website its latest issue No. 3 (80) for 2026 [1], in which, authored by me, were published, in particular, an interview with Bertrand Favreau, a well-known French lawyer who founded the Ludovic Trarieux International Human Rights Prize, and the material «The Bar in the Russian Federation: Chronicle of Crisis (August 2025 – May 2026): Scientific and Practical Report».

The author of the letter, stating that the journal published a «statement by a French advocate, who has long lost touch with reality, against the Russian authorities», also demands not to publish «statements with persons who have spoken out against the special military operation of the Armed Forces of the Russian Federation on the territory of Ukraine» and «my reviews on the alleged violations of the rights of lawyers in Russia». Meanwhile, the interview does not contain «statements against the Russian authorities», nor against the «special military operation», and the assertions of the author of the letter are the far-fetched fruits of his subjective perception of the text.

The text is devoted to the history and problems of the legal profession, the protection of the rights of lawyers, and international standards of their activities. The assessments contained therein concern the situation of advocates in different countries. The study on violations of the rights of lawyers in Russia is a monitoring review of open sources of information with episode-by-episode references that allow establishing the conformity of the cited facts with reality. The author of the letter did not name a specific statement and norm of the law, which, in his opinion, would oblige the editorial board to delete the entire issue and refuse publications on the topics indicated by him.

The author of the letter, making the submission of materials to the Ministry of Justice of the Russian Federation for the purpose of initiating the procedure for recognizing the journal and me personally as «foreign agents» conditional upon the fulfillment of his demands to delete the issue of the journal and refuse future publications, states that this status is an «excellent punishment mechanism for the mass media», and also claims that following his «denunciations», the scientists and journalists mentioned by him were recognized as foreign agents.

Thus, the author of the letter is trying to use existing legal mechanisms as a weapon of blackmail and an instrument of pressure on the mass media editorial board in his own interests.

At present, the identity of the sender of the letter has not been reliably established; however, it is known that in 2024 independent researchers linked the pseudonym «Anna Vasilievna Korobkova» with a specific person, information about whom can be easily found using search engines on the Internet.

In connection with the above, I consider it necessary to state the following.

1. Paragraph 2 of Article 19 of the International Covenant on Civil and Political Rights provides that everyone shall have the right to freedom of expression; this right shall include freedom to seek, receive and impart information and ideas of all kinds, regardless of frontiers, either orally, in writing or in print, in the form of art, or through any other media of his choice.

Part 1 of Article 44 of the Constitution of the Russian Federation guarantees freedom of scientific creativity. Part 3 of Article 29 of the Constitution of the Russian Federation establishes that no one may be forced to express their opinions or to refuse them. Parts 4 and 5 of Article 29 of the Constitution of the Russian Federation and Article 1 of the Law of the Russian Federation «On Mass Media» (hereinafter referred to as the Law) guarantee the freedom of mass media, while Article 19 of the specified Law establishes rules on the independence of the mass media editorial board. Article 25 of the Law establishes that hindering the legally carried out distribution of mass media products on the part of citizens, associations of citizens, officials, enterprises, institutions, organizations, state bodies – is not allowed.

My direct professional duty as the Editor-in-Chief of a mass media outlet is to ensure the publication of the journal, to form its content based on the principles of freedom of mass information, and to protect the editorial board from any illegal interference, diktat, and censorship. The ultimatum I received demanding to delete the published issue of the journal is unprecedented pressure on me specifically as a mass media head and journalist. At the same time, according to Articles 2 and 18 of the Law, the editorial board acts on the basis of professional independence, and no one, not even the founder, has the right to indicate to the Editor-in-Chief of the mass media what materials he must delete from public access.

The use of the threat of denunciation as a lever to force the editorial board into self-censorship, the demand to delete the published issue from the publication's website, and to ban the coverage of certain topics encroaches upon guaranteed rights and freedoms and is directed against the professional independence of the researcher, the journalist, and the editorial board, which, proceeding from the provisions of Article 58 of the Law, entails responsibility.

The demand to censor professional discussion and not to publish the results of research on urgent problems of the legal profession not only infringes on the rights of journalists and the mass media, but in this case also encroaches on the independence of researchers and the independence of the lawyer, since paragraph 23 of the UN Basic Principles on the Role of Lawyers provides that advocates, like other lawyers and citizens, have the right to freedom of expression, belief, and the right to take part in public discussion of matters concerning the law, the administration of justice, and the promotion and protection of human rights.

2. The journal complies with all the requirements of Russian legislation provided for the publication of materials in the mass media. The content of the materials published in the journal is of a scientific nature, which, by virtue of Part 4 of Article 4 of the Federal Law «On Control over the Activities of Persons under Foreign Influence», is not recognized as political activity.

3. I consider the form of influencing editorial decisions chosen by the author of the letter to be completely unacceptable. The publication of an interview with a foreign lawyer, as well as the publication of scientific reports based on concrete facts, is a common practice for an international scientific and practical publication.

The editorial board will continue to independently determine the content of the journal, verify information published as factual, and provide a platform for professional discussion about the legal profession. The assessment of an interview or scientific report by the author of the letter is not a ground for removing materials from public access.

4. An appeal by a citizen to a state body and the communication of such an intention to appeal are legitimate in themselves. However, the condition set in the letter – the refusal to appeal in exchange for the deletion of the issue and the cessation of publications – requires verification for the possible coercion of a journalist to refuse to disseminate information under Part 1 of Article 144 of the Criminal Code of the Russian Federation. The final assessment depends, in particular, on establishing the sender, the circumstances of sending the letter, and his intentions. At the same time, it is obvious that a person truly convinced of a violation of the law does not refuse to report in exchange for submission, and the conditionality itself betrays the instrumental nature of the appeal.

In this regard, I have filed a statement on the violation of human and civil rights and freedoms with the prosecutor's office in accordance with Articles 10 and 27 of the Federal Law «On the Prosecutor's Office of the Russian Federation».

In my statement, I request to establish the sender of the letter, to verify the circumstances of its sending, and to give a legal assessment of the conditional demand contained therein. If there are grounds provided for by law, I ask to transfer the materials to the competent authority to resolve the issue in the manner prescribed by law.

5. The attempt by an unknown person to condition the refusal to send a denunciation to state bodies upon the immediate deletion of the materials of an officially registered mass media outlet is undisguised

blackmail. Such an ultimatum demonstrates that the planned appeal to the Ministry of Justice of Russia is not a manifestation of a civic stance or concern for the observance of the law, but an instrument for blocking the legal dissemination of information. Coercion to delete the products of a registered mass media outlet under the threat of applying sanction statuses constitutes a direct illegal encroachment on the freedom of mass information and the independence of professional discussion guaranteed by the Constitution of the Russian Federation.

6. In essence, the editorial board of the journal has encountered an example of actions to abuse the state system for the purpose of intimidation, violation of the rights of mass media and the rights of citizens to receive information, which creates a substantial, comprehensive, and ever-growing threat to the right to freedom of expression, perverting the principles of the rule of law as a whole, which, in general, is analogous in properties to the so-called SLAPP lawsuits. In this case, we are faced with a Russian modification of this negative phenomenon – strategic denunciations directed against the mass media, public participation, academic freedom, and professional discussion. The use of mechanisms for appealing to state bodies as an instrument of serial blackmail and suppression of professional discussion requires an appropriate comprehensive response.

7. In connection with the highly probable presence in the actions of the author of the letter of signs of a systematic campaign of mass intimidation and denunciation, I call upon the journalistic, academic, and legal communities to solidarity and joint actions.

I propose to disseminate information about what has happened, to record such letters, not to comply with illegal demands, to use the methods provided by law to protect one's rights, and to take other actions aimed at preventing the unlawful suppression of freedom of speech and mass information, as well as the freedom of scientific research and professional discussion.

Connivance with serial denunciation endangers the freedom of the mass media, the freedom of dissemination of information, freedom of speech and scientific research, the freedom of professional discussion, as well as the very possibility of carrying out professional activities in the fields of science, journalism, and law.

Editor-in-Chief, Lawyer, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor A.V. Ragulin

For Reference:

The international scientific and practical legal journal «Eurasian Advocacy» [2] is a mass media outlet, a printed periodical, which constitutes an international information and analytical platform opened in 2012 for the exchange of opinions on the issues of the organization and activity of the advocacy and urgent problems of legal science and practice in the Eurasian legal space.

The founder and publisher of the journal is the autonomous non-profit organization «Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law» [3].

The journal is a mass media outlet registered in the Russian Federation (PI No. FS77-50845 dated August 14, 2012), it has been assigned an ISSN (2304-9839), a subscription index in the United Catalog «Press of Russia» (41210), is published in printed form once every two months, is placed in full-text format in permanent free access based on the principles of Open Access on the «Internet» network, is sent to libraries, is represented in Russian and international databases, is indexed in the Russian Science Citation Index, and scientific articles are assigned DOI identifiers.

Since 2015, the journal has been included in the List of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, and it publishes the main results of scientific research necessary for the defense of dissertations, as well as interviews, news, information messages, and materials covering the practice of advocates.

The Editorial Board of the journal includes more than thirty leading legal scholars.

Список источников/References:

1. https://www.eurasian-advocacy.ru/nomera/3_80_2026.pdf
2. https://www.eurasian-advocacy.ru/
3. https://www.eurasniipp.ru/

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРАВЛЕНИЯ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ АДВОКАТОВ И ЮРИСТОВ «ИНИЦИАТИВА 2018» «О ПРОИЗВОЛЬНОМ ПРЕСЛЕДОВАНИИ АДВОКАТА, ПРЕПОДАВАТЕЛЯ, УЧЕНОГО И ПРАВОЗАЩИТНИКА РОМАНА ГРИГОРЬЕВИЧА МЕЛЬНИЧЕНКО»

STATEMENT OF THE BOARD OF THE INTERREGIONAL PUBLIC ORGANIZATION OF LAWYERS AND JURISTS «INITIATIVE 2018» «ON THE ARBITRARY PERSECUTION OF THE ADVOCATE, TEACHER, SCIENTIST, AND HUMAN RIGHTS DEFENDER ROMAN GRIGORYEVICH MELNICHENKO»

23 июля 2026 года

Роман Григорьевич Мельниченко (7 января 1973 года рождения) – кандидат юридических наук, доцент, адвокат Адвокатской палаты Волгоградской области (статус в настоящее время приостановлен), член Межрегиональной общественной организации адвокатов и юристов «Инициатива 2018».

В течение многих лет Роман Мельниченко, получивший широкую известность как ученый-исследователь и пионер юридического онлайн-образования, осуществляет образовательную, просветительскую и правозащитную деятельность.

На своих каналах на видеохостингах и в социальных сетях, совокупное число подписчиков которых составляет около 150 000 человек, Роман Мельниченко сформировал уникальную базу обучающего и информационно-аналитического контента в виде почти 4 000 видеозаписей, организовал общедоступный бесплатный образовательный онлайн-проект «Свободный юридический факультет», проводил онлайн-эфиры, освещающие актуальные проблемы в сфере права, разработал онлайн-курсы по различным правовым дисциплинам, в том числе по вопросам международного гуманитарного права, участвовал в создании научно-экспертной основы поддержки военнопленных и системы осуществления их правовой защиты.

Особое внимание Роман Мельниченко уделял научным исследованиям вопросов организации адвокатуры и адвокатской деонтологии, а также активно проявил себя в деятельности по организации и защите прав адвокатов, преследуемых за осуществление профессиональной деятельности и реализацию права на свободу слова и выражение мнения в адвокатуре и в государстве в целом.

В 2022 году Роман Мельниченко выступил за прекращение специальной военной операции, что привело к трансформации его статуса из известного респектабельного ученого-новатора в объект системного преследования со стороны представителей государственного аппарата.

В апреле 2022 года Роман Мельниченко был задержан сотрудниками полиции на территории университета, где он работал, и впоследствии привлечен к административной ответственности за высказывание несогласия со специальной военной операцией. В качестве меры наказания к нему по решению суда был применен административный штраф в размере 30 000 рублей. Кроме того, он по надуманным дискредитирующим причинам был уволен из университета, где много лет преподавал и осуществлял научные исследования.

Местные СМИ при подготовке материала о Романе Мельниченко, активно критикуя его за то, что он дал интервью зарубежным СМИ, опубликовали в одной из своих статей ряд комментариев бизнесмена и депутата органа областной законодательной власти, в которых выражена мысль о необходимости преследования Романа Мельниченко и других лиц, близких к нему по взглядам на происходящие события [1].

В марте 2024 года Роман Мельниченко и ряд других граждан возложили цветы у памятника жертвам политических репрессий в городе Волгограде.

Журналисты местных СМИ сообщили об этом событии в видеосюжете, при этом ведущими фактически пропагандировалась необходимость расправы и репрессий в отношении Романа Мельниченко и ряда других жителей города Волгограда, а их домашние адреса и персональные данные были умышленно раскрыты [2].

4 сентября 2024 года Роман Мельниченко был задержан за неповиновение сотрудникам полиции, а затем признан виновным в совершении административных правонарушений, предусмотренных ст. 20.3.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) (публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил РФ, наказание – штраф 30 000 рублей) и ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ (неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудника полиции, наказание – административный арест сроком на 3 суток) [3].

22 июля 2026 г. в СМИ [4] опубликована информация о том, что 21 июля 2026 г. в городе Волгограде оперативниками Центра по противодействию экстремизму Министерства внутренних дел во взаимодействии с сотрудниками из регионального управления Федеральной службы безопасности, а также при силовой поддержке бойцов Специального отряда быстрого реагирования Роман Мельниченко был задержан.

При этом в значительном количестве новостных публикаций о задержании Романа Мельниченко в отношении него фактически проводится диффамационная кампания: размещаются утверждения, подрывающие презумпцию невиновности, направленные на формирование образа врага в его лице как «юриста, неоднократно высказывавшего прозападные взгляды» и «замеченного в связях со СМИ недружественных стран». Такая стигматизирующая риторика способна сформировать представление о виновности Романа Мельниченко до вступления приговора в законную силу и не соответствует требованию уважения презумпции невиновности, закрепленной статьей 14 Международного пакта о гражданских и политических правах и статьей 49 Конституции Российской Федерации.

22 июля 2026 г. в СМИ также была опубликована информация о том, что Центральный районный суд города Волгограда принял в отношении Романа Мельниченко решение о заключении под стражу до 20 сентября 2026 г. [5].

Также было сообщено, что уголовное дело в отношении Романа Мельниченко было возбуждено 20 июля, он подозревается в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 280.3 УК РФ (дискредитация Вооруженных сил Российской Федерации), 21 июля в его квартире был проведен обыск и изъяты электронные носители и компьютерная техника.

Со ссылкой на Объединенную пресс-службу судов Волгоградской области в СМИ было приведено следующее описание фабулы уголовного дела: «По версии следствия, в сентябре 2025 года Роман М., будучи ранее признанным виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.3.3 КоАП РФ, действуя умышленно, являясь администратором канала видеохостинга, а также владельцем страницы в социальной сети «ВКонтакте», разместил на указанных интернет-ресурсах, доступ к которым имеет неограниченный круг лиц, видеоматериалы, которыми действия ВС РФ, осуществляемые в рамках проведения СВО, оцениваются им как преступные и захватнические. Эти видео содержат негативную оценку, а также отрицание факта использования ВС РФ в целях поддержания мира и безопасности» [6].

Изложенная в СМИ фабула обвинения свидетельствует о том, что действия Романа Мельниченко, в которых он обвиняется под видом преступных, фактически общественно опасными, противоправными, а значит, и преступными, не являются, поскольку они полностью укладываются в параметры тех высказываний, которые защищаются статьями 19 Международного пакта о гражданских и политических правах и 29 Конституции Российской Федерации, а следовательно, его задержание, заключение под стражу и уголовное преследование в целом являются произвольными в контексте статьи 9 Международного пакта о гражданских и политических правах.

Специальный докладчик ООН по вопросу о положении в области прав человека в Российской Федерации Мариана Кацарова ранее неоднократно заявляла о том, что положения статьи 280.3 Уголовного кодекса Российской Федерации и положения статьи 20.3.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях противоречат международным обязательствам государства в области прав человека и призывала власти отменить эти нормы, немедленно освободить задержанных по этим статьям, отменить их приговоры и погасить их судимость, принять конкретные меры в законодательстве и на практике, чтобы гарантировать полное осуществление свободы выражения мнений, мирных собраний и ассоциации в соответствии с международным правом в области прав человека [7], а также обеспечить недопущение криминализации законной деятельности и (или) мирного несогласия [8].

Таким образом, возбуждение уголовного дела, силовое задержание и заключение Романа Мельниченко под стражу явились следствием его многолетнего преследования за правозащитную деятельность и антивоенную позицию и связаны исключительно с реализацией им права на свободу слова и выражения мнения, а также права на участие в мирных собраниях и ассоциациях (статьи 19, 20 Всеобщей декларации прав человека и статьи 19, 22 Международного пакта о гражданских и политических правах).

Деяние, которое инкриминируется Роману Мельниченко, формально относится к ненасильственным преступлениям средней тяжести, в связи с чем его заключение под стражу судом, а также

привлечение отряда специального назначения для проведения силовой поддержки задержания и обыска, как и применение физической силы при задержании [9] и транспортировании [10], являются актами произвола и несоразмерного превышения полномочий, не вызванными никакой необходимостью, и противоречат положениям законодательства, требующего уважения чести и достоинства личности и ее прав и свобод как высшей конституционно значимой ценности.

Роман Мельниченко длительное время проживает в Волгограде, открыто ведет публичную образовательную деятельность. В опубликованных сообщениях не приводятся сведения о попытках скрыться, угрозах участникам производства, нарушении ранее избранной меры пресечения либо ином воспрепятствовании расследованию. После обыска электронные устройства были изъяты. При таких обстоятельствах применение физической силы при задержании и транспортировании, как и применение судом самой строгой меры пресечения, не могут быть признаны обоснованными.

В связи с вышеизложенным Правление Межрегиональной общественной организации адвокатов и юристов «Инициатива 2018» призывает немедленно освободить Романа Мельниченко и прекратить преследование в отношении него, провести независимую и эффективную проверку необходимости и соразмерности примененной к нему при задержании физической силы и обеспечить расследование допущенных нарушений, а также возвратить изъятую у Романа Мельниченко технику, используемую им для осуществления научной, образовательной и правозащитной деятельности.

Правление Межрегиональной общественной организации адвокатов и юристов «Инициатива 2018»

July 23, 2026

Roman Grigoryevich Melnichenko (born January 7, 1973) is a Candidate of Legal Sciences, associate professor, advocate of the Chamber of Advocates of the Volgograd Region (status currently suspended), and a member of the Interregional Public Organization of Lawyers and Jurists «Initiative 2018».

For many years, Roman Melnichenko, who has gained wide renown as a research scientist and a pioneer of online legal education, has been carrying out educational, enlightenment, and human rights activities.

On his channels on video hosting platforms and in social networks, the total number of subscribers of which is about 150,000 people, Roman Melnichenko has formed a unique database of educational and information-analytical content in the form of almost 4,000 video recordings, organized a public free educational online project «Free Faculty of Law», conducted online broadcasts covering pressing issues in the field of law, developed online courses on various legal disciplines, including on issues of international humanitarian law, and participated in the creation of a scientific and expert basis for supporting prisoners of war and a system for implementing their legal defense.

Roman Melnichenko paid special attention to scientific research on the issues of the organization of the advocacy and advocates' deontology, and also actively manifested himself in activities for the organization and protection of the rights of advocates persecuted for carrying out professional activities and exercising the right to freedom of speech and expression of opinion within the advocacy and in the state as a whole.

In 2022, Roman Melnichenko spoke out for the cessation of the special military operation, which led to the transformation of his status from a well-known respectable scientist-innovator into an object of systemic persecution by representatives of the state apparatus.

In April 2022, Roman Melnichenko was arrested by police officers on the territory of the university where he worked, and subsequently brought to administrative responsibility for expressing disagreement with the special military operation. As a punitive measure, by a court decision, an administrative fine in the amount of 30,000 rubles was applied to him. In addition, for far-fetched discrediting reasons, he was dismissed from the university where he had taught and carried out scientific research for many years.

Local mass media, when preparing material about Roman Melnichenko, actively criticizing him for giving an interview to foreign mass media, published in one of their articles a series of comments by a businessman and deputy of the regional legislative authority body, in which the idea of the necessity of persecuting Roman Melnichenko and other persons close to him in their views on the ongoing events was expressed [1].

In March 2024, Roman Melnichenko and a number of other citizens laid flowers at the monument to the victims of political repressions in the city of Volgograd. Journalists of local mass media reported on this event in a video segment, while the presenters actually propagandized the necessity of reprisal and

repressions against Roman Melnichenko and a number of other residents of the city of Volgograd, and their home addresses and personal data were intentionally disclosed [2].

On September 4, 2024, Roman Melnichenko was arrested for disobedience to police officers, and then found guilty of committing administrative offenses provided for by Art. 20.3.3 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses (hereinafter – the Administrative Offenses Code of the RF) (public actions aimed at discrediting the use of the Armed Forces of the RF, punishment – a fine of 30,000 rubles) and Part 1 of Art. 19.3 of the Administrative Offenses Code of the RF (disobedience to a lawful order or demand of a police officer, punishment – administrative detention for a term of 3 days) [3].

On July 22, 2026, information was published in the mass media [4] that on July 21, 2026, in the city of Volgograd, by operatives of the Center for Combating Extremism of the Ministry of Internal Affairs in cooperation with officers from the regional directorate of the Federal Security Service, as well as with the forceful support of fighters of the Special Rapid Response Unit, Roman Melnichenko was arrested.

At the same time, in a significant number of news publications about the arrest of Roman Melnichenko, a defamation campaign is actually being conducted against him: statements are posted that undermine the presumption of innocence, aimed at forming the image of an enemy in his person as a «lawyer who has repeatedly expressed pro-Western views» and someone «spotted in ties with mass media of unfriendly countries». Such stigmatizing rhetoric is capable of forming a perception of Roman Melnichenko's guilt before the verdict enters into legal force and does not comply with the requirement of respecting the presumption of innocence enshrined in Article 14 of the International Covenant on Civil and Political Rights and Article 49 of the Constitution of the Russian Federation.

On July 22, 2026, information was also published in the mass media that the Central District Court of the city of Volgograd made a decision regarding Roman Melnichenko to remand him in custody until September 20, 2026 [5].

It was also reported that a criminal case against Roman Melnichenko was initiated on July 20, he is suspected of committing a crime provided for by Part 1 of Art. 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation (discrediting the Armed Forces of the Russian Federation), on July 21 a search was conducted in his apartment and electronic media and computer equipment were seized.

With reference to the United Press Service of the Courts of the Volgograd Region, the following description of the plot of the criminal case was provided in the mass media: «According to the version of the investigation, in September 2025, Roman M., having previously been found guilty of committing an administrative offense provided for by Part 1 of Art. 20.3.3 of the Administrative Offenses Code of the RF, acting intentionally, being the administrator of a channel on a video hosting platform, as well as the owner of a page on the «VKontakte» social network, posted on the specified internet resources, access to which an unlimited circle of persons has, video materials by which the actions of the Armed Forces of the RF, carried out within the framework of conducting the special military operation, are assessed by him as criminal and invasive. These videos contain a negative assessment, as well as a denial of the fact of using the Armed Forces of the RF for the purposes of maintaining peace and security» [6].

The plot of the accusation set forth in the mass media indicates that the actions of Roman Melnichenko, of which he is accused under the guise of being criminal, are in fact not socially dangerous, unlawful, and therefore not criminal, since they fully fit into the parameters of those statements that are protected by Articles 19 of the International Covenant on Civil and Political Rights and 29 of the Constitution of the Russian Federation, and consequently, his arrest, remand in custody, and criminal prosecution as a whole are arbitrary in the context of Article 9 of the International Covenant on Civil and Political Rights.

The UN Special Rapporteur on the situation of human rights in the Russian Federation, Mariana Katzarova, has previously repeatedly stated that the provisions of Article 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation and the provisions of Article 20.3.3 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses contradict the international obligations of the state in the field of human rights and called on the authorities to repeal these norms, immediately release those detained under these articles, overturn their sentences and expunge their criminal records, take concrete measures in legislation and in practice to guarantee the full exercise of freedom of expression, peaceful assembly and association in accordance with international human rights law [7], as well as to ensure the non-admission of criminalization of lawful activities and (or) peaceful disagreement [8].

Thus, the initiation of the criminal case, the forceful arrest, and the remanding of Roman Melnichenko in custody were the consequence of his multi-year persecution for human rights activities and anti-war position

and are exclusively connected with his exercise of the right to freedom of speech and expression of opinion, as well as the right to participate in peaceful assemblies and associations (Articles 19, 20 of the Universal Declaration of Human Rights and Articles 19, 22 of the International Covenant on Civil and Political Rights).

The act that is incriminated to Roman Melnichenko formally relates to non-violent crimes of medium gravity, in connection with which his remand in custody by the court, as well as the involvement of a special purpose detachment to conduct forceful support of the arrest and search, just like the use of physical force during the arrest [9] and transportation [10], are acts of arbitrariness and disproportionate excess of authority, not caused by any necessity and contradict the provisions of the legislation demanding respect for the honor and dignity of the individual and their rights and freedoms as the highest constitutionally significant value.

Roman Melnichenko has been living in Volgograd for a long time, openly conducts public educational activities. The published reports do not provide information about attempts to abscond, threats to participants in the proceedings, violation of a previously chosen measure of restraint, or other obstruction of the investigation. After the search, electronic devices were seized. Under such circumstances, the use of physical force during the arrest and transportation, as well as the application by the court of the strictest measure of restraint, cannot be recognized as justified.

In connection with the foregoing, the Board of the Interregional Public Organization of Lawyers and Jurists «Initiative 2018» calls to immediately release Roman Melnichenko and stop the persecution against him, conduct an independent and effective review of the necessity and proportionality of the physical force applied to him during the arrest, and ensure the investigation of the committed violations, as well as return the equipment seized from Roman Melnichenko, used by him to carry out scientific, educational, and human rights activities.

The Board of the Interregional Public Organization of Lawyers and Jurists «Initiative 2018»

Список источников/References:

1. https://v102.ru/news/107808.html.
2. https://cyberleninka.ru/article/n/zayavlenie-o-nedopustimosti-presledovaniy-advokata-kandidata-yuridicheskih-nauk-dotsenta-prosvetitelya-i-pravozaschitnika-romana.
3. https://v102.ru/news/134113.html.
4. https://v1.ru/text/criminal/2026/07/22/76546438/; https://www.volgograd.kp.ru/daily/277799.4/5279698/; https://v102.ru/news/161256.html; https://vlg.aif.ru/incidents/crime/v-volgograde-zaderzhali-53-letnego-muzhchinu-za-diskreditaciyu-armii-rf; https://bloknot-volgograd.ru/news/dveri-ne-otkryvaem-vzlomaem-sobr-litsom-v-pol-ulozh; https://vestivlg.ru/news/politics/byvshego-prepodavatelya-volgu-zaderzhali-v-volgograde-po-ugolovnomu-delu.html; https://news.mail.ru/incident/71718745/; https://ria.ru/20260722/volgograd-2106192731.html; https://www.kommersant.ru/doc/8832080; https://lenta.ru/news/2026/07/22/byvshego-dotsenta-rossiyskogo-universiteta-zaderzhali-za-diskreditatsiyu-armii/; https://novostivolgograda.ru/news/2026-07-22/v-volgograde-zaderzhan-yurist-melnichenko-za-diskreditatsiyu-armii-5642743; https://news.mail.ru/incident/71718745/; https://ria.ru/20260722/sud-2106328274.html
5. https://news.mail.ru/society/71725700/; https://v1.ru/text/criminal/2026/07/22/76547775/.
6. https://v102.ru/news/161311.html.
7. https://docs.un.org/ru/A/HRC/54/54.
8. https://docs.un.org/ru/A/HRC/57/59.
9. https://bloknot-volgograd.ru/news/eks-dotsent-volgu-roman-melnichenko-otpravlen-v-si-1994234.
10. https://v1.ru/text/criminal/2026/07/22/76547775/; https://gazeta-vp.ru/otkryvaj-ili-slomaem-v-volgograde-proshlo-silovoe-zaderzhanie-eks-professora-volgu-romana-melnichenko/.

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРАВЛЕНИЯ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ АДВОКАТОВ И ЮРИСТОВ «ИНИЦИАТИВА 2018» «О НЕПРАВОМЕРНОМ УГОЛОВНОМ ПРЕСЛЕДОВАНИИ АДВОКАТА И ПРАВОЗАЩИТНИКА ВЛАДИМИРА АНАТОЛЬЕВИЧА СОРОКИНА»

STATEMENT OF THE BOARD OF THE INTERREGIONAL PUBLIC ORGANIZATION OF LAWYERS AND JURISTS «INITIATIVE 2018» «ON THE UNLAWFUL CRIMINAL PROSECUTION OF LAWYER AND HUMAN RIGHTS DEFENDER VLADIMIR ANATOLYEVICH SOROKIN»

5 августа 2026 года

Правление Межрегиональной общественной организации адвокатов и юристов «Инициатива 2018» заявляет решительный протест в связи с актом судебного произвола и жестокости – вынесением обвинительного приговора и показательным взятием под стражу калининградского адвоката, члена нашей организации Владимира Анатольевича Сорокина.

Адвокат Владимир Сорокин (родился 17 июля 1959 года) – уважаемый член профессиональной адвокатской корпорации с многолетним стажем. На протяжении своей карьеры он последовательно отстаивал принципы верховенства права и законности, осуществлял защиту гражданских свобод, активно участвовал в разработке предложений по демократическому реформированию российской адвокатуры.

4 июня 2026 года судья Центрального районного суда г. Калининграда В. Жирков признал адвоката Владимира Сорокина виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282.3 Уголовного кодекса Российской Федерации (финансирование экстремистской деятельности). За якобы осуществленный один безналичный банковский перевод в размере 500 (пятисот) рублей (примерно 6,35 доллара США или 5,5 евро), совершение которого адвокат отрицает и оспаривает, суд приговорил его к 1 году лишения свободы в исправительной колонии общего режима и изменил ранее избранную меру пресечения на заключение под стражу.

Законодательство Российской Федерации, равно как и общепризнанные принципы международного права, требует, чтобы выводы суда, изложенные в приговоре, опирались на достоверные, допустимые и объективно проверяемые данные.

Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность, а бремя доказывания полностью лежит на стороне обвинения. Неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого, а обвинительный приговор не может быть основан на предположениях. Не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона.

Анализ материалов уголовного дела и приговора свидетельствует о том, что судебный акт в отношении адвоката Владимира Сорокина противоречит всем этим фундаментальным положениям, поскольку он основан на серии допущений, игнорировании презумпции невиновности и неверном толковании норм материального права.

Описанные судом в приговоре события не соответствуют фактическим обстоятельствам и материалам уголовного дела, уголовный и уголовно-процессуальный законы применены с грубыми и существенными нарушениями, а деяние, вменяемое подсудимому, в силу своей исключительной малозначительности лишено базового признака преступления – общественной опасности, вследствие чего оно не могло быть признано преступным, что оставлено судом без внимания.

Действия адвоката Владимира Сорокина как лица, инициировавшего расходную операцию, не подтверждаются исследованными судом доказательствами, не установлено место совершения инкриминируемого деяния, доказательства умысла на совершение преступления в ходе расследования уголовного дела не были получены и в приговоре не приводятся.

Следствием и судом объективно не установлены как факт осуществления платежа, так и конечный получатель платежа. В банковской выписке операция числится как оплата неизвестного сервиса. Суд, грубо нарушив стандарты доказывания, не направив запросы и проигнорировав показания специалистов о невозможности идентификации получателя без данных банка-эквайера, произвольно отождествил этот технический дескриптор с реквизитами некоммерческой организации, которая признана в России экстремистской организацией, иностранным агентом, а также запрещена и ликвидирована. Не учел суд и то, что, согласно показаниям допрошенных специалистов, ликвидация организации делала физически невозможным получение ею денежных средств.

Выводы суда в части осуществления перевода по реквизитам именно той организации, которая указана в обвинении, основаны на показаниях свидетелей, которые не смогли назвать источник своей осведомленности, что в соответствии с законом влечет недопустимость таких доказательств.

В ходе судебного следствия сторона обвинения не представила исчерпывающей совокупности доказательств, достаточной для исключения разумных сомнений в виновности, при этом суд, как это следует из приговора, фактически переложил бремя доказывания на подсудимого.

При таких обстоятельствах факт совершения перевода адвокатом Владимиром Сорокиным денежных средств направленных на финансирование экстремистской деятельности не может быть признан установленным.

Судом нарушены принципы состязательности и равноправия сторон, а результаты оперативно-розыскных мероприятий необоснованно признаны допустимыми доказательствами, и, кроме того, судом использованы неотносимые к делу доказательства, не исследованные непосредственно в судебном заседании.

Суд также вышел за рамки предъявленного обвинения в части фактических обстоятельств события инкриминируемого преступления и не выполнил обязанности по надлежащей оценке доказательств и фиксации этой процедуры в тексте приговора.

Судом проигнорированы положения ч. 2 ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации (малозначительность деяния), хотя очевидно, что однократный перевод суммы в 500 рублей, эквивалентной стоимости нескольких чашек кофе, даже если допустить его осуществление, объективно не способен причинить никакого реального вреда охраняемым законом интересам общества или государства. Игнорирование судом этого факта, равно как и незаконное применение нормы о конфискации для взыскания с подсудимого 500 рублей, превратило суд над адвокатом Владимиром Сорокиным еще и в механизм экономически бессмысленной репрессии.

Приговор суда является чрезмерно суровым, а назначение наказания надлежащим образом не мотивировано. Несмотря на установление по делу исключительных обстоятельств: преклонного возраста адвоката Владимира Сорокина, тяжелого состояния его здоровья, а также необходимости постоянного ухода за его 90-летней тяжелобольной матерью, для которой он является единственной опорой, и несмотря на то, что в ходе следствия адвокат находился под запретом определенных действий, не нарушая этого запрета, суд, не обосновав свое решение в приговоре, изменил избранную в отношении адвоката меру пресечения и, отказав в условном осуждении, отправил его в места лишения свободы, оставив его мать без единственного опекуна и необходимого ухода. Изоляция адвоката Владимира Сорокина в местах лишения свободы не преследует целей восстановления социальной справедливости. Это – карательная акция и акт мести за его адвокатскую деятельность и политические взгляды, призванные вызвать страх в рядах независимого адвокатского сообщества.

На основании вышеизложенного Правление Межрегиональной общественной организации адвокатов и юристов «Инициатива 2018» заявляет, что неправосудный приговор в отношении адвоката Владимира Сорокина должен быть отменен, сам он – немедленно освобожден, а его преследование должно быть прекращено.

Правление Межрегиональной общественной организации адвокатов и юристов «Инициатива 2018»

August 5, 2026

The Board of the Interregional Public Organization of Lawyers and Jurists «Initiative 2018» expresses a resolute protest in connection with an act of judicial arbitrariness and cruelty – the issuance of a guilty verdict and the demonstrative taking into custody of the Kaliningrad lawyer, a member of our organization, Vladimir Anatolyevich Sorokin.

Advocate Vladimir Sorokin (born July 17, 1959) is a respected member of the professional advocate corporation with many years of experience. Throughout his career, he has consistently defended the principles of the rule of law and legality, carried out the defense of civil liberties, and actively participated in the development of proposals for the democratic reform of the Russian bar.

On June 4, 2026, Judge V. Zhirkov of the Central District Court of the city of Kaliningrad found advocate Vladimir Sorokin guilty of committing a crime stipulated by Part 1 of Article 282.3 of the Criminal Code of the Russian Federation (financing of extremist activity). For allegedly making a single cashless

bank transfer in the amount of 500 (five hundred) rubles (approximately 6.35 US dollars or 5.5 euros), the commission of which the advocate denies and disputes, the court sentenced him to 1 year of deprivation of liberty in a general-regime penal colony and changed his previously chosen preventive measure to taking into custody.

The legislation of the Russian Federation, as well as the generally recognized principles of international law, requires that the conclusions of the court set forth in the verdict be based on reliable, admissible, and objectively verifiable data.

The accused is not obliged to prove his innocence, and the burden of proof lies entirely with the prosecution. Irremovable doubts about the guilt of a person are interpreted in favor of the accused, and a guilty verdict cannot be based on assumptions. The use of evidence obtained in violation of federal law is not permitted.

An analysis of the materials of the criminal case and the judgment testifies to the fact that the judicial act against advocate Vladimir Sorokin contradicts all these fundamental provisions, as it is based on a series of assumptions, the ignoring of the presumption of innocence, and an incorrect interpretation of the norms of substantive law.

The events described by the court in the verdict do not correspond to the factual circumstances and the materials of the criminal case; the criminal and criminal procedural laws were applied with gross and material violations, and the act imputed to the defendant, by virtue of its exceptional insignificance, is devoid of the basic feature of a crime – public danger, as a consequence of which it could not be recognized as criminal, which was left without attention by the court.

The actions of advocate Vladimir Sorokin as the person who initiated the debit operation are not confirmed by the evidence examined by the court; the place of the commission of the incriminated act was not established; evidence of intent to commit a crime was not obtained during the investigation of the criminal case and is not provided in the verdict.

Neither the fact of making the payment nor the ultimate recipient of the payment was objectively established by the investigation and the court. In the bank statement, the operation is listed as payment for an unknown service.

The court, having grossly violated the standards of proof, not having sent inquiries, and having ignored the testimonies of specialists about the impossibility of identifying the recipient without the data of the acquiring bank, arbitrarily equated this technical descriptor with the banking details of a non-profit organization that has been recognized in Russia as an extremist organization, a foreign agent, and has also been banned and liquidated. Furthermore, the court did not take into account that, according to the testimonies of the interrogated specialists, the liquidation of the organization made it physically impossible for it to receive monetary funds.

The conclusions of the court regarding the execution of the transfer using the banking details of the specific organization indicated in the indictment are based on the testimonies of witnesses who could not name the source of their knowledge, which, in accordance with the law, entails the inadmissibility of such evidence.

During the judicial investigation, the prosecution did not present an exhaustive body of evidence sufficient to exclude reasonable doubt as to guilt, while the court, as it follows from the judgment, effectively shifted the burden of proof onto the defendant.

Under such circumstances, the fact of the execution of the transfer of monetary funds directed at the financing of extremist activity by advocate Vladimir Sorokin cannot be recognized as established.

The court violated the principles of adversarial proceedings and the equality of arms, and the results of the operational-search measures were baselessly recognized as admissible evidence; furthermore, the court used irrelevant evidence that was not examined directly in the court hearing.

The court also went beyond the scope of the brought charges regarding the factual circumstances of the event of the incriminated crime and failed to fulfill the obligation of proper evaluation of the evidence and the recording of this procedure in the text of the judgment.

The court ignored the provisions of Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation (insignificance of the act), although it is obvious that a single transfer of an amount of 500 rubles, equivalent to the cost of a few cups of coffee, even if one assumes its execution, is objectively incapable of causing any real harm to the legally protected interests of society or the state. The ignoring of this fact by the court, as well as the illegal application of the norm on confiscation to exact 500 rubles from the defendant, has also turned the trial of advocate Vladimir Sorokin into a mechanism of economically senseless repression.

The court's judgment is excessively severe, and the imposition of the punishment is not properly motivated. Despite the establishment of exceptional circumstances in the case: the advanced age of advocate Vladimir Sorokin, the severe state of his health, as well as the necessity of constant care for his 90-year-old seriously ill mother, for whom he is the sole support, and despite the fact that during the investigation the advocate was under the prohibition of certain actions without violating this prohibition, the court, not having justified its decision in the judgment, changed the preventive measure chosen in respect of the advocate and, having denied a suspended sentence, sent him to places of deprivation of liberty, leaving his mother without her only guardian and necessary care.

The isolation of advocate Vladimir Sorokin in places of deprivation of liberty does not pursue the goals of restoring social justice. This is a punitive action and an act of revenge for his advocacy activities and political views, designed to instill fear in the ranks of the independent advocate community.

Based on the foregoing, the Board of the Interregional Public Organization of Lawyers and Jurists «Initiative 2018» declares that the unjust verdict against advocate Vladimir Sorokin must be overturned, he himself must be immediately released, and his prosecution must be terminated.

The Board of the Interregional Public Organization of Lawyers and Jurists «Initiative 2018»

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРАВЛЕНИЯ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ АДВОКАТОВ И ЮРИСТОВ «ИНИЦИАТИВА 2018» «О ПРОИЗВОЛЬНОМ ДИСЦИПЛИНАРНОМ ПРЕСЛЕДОВАНИИ И ПРЕКРАЩЕНИИ СТАТУСА АДВОКАТА ПАВЛА ВАСИЛЬЕВА»

STATEMENT OF THE BOARD OF THE INTERREGIONAL PUBLIC ORGANIZATION OF LAWYERS AND JURISTS «INITIATIVE 2018» «ON THE ARBITRARY DISCIPLINARY PERSECUTION AND TERMINATION OF THE STATUS OF ADVOCATE OF LAWYER PAVEL VASILEV»

3 октября 2026 года

В Адвокатской палате Республики Башкортостан дисциплинарная процедура используется для отстранения от практики адвокатов, задающих вопросы о законности решений руководства и о расходовании средств палаты. Преследованиям в разное время подвергались Виталий Буркин, Валех Аббасов, Рим Ахмадуллин, Аслям Халиков, Александр Войцех, Андрей и Дмитрий Казаковы и другие [1]. В ряде случаев суды восстанавливали статус адвоката, который палата прекратила на основании надуманных причин с грубейшими процессуальными нарушениями.

Очередным преследуемым стал правозащитник, член нашей организации Павел Юрьевич Васильев (реестровый № 03/1222).

По двум одновременно возбужденным дисциплинарным производствам Квалификационная комиссия палаты (далее – Комиссия) 7 сентября 2026 года в его отсутствие вынесла Заключения о наличии нарушений. 18 сентября 2026 года Совет палаты (далее – Совет) прекратил его статус адвоката, сообщив ему об этом лишь 29 сентября.

1. Профессиональная и правозащитная деятельность адвоката

С ноября 2005 года адвокат Павел Васильев вел дела pro bono в защиту малоимущих, инвалидов и иных незащищенных лиц, «политические» и «экологические» дела. Он представлял интересы пожилой женщины-инвалида Анны Луняшиной, более двадцати лет стоявшей в очереди на жилье. В 2011–2013 годах отстаивал от изъятия под застройку имущество более двухсот садоводов на ул. Цветочной в г. Уфе. В 2020 году представлял интересы защитников шихана Куш-Тау в Ишимбайском городском суде и Верховном Суде Республики Башкортостан и инициировал коллективный административный иск к Министерству лесного хозяйства республики. В апреле 2021 года защищал задержанных на митингах. В 2021–2024 годах в составе группы юристов добился значимого для судебной практики результата: Верховный Суд Российской Федерации по вновь открывшимся обстоятельствам оправдал и полностью реабилитировал Фатхуллу Исхакова, осужденного в 1959 году за убийство, которого он не совершал, отбывшего 13 лет лишения свободы.

Павел Васильев защищал и преследуемых палатой адвокатов, выявивших неправомерные распоряжения ее средствами, сотрудничал с правозащитными организациями, вскрывал фальсификации экспертиз по уголовным делам. С 2024 года Павел Васильев защищает интересы представителей коренного населения Республики Башкортостан по так называемому «Баймакскому делу», в частности, он представляет интересы родственников Рифата Даутова, погибшего после задержания в январе 2024 года.

2. Формальные поводы для преследования

Первое дисциплинарное производство возбуждено распоряжением временно исполняющего обязанности президента палаты Р.М. Гафарова по представлению Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Башкортостан от 7 июля 2026 года о прекращении статуса адвоката на основании пп. 7 п. 2 ст. 17 Федерального закона № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Закон) в связи с выездом адвоката из России сроком более чем на один год. Второе дисциплинарное производство возбуждено также Р.М. Гафаровым по представлению вице-президента палаты И.Ш. Махмутова о неуплате 60 800 рублей обязательных отчислений за январь 2025 – июнь 2026 года. Дисциплинарные производства рассматривались раздельно. Квалификационная комиссия и Совет усмотрели в действиях адвоката нарушения пп. 7 п. 2 ст. 17 Закона, а также пп. 4, 5 п. 1 ст. 7 Закона и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката (далее – КПЭА). Объективный анализ актов Комиссии и Совета показывает отсутствие в действиях адвоката Павла Васильева каких-либо нарушений, а также то, что сами органы палаты допустили грубые нарушения при рассмотрении дисциплинарных дел.

3. Нарушения Квалификационной комиссии по обоим производствам

3.1. Производства возбуждены неуполномоченным лицом: п. 7 ст. 31 Закона наделяет этим правом только президента палаты, а не временно исполняющего его обязанности. Адвоката о факте возбуждения дисциплинарного дела известили лишь 27 августа, через 48 дней после начала дисциплинарного производства, хотя его телефон, мессенджер и почта были известны палате и ею же были использованы впоследствии. На момент уведомления до заседания Комиссии оставалось 11 календарных дней, но на представление возражений и доказательств, которые согласно п. 2 ст. 23 КПЭА должны быть поданы адвокатом за 10 суток до заседания, у Павла Васильева оставались одни сутки. Несмотря на несвоевременное уведомление о дисциплинарном производстве и, как следствие, сокращение срока подготовки адвокатом к рассмотрению дела до одних суток, Комиссия отказала в отложении рассмотрения дела и в направлении адвокату материалов дисциплинарного производства в электронном виде, а в заключении указала на запоздалые ходатайства об этом и обвинила адвоката в злоупотреблении правом без какой-либо адекватной мотивировки. В участии по видео-конференц-связи (абз. 2 п. 1 ст. 23 КПЭА) адвокату также было отказано, и он был лишен возможности представлять свою позицию лично и лишен права быть выслушанным потому, что он находится за границей, где его пребывание ему и вменяется в качестве нарушения.

3.2. Отвод членам Квалификационной комиссии разрешили сами отводимые: вопрос был решен единым актом, без мотивов и индивидуальной оценки, назвав аргументы и доводы адвоката его личным мнением, не относящимся к рассмотрению дела, и признали себя беспристрастными вопреки п. 27–28 Основных принципов ООН, касающихся роли юристов (далее – Основные принципы) и ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах (далее – Пакт). Секретарь Комиссии Р.С. Гайнуллин извещал адвоката и сам же оценивал эти действия, входившие в предмет доказывания (его переписка опровергает «утрату связи»). Комиссия отклонила ходатайство о получении от него объяснений как злоупотребление правом.

3.3. Комиссия отказала в приобщении материалов прежних дисциплинарных производств, хотя они прямо связаны с существом одного из новых дел, чем нарушила п. 3 ст. 19 КПЭА об объективном и справедливом рассмотрении дисциплинарных дел. Вопреки установленным в п. 14 ст. 23 и п. 6 ст. 24 КПЭА требованиям о мотивированности и обоснованности заключения, Комиссия не дала оценки и не опровергла доводы адвоката о сохранении им связи с сообществом, о наличии его преследования со стороны государственных органов за осуществление правозащитной деятельности и о его выезде для обеспечения безопасности себя и своей семьи, о его международном представительстве доверителей, а мотивировку решения подменила цитатами из ряда актов, которые в недостаточной степени относятся к рассматриваемому делу. Форма вины и малозначительность (п. 1 и 2 ст. 18 КПЭА) не обсуждались.

4. Нарушения по дисциплинарному производству о неуплате отчислений

4.1. Квалификационная комиссия изменила предмет обвинения в ходе заседания в отсутствие адвоката вопреки п. 4 ст. 23 КПЭА: вместо вмененного периода январь 2025 – июнь 2026 года в мотивировке указан ноябрь 2025 – июнь 2026 года, но ни резолютивная часть, ни протокол не подтверждают голосования и решения по этому выводу. Представление не называет месяцев, сумм и сроков (нарушены пп. 6, 7 п. 2 ст. 20 КПЭА). Квалификация деяния не определена: для длящегося нарушения не установлен момент пресечения, а для восьми помесячных эпизодов – акт, сумма, срок и вина. Дробление неоплаченных отчислений ради обхода запрета повторного привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности за неуплату отчислений, за что он уже был наказан предупреждениями дважды, представляет собой манипуляцию предметом дисциплинарного производства. Де-факто одно длящееся деяние адвоката стало предметом трех дисциплинарных производств (пп. 4, 5 п. 1 ст. 7 Закона).

4.2. Комиссия не установила размер обязанности: ставка 3 700 рублей (конференция 1 октября 2025 года), по изложению самой Комиссии, касается адвокатских кабинетов, а ставка для коллегии, где работает адвокат, в Заключении не названа; ставка 3 200 рублей выведена арифметически из решения XII Всероссийского съезда адвокатов от 18 апреля 2025 года, адресованного палатам (пп. 4 п. 2 ст. 36 Закона), хотя обязанность адвоката определяет только конференция (пп. 5 п. 1 ст. 7, пп. 4 п. 2 ст. 30 Закона). Сумма якобы неуплаченных отчислений не совпадает ни с одной ставкой, нет помесячного расчета, сроков и разграничения получателей; единственный источник данных – докладная главного бухгалтера, получателя платежей; иные объективные доказательства непосредственно не исследовались (п. 2 ст. 23 КПЭА).

4.3. Норма о вине процитирована в несуществующей редакции: «по неосторожности» вместо грубой неосторожности, в нарушение п. 1 ст. 18 КПЭА. Вина адвоката презюмирована, хотя он оспаривал законность и размер обязанности, уведомлял палату о причинах приостановления платежей и указывал, что присяга обязанностей адвоката перед адвокатской палатой не содержит. Приняв во внимание ранее вынесенные адвокату предупреждения, Комиссия вышла за пределы компетенции (п. 7 ст. 33 Закона, п. 9 ст. 23, п. 7 ст. 20 КПЭА), дважды использовав одни периоды для создания видимости систематичности. Данное дело фактически представляет собой устранимый имущественный спор – а не проступок, несовместимый со статусом адвоката, а взыскание долга через дисциплинарное производство – злоупотребление его механизмом.

4.4. Комиссия в Заключении не дала оценку доводам адвоката о причинах неуплаты им обязательных отчислений. Между тем, адвокат указывал на то, что в 2019 году по заявлениям ряда адвокатов палаты было возбуждено уголовное дело о хищении средств палаты (ч. 4 ст. 159 УК РФ). По данным следствия, в 2014 году руководство палаты организовало заведомо невыгодную аренду требовавшего ремонта помещения, принадлежащего теще президента палаты (один из договоров подписал его двоюродный племянник), и на ремонт ушло более 3,7 млн рублей. Обвинение предъявили президенту адвокатской палаты, но в 2021 году после переквалификации на ст. 201 УК РФ дело прекратили, так как руководимая им палата по понятным причинам не потребовала его преследования, хотя факты неправомерного расходования подтвердились [2]. Также адвокат ссылался на то, что доклад независимых адвокатов из Республики Башкортостан, опубликованный в 2019 году [3], подтвердил факты непотизма, закрытости финансов, цензуры, преследования за обращения в государственные органы, дискриминации в представительстве на конференциях и размере отчислений, переизбрание президента на третий срок в обход закона и другие злоупотребления. Адвокат утверждает, что в настоящее время палата расходует средства на нужды, не относящиеся к нуждам адвокатской палаты (п. 2 ст. 34 Закона), целевое назначение расходов противоречит пацифистским убеждениям адвоката, которые ему гарантированы как гражданину в ст. 28 Конституции Российской Федерации. Палата не ответила адвокату на его ранее направленные запросы о расходах, в связи с чем он, на основании положений ст. 14 Гражданского кодекса Российской Федерации и ч. 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации, приостановил осуществление платежей в адрес палаты до получения ответов на свои запросы.

5. Нарушения по дисциплинарному производству, возбужденному в связи с выездом за пределы Российской Федерации

5.1. Комиссией констатировано «нарушение» нормы Закона, которая не может быть нарушена в силу ее конструкции как нормы-основания: п. 2 ст. 17 Закона не запрещает и не обязывает, а перечисляет факты, при которых Совет вправе решить вопрос о статусе адвоката. Ни наличия запрета на выезд, ни неисполненного решения палаты Комиссия не указала. Признав, что законодатель не связывает это основание с проступком, Комиссия тут же констатировала нарушение, хотя без проступка нет предмета производства (п. 2 ст. 19 КПЭА), а при проступке действуют все гарантии ст. 18 КПЭА. Формула «может быть прекращен» и оговорка об иных уважительных причинах превращены Комиссией в фикцию. Соразмерность и последствия для доверителей адвоката от признания его деяния нарушением Комиссией не оценены. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11 мая 2012 г. № 838-О, на которое сослалась Комиссия, к делу не относится. Закон не требует постоянного нахождения адвоката в России и допускает его деятельность по представительству в иностранных и международных органах и организациях (пп. 8 п. 2 ст. 2 Закона).

5.2. Норме Закона придана обратная сила: пп. 7 п. 2 ст. 17 Закона введен 22 апреля 2024 г. Федеральным законом № 83-ФЗ уже после состоявшегося выезда адвоката из страны по причине его преследования. Прекращение статуса – это мера ответственности (пп. 3 п. 6 ст. 18 КПЭА), подпадающая под запрет придания закону обратной силы, установленный ч. 1 ст. 54 Конституции Российской Федерации, в силу которого норму нельзя применять к факту выезда, совершенному до нее, и нельзя считать проступком то, что в момент выезда проступком не являлось.

5.3. Единственное доказательство – сведения модуля «Граница» ИБД-Ф МВД России – получено оперативно-розыскным путем (наведение справок, ст. 6 Закона об оперативно-розыскной деятельности) без обязательного в отношении адвоката судебного решения (п. 3 ст. 8 Закона). Непрерывное пребывание адвоката за рубежом выведено из отсутствия данных о его въезде в страну. При этом те же сведения называют местом постоянного проживания Россию, что формально исключает выезд на постоянное место жительства. В то же время указана страна отбытия «Узбекистан», однако

в представлении идет речь о выезде «предположительно в США». Тезис об «утрате связи» адвоката с органами адвокатской палаты опровергнут самим Заключением (переписка, получение документов, позиция адвоката), но повторен как факт. Утверждение, что адвокат «не заключает соглашения», бездоказательно: сведения о соглашениях – адвокатская тайна (п. 5 ст. 6 КПЭА), палата их не запрашивала, а адвокат заявляет о выполнении ряда поручений, в том числе в международных органах и организациях. Таким образом, у Заключения отсутствует надлежащая фактическая и доказательственная основа.

5.4. Уважительные причины выезда адвоката – угроза безопасности его и его семьи, исполнение зарубежных поручений – не опровергнуты, но объявлены не доказанными адвокатом, хотя на сбор доказательств у адвоката были лишь одни сутки и он не обязан доказывать свою добросовестность. Неуплата адвокатом обязательных отчислений, за которую ему уже дважды было объявлено предупреждение ранее и которая составляет предмет другого производства, была учтена и в этом производстве как элемент обвинения и как отягчающее обстоятельство, что недопустимо в силу пп. 1 п. 3 ст. 21, пп. 3 п. 9 ст. 23 КПЭА.

6. Нарушения, допущенные Советом

6.1. Рассмотрение дела в отсутствие адвоката и лишение его права на личное участие. Совет рассмотрел дело без адвоката, отказав в видео-конференц-связи под предлогом закрытости заседания (п. 4 ст. 19, п. 4 ст. 25 КПЭА) и конфиденциальности, хотя закрытость ограждает заседание от посторонних, но не от самого адвоката. При этом материалы дисциплинарных производств адвокату для ознакомления направлены не были. Решение по делу о неоплате отчислений от 18 сентября 2026 года, в рамках которого адвокату было объявлено предупреждение, ему не выдано, что препятствует обжалованию.

6.2. Необоснованное отклонение отводов. Отводы членам Совета отклонены ими же самими, единым голосованием, без указания мотивов, под предлогом отсутствия норм об отводе и без учета положений ст. 14 Пакта, п. 28 Основных принципов. При этом лицо, возбудившее оба дисциплинарных производства, голосовало по их существу, а автор второго представления председательствовал и докладывал первое дело, а объявленное в тот же день по его представлению предупреждение учтено Советом как довод и как доказательство против адвоката в другом дисциплинарном производстве. Заявление об отводе было основано на конкретных фактах и стандартах беспристрастности, а не на отсутствующей в КПЭА норме.

6.3. Отсутствие проверки обстоятельств дела. Совет без проверки воспроизвел представление Министерства юстиции и Заключение Комиссии с ее ошибками, добавив к ним цитату Определения Конституционного Суда Российской Федерации с указанием даты его принятия в 2999 году (лист 6). Совет не указал, какое решение палаты адвокатом не исполнено и чем его выезд за границу препятствует исполнению его обязанностей, и ограничился указанием в одном предложении того, что доводы адвоката им рассмотрены. Совет не опроверг ни одного довода из возражений адвоката, а еще и переложил на него бремя доказывания, а также не оценил последствия прекращения статуса адвоката для его клиентов (п. 14 ст. 23, п. 6 ст. 24 КПЭА).

6.4. Выход за пределы дисциплинарного обвинения. Совет в нарушение п. 4 ст. 24 КПЭА признал адвоката виновным в новом обвинении – неисполнении публичной обязанности, предусмотренной п. 2 ст. 7 Закона (участие по назначению в качестве защитника и оказание бесплатной юридической помощи). Также Совет учел новые обстоятельства из «параллельного» дисциплинарного производства и назначенное по нему наказание, которое при составлении Заключения Комиссии принято еще не было и поэтому не могло быть учтено Советом.

6.5. Решение содержит противоречивые правовые выводы. Совет, указав в тексте решения, что законодатель в пп. 7 п. 2 ст. 17 Закона «не связывает» применяемое основание для прекращения статуса «с совершением проступка», вопреки этому утверждению установил нарушение адвокатом требований закона, хотя в тексте нормы никаких требований не содержится. Поэтому Совет счел для себя возможным учесть «действующие дисциплинарные взыскания» и немотивированно применил к адвокату п. 7 ст. 18 КПЭА, установив пятилетний срок, который ему требуется выждать перед возвращением в профессию. Однако применение этой нормы возможно лишь при прекращении статуса адвоката за нарушение норм Закона.

6.6. Ложный смысл правовой нормы и искусственное расширение предмета ее регулирования. Совет, выходя за рамки текста Закона, утверждает, что подп. 7 п. 2 ст. 17 направлен на

предотвращение ситуаций, когда из-за выезда на постоянное место жительства или более чем на год адвокат утрачивает связь с сообществом и органами корпорации и потому не может исполнять обязанности. Гипотеза нормы в действительности не предполагает такого вывода. В законе говорится лишь о выезде на постоянное место жительства либо сроком более года, если нет изъятий и иных уважительных причин. «Утрата связи» и «невозможность исполнять обязанности» в состав нормы не входят. Недопустимо приписывать законодателю смыслы, которые он в него не вкладывал и которые из него не следуют.

6.7. Дискреция Совета сведена к пересказу и поддержке доводов представления. Закон устанавливает, что статус «может быть прекращен», а не «прекращается». Значит – это усмотрение Совета по Заключению Комиссии, а не автоматическое следствие факта выезда. Однако в Решении усмотрение Советом не осуществлено: нет оценки уважительности причин выезда, последствий прекращения статуса для клиентов, оценки соразмерности и обсуждения вопроса о возможности сохранить статус.

6.8. Нерелевантность использованных источников. Постановление Конституционного Суда от 23 декабря 1999 года № 18-П, на котором основано Решение, вынесено по спору о тарифах страховых взносов адвокатов и нотариусов, и не связано с прекращением статуса адвоката. Приведенная Советом фраза передана близко к тексту: адвокаты осуществляют деятельность публично-правового характера и несут публичную обязанность обеспечивать защиту прав и свобод, в том числе по назначению, что вытекает из ч. 1 ст. 45 и ст. 48 Конституции. Но Совет оборвал цитату. Суд далее указал, что эта деятельность не предпринимательство и не преследует цели извлечения прибыли, а публичные задачи требуют гарантий государства. Из позиции Суда не следует обязанность адвоката непрерывно находиться в территориальном расположении адвокатской палаты или на территории страны, при том, что подп. 8 п. 2 ст. 2 Закона прямо предусматривает представительство за рубежом как вид адвокатской деятельности, а сам подп. 7 п. 2 ст. 17 исключает лечение, обучение, сопровождение семьи и иные уважительные причины из сферы действия нормы. В прочтении Совета – эти изъятия бессмысленны.

6.9. Отсутствие фактической базы для утверждений. Совет указал, что адвокат, «пребывая постоянно за границей», не исполняет публичную обязанность участия в делах по назначению в качестве защитника и оказания бесплатной юридической помощи. Однако при этом Совет не привел в Решении ни одного факта, который на деле подтверждал бы этот вывод.

6.10. Выходящая за рамки закона совокупность оснований для прекращения статуса, не подтвержденных доказательствами. Свой вывод о прекращении статуса адвоката Совет основал на подп. 7 п. 2 ст. 17 Закона, при этом без каких-либо оснований в основу своего решения он положил такие обстоятельства, как выезд более чем на год без уважительных причин, утрату связи, незаключение соглашений, невыплату отчислений и «большую задолженность». В содержании нормы речь идет лишь о первом из этих оснований, а в Решении Совета не приведено никаких доказательств, которые подтверждали бы остальные выводы. При этом обязанность адвоката иметь непрерывный портфель новых соглашений никаким законом не установлена.

7. Оценка нарушений по российским и международным стандартам

Органами адвокатской палаты нарушены международные стандарты, на которых основан КПЭА (ст. 1). Основные принципы запрещают дискриминацию (в том числе в зависимости от места нахождения и причины выезда за пределы Российской Федерации) в продолжении практики (п. 10), гарантируют право осуществлять адвокатскую деятельность без угроз и вмешательства, свободу поездок и общения с клиентами в стране и за рубежом, защиту от санкций за профессиональные действия (п. 16), свободу дискуссий и объединений (п. 23), справедливое разбирательство беспристрастным органом с судебным контролем (п. 26–29).

Прекращение статуса за реализацию права на свободу передвижения и выбор места жительства прямо им противоречит. Тем самым Решением палаты затронуты ст. 12, 14, 17, 19, 26 Пакта, ст. 15, 17–19, 27, 29, 30, 37, 45, 46, 48, 50, 54, 55 Конституции Российской Федерации, а также ст. 18 Закона.

Сама норма о прекращении статуса адвоката за выезд за пределы страны без «уважительных причин» спорна: специальные докладчики ООН М. Кацарова и М. Саттертуэйт еще до ее принятия указывали министру юстиции Российской Федерации на возможное противоречие Пакту [4], а 29 декабря 2025 года пять мандатариев ООН направили Правительству письмо № AL RUS 13/2025, в том числе о злоупотреблении дисциплинарными процедурами [5]. Правление «Инициативы 2018» ранее также обращало внимание на то, что норма является дискриминационной и не преследующей легитимных целей [6]. Дело адвоката Павла Васильева этот тезис в полном объеме подтверждает.

8. Выводы

8.1. Совокупность перечисленных выше нарушений придает производствам по дисциплинарным делам в отношении адвоката Павла Васильева характер расправы, а не правоприменения.

8.2. Производство по делу о выезде подлежало прекращению ввиду отсутствия нарушения и наличия у адвоката уважительных причин для выезда за пределы Российской Федерации.

8.3. Производство по делу о неуплате обязательных отчислений подлежало прекращению ввиду прежних решений Совета по тому же предмету и основаниям, отсутствия допустимого повода и неустановленности точного размера неуплаченной суммы, сроков и вины адвоката.

8.4. Прекращение статуса адвоката Павла Васильева является произвольным. Причинами его преследования стали демократическая позиция, профессиональная, правозащитная и общественная деятельность, защита преследуемых адвокатов и членство в общественной организации.

8.5. Призываем предпринять усилия, направленные на отмену решения о прекращении статуса адвоката Павла Васильева, и обращаем внимание российского и международного профессионального сообщества, специальных процедур ООН и правозащитных организаций на это дело как на пример применения дисциплинарного механизма для устранения независимого адвоката из профессии посредством осуществления в отношении него акта транснациональной репрессии.

Правление Межрегиональной общественной организации адвокатов и юристов «Инициатива 2018»

October 3, 2026

In the Chamber of Advocates of the Republic of Bashkortostan, the disciplinary procedure is used to suspend from practice advocates who ask questions about the legality of the leadership's decisions and the expenditure of the Chamber's funds. Vitaly Burkin, Valekh Abbasov, Rim Akhmadullin, Aslyam Khalikov, Alexander Voytsekh, Andrey and Dmitry Kazakov and others have been subjected to persecution at various times [1]. In a number of cases, the courts restored the status of the advocate, which the Chamber had terminated on the basis of far-fetched reasons with gross procedural violations.

The next persecuted individual became the human rights defender, member of our organization Pavel Yuryevich Vasilev (registry No. 03/1222).

In two simultaneously initiated disciplinary proceedings, the Qualification Commission of the Chamber (hereinafter – the Commission) on September 7, 2026, in his absence, issued Conclusions on the presence of violations. On September 18, 2026, the Council of the Chamber (hereinafter – the Council) terminated his advocate status, informing him of this only on September 29.

1. Professional and human rights activities of the advocate

Since November 2005, advocate Pavel Vasilev has conducted pro bono cases in defense of the indigent, disabled, and other vulnerable persons, «political» and «environmental» cases. He represented the interests of an elderly disabled woman, Anna Lunyashina, who had been waiting in line for housing for more than twenty years. In 2011–2013, he defended the property of more than two hundred gardeners on Tsvetochnaya Street in Ufa from seizure for development. In 2020, he represented the interests of the defenders of the Kush-Tau shihan in the Ishimbay City Court and the Supreme Court of the Republic of Bashkortostan and initiated a collective administrative lawsuit against the Ministry of Forestry of the republic. In April 2021, he defended those who were detained at rallies. In 2021–2024, as part of a group of lawyers, he achieved a significant result for judicial practice: the Supreme Court of the Russian Federation, due to newly discovered circumstances, acquitted and fully rehabilitated Fatkhulla Iskhakov, who was convicted in 1959 for a murder he did not commit, having served 13 years of deprivation of liberty. Pavel Vasilev also defended advocates persecuted by the Chamber who had revealed illegal dispositions of its funds, cooperated with human rights organizations, and exposed falsifications of forensic examinations in criminal cases. Since 2024, Pavel Vasilev has been defending the interests of representatives of the indigenous population of the Republic of Bashkortostan in the so-called «Baymak case». In particular, he represents the interests of the relatives of Rifat Dautov, who died after being detained in January 2024.

2. Formal grounds for persecution

The first disciplinary proceeding was initiated by the order of the acting president of the Chamber R.M. Gafarov based on the submission of the Ministry of Justice of the Russian Federation for the Republic of Bashkortostan dated July 7, 2026, on the termination of the advocate status on the basis of sub-clause 7 of

clause 2 of Art. 17 of the Federal Law No. 63-FZ «On Advocacy and the Legal Profession» (hereinafter – the Law) in connection with the advocate's departure from Russia for a period of more than one year. The second disciplinary proceeding was also initiated by R.M. Gafarov based on the submission of the vice-president of the Chamber I.Sh. Makhmutov on the non-payment of 60,800 rubles of mandatory deductions for January 2025 – June 2026. The disciplinary proceedings were considered separately.

The Qualification Commission and the Council saw in the advocate's actions violations of sub-clause 7 of clause 2 of Art. 17 of the Law, as well as sub-clauses 4, 5 of clause 1 of Art. 7 of the Law and clause 6 of Art. 15 of the Code of Professional Ethics of the Advocate (hereinafter – CPEA).

An objective analysis of the acts of the Commission and the Council shows the absence of any violations in the actions of advocate Pavel Vasilev, as well as the fact that the bodies of the Chamber themselves committed gross violations during the consideration of the disciplinary cases.

3. Violations of the Qualification Commission in both proceedings

3.1. The proceedings were initiated by an unauthorized person: clause 7 of Art. 31 of the Law grants this right only to the president of the Chamber, and not to the person temporarily fulfilling his duties. The advocate was notified of the fact of the initiation of the disciplinary case only on August 27, 48 days after the start of the disciplinary proceeding, although his telephone, messenger, and mail were known to the Chamber and were subsequently used by it. At the time of notification, 11 calendar days remained before the Commission meeting, but Pavel Vasilev was left with only one day to submit objections and evidence, which, according to clause 2 of Art. 23 of the CPEA, must be filed by the advocate 10 days before the meeting. Despite the untimely notification about the disciplinary proceeding, and as a result, the reduction of the time for the advocate's preparation for the consideration of the case to one day, the Commission refused to postpone the consideration of the case, and to send the advocate the materials of the disciplinary proceeding in electronic form, and in the conclusion indicated the belated petitions for this and accused the advocate of abuse of right without any adequate motivation. The advocate was also denied participation via video conferencing (paragraph 2 of clause 1 of Art. 23 of the CPEA), and he was deprived of the opportunity to present his position personally and deprived of the right to be heard because he is abroad, where his stay is imputed to him as a violation.

3.2. The recusal of the members of the Qualification Commission was resolved by the recused themselves: the question was solved by a single act, without motives and individual assessment, calling the advocate's arguments and reasoning his personal opinion irrelevant to the consideration of the case, and recognized themselves as impartial contrary to clauses 27–28 of the UN Basic Principles on the Role of Lawyers (hereinafter – the Basic Principles) and Art. 14 of the International Covenant on Civil and Political Rights (hereinafter – the Covenant). The secretary of the Commission R.S. Gaynullin notified the advocate and himself evaluated these actions, which were part of the subject of proof (his correspondence refutes the «loss of connection»). The Commission rejected the petition to obtain explanations from him as an abuse of right.

3.3. The Commission refused to attach the materials of previous disciplinary proceedings, although they are directly related to the essence of one of the new cases, thereby violating clause 3 of Art. 19 of the CPEA on the objective and fair consideration of disciplinary cases. Contrary to the requirements established in clause 14 of Art. 23 and clause 6 of Art. 24 of the CPEA on the motivation and validity of the conclusion, the Commission did not evaluate and did not refute the advocate's arguments about his maintaining connection with the community, about his persecution by state bodies for carrying out human rights activities and about his departure to ensure the safety of himself and of his family, about his international representation of principals, and substituted the motivation for the decision with quotes from a number of acts that are insufficiently relevant to the case under consideration. The form of guilt and insignificance (clauses 1 and 2 of Art. 18 of the CPEA) were not discussed.

4. Violations in the disciplinary proceeding on the non-payment of deductions

4.1. The Qualification Commission changed the subject of the accusation during the meeting in the absence of the advocate contrary to clause 4 of Art. 23 of the CPEA: instead of the imputed period of January 2025 – June 2026, the motivation indicates November 2025 – June 2026, but neither the operative part nor the protocol confirm the voting and decision on this conclusion. The submission does not name months, amounts, and deadlines (sub-clauses 6, 7 of clause 2 of Art. 20 of the CPEA are violated). The qualification of the act is not defined: for a continuing violation, the moment of suppression is not established, and for eight monthly episodes – the act, amount, term, and guilt. The fragmentation of unpaid deductions in order to circumvent the prohibition of bringing the advocate to disciplinary responsibility again for the non-payment

of deductions, for which he had already been punished with warnings twice, constitutes a manipulation of the subject of the disciplinary proceeding. De facto, one continuing act of the advocate became the subject of three disciplinary proceedings (sub-clauses 4, 5 of clause 1 of Art. 7 of the Law).

4.2. The Commission did not establish the size of the obligation: the rate of 3,700 rubles (conference of October 1, 2025), according to the Commission's own presentation, applies to advocate's cabinets, and the rate for the collegium where the advocate works is not named in the Conclusion; the rate of 3,200 rubles is derived arithmetically from the decision of the XII All-Russian Congress of Advocates dated April 18, 2025, addressed to the Chambers (sub-clause 4 of clause 2 of Art. 36 of the Law), although the advocate's obligation is determined only by the conference (sub-clause 5 of clause 1 of Art. 7, sub-clause 4 of clause 2 of Art. 30 of the Law). The amount of supposedly unpaid deductions does not match any rate, there is no monthly calculation, deadlines, and differentiation of recipients; the only source of data is the memorandum of the chief accountant, the recipient of payments; other objective evidence was not directly examined (clause 2 of Art. 23 of the CPEA).

4.3. The norm on guilt is quoted in a non-existent wording: «by negligence» instead of gross negligence, in violation of clause 1 of Art. 18 of the CPEA. The guilt of the advocate is presumed, although he disputed the legality and size of the obligation, notified the Chamber of the reasons for suspending payments, and pointed out that the oath does not contain the advocate's obligations to the Chamber of advocates. Taking into account the warnings previously issued to the advocate, the Commission went beyond its competence (clause 7 of Art. 33 of the Law, clause 9 of Art. 23, clause 7 of Art. 20 of the CPEA), twice using the same periods to create the appearance of systematicity. This case actually represents a remediable property dispute – and not an offense incompatible with the status of an advocate, and debt collection through disciplinary proceedings is an abuse of its mechanism.

4.4. The Commission in the Conclusion did not evaluate the advocate's arguments about the reasons for his non-payment of mandatory deductions. Meanwhile, the advocate pointed out that in 2019, following statements by a number of advocates of the Chamber, a criminal case was initiated on the embezzlement of the Chamber's funds (Part 4 of Art. 159 of the Criminal Code of the Russian Federation). According to the investigation, in 2014, the leadership of the Chamber organized a knowingly unprofitable lease of premises requiring repairs, belonging to the mother-in-law of the president of the Chamber (one of the contracts was signed by his cousin-nephew), and more than 3.7 million rubles were spent on repairs. The president of the Chamber of advocates was charged, but in 2021, after requalification to Art. 201 of the Criminal Code of the Russian Federation, the case was terminated, since the Chamber led by him, for obvious reasons, did not demand his prosecution, although the facts of unlawful expenditure were confirmed [2]. Also, the advocate referred to the fact that the report of independent advocates from the Republic of Bashkortostan, published in 2019 [3], confirmed the facts of nepotism, closeness of finances, censorship, persecutions for appeals to state bodies, discrimination in representation at conferences and the size of deductions, the re-election of the president for a third term bypassing the law, and other abuses. The advocate asserts that currently the Chamber spends funds on needs unrelated to the needs of the Chamber of advocates (clause 2 of Art. 34 of the Law), the intended purpose of the expenses contradicts the pacifist convictions of the advocate, which are guaranteed to him as a citizen in Art. 28 of the Constitution of the Russian Federation. The Chamber did not answer the advocate to his previously sent requests about expenses, in connection with which he, on the basis of the provisions of Art. 14 of the Civil Code of the Russian Federation and Part 2 of Art. 45 of the Constitution of the Russian Federation, suspended making payments to the Chamber until receiving answers to his requests.

5. Violations in the disciplinary proceeding initiated in connection with departure outside the Russian Federation

5.1. The Commission established a «violation» of a norm of the Law that cannot be violated due to its construction as a norm-basis: clause 2 of Art. 17 of the Law does not prohibit and does not oblige, but lists the facts under which the Council has the right to resolve the issue of the advocate's status. The Commission indicated neither the presence of a ban on departure nor an unfulfilled decision of the Chamber. Having recognized that the legislator does not link this basis with an offense, the Commission immediately established a violation, although without an offense there is no subject of the proceeding (clause 2 of Art. 19 of the CPEA), and in the event of an offense, all the guarantees of Art. 18 of the CPEA apply. The formula «may be terminated» and the reservation about other valid reasons were turned into a fiction by the Commission. Proportionality and the consequences for the advocate's principals from recognizing his act as a violation were

not evaluated by the Commission. The Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated May 11, 2012 No. 838-O, to which the Commission referred, is irrelevant to the case. The law does not require the permanent presence of the advocate in Russia and allows his activities on representation in foreign and international bodies and organizations (sub-clause 8 of clause 2 of Art. 2 of the Law).

5.2. The norm of the Law was given retroactive effect: sub-clause 7 of clause 2 of Art. 17 of the Law was introduced on April 22, 2024, by Federal Law No. 83-FZ already after the advocate's departure from the country took place due to his persecution. The termination of status is a measure of responsibility (sub-clause 3 of clause 6 of Art. 18 of the CPEA) falling under the prohibition of giving a law retroactive effect, established by Part 1 of Art. 54 of the Constitution of the Russian Federation, by virtue of which the norm cannot be applied to the fact of departure committed before it, and what was not an offense at the time of departure cannot be considered an offense.

5.3. The only evidence – the data of the «Granitsa» module of the IBD-F of the Ministry of Internal Affairs of Russia – was obtained through operational-search measures (making inquiries, Art. 6 of the Law on Operational-Search Activities) without a court decision mandatory in relation to an advocate (clause 3 of Art. 8 of the Law). The continuous stay of the advocate abroad was derived from the lack of data on his entry into the country. At the same time, the same data names Russia as the place of permanent residence, which formally excludes departure for a permanent place of residence. At the same time, the country of departure «Uzbekistan» is indicated, however, the submission speaks of departure «presumably to the USA». The thesis about the advocate's «loss of connection» with the bodies of the Chamber of advocates is refuted by the Conclusion itself (correspondence, receipt of documents, the advocate's position), but is repeated as a fact. The statement that the advocate «does not conclude agreements» is unsubstantiated: information about agreements is advocate secrecy (clause 5 of Art. 6 of the CPEA), the Chamber did not request them, and the advocate declares the execution of a number of mandates, including in international bodies and organizations. Thus, the Conclusion lacks a proper factual and evidentiary basis.

5.4. Valid reasons for the advocate's departure – a threat to his and his family's safety, the execution of foreign mandates – were not refuted, but were declared unproven by the advocate, although the advocate had only one day to collect evidence and he is not obliged to prove his good faith. The non-payment of mandatory deductions by the advocate, for which he had already been issued a warning twice earlier and which constitutes the subject of another proceeding, was also taken into account in this proceeding as an element of the accusation and as an aggravating circumstance, which is inadmissible by virtue of sub-clause 1 of clause 3 of Art. 21, sub-clause 3 of clause 9 of Art. 23 of the CPEA.

6. Violations committed by the Council

6.1. Consideration of the case in the absence of the advocate and deprivation of his right to personal participation. The Council considered the case without the advocate, refusing video conferencing under the pretext of the closed nature of the meeting (clause 4 of Art. 19, clause 4 of Art. 25 of the CPEA) and confidentiality, although the closed nature protects the meeting from outsiders, but not from the advocate himself. At the same time, the materials of the disciplinary proceedings were not sent to the advocate for familiarization. The decision on the case of non-payment of deductions dated September 18, 2026, within the framework of which a warning was issued to the advocate, was not issued to him, which hinders the appeal.

6.2. Unreasonable rejection of recusals. Recusals to the members of the Council were rejected by themselves, by a single vote, without indicating motives, under the pretext of the absence of norms on recusal and without taking into account the provisions of Art. 14 of the Covenant, clause 28 of the Basic Principles. At the same time, the person who initiated both disciplinary proceedings voted on their essence, and the author of the second submission chaired and reported the first case, and the warning issued on the same day on his submission was taken into account by the Council as an argument and as evidence against the advocate in another disciplinary proceeding. The statement of recusal was based on specific facts and standards of impartiality, and not on a norm absent in the CPEA.

6.3. Lack of verification of the circumstances of the case. The Council reproduced without verification the submission of the Ministry of Justice and the Conclusion of the Commission with its mistakes, adding to them a quote from the Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation indicating the date of its adoption in the year 2999 (sheet 6). The Council did not indicate which decision of the Chamber was not executed by the advocate and how his departure abroad prevents the execution of his duties and limited itself to indicating in one sentence that the advocate's arguments were considered by them. The Council did not refute a single argument from the advocate's objections, but also shifted the burden of proof onto him, and

also did not evaluate the consequences of the termination of the advocate's status for his clients (clause 14 of Art. 23, clause 6 of Art. 24 of the CPEA).

6.4. Going beyond the limits of the disciplinary accusation. The Council, in violation of clause 4 of Art. 24 of the CPEA, found the advocate guilty of a new accusation – the non-fulfillment of a public duty provided for by clause 2 of Art. 7 of the Law (participation by appointment as a defender and the provision of free legal aid). The Council also took into account new circumstances from the «parallel» disciplinary proceeding and the punishment imposed on it, which at the time of the drafting of the Commission's Conclusion had not yet been adopted and therefore could not be taken into account by the Council.

6.5. The decision contains contradictory legal conclusions. The Council, having indicated in the text of the decision that the legislator in sub-clause 7 of clause 2 of Art. 17 of the Law «does not link» the applied basis for the termination of status «with the commission of an offense», contrary to this statement, established a violation of the requirements of the law by the advocate, although the text of the norm does not contain any requirements. Therefore, the Council considered it possible for itself to take into account the «active disciplinary sanctions» and unmotivatedly applied clause 7 of Art. 18 of the CPEA to the advocate, establishing a five-year period that he is required to wait before returning to the profession. However, the application of this norm is possible only upon the termination of the advocate's status for the violation of the norms of the Law.

6.6. False meaning of the legal norm and artificial expansion of the subject of its regulation. The Council, going beyond the framework of the text of the Law, asserts that sub-clause 7 of clause 2 of Art. 17 is aimed at preventing situations where, due to departure for a permanent place of residence or for more than a year, an advocate loses connection with the community and corporate bodies and therefore cannot fulfill his duties. The hypothesis of the norm, in reality, does not imply such a conclusion. The law speaks only of departure to a permanent place of residence or for a period of more than a year, if there are no exemptions and other valid reasons. «Loss of connection» and «inability to fulfill duties» are not included in the composition of the norm. It is unacceptable to attribute to the legislator meanings that he did not put into it, and which do not follow from it.

6.7. The Council's discretion is reduced to retelling and supporting the arguments of the submission. The law establishes that the status «may be terminated», and not «is terminated». This means – it is the discretion of the Council based on the Conclusion of the Commission, and not the automatic consequence of the fact of departure. However, the discretion by the Council was not exercised in the Decision: there is no assessment of the validity of the reasons for departure, the consequences of the termination of status for clients, an assessment of proportionality, and a discussion of the issue of the possibility to preserve the status.

6.8. Irrelevance of the used sources. The Resolution of the Constitutional Court dated December 23, 1999, No. 18-P, on which the Decision is based, was issued in a dispute over the tariffs of insurance premiums of advocates and notaries, and is not related to the termination of the advocate's status. The phrase cited by the Council is conveyed close to the text: advocates carry out activities of a public-legal nature and bear a public duty to ensure the protection of rights and freedoms, including by appointment, which follows from Part 1 of Art. 45 and Art. 48 of the Constitution. But the Council cut off the quote. The Court further indicated that this activity is not entrepreneurship and does not pursue the goal of extracting profit, and public tasks require guarantees from the state. From the position of the Court does not follow the advocate's obligation to continuously be in the territorial location of the Chamber of advocates or on the territory of the country, despite the fact that sub-clause 8 of clause 2 of Art. 2 of the Law explicitly provides for representation abroad as a type of advocate activity, and sub-clause 7 of clause 2 of Art. 17 itself excludes treatment, training, accompanying family, and other valid reasons from the scope of the norm. In the Council's reading – these exemptions are meaningless.

6.9. Lack of factual basis for statements. The Council indicated that the advocate, «permanently residing abroad», does not fulfill the public duty of participating in cases by appointment as a defender and providing free legal aid. However, at the same time, the Council did not cite a single fact in the Decision that would actually confirm this conclusion.

6.10. A set of grounds for the termination of status going beyond the framework of the law, not supported by evidence. The Council based its conclusion on the termination of the advocate's status on sub-clause 7 of clause 2 of Art. 17 of the Law, while without any grounds it laid into the basis of its decision such circumstances as departure for more than a year without valid reasons, loss of connection, non-conclusion of agreements, non-payment of deductions, and «large indebtedness». The content of the norm speaks only of the first of these grounds, and the Decision of the Council does not provide any evidence that would confirm

the rest of the conclusions. At the same time, the advocate's obligation to have a continuous portfolio of new agreements is not established by any law.

7. Assessment of violations according to Russian and international standards

The bodies of the Chamber of advocates violated the international standards on which the CPEA is based (Art. 1). The Basic Principles prohibit discrimination (including depending on the location and the reason for departure outside the Russian Federation) in the continuation of practice (clause 10), guarantee the right to carry out advocate activity without threats and interference, freedom of travel and communication with clients in the country and abroad, protection from sanctions for professional actions (clause 16), freedom of discussions and associations (clause 23), fair trial by an impartial body with judicial control (clauses 26–29). The termination of status for exercising the right to freedom of movement and choice of place of residence directly contradicts them. Thus, the Decision of the Chamber affects Art. 12, 14, 17, 19, 26 of the Covenant, Art. 15, 17–19, 27, 29, 30, 37, 45, 46, 48, 50, 54, 55 of the Constitution of the Russian Federation, as well as Art. 18 of the Law.

The very norm on the termination of the advocate's status for departure outside the country without «valid reasons» is controversial: UN Special Rapporteurs M. Katzarova and M. Satterthwaite, even before its adoption, pointed out to the Minister of Justice of the Russian Federation a possible contradiction to the Covenant [4], and on December 29, 2025, five UN mandate holders sent a letter to the Government No. AL RUS 13/2025, including about the abuse of disciplinary procedures [5]. The Board of the «Initiative 2018» also previously drew attention to the fact that the norm is discriminatory and does not pursue legitimate goals [6]. Pavel Vasilev`s case fully confirms this thesis.

8. Conclusions

8.1. The set of violations listed above gives the proceedings on disciplinary cases against advocate Pavel Vasilev the character of reprisal, and not law enforcement.

8.2. The proceeding on the case of departure was subject to termination due to the absence of a violation and the presence of valid reasons for the advocate to leave outside the Russian Federation.

8.3. The proceeding on the case of non-payment of mandatory deductions was subject to termination due to the previous decisions of the Council on the same subject and grounds, the absence of a permissible reason, and the unestablished exact amount of the unpaid sum, deadlines, and the advocate's guilt.

8.4. The termination of the status of advocate Pavel Vasilev is arbitrary. The reasons for his persecution were his democratic position, professional, human rights, and public activities, defense of persecuted advocates, and membership in a public organization.

8.5. We urge to make efforts aimed at canceling the decision to terminate the status of advocate Pavel Vasilev, and draw the attention of the Russian and international professional community, UN special procedures, and human rights organizations to this case as an example of using the disciplinary mechanism to remove an independent advocate from the profession through carrying out an act of transnational repression against him.

Board of the Interregional Public Organization of Lawyers and Jurists «Initiative 2018»

Список источников/References:

1. https://cyberleninka.ru/article/n/zahvat-advokatury-i-presledovanie-advokatov-v-rossiyskoy-federatsii-kak-vernut-nezavisimost-advokatov-i-pravo-grazhdan-na-zaschitu.
2. https://versia.ru/komu-i-za-chto-blagodaren-izbezhavshij-ugolovki-deputat-iz-bashkirii-bulat-yumadilov.
3. https://cyberleninka.ru/article/n/advokaty-protiv-korruptsii-intervyu-s-advokatom-aleksandrom-voytsehom.
4. https://cyberleninka.ru/article/n/zayavlenie-spetsialnogo-dokladchika-oon-po-voprosu-o-polozhenii-v-oblasti-prav-cheloveka-v-rossiyskoy-federatsii-i-spetsialnogo.
5. https://cyberleninka.ru/article/n/pismo-s-utverzhdeniyami-o-narusheniyah-ot-spetsialnogo-dokladchika-oon-po-voprosu-o-nezavisimosti-sudey-i-advokatov-rabochey-gruppy.
6. https://cyberleninka.ru/article/n/zayavlenie-o-vvedenii-vozmozhnosti-prekrascheniya-statusa-advokata-privyyavlenii-fakta-ego-vyezda-na-postoyannoe-mesto-zhitelstva; https://cyberleninka.ru/article/n/zayavlenie-o-proekte-federalnogo-zakona-301952-8-o-vnesenii-izmeneniy-v-federalnyy-zakon-ob-advokatskoy-deyatelnosti-i-advokature-v; https://cyberleninka.ru/article/n/obraschenie-pravleniya-mezhregionalnoy-obschestvennoy-organizatsii-advokatov-i-yuristov-initsiativa-2018-v-organy-organizatsii.

Евразийская адвокатура. 2026. № 4 (81). С. 35.
Eurasian Advocacy. 2026;(4(81)):35.

Исторический опыт

Научная статья
УДК 34:336.2(571.6)
doi 10.52068/2304-9839_2026_81_4_35

ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЗИМАНИЯ ЯСАКА В КОНТЕКСТЕ НАЛОГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ КАМЧАТСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ

КРЮЧКОВ Даниил Владимирович
Аспирант кафедры истории государства и права Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, строение 13 (4-й учебный корпус), ауд. 521 А, Российская Федерация

Аннотация: В статье на основе анализа архивных документов Первой и Второй Камчатских экспедиций, а также нормативных актов XVIII века исследуется роль ясака как правового инструмента распространения и поддержания государственной власти Российской империи на территории Дальнего Востока. Особое внимание уделяется связи налоговой деятельности государства с экспедиционной политикой. Делается вывод, что ясак одновременно стимулировал территориальную экспансию России и создавал правовую базу для контроля над новыми землями, при этом практика сбора налога часто сопровождалась серьезными нарушениями, что иногда вызывало миграцию некоторых народов и требовало вмешательства центральной власти.

Ключевые слова: ясак, налоговая система, Вторая Камчатская экспедиция, Российская империя, злоупотребления при сборе налогов

Для цитирования: Крючков Д.В. Правовые особенности взимания ясака в контексте налоговой деятельности государства на Дальнем Востоке в период Первой и Второй Камчатских экспедиций // Евразийская адвокатура. 2026. № 4 (81). С. 35. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_81_4_35

Historical Experience

Original article

LEGAL FEATURES OF COLLECTING YASAK IN THE CONTEXT OF THE TAX ACTIVITIES OF THE STATE IN THE FAR EAST DURING THE FIRST AND SECOND KAMCHATKA EXPEDITIONS

KRYUCHKOV Daniil Vladimirovich
Postgraduate Student of the Department of History of State and Law of Lomonosov Moscow State University
119991, Moscow, Leninskie Gory, 1, building 13 (4th academic building), room 521 A, Russian Federation

Abstract: The article examines, on the basis of archival documents from the First and Second Kamchatka expeditions as well as normative acts of the 18th century, the role of yasak (a fur tribute) as a legal instrument for extending and maintaining the imperial authority of the Russian Empire over the Far East. Special attention is given to the interconnection between the state's fiscal activities and expeditionary policies. The article concludes that yasak both stimulated Russia's territorial expansion and created a legal framework for controlling new lands, while its collection often involved serious violations, leading to migrations and requiring central government intervention.

Keywords: yasak, tax system, Second Kamchatka Expedition, Russian Empire, tax collection abuse

For citation: Kryuchkov D.V. Legal Features of Collecting Yasak in the Context of the Tax Activities of the State in the Far East during the First and Second Kamchatka Expeditions = Eurasian Advocacy. 2026; 4 (81):35. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_81_4_35

История развития российского государства тесно связана с освоением новых территорий. В условиях перенесения власти на присоединенные регионы требовалось установить юридическую связь коренного населения с местными администрациями, представляющими власть органов центрального управления. Видную роль в правовом фундаменте освоения территорий Дальнего Востока в период Первой и Второй Камчатских экспедиций играл ясак.

Целью данной работы является исследование ясака, его правового значения в части налоговой

© Крючков Д.В., 2026 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC BY).

деятельности государства в контексте освоения территорий Дальнего Востока.

Аспекты налоговой деятельности государства учитывались в организации дальневосточных экспедиций, о чем, в частности, имеются сведения в документах Первой Камчатской экспедиции Витуса Беринга [1]. По завершении путешествия Беринг составил отчет, в котором в числе другого раскрывается значение ясака. Из текста документа следует, что ясак как налог выступает для государства не только как источник дохода, но и как признак наличия государственной власти над народами Дальнего Востока. В своем отчете Беринг фиксирует максимальное количество служилых людей, призванных осуществлять государственную власть на Камчатке, – 150 человек, разбросанных между тремя существовавшими острогами.

Главную цель их присутствия на данной территории Беринг определяет как сбор ясака. Самих сборщиков Беринг именует российскими людьми в отличие от камчадалов. Это демонстрирует, что он видит в служилых людях лиц, представляющих российское государство. Из записей Беринга следует, что сборщики налога абсолютно не имеют снабжения со стороны центральной власти, а свое пропитание они полностью обеспечивают за счет местных ресурсов – охоты, собирательства и ловли рыбы; поддержание одежды остается также на их попечении.

Именно со сбором ясака Беринг связывает осуществление власти государства над народами Камчатки и в этой связи отдельно пишет, что для уплаты ясака принимаются разные звери. Хотя в науке существуют различные мнения об определении ясака в качестве дани или налога, это не отменяет одного из ключевых правовых последствий его существования в виде потери суверенитета в отношении плательщика [2], в данном случае потери суверенитета для платящих его народов Российской империи. Ясак является правовым инструментом и ключевым элементом в закреплении над народами подданства, через что и осуществляется государственная власть над территорией [3].

Беринг также указывает на невозможность для себя плыть в сторону территорий Северной Америки не только потому, что территории непригодны для зимования из-за отсутствия необходимого количества леса, но и в связи с фактом существования народов, которые не находятся под властью российского государства и также не имеют союзнических отношений с народами, которые платят ясак российскому государству. Это позволяет отметить, что народы, которые платят ясак, рассматриваются Берингом не только как подданные Российской империи, но и как дружественные по отношению к центральной власти, чьи контакты с другими народами, которые не находятся под властью Российской империи, рассматриваются как важные для взаимодействия с населением на неподвластной территории.

В контексте освоения Дальнего Востока и значения ясака представляется интересным текст послания старосты тойона (название старейшины или племенного вождя) Тахнича мореплавателю М.П. Шпанбергу. Донесение датировано 23 февраля 1739 года и связано с деятельностью Второй Камчатской экспедиции, в которой Шпанберг принимал участие. Согласно тексту документа Тахнич вместе с видными представителями родов осуществлял уплату ясака в фиксированном размере на территории Курильских островов. Для уплаты ясака использовались шкурки четырех типов животных: помимо соболей, взимались шкурки куниц, лисиц, бобров и названных в тексте «морских кошлоков», под последними понимаются каланы. Это позволяет говорить, что для уплаты ясака использовались разные виды шкур животных и что добыча меха каланов, обеспечивающая важнейшую часть морской пушной торговли, уже была в ходу до основания Русско-американской торговой компании указом Павла I в 1799 году. С учетом того, что добыча калана была основной целью промысла Русско-Американской торговой компании [4], это демонстрирует, что добыча калана осуществлялась еще до начала непосредственного освоения русскими Аляски. Необходимо обратить внимание на такое перечисленное животное при уплате ясака как бобер, который был ценным пушным зверем еще со скифского периода [5]. Охота на бобров и каланов в целях добычи меха осуществлялась европейцами при освоении Америки, вследствие уменьшения их количества продолжалось освоение новых территорий, не затронутых охотой и с нетронутыми популяциями вплоть до почти полного исчезновения популяции в середине XIX века [6]. Вследствие этого распространение власти на новые народы на Дальнем Востоке и на территории Северной Америки открывало большие возможности для увеличения доходов от ясака. Ясак выступал одновременно как источник дохода и как ключевой элемент в установлении подданства над народами на данных территориях. Это демонстрирует, что налоговая деятельность государства в данном случае не только тесно переплеталась с экспансией, стимулируя расширение России, но и обеспечивала необходимую правовую базу для

установления и поддержания контроля над новыми территориями.

Значение для исследования имеет анализ особенностей уплаты ясака на Курильских островах на примере текста послания Тахнича. Наиболее уместно будет его рассмотрение с положениями, присущими уплате налога чукчами. Тахнич в тексте обозначает себя как тойон, старейшина, обладающий авторитетом говорить от имени населения, о чем также свидетельствует формулировка «лучший» в тексте. Он пишет об уплате ясака вместе с «родниками».

В тексте послания говорится о получении Тахничем текста указа от 1733 года о нормативных изменениях в части уплаты ясака из Большерецкой приказной избы. При этом Тахнич пишет о нормах ясака, существовавших до издания данного указа, подтверждающего, что в отношении Курильских островов требования о размере уплаты определялись отдельно. Однако текст указа от 1733 года имел для Тахнича особенное значение, поскольку он устанавливал запрет брать уплату свыше существовавших требований и был направлен на предотвращение нарушений со стороны сборщиков ясака. Тахнич обращает внимание на требования в части запрета вымогательства взяток и злоупотреблений, ведущих к разорению налогоплательщиков при сборе налогов. В тексте говорится о нарушениях при сборе ясака со стороны Андрея Шергина. Содержание текста Тахнича позволяет выдвинуть тезис, что, вероятно, Шергин потребовал уплату ясака преимущественно бобрами. Преемниками Шергина в сборе ясака Иваном Отласовым и Семеном Кривогорницыным в 1737 году и Андреем Фурманом в 1738 году его практика была продолжена. По сведениям Тахнича, эта практика привела к разорению жителей и неспособности их как плательщиков выплачивать ясак. Сам факт того, что Тахнич пишет послание Шпанбергу, раскрывает существовавшую проблему при сборе ясака государством. В данном случае тойон передает послание участнику экспедиции о нарушениях, производимых со стороны сборщиков ясака.

Большерецкая приказная изба находилась на территории Большерецкого острога. Осуществление надзора за соблюдением законодательства находилось в ведении приказного управления [7]. Это означало, что вопрос о соблюдении законодательства при сборе данного налога находился в ведении Сибирского приказа, чьей ключевой функцией являлся сбор пушнины через ясак. Соответственно, такая жалоба на злоупотребления сборщиков налога в ситуации, когда требуемые суммы налога собирались, не могла иметь должного ответа со стороны Сибирского приказа. Тахнич указывает на злоупотребления в течение трех лет, а также добавляет, что они являются не просто нарушением законодательства, но и ведут к такому разорению плательщиков, при котором они больше не в состоянии платить ясак в условиях практики, установленной Шергиным, но при этом они готовы платить ясак в прежних законно установленных размерах.

Взимание ясака оказывало значительное влияние на благосостояние местного населения. В ситуации с народом айнов именно цель избегания налогообложения ясаком вызвала миграцию населения, сначала с полуострова Камчатка на Курильские острова, а после миграцию с северных Курильских островов на южные, еще не занятые русскими и не облагаемые ясаком [8].

Для понимания контекста ситуации следует обратиться к тексту именного указа Анны Иоанновны от 21 мая 1733 года [9]. Данный нормативный акт посвящен урегулированию вопросов уплаты ясака на территории Якутии и Камчатки. В качестве причины издания указа в тексте прямо упоминаются злоупотребления со стороны сборщиков ясака и получение государством сведений об этом. Перечисленные нарушения конкретны, среди них упомянуты сбор ясака с превышением требуемых сумм, взяточничество и захват детей и жен плательщиков с их последующей продажей. В качестве нарушителей названы как воеводы острогов, так и непосредственно команды, посылаемые на сбор ясака. Это позволяет выдвинуть тезис, что существующие нарушения на данных территориях носили массовый характер, причем система злоупотреблений затрагивала властные органы как на уровне управления, так и на уровне непосредственно взимания ясака с местного населения. В тексте документа отмечается, что следствием действий сборщиков ясака является разорение местного населения. В качестве ответа на творимые злоупотребления в тексте отмечается, что со стороны центральной власти от имени императрицы в порядке ее милости направлены уполномоченные лица с целью предотвращения подобной политики злоупотреблений с полномочиями применять санкции в отношении нарушителей вплоть до смертной казни и возвращать незаконно собранные суммы ясака, а также украденное в ходе сбора налога имущество. Предусматривается также возвращение взятых сборщиками ясака жен и детей, однако право на их последующее жительство различается в зависимости от их религиозной принадлежности. Если

такие лица не исповедуют православие, то они должны быть отпущены с целью возвращения на места прежних кочевых стоянок, а если такие лица были крещены в православие, то они освобождаются с правом свободного жительства в городах. Государство также сообщает, что планирует выпустить отдельные правовые акты по сбору ясака и направить их воеводам в остроги. Данный указ демонстрирует масштаб злоупотреблений на местах при сборе ясака, массовую практику заложничества, особенностью которого является совершение злоупотреблений вне зависимости от религиозной принадлежности представителей местных народов. В тексте указа перечислены меры для широкого информирования о его положениях среди местного населения. Указывается необходимость разместить в острогах тексты указа на столбах, сведения об указе должны быть доведены до знати местных народов, а также о содержании указа должны быть проинформированы толмачи, причем содержание указа должно передаваться вслух также на языках местных народов.

Жалобы на злоупотребления в процессе сбора ясака подавались Шпанбергу и со стороны служащих. В частности, такую жалобу [10] подал Петр Богданов. Формально в тексте Петр Богданов жалуется не только на нарушения в ходе сбора ясака, включавшие сбор свыше требуемых сумм к уплате, но и на свое избиение руководившим сбором ясака Григорием Шехирдиным.

Интересным примером взаимодействия участников Второй Камчатской экспедиции и представителей местной власти является участие Шпанберга в назначении лица, ответственного за управление Охотским острогом, сведения о чем присутствуют в ордере Беринга Шпанбергу [11]. Беринг фиксирует факт того, что Шпанберг в пределах отведенных ему полномочий взял в состав экспедиции штурмана Ивана Бирева, однако критикует выбранную им кандидатуру на замену Бориса Суханова. Беринг указывает, что фактически излагает присланную ему позицию Охотского Приморского управления, территориального управления, в ведение которого входило управление Чукоткой, Камчаткой и Курильскими островами [12], то есть излагает позицию местного территориального управления данного органа власти. В период нахождения Суханова на должности его компетентность была оценена негативно, в частности, было определено, что он не владеет грамотой. Исходя из этого, указывается, что Шпанберг должен оставить Бирева в составе экспедиции и преемника себе на замену должен выбрать сам Бирев. Согласно тексту документа на Шпанберга также будет возлагаться ответственность в случае, если он повторно единолично выберет кандидатуру, которая в силу некомпетентности причинит ущерб в деле сбора ясака.

Интерес представляет инструкция [13], данная Шпанбергом Суханову перед его назначением главой Охотского острога. В ней он среди полномочий Суханова, кроме управления, упоминает судебные функции в отношении подчиненных ему служилых людей и «ясачных иноземцев». Отдельно дается указание содержать аманатов. Это демонстрирует, что, несмотря на указ от 21 мая 1733 года, в Охотском остроге продолжала существовать практика взятия заложников при осуществлении управления территорией. Информация об осуществлении судопроизводства иллюстрирует значимость ясака как фактора, который означал распространение на местное население судопроизводства Российской империи в форме судов воевод. Следует обратить внимание, что именно ясак определял для местной администрации полномочия по отправлению судебных функций в отношении местного коренного населения, что демонстрирует содержание данного документа. На практике с учетом года выхода данной инструкции в 1734 году правительство Российской империи, начиная с выхода указа от 21 мая 1733 года, посвященного решению проблемы злоупотреблений при сборе ясака, взяло курс на повышение роли местного населения в вопросах уплаты ясака вплоть до предоставления большей свободы в данном вопросе с одновременным уменьшением вмешательства в разрешение судебных вопросов между представителями коренного населения [14]. При этом необходимо учитывать, что на практике в ходе этого процесса, вплоть до 1760-х гг., осуществление уплаты ясака самостоятельно представителями местной коренной знати без участия представителей российской власти не существовало повсеместно [15].

Имя Григория Шехирдина появляется в документе о допросе Шпанбергом представителей местного населения. В документе о допросе были получены сведения о вымогательстве со стороны Григория Шехирдина взяток у плательщиков ясака. Вымогательство осуществлялось по сведениям в виде платы за покровительство и за освобождение от незаконного заключения под стражу. Документ датирует 1735 годом и описывает события, происходившие в 1733–1735 гг., после указа Анны Иоанновны, направленного на предотвращение злоупотреблений со стороны сборщиков ясака. В результате действий Шпанберга

по выяснению злоупотреблений Шехирдина местное население пошло на больший контакт с российской властью в его лице, а прошение на имя Шпанберга раскрывает текст обращения представителя местной родовой знати Отомы [16]. Согласно сообщению Отомы, люди, которых он представляет, откочевали от Охотского острога в сторону Тауйского острога в 1734 году и платили ясак в полном объеме и вовремя уже в Тауйский острог. Соответственно, само обращение составлено хронологически на седьмой день после составления документа о допросе Шпанбергом местного населения о нарушениях при сборе ясака со стороны Шехирдина. Текст данного документа показывает, что у платившего ясак местного населения была легальная возможность изменить место, куда они его платят. В данной ситуации Отома просит, чтобы у его людей была возможность платить ясак вновь в Охотский острог в связи с недостатком пушных животных, добыча которых осуществляется в целях уплаты ясака. Это показывает, что в случае, когда у местного населения обнаруживался недостаток пушного зверя, оно могло менять место жительства в целях уплаты ясака. По прибытии в Тауйский острог Отома пишет, что ими был дан аманат в острог, и выражает готовность дать нового аманата в Охотский острог, но просит, чтобы аманат, находящийся все это время в Тауйском остроге, был выпущен на свободу.

Особенности документа позволяют раскрыть взаимодействие между налогоплательщиками ясака и местной администрацией. Следует обратить внимание на то, что использовалось в документах для заверения, в частности, на факт, что за толмача подпись поставил солдат Мясников. Примечательно, что толмач не мог поставить подпись, но подпись мог поставить в данном случае человек в звании солдата по прошению Енисейского полка. В итоге по обращению Отомы Шпанбергом была направлена запись в Охотскую ясашную избу [17]. Данный документ был составлен во исполнение принятия ясака от Отомы. Его текст примечателен тем, что содержит информацию о требованиях к аманату как человеку «доброму и знатному», и тем, что руководство Тауйского острога фактически ставится в известность о необходимости отпуска аманата, содержащегося в его остроге.

Завершение исследования позволяет перейти к выводам о правовой роли и характере ясака, его особенностях в контексте российской налоговой политики при освоении территории. Ясак являлся не только обязательным платежом, фактом, закрепляющим государственную власть над коренным населением территории Дальнего Востока и Курильских островов, но и важнейшим элементом, свидетельствующим о подданстве этих народов Российской империи. Правовые источники позволяют говорить, что центральная власть стремилась защитить местных жителей от злоупотреблений и произвола представителей администраций на местах. Документы показывают, что коренное население осознавало себя частью Российской империи. Уплата ясака одновременно порождала у местного населения право требования защиты от произвола. В этой связи государство уделяло вопросу ясака значительное внимание не только в контексте финансового, но и политического освоения территории.

Список источников

1. Краткий отчет В. Беринга о первой экспедиции (1725–1730 гг.) // Электронная библиотека исторических документов [Электронный ресурс]. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/500147.
2. Андреев Н. Ю. Влияние налогового права Монгольской империи на Русское государство и право // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2016.
3. Плотников А. Ю. К вопросу о значении Курильских островов в истории Азиатско-Тихоокеанского региона // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2018. № 3 (806).
4. Муравьева Л. А. Русская Америка в XIX веке // Финансы и кредит. 2011. № 20.
5. Меркулов А. Н. Археологические данные о промыслах среднедонского населения скифского времени // Теория и практика археологических исследований. 2025. № 2.
6. Рубио К. Х. Последствия деятельности европейского колониализма на Тихоокеанском Севере Америки начиная с XVI в. // Сибирские исторические исследования. 2023. № 4.
7. Евтехов Р. А. Формирование системы внутренней безопасности в Забайкалье во второй половине XVII – начале XVIII в. // Приграничное сотрудничество: исторические события и современные реалии : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию высшего языкового образования в Забайкальском крае (г. Чита, 16 сентября 2022 г.). Чита : ЗабГУ, 2022.
8. Тураев В. А. Этническая история айнов Сахалина и Курильских островов в контексте российско-японских территориальных размежеваний // Россия и АТР. 2018. № 2 (100).
9. Указ «О нечинении обид и притеснений ясашным людям, живущим в Якутском ведомстве и Камчатке» от 21 мая 1733 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб., 1830. Т. IX.
10. Доношение служилого Петра Богданова Шпанбергу с жалобой на избившего его заказчика Шехирдина и с доносом на него за злоупотребления при

сборе ясака (20 ноября 1734 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/1720-1740/2_kamcat_exp_2/61-80/72.phtml.

11. Ордер Беринга Шпанбергу с выражением недовольства назначением заказчика Суханова к сбору ясака, поскольку это не в ведомстве Камчатской экспедиции. 24 января 1735 г. // Электронная библиотека исторических документов [Электронный ресурс]. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/486456.

12. Бахлов И. В., Напалкова И. Г. Поволжье-Приуралье и Сибирь в территориальном комплексе Российской империи: специфика колонизации и управления // Вестник ЧГУ. 2011.

13. Инструкция Шпанберга Б. Суханову при его назначении управляющим делами в Охотске вместо И. Бирева (4 октября 1734 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/1720-1740/2_kamcat_exp_2/61-80/65.phtml.

14. Воропанов В. А. Русская юстиция и народы Крайнего Северо-Востока Азии // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2025. № 2.

15. Конев А. Ю. О роли и значении инструкции пограничным дозорщикам 27 июня 1728 г. в правовом регулировании управления и суда «ясачных иноземцев» Сибири // Известия АлтГУ. 2012. № 4-2 (76).

16. Доношение оленного ламута Отомы Шпанбергу с просьбой разрешить его роду платить ясак и держать аманата в Охотске (23 января 1735 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/1720-1740/2_kamcat_exp_2/81-100/84.phtml.

17. Запись Шпанберга о принятии ясака и аманата от рода ламута Отомы в Охотскую ясашную избу (25 января 1735 г.) // Вторая Камчатская экспедиция. Документы 1734–1736. Морские отряды / под ред. Н. Охотиной-Линд, П. Кротова [Электронный ресурс]. URL: https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/1720-1740/2_kamcat_exp_2/81-100/86.phtml.

References

1. Kratkij otchet V. Beringa o pervoj e`kspedicii (1725–1730 gg.) // E`lektronnaya biblioteka istoricheskix dokumentov [E`lektronny`j resurs]. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/500147.

2. Andreev N. Yu. Vliyanie nalogovogo prava Mongol`skoj imperii na Russkoe gosudarstvo i pravo // Vestnik VGU. Seriya: Pravo. 2016.

3. Plotnikov A. Yu. K voprosu o znachenii Kuril`skix ostrovov v istorii Aziatsko-Tixookeanskogo regiona // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshhestvenny`e nauki. 2018. № 3 (806).

4. Murav`eva L. A. Russkaya Amerika v XIX veke // Finansy` i kredit. 2011. № 20.

5. Merkulov A. N. Arxeologicheskie danny`e o promy`slax srednedonskogo naseleniya skifskogo vremeni // Teoriya i praktika arxeologicheskix issledovanij. 2025. № 2.

6. Rubio K. X. Posledstviya deyatel`nosti evropejskogo kolonializma na Tixookeanskom Severe Ameriki nachinaya s XVI v. // Sibirskie istoricheskie issledovaniya. 2023. № 4.

7. Evtexov R. A. Formirovanie sistemy` vnutrennej bezopasnosti v Zabajkal`e vo vtoroj polovine XVII – nachale XVIII v. // Prigranichnoe sotrudnichestvo: istoricheskie soby`tiya i sovremenny`e realii : materialy` mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashhyonnoj 70-letiyu vy`sshego yazy`kovogo obrazovaniya v Zabajkal`skom krae (g. Chita, 16 sentyabrya 2022 g.). Chita : ZabGU, 2022.

8. Turaev V. A. E`tnicheskaya istoriya ajnov Saxalina i Kuril`skix ostrovov v kontekste rossijsko-yaponskix territorial`ny`x razmezhevanij // Rossiya i ATR. 2018. № 2 (100).

9. Ukaz «O nechinenii obid i pritesnenij yasashny`m lyudyam, zhivushhim v Yakutskom vedomstve i Kamchatke» ot 21 maya 1733 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 1-e. SPb., 1830. T. IX.

10. Donoshenie sluzhilogo Petra Bogdanova Shpanbergu s zhaloboj na izbivshego ego zakazchika Shexirdina i s donosom na nego za zloupotrebleniya pri sbore yasaka (20 noyabrya 1734 g.) [E`lektronny`j resurs]. URL: https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/1720-1740/2_kamcat_exp_2/61-80/72.phtml.

11. Order Beringa Shpanbergu s vy`razheniem nedovol`stva naznacheniem zakazchika Suxanova k sboru yasaka, poskol`ku e`to ne v vedomstve Kamchatskoj e`kspedicii. 24 yanvarya 1735 g. // E`lektronnaya biblioteka istoricheskix dokumentov [E`lektronny`j resurs]. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/486456.

12. Baxlov I. V., Napalkova I. G. Povolzh`e-Priural`e i Sibir` v territorial`nom komplekse Rossijskoj imperii: specifika kolonizacii i upravleniya // Vestnik ChGU. 2011.

13. Instrukciya Shpanberga B. Suxanovu pri ego naznachenii upravlyayushhim delami v Oxotske vmesto I. Bireva (4 oktyabrya 1734 g.) [E`lektronny`j resurs]. URL: https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/1720-1740/2_kamcat_exp_2/61-80/65.phtml.

14. Voropanov V. A. Russkaya yusticiya i narody` Krajnego Severo-Vostoka Azii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya. 2025. № 2.

15. Konev A. Yu. O roli i znachenii instrukcii pogranichny`m dozorshhikam 27 iyunya 1728 g. v pravovom regulirovanii upravleniya i suda «yasachny`x inozemcev» Sibiri // Izvestiya AltGU. 2012. № 4-2 (76).

16. Donoshenie olennogo lamuta Otomy` Shpanbergu s pros`boj razreshit` ego rodu platit` yasak i derzhat` amanata v Oxotske (23 yanvarya 1735 g.) [E`lektronny`j resurs]. URL: https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/1720-1740/2_kamcat_exp_2/81-100/84.phtml.

17. Zapis` Shpanberga o prinyatii yasaka i amanata ot roda lamuta Otomy` v Oxotskuyu yasashnuyu izbu (25 yanvarya 1735 g.) // Vtoraya Kamchatskaya e`kspediciya. Dokumenty` 1734–1736. Morskie otryady` / pod red. N. Oxotinoj-Lind, P. Krotova [E`lektronny`j resurs]. URL: https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/1720-1740/2_kamcat_exp_2/81-100/86.phtml.

Статья поступила в редакцию 26.07.26;
одобрена после рецензирования 21.08.26;
принята к публикации 21.08.26.

The article was submitted 26.07.26;
approved after reviewing 21.08.26;
accepted for publication 21.08.26.

Евразийская адвокатура. 2026. № 4 (81). С. 41.
Eurasian Advocacy. 2026;(4(81)):41.

Актуальные проблемы адвокатской практики

Научная статья
УДК 347.9
doi 10.52068/2304-9839_2026_81_4_41

ПРАВИЛЬНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНОГО ИСТЦА В ДЕЛАХ ПО ИСКАМ ПРОКУРОРОВ

СУЛТАНОВ Айдар Рустэмович
Кандидат юридических наук, адвокат, Заслуженный юрист Республики Татарстан, руководитель Представительства «Пепеляев групп» в Республике Татарстан
125047, г. Москва, ул. 3-я Тверская-Ямская, д. 39, стр. 1, Российская Федерация

Аннотация: В статье на конкретных примерах рассмотрена проблема правильного определения материального истца, необходимость привлечения материального истца, отличие института материального истца от соистца. Актуальность исследования вызвана ростом исков прокуроров, а также увеличением исков, в которых прокурор не указывает материального истца. По мнению автора, привлечение надлежащего материального истца должно способствовать более правильному и объективному разрешению дела.

Ключевые слова: материальный истец, сторона спора, прокурор, соистец, гражданский процесс

Для цитирования: Султанов А.Р. Правильное определение материального истца в делах по искам прокуроров // Евразийская адвокатура. 2026. № 4 (81). С. 41. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_81_4_41

Current Problems of Advocacy Practice

Original article

THE CORRECT IDENTIFICATION OF THE MATERIAL PLAINTIFF IN CASES OF LAWSUITS BY PROSECUTORS

SULTANOV Aydar Rustemovich
Candidate of Law, Advocate, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan, Head of Representative Office «Pepeliaev group» in Tatarstan
125047, Moscow, 3rd Tverskaya-Yamskaya St., 39, building 1, Russian Federation

Abstract: This article examines the problem of the correct identification of the material plaintiff using specific examples, the need to involve a material plaintiff, the difference between the institution of a material plaintiff and a co-plaintiff. The relevance of the study is caused by an increase in lawsuits filed by prosecutors, as well as an increase in lawsuits in which the prosecutor does not specify the material plaintiff. According to the author, the involvement of a proper material plaintiff should contribute to a more correct and objective resolution of the case.

Keywords: material plaintiff, party to the dispute, prosecutor, co-plaintiff, civil procedure

For citation: Sultanov A.R. The Correct Identification of the Material Plaintiff in Cases of Lawsuits by Prosecutors = Eurasian Advocacy. 2026; 4 (81):41. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_81_4_41

Учитывая расширение компетенции прокуроров в АПК РФ и все большее количество споров, инициируемых прокурорами, необходимо помнить, что главным принципом возникновения у прокуратуры полномочий по предъявлению исков в суд [1] является положение ч. 1 ст. 26 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации», согласно которой прокуратура не должна подменять собой иные государственные органы, осуществляющие контроль за соблюдением прав человека и гражданина [2]. Именно поэтому прокурор в цивилистическом процессе занимает положение процессуального истца. Истцом же в материальном смысле является то лицо, в защиту прав, свобод или законных интересов которого прокурором предъявлен иск.

Прокурор, подавший заявление, пользуется всеми процессуальными правами и несет все процессуальные обязанности истца, за исключением права на заключение мирового соглашения и обязанности по уплате судебных расходов. Ранее судебная практика всегда исходила из того, что в случае отказа прокурора от заявления, поданного в защиту законных интересов другого лица,

© Султанов А.Р., 2026 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC BY).

рассмотрение дела по существу продолжается, если это лицо или его законный представитель не заявит об отказе от иска.

В разъяснениях Верховного Суда РФ, данных в 2026 году появилось положение о том, что «при отказе прокурора от иска суд вправе прекратить производство по делу в предварительном судебном заседании, если это не противоречит закону или не нарушает права и законные интересы других лиц, если не требуется сбор и оценка новых доказательств и установление новых обстоятельств. Обратить внимание судов на то, что, если отказ от иска затрагивает публичные интересы, конституционные ценности, такой отказ противоречит закону. Если суд не принимает отказ прокурора от иска и не усматривает в связи с этим оснований для прекращения производства по делу (часть 2 статьи 39, статья 220 ГПК РФ), подготовка дела к судебному разбирательству продолжается судом с учетом заявленных прокурором требований с его участием в правовом статусе истца…

При отказе истца от иска суд прекращает производство по делу в предварительном судебном заседании, если это не противоречит закону или не нарушает права и законные интересы других лиц, если не требуется сбор и оценка новых доказательств и установление новых обстоятельств» (п. 36 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.05.2026 № 15 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству»).

Процессуальный закон не определяет прокурора как сторону гражданского процесса (истца либо ответчика). Он является лицом, выступающим от своего имени в защиту прав и охраняемых законом интересов других лиц, его интерес – это предусмотренная законом возможность требовать от своего имени защиты права другого лица.

Не имея материально-правового интереса в исходе дела, не являясь субъектом спорного материального правоотношения, прокурор инициирует гражданское судопроизводство в силу своей правозащитной функции, не будучи стороной по делу, лично заинтересованной в исходе дела и несущей бремя судебных расходов. Прокурору не принадлежит нарушенное или оспариваемое право, на его имя не может быть вынесено судебное решение. Исходя из этой логики, недопустимо уравнивать прокурора и истца, участвующего в деле в защиту своих нарушенных прав. Ученые выдвигают еще один аргумент против отождествления истца и прокурора – невозможность предъявления встречного иска прокурору, в отличие от истца [3; 78].

В тех случаях, когда речь идет о защите публичного интереса, прокурор выступает «выразителем» государственных и иных публичных интересов, а их носителем является государство или иное публичное образование, занимающее положение истца, о чем писал в своей работе Ченцов Н.В. применительно к исковым делам, инициированным прокурором в интересах государства [4; 4]. В процессуальной доктрине прокурора, участвующего в гражданском процессе, иногда называют «особым» истцом в связи с обладанием «государственным» статусом. «Особенность» прокурора заключается в ограниченном круге процессуальных прав и отсутствии прав материальных, о которых возник спор [5].

Материальный истец становится стороной в споре в результате подачи искового заявления в защиту его интересов, наличия компетенции, установленной нормативными актами и положениями ч. 2 ст. 38 ГПК РФ, в которых установлено, что лицо, в интересах которого дело начато по заявлению лиц, обращающихся в суд за защитой прав, свобод и законных интересов других лиц, извещается судом о возникшем процессе и участвует в нем в качестве истца.

Следовало бы ожидать, что законодатель включит аналогичные положения в АПК РФ, чего не было сделано, поскольку ранее участие прокурора в арбитражных судах имело весьма ограниченный характер. Однако положения указанной статьи ГПК РФ лишь описывают возникающие процессуальные правоотношения, а не регулируют их возникновение. Поэтому было бы логично утверждать, что точно так же развиваются процессуальные отношения и в арбитражных судах.

За последние несколько лет сформировалась единообразная судебная практика Верховного Суда РФ по отмене судебных актов, в которых суды не определяли и не извещали государственные органы при рассмотрении исков, поданных прокурорами [6].

Как отмечает Верховный Суд РФ в целом ряде своих определений: «Если прокурор являлся процессуальным истцом, суду к участию в деле надлежало привлечь соответствующий орган государственной власти, уполномоченный в силу своей компетенции представлять интересы Российской Федерации, узнав его правовую позицию по возникшему спору. В нарушение требований ст. 148 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации статус лица, подписавшего исковое заявление, и состав лиц, участвующих в деле, судом установлен не был» (Определение Судебной коллегии по гражданским делам

Верховного Суда Российской Федерации от 12.07.2022 № 78-КГ22-12-К3; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 12.07.2022 № 78-КГ22-12-К3; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 17.09.2024 № 18-КГ24-126-К4 ; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 15.10.2024 № 127-КГ24-7-К4).

В Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 17.09.2024 № 18-КГ24-126-К4 указано: «…В соответствии с частью 1 статьи 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации прокурор вправе обратиться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц или интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований.

Согласно пункту 1 статьи 124 Гражданского кодекса Российской Федерации Российская Федерация, субъекты Российской Федерации: республики, края, области, города федерального значения, автономная область, автономные округа, а также городские, сельские поселения и другие муниципальные образования выступают в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, на равных началах с иными участниками этих отношений – гражданами и юридическими лицами.

В силу пункта 1 статьи 125 этого же кодекса от имени Российской Федерации и субъектов Российской Федерации могут своими действиями приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права и обязанности, выступать в суде органы государственной власти в рамках их компетенции, установленной актами, определяющими статус этих органов.

По настоящему делу прокурор просил признать право собственности на спорный земельный участок за Российской Федерацией, то есть иск фактически предъявлен в интересах Российской Федерации.

В силу приведенных выше норм материального и процессуального права суд обязан был определить и привлечь к участию в деле в качестве истца соответствующий государственный орган, имеющий право выступать от имени Российской Федерации.

Однако судом этого сделано не было, дело рассмотрено без участия Российской Федерации как истца в спорных материально-правовых отношениях».

Аналогичный подход содержится в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 15.10.2024 № 127-КГ24-7-К4 (УИД 91RS0024-01-2018-001578-95).

Таким образом, непривлечение материального истца признается Верховным Судом РФ грубым процессуальным нарушением, являющимся основанием для отмены судебных актов и направления на новое рассмотрение.

С целью исключения процессуальной ошибки, вызванной неуказанием прокурором в иске соответствующего уполномоченного органа, суд должен установить такой орган и уведомить его с тем, чтобы он мог принять участие в качестве истца и высказать свое суждение по заявленному иску, в том числе отказаться от исковых требований полностью или частично.

Очень часто прокурор, обращаясь с иском о взыскании денежных средств в федеральный бюджет, не только по картельным искам, указывает, что действует в интересах Российской Федерации, иногда добавляя – и в интересах неопределенного круга лиц, при этом не указывая государственный орган, уполномоченный представлять РФ в качестве материального истца [6].

При этом в п. 1 ст. 125 Гражданского кодекса Российской Федерации закреплено, что от имени Российской Федерации и субъектов Российской Федерации могут своими действиями приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права и обязанности, выступать в суде органы государственной власти в рамках их компетенции, установленной актами, определяющими статус этих органов.

Кроме того, в ч. 1 ст. 26 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» сформулировано правило о том, что прокуратура не должна подменять собой иные государственные органы, осуществляющие контроль за соблюдением прав человека и гражданина. Иногда об этом суды напоминают прокуратуре (см. Определение СКЭС ВС РФ от 17.01.2020 по делу № А76-17497/2018; Апелляционные определения Самарского областного суда по аналогичным делам: № 33-7228/2024 от 06.06.2024, № 33-3523/2024 от 02.04.2024, №3 3-3521/2024 от 04.04.2024, №3 3-3517/2024 от 09.04.2024 и др.).

Прокурор как процессуальный истец в антимонопольных спорах

Стороной в правоотношениях, связанных с нарушением антимонопольного законодательства, от имени государства выступает ФАС РФ и ее территориальные органы.

При этом антимонопольные органы наделены компетенцией оспаривать сделки, заключенные

с нарушением антимонопольного законодательства, а также исключительной компетенцией по выдаче предписаний о перечислении в бюджет дохода, полученного от нарушения антимонопольного законодательства (ст. 23 ФЗ «О защите конкуренции»), а также обращаться с исками в случае неисполнения данных предписаний на основании ч. 3 ст. 51 ФЗ «О защите конкуренции». Кроме того, антимонопольные органы наделены исключительной компетенцией составлять протоколы о нарушении в области антимонопольных правоотношений, привлекать к ответственности и освобождать от ответственности. Такой компетенцией органы прокуратуры не наделены.

ФАС России наделена законодателем компетенцией давать разъяснения о применении антимонопольного законодательства. Так, в письме ФАС России от 08.07.2016 № ИА/46433/16 «О выдаче предписаний о перечислении в федеральный бюджет доходов, полученных от монополистической деятельности» разъяснено, что «предписание не подлежит выдаче лицу, подлежащему освобождению от административной ответственности». Таким образом, освобождение от административной ответственности является также препятствием для выдачи предписания о перечислении дохода в федеральный бюджет и подачи иска на основании ч. 3 ст. 51 Закона о конкуренции.

Таким образом, антимонопольный орган, являясь стороной материальных правоотношений, вправе освобождать от ответственности, заключать мировые соглашения и иным образом распоряжаться материальными правами истца.

Поэтому, по нашему мнению, именно антимонопольный орган должен привлекаться в качестве материального истца по данного рода делам, а не Минфин РФ и тем более не Федеральная служба судебных приставов. Здесь мы упомянули службу судебных приставов, поскольку в последнее время органы прокуратуры заявляют в качестве материального истца именно службу судебных приставов (как в иске прокурора в деле № А65-20082/2026, рассматриваемом Арбитражным судом РТ, и др.), полагая, что это следует из того, что именно данная служба будет заниматься взысканием в доход государства.

Участие территориальных управлений Федеральной службы судебных приставов в исполнении судебного акта не делает их стороной спорных правоотношений, поскольку обязанность по обеспечению принудительного исполнения судебных актов действует в отношении всех исполнительных актов, соответственно, данная служба является стороной не спорных правоотношений, а правоотношений при исполнении судебного акта, возникающих лишь на стадии исполнения судебного акта. Очевидно, что территориальные управления Федеральной службы судебных приставов не являются стороной спорных правоотношений, равно как и не являются стороной антимонопольных правоотношений, так как не являются уполномоченным государственным органом в сфере антимонопольных правоотношений и, соответственно, не могут быть надлежащим материальным истцом.

Материального истца нужно определять исходя из субъектного состава спорных правоотношений.

Полагаем необходимым отметить, что существует судебная практика, где прокурор по аналогичным делам в качестве государственного органа указывал именно антимонопольный орган. Однако ФАС России в отзыве, направленном в суд, полагала, что предъявление органами прокуратуры в интересах ФАС России имущественные требования о взыскании денежных средств в доход Российской Федерации не могут быть заявлены (Решение Арбитражного суда Владимирской области по делу № А11-7191/2023 от 24 июля 2024 года; Решение Арбитражного суда Владимирской области по делу № А11-7189/2023 от 30.06.2026).

На наш взгляд, такой подход – не отрицание собственной компетенции как материального истца, а мягкое указание на несоблюдение требований ч. 1 ст. 26 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации», поскольку такие иски прокурора направлены на переквалификацию уже установленного антимонопольными органами правонарушения и содержат в себе скрытую критику административных мер, принятых антимонопольным органом (Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 13 декабря 2024 года по делу № А11-7191/2023).

К сожалению, существует практика, где, оспаривая картель в качестве гражданско-правовой сделки [7], просят взыскать в доход государства, ссылаясь на ч. 3 ст. 51 Закона о конкуренции, в том числе с лиц, которые были освобождены антимонопольным органом от административной ответственности. На наш взгляд, такой подход обесценивает идею законодателя, заложенную в примечании к ст. 14.32 КоАП РФ, которым предусматривалось освобождение от административной ответственности для лиц, добровольно заявивших в федеральный антимонопольный орган или его территориальный орган о заключении ими недопустимого в соответствии с антимонопольным

законодательством Российской Федерации соглашения либо об осуществлении недопустимых в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации согласованных действий.

Впрочем, есть дела, в которых антимонопольный орган соглашался с тем, что иск подан в его интересах.

Так, при рассмотрении дела № А74-5534/2024 Арбитражный суд привлек к участию в деле в качестве соистца Управление Федеральной антимонопольной службы по Республике Хакасия. В иске прокурором в качестве публично-правового образования, в интересах которого предъявлен иск, было указано Управление Федеральной антимонопольной службы по Республике Хакасия.

Выше мы указывали, что в делах о признании картеля недействительной сделкой необходимо привлекать в качестве материального истца антимонопольный орган, но данное дело показывает, что это не всегда правильно и что нужно правильно определять характер спорных правоотношений и субъектный состав спора.

В данном деле в качестве обоснования привлечения именно антимонопольного органа прокурор указывал не то, что он является стороной спорного материального правоотношения, а то, что «функции по контролю в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд возложены на Федеральную антимонопольную службу, которая является уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, осуществляет свою деятельность непосредственно и через свои территориальные органы».

В п. 9 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.03.2012 № 15 (ред. от 25.01.2013) «О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе» разъяснено, что «применительно к статье 125 АПК РФ прокурор в исковом или ином заявлении обязан обосновать наличие у него полномочий по обращению в арбитражный суд, а по делам, названным в абзацах втором и третьем части 1 статьи 52 АПК РФ, – указать публично-правовое образование, в интересах которого предъявляется иск, и уполномоченный орган, действующий от имени публично-правового образования. В случае несоблюдения этих требований арбитражный суд оставляет заявление без движения в соответствии со статьей 128 АПК РФ».

При этом прокурор, выступая в качестве процессуального истца и в первоначальном исковом заявлении и в уточненном исковом заявлении не указал материального истца – уполномоченный государственный орган, являющийся стороной спорного материального правоотношения, а указал в качестве лица, чьи он интересы защищает, – УФАС по Хакасии.

К участию в деле в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, привлечены Министерство транспорта и дорожного хозяйства Республики Хакасия (далее – Минтранс Хакасии); администрация города Черногорска (далее – администрация г. Черногорска); Правительство Республики Хакасия, которые не поддержали требования прокурора.

Таким образом, в данном деле суд привлек двух процессуальных истцов, но не привлек материального истца.

Несмотря на то что иск подан о взыскании в доход муниципального образования г. Черногорск Республики Хакасия, в качестве материального истца не привлечено данное лицо, которое полагало требования не подлежащими удовлетворению и просило в удовлетворении заявленных требований отказать. Вышестоящий государственный орган Минтранс Хакасии 27.01.2025 направил в суд пояснения, в которых министерство указало, что оснований для применения последствий недействительности сделки в настоящем деле не имеется. Подрядчиком добросовестно выполнены работы по контракту в полном объеме, которые приняты и оплачены, а результат работ используется.

Отметим, что суд не просил уточнить требования, в результате суд второй инстанции, удовлетворяя требование об односторонней реституции, не заметил, что просительная часть – взыскание в доход города – не является реституционным требованием.

По нашему мнению, антимонопольный орган, осуществляющий контрольные функции, который в том числе осуществляет администрирование поступлений в федеральный бюджет от нарушения антимонопольного законодательства, может быть материальным истцом лишь при взыскании в федеральный бюджет дохода, полученного от нарушения антимонопольного законодательства, но не когда заявлены реституционные требования.

Антимонопольный орган, осуществляя функцию по оспариванию торгов и государственных контрактов, не является стороной оспариваемого правоотношения. Выше мы указывали, что ФАС России и ее органы наделены компетенцией как оспаривать сделки, заключенные с нарушением антимонопольного законодательства, так и

выдавать предписания о перечислении в бюджет дохода, полученного от нарушения антимонопольного законодательства (ст. 23 ФЗ «О защите конкуренции»), так и обращаться с исками в случае неисполнения предписаний на основании ч. 3 ст. 51 ФЗ «О защите конкуренции». При оспаривании сделок антимонопольные органы выступают процессуальными истцами на основании ст. 53 АПК РФ, а при обращении с иском о неисполнении предписания – материальным истцом.

Важно также отметить, что это дело отличается от многих других исков тем, что основанием иска не было решение антимонопольного органа об установлении нарушения антимонопольного законодательства, который в административной процедуре не устанавливал факта нарушения процедуры заключения торгов и не реализовывал вышеуказанных компетенций. Сам этот факт порождает вопрос о возможности вынесения суждения антимонопольным органом о нарушении антимонопольного законодательства, тогда как этот вопрос не был разрешен в установленной законом процедуре.

Поскольку антимонопольный орган является лишь процессуальным истцом в исках о признании сделок недействительными, он в силу ст. 53 АПК РФ в своем иске должен указать, в чем заключается нарушение публичных интересов или прав и (или) законных интересов других лиц, послужившее основанием для обращения в арбитражный суд.

В частности, в данном деле антимонопольный орган также писал о нарушении интересов муниципального образования г. Черногорск Республики Хакасия.

Отметим, что антимонопольный орган, не являясь стороной материальных правоотношений, был не вправе заключать мировые соглашения и распоряжаться материальными правами истца и поэтому не мог быть материальным истцом по реституционному требованию.

Прокурор не мог подать иск в защиту другого процессуального истца, поскольку это было бы просто дублированием процессуальной функции или подменой функции антимонопольного органа.

Вмешательство прокурора может быть допустимо только в том случае, «когда цель процедуры не может быть достигнута иным образом (принцип субсидиарности)». Это следует из ч. 2 ст. 26 ФЗ от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», которой предусмотрено, что «органы прокуратуры не подменяют иные государственные органы и должностных лиц, которые осуществляют контроль за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, не вмешиваются в оперативно-хозяйственную деятельность организаций».

Отметим, что привлечение стороны спорного материального правоотношения не материальным истцом, а третьим лицом, не означает извещения его о том, что данное лицо привлечено в качестве материального истца.

В Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28.01.2016 по делу № 301-ЭС15-12618, А29-506/2014 разъяснялось, что рассмотрение дела с участием лиц, которые должны участвовать стороной по делу, в качестве третьих лиц с меньшим объемом прав и обязанностей, которыми наделена сторона по делу, применительно к положениям пункта 4 части 4 статьи 270 и пункта 4 части 4 статьи 288 АПК РФ должно признаваться безусловным основанием к отмене судебного акта независимо от результата рассмотрения дела.

При этом рассмотрение дела в отсутствие кого-либо из участвующих в деле лиц, не извещенных надлежащим образом о времени и месте судебного заседания в силу п. 2 ч. 4 ст. 270 АПК РФ, является безусловным основанием для отмены судебного акта.

Кроме того, непривлечение материального истца нарушает также интересы ответчика, в частности, лишает ответчика возможности заявить встречный иск к надлежащему материальному истцу, а также права ответчика ссылаться на эстоппель [8] (на п. 5 ст. 166 ГК РФ).

Уклонение от привлечения надлежащего материального истца иногда может быть обусловлено целью обойти факт истечения сроков давности и обойти тот факт, что о нарушении стало известно уполномоченному органу государственной власти уже давно.

В данном же деле неправильное определение субъектного состава лиц, участвующих в деле, привело к тому, что отрицательное отношение города и заказчика к заявленному требованию, хотя и было воспроизведено судом, но не было учтено судом: в деле отсутствуют аргументы, почему суд не согласился с их мнением о том, что сделка не нарушает их интересов, и что, наоборот, ее аннулирование причинит больше вреда интересам города.

Это привело к признанию контракта ничтожным и лишило заказчика права на постконтрактные гарантийные обязательства.

Таким образом, непривлечение к рассмотрению дела надлежащего материального истца

является грубым процессуальным нарушением, которое само по себе является основанием для отмены судебных актов и направления на новое рассмотрение, но, к сожалению, в данном деле этот процессуальный момент не был обнаружен судами.

Между тем вопрос о материальном истце должен быть рассмотрен в первом же судебном заседании, еще при подготовке к рассмотрению дела. В силу абзаца четвертого ст. 148 и п. 4 ч. 1 ст. 150 ГПК РФ судья при подготовке дела к судебному разбирательству разрешает вопрос о составе лиц, участвующих в деле, и других участников процесса и о вступлении в дело соистцов, соответчиков и третьих лиц без самостоятельных требований относительно предмета спора, а также разрешает вопрос о замене ненадлежащего ответчика.

Поскольку вопрос о субъектном составе является одним из важнейших, Верховный Суд РФ разъяснил в п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.05.2026 № 15 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству», что «определение состава лиц, участвующих в деле, осуществляется судом исходя из природы спорных правоотношений и предполагаемых обладателей прав, обязанностей и законных интересов, которые могут быть затронуты в результате рассмотрения дела судом (абзац четвертый статьи 148 ГПК РФ). С учетом конкретных обстоятельств дела судья разрешает вопрос о составе лиц, участвующих в деле (статья 34 ГПК РФ), которые имеют в нем процессуальный или материально-правовой интерес (частный или публичный)».

При обращении в арбитражный суд применительно к статье 125 АПК РФ прокурор в исковом или ином заявлении обязан обосновать наличие у него полномочий по обращению в арбитражный суд, а по делам, названным в абзацах втором и третьем части 1 статьи 52 АПК РФ, – указать публично-правовое образование, в интересах которого предъявляется иск, и уполномоченный орган, действующий от имени публично-правового образования. В случае несоблюдения этих требований арбитражный суд оставляет заявление без движения в соответствии со статьей 128 АПК РФ (пункт 9 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.03.2012 № 15 «О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе»).

Отличие материального истца от соистца

Надо отметить, что порой на практике путают материального истца и соистца, хотя между данными понятиями существует большая разница, которая приводит к тому, что материального истца не привлекают к рассмотрению дела, указывая, что суд не может привлекать соистцов без их волеизъявления.

Доктриной уже давно разъяснено, что «объединять прокурора и истца в группу соистцов … не представляется возможным [9]» – они не могут быть соистцами, поскольку их отношения не подпадают под признаки процессуального соучастия. Согласно ч. 2 ст. 40 Гражданского процессуального кодекса РФ, для процессуального соучастия характерно наличие в качестве предмета спора общих прав и обязанностей истцов или ответчиков; однородность прав и обязанностей; их общее основание.

Кроме того, у соистцов предполагается наличие личного юридического интереса в исходе дела с возможностью исполнения судебного решения в их пользу. О таких признаках в отношении прокурора речь не идет [10; 78]. Прокурор не является субъектом спорного материального правоотношения, поэтому решение суда не влияет на его субъективные материальные права и обязанности. Следовательно, прокурор, подавший заявление в защиту законных интересов других лиц, не обладает материальной заинтересованностью в исходе дела. Это подтверждается формулировками ч. 2 ст. 45 ГПК РФ и ч. 2 ст. 46 ГПК РФ. В соответствии с ними прокурор, подавший заявление в защиту законных интересов других лиц, пользуется всеми процессуальными правами и несет все процессуальные обязанности истца. Смысл словосочетания «пользоваться правами, нести обязанности истца» не равнозначен смыслу словосочетания «быть истцом».

Вопрос о вступлении в дело соистца разрешается с учетом мнения сторон в предварительном судебном заседании. При этом в силу разъяснений, данных в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21.05.2026 № 15 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству», суд «обязан известить лиц, которые предположительно являются обладателями оспариваемого или нарушенного права, об имеющемся в суде деле, разъяснить им право вступить в дело в качестве соистцов и с их согласия привлечь к участию в деле. При отсутствии согласия таких лиц суд вправе привлечь их к участию в процессе в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, на стороне истца (часть 1 статьи 43 ГПК РФ)».

В отличие от соистца, «материальный» истец становится стороной в споре в результате подачи искового заявления в защиту его интересов,

наличия компетенции, установленной нормативными актами и положениями ч. 2 ст. 38 ГПК РФ, согласно которым лицо, в интересах которого дело начато по заявлению лиц, обращающихся в суд за защитой прав, свобод и законных интересов других лиц, извещается судом о возникшем процессе и участвует в нем в качестве истца.

При этом данное лицо является стороной в силу закона по иску прокурора, и его волеизъявление для участия в качестве истца не является необходимым. В то же время если истец полагает иск в той или иной части необоснованным, он имеет право отказаться от иска полностью или в части. Соответствующее право установлено в ст. 45 ГПК РФ, согласно которой при отказе истца от иска суд прекращает производство по делу, если это не противоречит закону или не нарушает права и законные интересы других лиц.

Зачем нужен материальный истец?

Само разграничение на процессуального истца и материального истца является следствием осознания необходимости того, чтобы прокурор в качестве процессуального истца оставался непредвзятым защитником права и не имел каких-либо материальных интересов в деле.

У прокурора не должно быть функции пополнения бюджета. Появление такой функции у правоохранительного органа в наше непростое время, в условиях дефицита бюджета, может восприниматься как актуальная задача, но на самом деле она крайне разрушительна для правопорядка. Рудольф фон Иеринг писал, что закон есть единение разумных и дальнозорких против близоруких. Охрана права и закона должна оставаться главной функцией прокурора. С точки зрения долгосрочного планирования именно защита права должна обеспечить устойчивое развитие России.

Очевидно, что если орган, призванный защищать правопорядок, начнет «близоруко» заниматься пополнением бюджета, то у него, безусловно, произойдет подмена целей. Тот, кто имеет цель пополнить бюджет, весьма скоро перестанет служить правде и справедливости. У правоохранительных органов не должно быть цели пополнения бюджета!

Сиюминутная выгода государства от быстрого пополнения бюджета может обернуться не только потерей законности как принципа действия государства, но и застоем в осуществлении предпринимательской деятельности, который через какое-то время опустошит бюджет. И, самое страшное, все это может обернуться потерей доверия к государству.

Еще в Древнем Риме знали, что «утрата уважения к судьям разрушает государство» (Sublata veneratione magistratuum, res publica ruit). Полагаем, что это осознавалось в России при создании прокуратуры, Петр I ставил перед ней «дальновидную» задачу: «уничтожить или ослабить зло, проистекающее из беспорядков в делах, неправосудия, взяточничества и беззакония» [11].

Роль прокурора в гражданском процессе – это «око государево», служащее защите законности и прав граждан. Важно, чтобы гражданин был уверен, что в споре с государством он даже более защищен, что в его спор не будут входить новые субъекты, нарушая принцип «равенства оружия», которые озабочены лишь сиюминутной задачей пополнения бюджета и не учитывают всей картины спорных правоотношений.

Граждане и их объединения должны пользоваться уважением именно как субъекты права, а не как средство для пополнения бюджета.

Это уважение должно включать в себя защиту от дискомфорта, при которой гражданин обладает разумной возможностью представить свою позицию в условиях, которые не создают для него как стороны спора существенного неудобства по сравнению с другой стороной [12].

Привлечение в дело надлежащего материального истца является в том числе процессуальной гарантией того, что суд учтет все обстоятельства дела, что поможет вынесению справедливого судебного решения.

Список источников

1. Султанов А.Р. Приключения вокруг статьи 169 Гражданского кодекса Российской Федерации по искам прокуратуры продолжаются, или игнорирование правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации // Евразийская адвокатура. 2025. № 6 (77). С. 101 [Электронный ресурс]. URL: https://doi.org/10.52068/2304-9839_2025_77_6_101.

2. Султанов А.Р. Зачем превращать картель в гражданско-правовую сделку? // Российская юстиция. 2025. № 2. С. 30–37. DOI 10.52433/01316761_2025_02_30. EDN KOTKQZ.

3. Лавриненков С.А. Особенности процессуального положения прокурора в гражданском судопроизводстве // Вестник ПАГС. 2011. № 4. С. 80.

4. Ченцов Н.В. Защита государственных интересов в гражданском судопроизводстве: теоретические проблемы: автореф. дис. … докт. юрид. наук. М., 1990. С. 4.

5. Смагина Е.С. Участие государства в современном цивилистическом процессе: монография. М.: Статут, 2021. 268 с.

6. Султанов А.Р. Прокурорские иски. Кто материальный истец // Конкуренция и право. 2025. № 3. С. 24–32.

7. Султанов А.Р. Зачем превращать картель в гражданско-правовую сделку? // Российская юстиция. 2025.

№ 2. С. 30–37. DOI 10.52433/01316761_2025_02_30. EDN KOTKQZ.

8. Султанов А.Р. Борьба с пробелами в Налоговом кодексе Российской Федерации и фиксированными идеями в налоговых спорах. М.: ООО Издательство «Статут», 2022. С. 133.

9. Ференц-Сороцкий А.А. Прокурор в гражданском судопроизводстве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1992. № 4. С. 91–95.

10. Воробьев Т.Н. Теоретические и практические проблемы участия прокурора в гражданском судопроизводстве: дис. … канд. юрид. наук. Саратов: СГЮА, 2019. С. 78.

11. Султанов А.Р. Является ли картель гражданско-правовой сделкой? // Юридический вестник Самарского университета. 2024. Т. 10. № 3. С. 26–31. DOI 10.18287/2542-047X-2024-10-3-26-31. EDN IQRDFE.

12. Султанов А.Р. Борьба за правовую определенность или поиск справедливости. М.: ООО «Издательство «СТАТУТ», 2015. 688 с. (Записки судебного юриста). ISBN 978-5-8354-1118-4. EDN NMJZGY.

References

1. Sultanov A.R. Priklyucheniya vokrug stat`i 169 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii po iskam prokuratury` prodolzhayutsya, ili ignorirovanie pravovy`x pozicij Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii // Evrazijskaya advokatura. 2025. № 6 (77). S. 101 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://doi.org/10.52068/2304-9839_2025_77_6_101.

2. Sultanov A.R. Zachem prevrashhat` kartel` v grazhdansko-pravovuyu sdelku? // Rossijskaya yusticiya. 2025. № 2. S. 30–37. DOI 10.52433/01316761_2025_02_30. EDN KOTKQZ.

3. Lavrinenkov S.A. Osobennosti processual`nogo polozheniya prokurora v grazhdanskom sudoproizvodstve // Vestnik PAGS. 2011. № 4. S. 80.

4. Chenczov N.V. Zashhita gosudarstvenny`x interesov v grazhdanskom sudoproizvodstve: teoreticheskie problemy`: avtoref. dis. … dokt. yurid. nauk. M., 1990. S. 4.

5. Smagina E.S. Uchastie gosudarstva v sovremennom civilisticheskom processe: monografiya. M.: Statut, 2021. 268 s.

6. Sultanov A.R. Prokurorskie iski. Kto material`ny`j istecz // Konkurenciya i pravo. 2025. № 3. S. 24–32.

7. Sultanov A.R. Zachem prevrashhat` kartel` v grazhdansko-pravovuyu sdelku? // Rossijskaya yusticiya. 2025. № 2. S. 30–37. DOI 10.52433/01316761_2025_02_30. EDN KOTKQZ.

8. Sultanov A.R. Bor`ba s probelami v Nalogovom kodekse Rossijskoj Federacii i fiksirovanny`mi ideyami v nalogovy`x sporax. M.: OOO Izdatel`stvo Statut, 2022. S. 133.

9. Ferencz-Soroczkij A.A. Prokuror v grazhdanskom sudoproizvodstve // Izvestiya vy`sshix uchebny`x zavedenij. Pravovedenie. 1992. № 4. S. 91–95.

10. Vorob`ev T.N. Teoreticheskie i prakticheskie problemy` uchastiya prokurora v grazhdanskom sudoproizvodstve: dis. … kand. yurid. nauk. Saratov: SGYuA, 2019. S. 78.

11. Sultanov A.R. Yavlyaetsya li kartel` grazhdansko-pravovoj sdelkoj? // Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta. 2024. T. 10. № 3. S. 26-31. DOI 10.18287/2542-047X-2024-10-3-26-31. EDN IQRDFE.

12. Sultanov A.R. Bor`ba za pravovuyu opredelennost` ili poisk spravedlivosti. M.: OOO «Izdatel`stvo «STATUT», 2015. 688 s. (Zapiski sudebnogo yurista). ISBN 978-5-8354-1118-4. EDN NMJZGY.

Статья поступила в редакцию 08.07.26;
одобрена после рецензирования 17.07.26;
принята к публикации 17.07.26.

The article was submitted 08.07.26;
approved after reviewing 17.07.26;
accepted for publication 17.07.26.

Евразийская адвокатура. 2026. № 4 (81). С. 50.
Eurasian Advocacy. 2026;(4(81)):50.

Актуальные проблемы адвокатской практики

Научная статья
УДК 342.9:004.738.5
doi 10.52068/2304-9839_2026_81_4_50

ОТ РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНТЕНТА К РЕГУЛИРОВАНИЮ ПОИСКА: СТАТЬЯ 13.53 КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ И РЕКЛАМА СРЕДСТВ ДОСТУПА

СПАРТАК Сергей Андреевич
Кандидат политических наук, доцент кафедры философии языка и коммуникации философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
119991, г. Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Российская Федерация

Аннотация: Цель исследования – определить правовую природу статьи 13.53 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, запрета рекламы программно-аппаратных средств доступа к ограниченным ресурсам и их значение для практики. Использованы формально-юридический, системный и функциональный методы, анализ опубликованных правоприменительных материалов. Обосновано, что формула «криминализация поиска» юридически неточна: законодатель установил административную ответственность за совокупность действий, включающую умышленный поиск, заведомо экстремистский характер конкретного материала и фактическое получение доступа к нему. Использование виртуальной частной сети является факультативным способом, а не самостоятельным основанием ответственности. Сформулирован стандарт цифрового доказывания, исключающий отождествление технического следа с установленной виной. Показана необходимость функционального профессионального исключения для добросовестной научной, журналистской, экспертной, адвокатской, правотворческой и правоохранительной деятельности. Значимость работы состоит в предложении гарантий, которые повышают доказательность и легитимность суверенного регулирования, не ослабляя государственную политику противодействия экстремизму.

Ключевые слова: цифровой суверенитет, экстремистские материалы, статья 13.53 КоАП РФ, административная ответственность, умысел, заведомость, цифровые доказательства, реклама, виртуальная частная сеть, адвокатская деятельность, право на информацию

Для цитирования: Спартак С.А. От регулирования контента к регулированию поиска: статья 13.53 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и реклама средств доступа // Евразийская адвокатура. 2026. № 4 (81). С. 50. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_81_4_50

Current Problems of Advocacy Practice

Original article

FROM CONTENT REGULATION TO SEARCH REGULATION: ARTICLE 13.53 OF THE RUSSIAN CODE OF ADMINISTRATIVE OFFENCES AND ADVERTISING OF ACCESS TOOLS

SPARTAK Sergey Andreevich
Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy of Language and Communication of the Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University
119991, Moscow, Lomonosovsky Prospekt, 27-4, Russian Federation

Abstract: The purpose of the study is to determine the legal nature of Article 13.53 of the Russian Code of Administrative Offences, the prohibition on advertising software and hardware tools for accessing restricted resources, and their significance for legal practice. Formal legal, systemic and functional methods were used together with an analysis of the first published enforcement materials. The article argues that the expression «criminalisation of search» is legally inaccurate: the legislature established administrative liability for a cumulative sequence comprising intentional searching, prior knowledge that a specific material is extremist, and actual access to it. The use of a virtual private network is an optional method, not an independent ground of liability. A standard of digital proof is proposed to prevent technical traces from being equated with established guilt. The article substantiates a functional professional exception for bona

© Спартак С.А., 2026 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC BY).

fide scientific, journalistic, expert, legal, legislative and law-enforcement activities. The proposed safeguards strengthen the evidentiary quality and legitimacy of sovereign regulation without weakening state policy against extremism.

Keywords: digital sovereignty, extremist materials, Article 13.53 of the Russian Code of Administrative Offences, administrative liability, intent, prior knowledge, digital evidence, advertising, virtual private network, legal profession, right to information

For citation: Spartak S.A. From Content Regulation to Search Regulation: Article 13.53 of the Russian Code of Administrative Offences and Advertising of Access Tools = Eurasian Advocacy. 2026; 4 (81):50. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_81_4_50

Введение

Цифровая среда изменила не только скорость распространения противоправного контента, но и структуру его оборота. После ограничения первоначального ресурса материал может сохраняться в зеркалах, закрытых каналах, облачных хранилищах и алгоритмической выдаче. Поэтому государственная политика закономерно дополняет воздействие на автора и распространителя оценкой отдельных форм пользовательского поведения. Для России такая профилактическая логика связана с защитой конституционного строя, общественной безопасности и устойчивости национального информационного пространства, что закреплено в Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации [1].

В 2025 г. в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) появилась статья 13.53. Она установила ответственность граждан за умышленный поиск в сети Интернет заведомо экстремистских материалов и получение доступа к ним; санкция составляет от трех до пяти тысяч рублей [2, 3]. Одновременно законодатель ограничил рекламу программно-аппаратных средств, предоставляющих доступ к ресурсам и сетям, доступ к которым ограничен в соответствии с российским законодательством. Тем самым регулирование вышло за пределы классического запрета распространения и затронуло целенаправленный спрос на запрещенный контент.

В научной литературе новелла оценивается в контексте государственного контроля в информационном пространстве, противодействия распространению экстремистских материалов и принципа правовой определенности [4–6]. Более широкая административно-правовая доктрина обоснованно связывает эффективность информационных ограничений с их адресностью, предсказуемостью и процессуальными гарантиями [7–10]. Цель настоящей статьи – раскрыть конструкцию состава статьи 13.53 КоАП РФ, разграничить ее с рекламным запретом и предложить ориентиры для защиты по соответствующим делам. Методологическую основу составили формально-юридический, системный и функциональный методы, а также анализ опубликованных материалов практики.

Исходная гипотеза состоит в том, что новый состав является допустимым элементом цифрового суверенитета, если правоприменитель не подменяет доказательство умысла и заведомости самим наличием технического следа. Поэтому корректнее говорить не о «криминализации доступа», а об административной деликтизации специально описанного целенаправленного цифрового поведения. Такое понятийное уточнение важно и политически, и юридически: оно отделяет законную профилактику экстремизма от ответственности за случайное восприятие информации.

Конструкция состава статьи 13.53 КоАП РФ

Диспозиция статьи содержит несколько взаимосвязанных признаков, каждый из которых подлежит самостоятельному установлению. Во-первых, предметом выступает конкретный материал, включенный в опубликованный федеральный список экстремистских материалов либо относящийся к материалам, указанным в пункте 3 статьи 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Федеральный список формируется Министерством юстиции Российской Федерации на основании вступивших в законную силу судебных решений и воспроизводит индивидуализирующие признаки материала [11, 12]. Следовательно, общего интереса к радикальной идеологии, упоминания запрещенной организации или совпадения ключевых слов недостаточно: необходимо соотнести фактически открытый объект с юридически определенным предметом.

Во-вторых, «поиск» предполагает активное действие пользователя, направленное на обнаружение материала. Пассивное появление публикации в рекомендательной ленте, автоматическая загрузка превью, получение незапрошенной ссылки или демонстрация материала другим лицом не тождественны поиску. Иное толкование переносило бы на гражданина риски архитектуры платформы, которыми он не управляет, и размывало бы границу между событием и виной.

В-третьих, законодатель отдельно называет получение доступа. Неудавшийся запрос, неоткрывшаяся страница или запись адреса без подтверждения загрузки содержания не завершают объективную сторону. В цифровой среде это различие требует технической проверки: адрес может вести на удаленную страницу, заглушку оператора связи, иной файл либо изменившийся контент. Предмет доказывания включает не только факт обращения к унифицированному указателю ресурса, но и то, что именно было доступно в соответствующий момент.

В-четвертых, материал должен быть «заведомо» экстремистским для лица. Заведомость означает реальное знание о юридическом статусе конкретного объекта до поиска или в момент его осуществления. Ее нельзя выводить лишь из того, что материал фактически находился в списке: нормативная известность списка не равнозначна доказанности индивидуального знания о каждой позиции. Наконец, прямое указание на умышленный характер деяния исключает ответственность по модели неосторожности. В совокупности эти признаки образуют узкий состав, а не общий запрет интересоваться спорной тематикой.

Упоминание программно-аппаратных средств доступа характеризует возможный способ совершения деяния. Само наличие на устройстве виртуальной частной сети, прокси-сервера или корпоративного защищенного соединения не образует состава правонарушения, предусмотренного статьей 13.53 КоАП РФ. Такая технология применяется для удаленной работы, защиты трафика, доступа к корпоративной инфраструктуре и иных законных целей. Юридическое значение она приобретает только в совокупности с доказанными поиском, доступом, предметом, заведомостью и умыслом. Именно функциональное, а не технологическое толкование позволяет сохранить эффективность нормы и не создавать избыточных запретов для цифровой экономики.

Реклама средств доступа как самостоятельный правовой режим

Рекламный запрет имеет иной объект и иную логику. Часть 10.8 статьи 5 Федерального закона «О рекламе» запрещает распространение рекламы программно-аппаратных средств доступа к ограниченным ресурсам и сетям. За нарушение частью 18 статьи 14.3 КоАП РФ установлены штрафы: для граждан – от пятидесяти до восьмидесяти тысяч рублей, для должностных лиц – от восьмидесяти до ста пятидесяти тысяч рублей, для юридических лиц – от двухсот до пятисот тысяч рублей [3, 13, 14]. Ответственность наступает не за пользование технологией и не за любой рассказ о ней, а за рекламное сообщение, продвигающее соответствующую функцию.

При квалификации необходимо сначала установить рекламный характер информации: наличие объекта рекламирования, направленность на привлечение внимания, формирование или поддержание интереса и продвижение на рынке. Затем оценивается смысл сообщения. Нейтральный обзор технологий защищенного соединения, сообщение о корпоративной кибербезопасности или критический анализ регулирования не должны автоматически превращаться в рекламу. Иная ситуация возникает, когда публикация содержит призыв установить сервис, сведения о тарифе, реферальную ссылку, обещание доступа к заблокированным ресурсам либо иные элементы коммерческого продвижения.

Одно из первых опубликованных решений территориального антимонопольного органа касалось размещения в Telegram-канале ссылок на сервисы «Atlanta VPN bot» и «Молния VPN». Комиссия признала публикации ненадлежащей рекламой с учетом их содержания, ссылок и обстоятельств размещения [15]. Значение этой практики состоит не в создании презумпции, что всякое упоминание сервиса является рекламой, а в подтверждении необходимости анализировать сообщение целиком: его цель, композицию, адресата, коммерческие маркеры и фактическую функцию ссылки.

Для практики разграничение двух режимов принципиально. По статье 13.53 КоАП РФ субъектом является гражданин, которому вменяется умышленная последовательность поиска и доступа. По части 18 статьи 14.3 КоАП РФ исследуются распространение рекламы и распределение ответственности между участниками рекламной цепочки. Совпадение технического объекта не означает совпадения состава, предмета доказывания или линии защиты.

Цифровое доказывание и стандарт защиты

Особенность статьи 13.53 КоАП РФ заключается в том, что почти все внешние следы деяния являются цифровыми, тогда как ключевые признаки – умысел и заведомость – относятся к внутренней стороне поведения. Общие правила КоАП РФ сохраняют здесь полную силу: лицо считается невиновным, не обязано доказывать свою невиновность, неустранимые сомнения толкуются в его пользу, а доказательства должны быть получены законно и оцениваться в совокупности, причем ни одно из них не имеет заранее установленной силы [3].

Из этого следует минимальная доказательственная матрица. Правоприменителю необходимо установить: принадлежность действия конкретному лицу, а не только устройству или учетной записи; содержание и последовательность запросов; точную дату и время; идентичность открытого материала позиции федерального списка; фактическую успешность доступа; обстоятельства, подтверждающие предварительное знание о статусе материала; цель и контекст поведения; целостность извлеченных данных и непрерывность их хранения. Каждый элемент отвечает на отдельный юридический вопрос и не может быть заменен соседним.

История браузера подтверждает обращение к адресу, но не всегда раскрывает содержание страницы и субъекта действия. Кэш может формироваться автоматически. Наличие приложения для защищенного соединения ничего не говорит о цели конкретной сессии. Снимок экрана без исходных метаданных не позволяет проверить время и полноту изображения. Даже поисковая формулировка, содержащая название материала, требует контекстуальной оценки: она могла быть введена при подготовке жалобы, научного текста, журналистской проверки или юридической консультации. Технический след является исходным фактом, а не готовым выводом о вине.

Первая получившая широкое освещение практика показала, что новая норма уже проходит судебную проверку: в мае 2026 г. Седьмой кассационный суд общей юрисдикции оставил без изменения постановление о штрафе в три тысячи рублей за поиск изображений символики формирования, признанного экстремистским [16]. Одного дела недостаточно для устойчивого обобщения, но оно подтверждает практическую значимость вопросов идентификации предмета, мотивации поиска и оценки цифровых данных.

Защитнику целесообразно проверять не только протокол, но и происхождение каждого цифрового доказательства. Существенны порядок изъятия и осмотра устройства, участие специалиста, фиксация версии программного обеспечения, временной зоны и настроек, сохранение исходного образа носителя, контрольных хэш-значений и журналов доступа к копии. Следует сопоставлять унифицированный указатель ресурса с фактически загруженным содержанием, дату включения материала в список – с датой поиска, а вывод о заведомости – с конкретными сообщениями и действиями лица. При отсутствии исходных данных воспроизводимость экспертного вывода становится предметом самостоятельного возражения.

Профессиональный доступ к информации: существующая коллизия

Защита по делам о поиске или распространении экстремистских материалов объективно требует установить содержание объекта, его совпадение с судебным решением и контекст действий доверителя. Сходная потребность возникает у ученого, преподавателя, журналиста, эксперта, законодателя и сотрудника правоохранительного органа. Однако по состоянию на 7 августа 2026 г. статья 13.53 КоАП РФ и Федеральный закон № 114-ФЗ не содержат прямого общего исключения для добросовестной профессиональной работы.

В марте 2026 г. публично обсуждалась поправка, разрешающая поиск в научных и исследовательских целях, а также в рамках правотворческой и правоохранительной деятельности. В окончательный текст Федерального закона от 26 июня 2026 г. № 210-ФЗ соответствующее изменение Федерального закона № 114-ФЗ не вошло [11, 17, 18]. Поэтому представлять такое исключение как действующую норму нельзя. Сохранение коллизии особенно заметно применительно к адвокату: обязанность проверить доказательство существует, но наиболее прямой способ проверки может внешне совпадать с объективными признаками нового состава.

Решением представляется функциональная оговорка, а не исключение по перечню профессий. Освобождение должно распространяться на действия, объективно необходимые для добросовестной научной, образовательной, журналистской, экспертной, адвокатской, правотворческой и правоохранительной деятельности, если соблюдены четыре условия: профессиональная цель документирована, объем доступа соразмерен задаче, исключено незаконное распространение, материал хранится и исследуется с соблюдением специальных мер безопасности. Такой подход не создает привилегии на свободный оборот запрещенного контента, а отделяет общественно полезную экспертизу от потребительского интереса к экстремистской идеологии.

До появления прямого регулирования профессиональный риск следует снижать процессуальными средствами. Для адвоката предпочтительны работа с материалом, уже приобщенным к делу, ходатайство о его осмотре в судебном заседании, привлечение специалиста, запрос заверенной копии судебного решения и индивидуализирующих признаков позиции списка, письменная фиксация цели исследования и исключение дальнейшего распространения. Эти меры не заменяют законодательной гарантии, однако позволяют

показать добросовестный контекст и отсутствие противоправной направленности.

Конституционный баланс и направления совершенствования

Конституция Российской Федерации гарантирует право свободно искать и получать информацию любым законным способом, право на квалифицированную юридическую помощь и допускает федеральные ограничения прав в мере, необходимой для защиты основ конституционного строя, прав других лиц, обороны страны и безопасности государства [19]. Следовательно, сама идея ограничения целенаправленного доступа к экстремистским материалам не противоречит конституционной модели. Юридическое значение имеют качество закона, соразмерность и процесс его применения.

В этом смысле правовая определенность не ослабляет государственный суверенитет, а переводит его из декларативной в правоприменимую форму. Предсказуемая норма точнее направляет профилактику на общественно опасное поведение, повышает устойчивость постановлений при обжаловании и укрепляет доверие к информационной политике государства. Напротив, автоматическая ответственность за пассивное получение ссылки либо за наличие программы защищенного соединения создавала бы избыточный сдерживающий эффект и отвлекала ресурсы от выявления действительно целенаправленного доступа.

Для дальнейшей настройки регулирования целесообразны пять мер. Первая – официальное обобщение судебной практики с разграничением активного поиска, пассивного показа и автоматической загрузки. Вторая – единый протокол фиксации цифровых доказательств, предусматривающий сохранение исходных данных, хэш-значений, временных параметров и воспроизводимого описания метода исследования. Третья – разъяснение антимонопольного органа о критериях рекламного характера публикаций о средствах доступа. Четвертая – стабильные машиночитаемые идентификаторы позиций федерального списка, позволяющие надежно сопоставлять материал и судебное решение. Пятая – функциональная профессиональная оговорка с требованиями соразмерности, конфиденциальности и отсутствия распространения.

Предложенные меры не направлены на демонтаж статьи 13.53 КоАП РФ. Напротив, они способны сделать ее более точным инструментом цифрового суверенитета. Для адвокатского сообщества это означает возможность проверять цифровое обвинение без размывания законных целей противодействия экстремизму, а для государства – получение более качественной экспертизы и устойчивой практики.

Заключение

Статья 13.53 КоАП РФ обозначила переход российского права от преимущественного регулирования распространения контента к оценке отдельных форм целенаправленного информационного поведения. Этот переход отвечает технологической реальности и легитимной задаче предупреждения экстремистской активности. Вместе с тем состав построен как совокупность ограничительных признаков: активный поиск, конкретный предмет, фактический доступ, заведомость и умысел. Ни наличие виртуальной частной сети, ни запись в истории браузера, ни случайное появление материала сами по себе ответственности не образуют.

Запрет рекламы средств доступа также должен применяться функционально: он пресекает продвижение возможности обхода законных ограничений, но не объявляет противоправной технологию защищенного соединения как таковую. В обоих режимах центральным становится качество квалификации и доказательств.

Оптимальная модель дальнейшего развития сочетает суверенное право государства защищать свое информационное пространство с точными процессуальными гарантиями. Стандарт цифрового доказывания, обобщение практики и профессиональная оговорка не ослабят противодействие экстремизму, а повысят его адресность. Успех новой нормы следует измерять не количеством дел, а способностью правопорядка уверенно отличать умышленный доступ к экстремистскому материалу от случайного контакта и добросовестной профессиональной работы.

Список источников

1. Указ Президента Российской Федерации от 28.12.2024 № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202412280115.

2. Федеральный закон от 31.07.2025 № 281-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202507310012.

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ. Ст. 1.5, 2.2, 13.53, 14.3, 26.1, 26.2, 26.11 [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/.

4. Малахов С.А. Несоответствие некоторых составов административных правонарушений в области связи и информации требованиям принципа пра-

вовой определенности // Административное право и процесс. 2025. № 10. С. 45–49. DOI: 10.18572/2071-1166-2025-10-45-49.

5. Римский А.В., Дизер О.А., Кузнецов А.В. Проблемы правового регулирования противодействия распространению экстремистских материалов в информационно-телекоммуникационных сетях: теоретический аспект и правоприменительная практика // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2026. Т. 51, № 1. С. 129–137. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-129-137.

6. Саттаров В.Д. Государственный контроль в информационном пространстве: юридический анализ // Вестник Российской правовой академии. 2026. № 2. С. 77–87. DOI: 10.33874/2072-9936-2026-0-2-77-87.

7. Бершицкий Э.Е. Правовая определенность и оценочные категории: краткий очерк на примере составов правонарушений в различных отраслях права [Электронное издание]. М.: М-Логос, 2021. 154 с.

8. Власенко Н.А. Разумность и определенность в правовом регулировании: монография. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИНФРА-М, 2014. 157 с. DOI: 10.12737/5616.

9. Кудрявцев В.В., Мустакимов Н.С., Привалова Е.А. Значение и реализация административно-правовых механизмов контроля за информационным пространством в целях защиты основ конституционного строя // Административное и муниципальное право. 2025. № 6. С. 36–64. DOI: 10.7256/2454-0595.2025.6.75288.

10. Лунгу Е.В. Конституционные права и свободы человека в свете цифровизации общественных отношений // Lex russica. 2025. Т. 78, № 3. С. 86–97. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.220.3.086-097.

11. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/.

12. Министерство юстиции Российской Федерации. Экстремистские материалы [Электронный ресурс]. URL: https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/.

13. Федеральный закон от 31.07.2025 № 332-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О рекламе"» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_511149/.

14. Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе». Ст. 5, ч. 10.8 [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/.

15. Решение Вологодского УФАС России № 035/05/5-1030/2025 от 15.01.2026 [Электронный ресурс]. URL: https://br.fas.gov.ru/to/vologodskoe-ufas-rossii/010eeeec-aab9-4e09-a6ef-e3647eb6ad05/.

16. Кассация оставила без изменения первое в РФ решение по делу о поиске экстремистского контента // Интерфакс [Электронный ресурс]. URL: https://www.interfax.ru/russia/1087814.

17. Экстремистские материалы в интернете разрешат искать ученым и правоохранителям // Forbes Russia [Электронный ресурс]. URL: https://www.forbes.ru/tekhnologii/557652-ekstremistskie-materialy-v-internete-razresat-iskat-ucenym-i-pravoohranitelam.

18. Федеральный закон от 26.06.2026 № 210-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_537891/.

19. Конституция Российской Федерации. Ст. 29, 48, 55 [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.

References

1. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 28.12.2024 № 1124 «Ob utverzhdenii Strategii protivodejstviya e`kstremizmu v Rossijskoj Federacii» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202412280115.

2. Federal`ny`j zakon ot 31.07.2025 № 281-FZ [E`lektronny`j resurs]. URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202507310012.

3. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativny`x pravonarusheniyax ot 30.12.2001 № 195-FZ. St. 1.5, 2.2, 13.53, 14.3, 26.1, 26.2, 26.11 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/.

4. Malaxov S.A. Nesootvetstvie nekotory`x sostavov administrativny`x pravonarushenij v oblasti svyazi i informacii trebovaniyam principa pravovoj opredelennosti // Administrativnoe pravo i process. 2025. № 10. S. 45–49. DOI: 10.18572/2071-1166-2025-10-45-49.

5. Rimskij A.V., Dizer O.A., Kuzneczov A.V. Problemy` pravovogo regulirovaniya protivodejstviya rasprostraneniyu e`kstremistskix materialov v informacionno-telekommunikacionny`x setyax: teoreticheskij aspekt i pravoprimenitel`naya praktika // NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sociologiya. Pravo. 2026. T. 51, № 1. S. 129–137. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-129-137.

6. Sattarov V.D. Gosudarstvenny`j kontrol` v informacionnom prostranstve: yuridicheskij analiz // Vestnik Rossijskoj pravovoj akademii. 2026. № 2. S. 77–87. DOI: 10.33874/2072-9936-2026-0-2-77-87.

7. Bershiczkij E`.E. Pravovaya opredelennost` i ocenochny`e kategorii: kratkij ocherk na primere sostavov pravonarushenij v razlichny`x otraslyax prava [E`lektronnoe izdanie]. M.: M-Logos, 2021. 154 s.

8. Vlasenko N.A. Razumnost` i opredelennost` v pravovom regulirovanii: monografiya. M.: Institut zakonodatel`stva i sravnitel`nogo pravovedeniya pri Pravitel`stve Rossijskoj Federacii; INFRA-M, 2014. 157 s. DOI: 10.12737/5616.

9. Kudryavcev V.V., Mustakimov N.S., Privalova E.A. Znachenie i realizaciya administrativno-pravovy`x mexanizmov kontrolya za informacionny`m prostranstvom v celyax zashhity` osnov konstitucionnogo stroya // Administrativnoe i municipal`noe pravo. 2025. № 6. S. 36–64. DOI: 10.7256/2454-0595.2025.6.75288.

10. Lungu E.V. Konstitucionny`e prava i svobody` cheloveka v svete cifrovizacii obshhestvenny`x otnoshenij // Lex russica. 2025. T. 78, № 3. S. 86–97. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.220.3.086-097.

11. Federal`ny`j zakon ot 25.07.2002 № 114-FZ «O protivodejstvii e`kstremistskoj deyatel`nosti» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/.

12. Ministerstvo yusticii Rossijskoj Federacii. E`kstremistskie materialy` [E`lektronny`j resurs]. URL: https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/.

13. Federal`ny`j zakon ot 31.07.2025 № 332-FZ «O vnesenii izmenenij v Federal`ny`j zakon «O reklame"» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_511149/.

14. Federal`ny`j zakon ot 13.03.2006 № 38-FZ «O reklame». St. 5, ch. 10.8 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/.

15. Reshenie Vologodskogo UFAS Rossii № 035/05/5-1030/2025 ot 15.01.2026 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://br.fas.gov.ru/to/vologodskoe-ufas-rossii/010eeeec-aab9-4e09-a6ef-e3647eb6ad05/.

16. Kassaciya ostavila bez izmeneniya pervoe v RF reshenie po delu o poiske e`kstremistskogo kontenta // Interfaks [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.interfax.ru/russia/1087814.

17. E`kstremistskie materialy` v internete razreshat iskat` ucheny`m i pravooxranitelyam // Forbes Russia [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.forbes.ru/tekhnologii/557652-ekstremistskie-materialy-v-internete-razresat-iskat-ucenym-i-pravoohranitelam.

18. Federal`ny`j zakon ot 26.06.2026 № 210-FZ «O vnesenii izmenenij v Federal`ny`j zakon «O svyazi» i otdel`ny`e zakonodatel`ny`e akty` Rossijskoj Federacii» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_537891/.

19. Konstituciya Rossijskoj Federacii. St. 29, 48, 55 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.

Статья поступила в редакцию 09.08.26;
одобрена после рецензирования 17.08.26;
принята к публикации 17.08.26.

The article was submitted 09.08.26;
approved after reviewing 17.08.26;
accepted for publication 17.08.26.

Евразийская адвокатура. 2026. № 4 (81). С. 57.
Eurasian Advocacy. 2026;(4(81)):57.

Актуальные проблемы адвокатской практики

Научная статья
УДК 347.44+340.13
doi 10.52068/2304-9839_2026_81_4_57

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ ДОГОВОРА И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ СВОБОДОЙ ДОГОВОРА

РАХМАТУЛЛАЕВ Алексей Ильич
Аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ведущий специалист-эксперт отдела обжалования государственных закупок Управления Федеральной антимонопольной службы по г. Москве
119571, Москва, проспект Вернадского, дом 82, строение 1, Российская Федерация
БАСТРИКОВ Александр Альбертович
Кандидат юридических наук, начальник юридического отдела ООО «Глобал Сервис Групп Академия»
105005, г. Москва, ул. Радио, дом 24, корпус 1, пом. XV, этаж 8, ком.1, оф. 802/11, Российская Федерация

Аннотация: Цель исследования – определить, как современное гражданское право сочетает свободу договора с необходимыми ограничениями, которые защищают интересы участников оборота и общества в целом. Работа показывает, что договорная автономия не может быть абсолютной, а требует четких границ. Авторы сравнивают две модели ограничения: первая основана на императивных нормах, где законодатель заранее запрещает определенные условия (ex ante-регулирование), а вторая – на судебном контроле через оценочные понятия такие как, «добросовестность» и «справедливость» (ex post-регулирование). В российском Гражданском кодексе преобладают императивные нормы (около 1600 против 200 диспозитивных), что существенно сужает пространство для договорной свободы, но одновременно обеспечивает защиту от злоупотреблений. Диспозитивные нормы действуют как правила «по умолчанию», которые стороны могут изменить своим соглашением. При возникновении спора суды применяют оценочные категории – добросовестность, разумность, справедливость, – чтобы проверить законность договорных условий постфактум. Злоупотребление свободой договора пресекается через запреты на обход закона, шикану и антиконкурентное поведение. Таким образом, эффективное регулирование требует баланса между предварительными законодательными запретами и гибким судебным контролем.

Ключевые слова: свобода договора, императивные нормы, диспозитивные нормы, ограничения договорной автономии, злоупотребление правом, добросовестность, ex ante-регулирование, ex post-регулирование, судебный контроль договоров

Для цитирования: Рахматуллаев А.И., Бастриков А.А. Гражданско-правовое ограничение принципа свободы договора и злоупотребление свободой договора // Евразийская адвокатура. 2026. № 4 (81). С. 57. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_81_4_57

Current Problems of Advocacy Practice

Original article

CIVIL LAW LIMITATIONS ON THE PRINCIPLE OF FREEDOM OF CONTRACT AND THE ABUSE OF FREEDOM OF CONTRACT

RAKHMATULLAEV Alexey Ilyich
Postgraduate Student of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Leading Expert of the Department of Public Procurement Appeals of the Moscow Office of the Federal Antimonopoly Service
119571, Moscow, Vernadsky Prospekt, house 82, building 1, Russian Federation
BASTRIKOV Alexander Albertovich
Candidate of Law, Head of the Legal Department, «Global Service Group Academy» LLC
105005, Moscow, Radio Str., 24, building 1, room XV, floor 8, room 1, office 802/11, Russian Federation

© Рахматуллаев А.И., Бастриков А.А., 2026 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC BY).

Abstract: The purpose of this study is to determine how modern civil law combines freedom of contract with necessary limitations that protect the interests of parties and society as a whole. The study demonstrates that contractual autonomy cannot be absolute but requires clear boundaries. The authors compare two models of limitation: the first is based on mandatory norms, where the legislator prohibits certain conditions in advance (ex ante-regulation), while the second is based on judicial review through evaluative concepts such as good faith and fairness (ex post-regulation). The Russian Civil Code is dominated by mandatory norms (approximately 1,600 versus 200 dispositive ones), which significantly narrows the scope for contractual freedom while simultaneously providing protection against abuse. Dispositive norms act as «default» rules that the parties can modify by agreement. When a dispute arises, courts apply evaluative criteria – good faith, reasonableness, and fairness – to review the legality of contractual terms ex post. Abuse of freedom of contract is prevented through prohibitions on circumvention, chicanery, and anticompetitive behavior. Thus, effective regulation requires a balance between prior legislative injunctions and flexible judicial review.

Keywords: freedom of contract, mandatory rules, dispositive rules, limitations on contractual autonomy, abuse of rights, good faith, ex ante regulation, ex post regulation, judicial review of contracts

For citation: Rakhmatullaev A.I., Bastrikov A.A. Civil Law Limitations on the Principle of Freedom of Contract and the Abuse of Freedom of Contract = Eurasian Advocacy. 2026; 4 (81):57. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_81_4_57

Введение

Договорная свобода в гражданском праве не является абсолютной категорией и требует установления границ, обеспечивающих баланс частных и публичных интересов. Современное цивилистическое регулирование сталкивается с необходимостью определения оптимальной модели ограничения автономии воли участников оборота, что порождает дискуссию о соотношении предварительного законодательного запрета и последующего судебного контроля за содержанием договорных условий. Проблема усугубляется количественным преобладанием императивных норм в российском гражданском законодательстве при одновременном расширении сферы применения оценочных категорий, что создает неопределенность в правоприменительной практике и требует выработки четких критериев разграничения различных механизмов ограничения договорной свободы.

Концептуальные модели ограничения договорной свободы

Реализация принципа свободы договора базируется на общей презумпции дозволенности: участники гражданского оборота вправе определять условия своих взаимоотношений, пока такие действия не противоречат закону [8, С. 82]. Однако данный постулат не подразумевает абсолютной автономии воли, исключающей любые рамки правового регулирования.

В современной цивилистической доктрине принято выделять две концептуальные модели ограничения договорной свободы. Первая из них предполагает предварительное законодательное закрепление запретов на включение в соглашение определенных условий [6, С. 375]. Подобные ограничения формулируются в императивных нормах, содержащих либо прямые запреты, либо логически вытекающие из них правовые императивы. В научной литературе указанный механизм получил обозначение ex ante-модели ограничения договорной свободы [13, С. 31].

Иной подход к сужению договорной автономии, получивший в доктрине название ex post-модели, предполагает применение судом или иным уполномоченным органом общих оценочных критериев, зафиксированных в законодательстве либо судебной практике [5]. В рамках данной конструкции действительность соглашения и его отдельных положений проверяется постфактум на соответствие установленным правовым эталонам.

Ex ante-регулирование и приоритет императивных норм

Обратимся к первому из названных механизмов – ex ante-регулированию, которое выражается в приоритете императивных начал. Данный подход базируется на прямом законодательном закреплении ограничений, призванных корректировать частную автономию [16, с.89]. Необходимость подобных барьеров продиктована интенсивностью экономических процессов, разнообразием социальных запросов и интересов участников оборота, а также объективной невозможностью законодателя заранее предусмотреть и запретить каждый потенциально нежелательный сценарий. В связи с этим оптимальным решением выступает формулирование государством императивных правил в ключевых областях правового регулирования с последующим их официальным закреплением в нормативных актах.

Современное гражданское законодательство отличается высокой концентрацией императивных предписаний, что закономерно порождает неоднородную правоприменительную практику. При обращении к структуре Гражданского кодекса РФ фиксируется существенный перевес норм

принудительного характера: в акте закреплено около 1600 императивных положений против лишь 200 диспозитивных [6, с.376]. Данное соотношение наглядно демонстрирует приоритет императивного метода в российском договорном праве. Подобный подход вступает в объективное противоречие с принципом юридического равенства контрагентов, существенно ослабляет действие принципа свободы договора и создает системные барьеры для эволюции контрактных отношений [15, с.35].

Диспозитивный метод регулирования как основа частного права

В частноправовой сфере приоритет отдан диспозитивному методу регулирования, который опирается на равноправие контрагентов и выражается в доминировании дозволяющих норм [8, С. 84]. Данный механизм предоставляет субъектам возможность самостоятельно выбирать модель поведения, реализовывать свои правомочия либо воздерживаться от их осуществления, исключая возможность государственно-властного понуждения [3, с.127]. Фактически участники гражданского оборота наделены правом свободно определять свои действия, распоряжаться принадлежащими им субъективными правами по собственному усмотрению в рамках дозволенного. Диспозитивность в гражданском праве представляет собой гарантированную законом юридическую свободу субъекта самостоятельно, в установленных нормативных границах, реализовывать свою правоспособность и принадлежащие ему права [7, С. 142].

В общетеоретической доктрине диспозитивные нормы характеризуются как правила, предоставляющие участникам правоотношений свободу самостоятельного формирования условий взаимодействия [1, с.86]. Подобные предписания применяются субсидиарно, то есть вступают в силу исключительно при отсутствии соглашения сторон по соответствующему вопросу. Фактически они носят факультативный характер и применяются лишь тогда, когда контрагенты не выработали альтернативное регулирование в рамках заключаемого договора. В связи с этим их обоснованно относят к категории восполнительных (субсидиарных) норм, поскольку их ключевая функция заключается в устранении пробелов в договорном регулировании путем применения правил по умолчанию в случае молчания сторон.

Классическим примером реализации данного механизма выступает ст. 421 ГК РФ, закрепляющая принцип свободы договора. Данная статья не только допускает заключение как предусмотренных, так и не предусмотренных законом соглашений, но и формулирует общее правило: законодательно установленные диспозитивные условия действуют лишь при отсутствии иного согласования контрагентами, которые наделены правом исключить такие условия либо заменить их альтернативными положениями [13, С. 33].

Императивные начала и их функциональное назначение

Императивные начала договорного права характеризуются наличием строго обязательных предписаний, правовых барьеров, прямых запретов и позитивных обязанностей, реализующих охранительную, регулятивную и обеспечительную функции. В современной цивилистической доктрине сложился устойчивый научный консенсус относительно того, что императивный метод выражается через общеобязательные веления и ограничения, обеспеченные принудительной силой государства и направленные на защиту публичных интересов, упорядочение гражданского оборота и гарантирование стабильности обязательств [9, С. 5].

Императивность договорного регулирования проявляется в жестких нормативных предписаниях, закрепляющих категорические запреты либо прямые обязанности [4, С. 209]. Подобные нормы исключают альтернативные модели конструирования и исполнения обязательств в той сфере, где законодатель прямо не допускает отступления от установленного правового режима посредством соглашения контрагентов или их одностороннего волеизъявления [16, С. 94].

Императивность выступает универсальным инструментом достижения целей правового регулирования и неотъемлемым признаком объективного права, что обусловливает ее присутствие в любой отрасли правовой системы. Данный феномен формируется под воздействием императивного метода регулирования общественных отношений и реализуется через законодательное закрепление соответствующих ограничений. Внешним выражением императивных предписаний служит фиксация в норме юридических обязанностей либо субъективных прав [16, С. 97]. Функциональное назначение императивности многогранно: она выполняет регулятивную, системообразующую, правонаделительную, обеспечительную и охранительную роли, способствуя выделению и гарантированию реализации наиболее значимых гражданско-правовых институтов. При этом обеспечительный механизм императивных норм опирается на государственно-властное принуждение: законодатель предусматривает возможность

наступления неблагоприятных юридически значимых последствий для субъекта, отступившего от предписанной модели поведения [11, С. 2].

Исторические корни и догматическое разграничение норм

Вопрос о балансе императивных и диспозитивных начал в гражданском праве находится в поле научного внимания отечественной доктрины с конца XIX – начала XX столетия. Уже в трудах дореволюционных цивилистов прослеживается четкое понимание субсидиарной роли диспозитивных норм [13, С. 30]. Подобные предписания носят факультативный характер и подлежат применению лишь при отсутствии волевого соглашения сторон, которые наделены правом заменить законодательные правила по умолчанию индивидуальными договорными условиями.

Императивные и диспозитивные нормы гражданского права занимают противоположные позиции в системе частного регулирования, что обусловлено их различным функциональным назначением. Императивные предписания устанавливают безусловно обязательные правила, не допускающие отступления по воле сторон, и формируют неизменный правовой каркас договорных отношений. Диспозитивные нормы, напротив, носят субсидиарный (восполнительный) характер: они активируются исключительно при отсутствии согласованной позиции контрагентов, восполняя возможные пробелы в договоре и тем самым реализуя начало свободы договора [6, С. 377].

При наличии сомнений относительно юридической природы гражданско-правового предписания следует исходить из его императивного характера, поскольку диспозитивный режим требует прямого и недвусмысленного законодательного закрепления [6, С. 377]. Отступление от императивного предписания допустимо исключительно при наличии в самой норме прямого указания на возможность сторон урегулировать соответствующий вопрос иначе, чем это предусмотрено законодательством. Иными словами, диспозитивный режим применения нормы не может презюмироваться: он требует четкого законодательного допущения, выраженного в форме специальной оговорки, разрешающей контрагентам установить отличные от установленных законом условия в договоре.

Вместе с тем в доктрине обращается внимание на сложность четкого разграничения императивных и диспозитивных предписаний. Существует проблематичность проведения однозначной демаркации между данными видами норм, что обусловлено наличием в гражданском законодательстве положений смешанного характера, а также необходимостью доктринального толкования правовых предписаний в каждом конкретном случае [14, С. 39].

Проблема количественного дисбаланса и его последствия

Следует признать, что в структуре действующего Гражданского кодекса РФ наблюдается устойчивое количественное преобладание императивных предписаний над диспозитивными. Подобная законодательная тенденция объективно сужает пределы договорной автономии, ограничивая возможность контрагентов самостоятельно конструировать условия соглашений в той мере, которая традиционно обеспечивается началом свободы договора [15, С. 36]. В данном контексте существуют объективные ограничения законодательного регулирования: ввиду невозможности заранее предусмотреть все многообразие гражданско-правовых ситуаций, законодатель сталкивается со значительными трудностями при точном определении юридической природы конкретных нормативных положений. Как следствие, в правоприменительной практике формируется устойчивая тенденция к смешению данных режимов регулирования, при которой императивные правила де-факто применяются по диспозитивной модели, и наоборот.

Объективная невозможность законодательного охвата всего многообразия динамично развивающихся социальных потребностей и экономических интересов обусловливает сохранение значительного массива императивных предписаний. Подобное количественное доминирование норм принудительного характера создает системное давление на основополагающий институт частного права – свободу договора [15, С. 37].

Трансформация диспозитивных норм в обязательные правила

В то же время в доктрине обращается внимание на особую природу применения диспозитивных норм: при отсутствии согласованной позиции контрагентов они приобретают общеобязательный характер, фактически выполняя функцию императивного регулятора в рамках конкретного обязательства. Иными словами, диспозитивная норма, восполняя пробел в договорном регулировании, трансформируется в обязательное правило поведения для сторон. Если участники оборота реализуют предоставленное им право выбора и закрепят альтернативные условия, они связаны избранной моделью. В случае молчания сторон к их отношениям автоматически применяется

законодательное правило по умолчанию, которое в данной ситуации становится юридически обязательным.

Классическим примером такого механизма выступает п. 1 ст. 459 ГК РФ, устанавливающая общее правило о переходе риска случайной гибели или повреждения товара на покупателя с момента надлежащей передачи вещи продавцом. Данная норма носит диспозитивный характер, однако при отсутствии в соглашении прямой оговорки об ином распределении рисков она приобретает безусловную обязательность, что наглядно иллюстрирует субсидиарный механизм действия восполнительных норм в договорной практике [12, С. 968]. Следовательно, при отсутствии договорного согласования механизма перехода риска случайной гибели или повреждения имущества к отношениям сторон применяется субсидиарное правило, которое в рамках конкретного обязательства приобретает безусловно обязательный характер [12, С. 969].

Проблема квалификации норм пограничного характера

В рамках доктринальной дискуссии о критериях дифференциации императивных и диспозитивных предписаний целесообразно обратиться к нормам, обладающим пограничным правовым режимом. Ярким примером выступает ст. 782 ГК РФ, регламентирующая право на односторонний отказ от договора возмездного оказания услуг. Законодатель, предоставляя участникам возможность расторгнуть соглашение во внесудебном порядке, одновременно детерминирует имущественные последствия такого шага: заказчик обязан возместить исполнителю фактически понесенные расходы, а исполнитель – убытки, причиненные заказчику.

Отсутствие в тексте статьи классической диспозитивной оговорки («если иное не предусмотрено договором») формально указывает на ее императивную природу. Тем не менее в цивилистической науке данный вопрос сохраняет дискуссионный характер [6, С. 378]. Ряд исследователей и практикующих юристов отмечают потенциальное коллизионное взаимодействие ст. 782 ГК РФ с иными нормами обязательственного права. Указанные квалификационные сложности подтверждаются устойчивой судебной практикой: суды общей юрисдикции и арбитражные инстанции нередко признают ничтожными договорные условия, устанавливающие альтернативный механизм распределения последствий одностороннего отказа, отступающий от прямого законодательного предписания. Подобная правоприменительная тенденция свидетельствует о фактическом признании указанной нормы императивной, несмотря на продолжающиеся теоретические споры о ее догматической природе.

Императивный характер положений ст. 782 ГК РФ получил официальное подтверждение в позиции высшего судебного органа: Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в Постановлении от 07.09.2010 № 2715/10 указал: «поскольку право сторон (как исполнителя, так и заказчика) на односторонний отказ от исполнения договора возмездного оказания услуг императивно установлено статьей 782 Кодекса, оно не может быть ограничено соглашением сторон». Примечательно, что суды нижестоящих инстанций первоначально допускали возможность договорного регулирования данного вопроса, признавая действительными условия, отличные от предписаний указанной статьи. Однако вышестоящая судебная инстанция, руководствуясь принципом единообразия правоприменения, пресекла подобную практику, тем самым окончательно квалифицировав спорные положения как императивные. Данный прецедент наглядно демонстрирует, как расхождения в толковании правовой природы нормы на разных уровнях судебной системы разрешаются посредством актов высшего судебного толкования, приобретающих нормативно-ориентирующее значение для всей правоприменительной практики.

Механизм действия императивных норм и последствия их нарушения

Императивный режим правового регулирования проявляется через государственно-властные веления, закрепленные в форме категорических запретов или позитивных обязанностей. Подобные предписания исключают альтернативные модели поведения участников оборота и обеспечены механизмом государственного принуждения, реализующим охранительную функцию права. Автономия воли контрагентов обретает юридическую силу исключительно при условии ее соответствия императивным установлениям законодателя, которые придают договорным конструкциям правовую определенность и порождают корреспондирующие субъективные права и обязанности [2, с.285].

Наглядным примером такого механизма выступает ст. 550 ГК РФ, устанавливающая обязательную письменную форму для договоров купли-продажи недвижимости. Несоблюдение данного императивного требования лишает достигнутые сторонами соглашения юридической значимости: действия по заключению сделки не

порождают предусмотренных законом правовых последствий.

В соответствии с общим правилом, закрепленным в ст. 168 ГК РФ, нарушение императивной нормы влечет недействительность сделки. При этом современная цивилистика и судебная практика проводят строгую дифференциацию: по общему правилу такая сделка признается ничтожной, однако законодатель может предусмотреть ее оспоримость либо установить иные последствия, не связанные с недействительностью. Таким образом, императивные предписания формируют незыблемый правовой каркас, за пределами которого договорная свобода не способна порождать юридически значимых результатов [6, С. 378].

Критерии разграничения императивных и диспозитивных норм

Систематизация изложенных доктринальных положений позволяет выделить три базовых критерия дифференциации диспозитивных и императивных норм гражданского права.

Во-первых, по форме правового предписания: диспозитивные нормы конструируются через дозволительные модели, предоставляющие субъектам возможность выбора, тогда как императивные закрепляются посредством категорических запретов или позитивных обязанностей [1, С. 87].

Во-вторых, по степени государственно-властного принуждения: диспозитивные правила применяются субсидиарно, то есть лишь при отсутствии согласованной позиции контрагентов, тогда как императивные предписания обладают абсолютной обязательностью и не подлежат изменению или отмене по воле участников оборота [16, С. 98].

В-третьих, по модели допустимого поведения: диспозитивное регулирование предполагает вариативность действий сторон в установленных законом границах, императивное же требует неукоснительного следования законодательному эталону без права на альтернативное толкование или отступление [4, С. 210].

Языковые маркеры и средства юридической техники

В современной цивилистике также активно обсуждается вопрос о применении средств юридической техники для наглядного разграничения указанных режимов регулирования [14, С. 40]. Подобные формальные признаки позволяют правоприменителю еще на стадии анализа текста нормативного акта безошибочно идентифицировать диспозитивный или императивный характер содержащегося в нем правила.

Внешним выражением диспозитивного характера норм выступают законодательные конструкции, допускающие отступление от установленного правила по соглашению контрагентов (преимущественно формулировки вида «если иное не предусмотрено договором») [13, С. 34]. Императивные предписания, напротив, идентифицируются через категорические языковые маркеры: «не допускается», «не вправе», «не может», «является ничтожным», «не имеет юридической силы», прямо исключающие возможность альтернативного регулирования [6, С. 377].

Несмотря на наличие указанных формальных признаков, в правоприменительной практике регулярно возникают сложности с однозначной квалификацией правовой нормы. Эффективность любого, даже технически безупречного, закона, полностью определяется корректностью его применения. Ошибочное толкование или механическое использование нормы способно исказить первоначальный замысел правотворца и породить результаты, прямо противоположные целям законодательного регулирования [14, С. 41].

Действительно, принятие нормативного акта представляет собой лишь начальный этап существования права. Подлинная реализация правовых предписаний начинается на стадии их применения, которая неразрывно связана с процессом толкования. Именно поэтому точная идентификация императивного или диспозитивного режима нормы выступает необходимым условием единообразной, предсказуемой и доктринально обоснованной правоприменительной практики.

Императивные ограничения и защита публичных интересов

Ограничение свободы договора императивными предписаниями обусловлено необходимостью защиты публичных интересов, обеспечения баланса прав участников оборота и охраны их законных ожиданий. Условия соглашения, вступающие в противоречие с императивными требованиями законодательства, влекут недействительность сделки целиком или в соответствующей части, а в предусмотренных законом случаях – возникновение обязанности по возмещению причиненных убытков [5].

Динамичное развитие договорной практики объективно опережает законодательное регулирование, что создает трудности для своевременного введения новых императивных барьеров. В результате недобросовестные участники гражданского оборота нередко прибегают к формально легитимным, но фактически направленным на обход правовых запретов схемам. Поскольку

исчерпывающее нормативное закрепление всех возможных моделей злоупотребления правом представляется невозможным, правотворец закрепил на уровне гражданского законодательства общий запрет на недобросовестное поведение.

В частности, ст. 10 ГК РФ устанавливает фундаментальное ограничение свободы осуществления субъективных прав, запрещая действия, совершаемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также иное злоупотребление правом, противоречащее требованиям добросовестности. В системе гражданско-правового регулирования принцип добросовестности выступает фундаментальным ограничителем осуществления субъективных прав. Согласно ст. 10 ГК РФ, не допускаются действия граждан и юридических лиц, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу (шикана), а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав, в том числе в обход закона с противоправной целью. Особым проявлением данного ограничения является запрет на использование прав в целях ограничения конкуренции или злоупотребления доминирующим положением на рынке.

Антимонопольные ограничения договорной свободы

Специальное нормативное закрепление указанные ограничения находят в антимонопольном законодательстве. В частности, ст. 10 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» устанавливает перечень запретов для хозяйствующих субъектов, занимающих доминирующее положение. К числу недопустимых действий относятся: установление и поддержание монопольно высоких или низких цен; изъятие товаров из обращения, повлекшее рост цен; навязывание контрагентам невыгодных договорных условий; необоснованное сокращение производства или уклонение от заключения договоров; применение дискриминационных тарифов; создание барьеров для входа на рынок или выхода с него; нарушение установленного порядка ценообразования, а также манипулирование ценами. Подобные императивные предписания формируют правовой каркас, за пределами которого договорная автономия утрачивает юридическую силу, обеспечивая баланс частных интересов и публичных целей экономического регулирования [5].

Ex post-регулирование через оценочные категории

Практическая реализация рассмотренных выше доктринальных конструкций сопряжена со значительными квалификационными сложностями, поскольку их применение требует оценки фактических обстоятельств через призму абстрактных правовых категорий. Объективная неопределенность критериев добросовестности, разумности и справедливости предопределяет роль судебного контроля как основного механизма конкретизации данных понятий: именно суд, анализируя условия заключенного договора постфактум, определяет их соответствие императивным требованиям закона и балансу интересов сторон [9, С. 6].

В действующем гражданском законодательстве и правоприменительной практике можно выделить ряд оценочных понятий (правовых концепций), выполняющих функцию гибкого регулятора договорных отношений: добросовестность (п. 3 ст. 1, п. 5 ст. 10, п. 3 ст. 307 ГК РФ); злоупотребление правами, в том числе «обход закона» (пп. 1, 3 ст. 10 ГК РФ); основы правопорядка (ст. 169 ГК РФ); справедливость (п. 3 ст. 451, п. 1 ст. 308.3 ГК РФ); разумность (п. 2 ст. 6, п. 3 ст. 53 ГК РФ); обеспечение баланса интересов сторон (пп. 3, 5, 9, 10 Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах»).

Ограничение договорной свободы посредством оценочных правовых категорий относится к модели ex post-регулирования, предполагающей ретроспективный контроль за реализацией частной автономии. На практике данный механизм активизируется исключительно в рамках судебного разбирательства при возникновении спора между контрагентами. В ходе такого контроля судам вменяется в обязанность осуществлять интерпретацию договорных условий через призму фундаментальных начал гражданского законодательства: добросовестности, согласования воль, справедливости и юридического равенства участников оборота. В случае выявления положений, противоречащих основам правопорядка и нравственности (ст. 169 ГК РФ), судебная инстанция квалифицирует соответствующую сделку как ничтожную либо признает недействительными ее отдельные условия, тем самым обеспечивая защиту публичных интересов и восстановление нарушенного правового баланса.

Злоупотребление правом как основание ограничения договорной свободы

Ограничение договорной свободы допускается в случаях злоупотребления субъективным правом. Под злоупотреблением правом в цивилистической доктрине понимается осуществление гражданских прав способами или с целями, противоречащими требованиям законодательства, когда поведение управомоченного лица выходит

за пределы допустимого, установленные ст. 10 ГК РФ. Подобная модель поведения характеризуется формальной легитимностью отдельных действий при их фактической направленности на обход правовых запретов, причинение вреда контрагенту или достижение иных противоправных результатов.

Заключение

Анализ правоприменительной практики свидетельствует, что при рассмотрении споров о недействительности сделок вследствие злоупотребления правом суды обязаны устанавливать совокупность юридически значимых обстоятельств. В частности, исследуется экономическая цель соглашения и ее соответствие типичным задачам соответствующего вида предпринимательской деятельности, выявляется факт выхода участников за пределы осуществления субъективных прав, оценивается характер потенциального вреда для контрагентов и третьих лиц, а также анализируется наличие сопутствующих обязательств, исполнение которых может создать объективные препятствия для реализации договорных условий в будущем.

Обобщая изложенное, следует констатировать, что институт свободы договора органично встроен в систему императивно-диспозитивного регулирования. В доктрине гражданского права традиционно проводится дифференциация норм на императивные и диспозитивные. Императивные предписания формулируют безусловно обязательные правила поведения, не допускающие их изменения или отмены по соглашению контрагентов, что обеспечивает стабильность правопорядка и защиту существенных интересов участников оборота. Диспозитивные нормы, напротив, носят субсидиарный характер: они устанавливают восполнительное правило, действующее по умолчанию, однако предоставляют сторонам право согласовать альтернативный вариант регулирования в пределах, не противоречащих закону. Таким образом, диспозитивность обеспечивает вариативность договорного конструирования, тогда как императивность формирует неизменный правовой каркас, гарантирующий баланс частных и общественных интересов.

Список источников

1. Архипова Е.Ю. Теоретический анализ диспозитивных норм права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 5 (154). С. 84–90.

2. Беляева Г.С. Правовой режим: понятие и признаки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2021. Т. 25, № 1. С. 281–293. doi: 10.22363/2313-2337-2021-25-1-281-293.

3. Зубкова А.Е., Ткаченко А.В. Применение принципа диспозитивности в решениях судов Российской Федерации // Вестник магистратуры. 2023. № 9-2 (144). С. 23–26.

4. Кирпичева А.А. Принцип диспозитивности в гражданском процессе в Российской Федерации // Молодой ученый. 2023. № 40 (487). С. 208–211.

5. Корольков М.А., Певцова И.Е. Свобода договора и ее пределы: императивные ограничения и диспозитивное регулирование // Вестник науки. 2025. № 5 (86). С. 471–479.

6. Кузнецова Н.В. Виды ограничений свободы договора в гражданском праве // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2024. № 2. С. 375–378.

7. Летягина Е.А. Принцип диспозитивности в гражданском праве: современные тенденции // Право и государство: теория и практика. 2023. № 10 (226). С. 339–342.

8. Суханов Е.А. О взаимодействии правовых и экономических подходов в изучении имущественных отношений // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2023. № 6. С. 80–95.

9. Титова Е.С. Принцип добросовестности как торжество силы права в гражданском процессе // Legal Bulletin. 2026. № 1. С. 94–103.

10. Федоров С.М. Императивность как залог успешного взаимодействия общества с государством // Вопросы российской юстиции. 2023. № 23. С. 458–462.

11. Asilyan L.V., Necrasova I.E. The essence of state coercion in the mechanism of legal regulation // SHS Web of Conferences. 2023. Vol. 164. P. 1–4. doi: 10.1051/shsconf/202316400092.

12. Fonotova O.V., Ukolova M.D. The impact of foreign economic sanctions on commercial contracts // Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 14. Law. 2022. № 4. P. 963–974.

13. Orlov V. Dispositivity in Russian Business Law // Athens Journal of Law. 2024. Vol. 10, Issue 1 (January). P. 29–46. doi: 10.30958/ajl.10-1-2.

14. Platunova T., Pleshivtseva U., Borodulina T. The Problem of Understanding the Evaluative Concepts of Civil Law: the Ratio of Natural and Legal Language // Legal Linguistics. 2023. P. 38–42. doi: 10.14258/leglin(2023)3007.

15. Vora S. From Ink to Indelibility: Tracing The Alchemic Transformation of Contract Law into A Constitutionally Entrenched Framework, forged by The Fire of Strasbourg and Tempered by The Forging Hammer of Luxembourg // Global Journal of Politics and Law Research. 2023. Vol. 11, No. 3. P. 31–40.

16. Zarra G. The Minimum Content of Imperativeness in European Private International Law: Imperative Norms Originated in EU Law and Public International Law // Imperativeness in Private International Law. The Hague: T.M.C. Asser Press, 2022. doi: 10.1007/978-94-6265-499-0_4.

References

1. Arxipova E.Yu. Teoreticheskij analiz dispozitivny`x norm prava // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoj akademii. 2023. № 5 (154). S. 84–90.

2. Belyaeva G.S. Pravovoj rezhim: ponyatie i priznaki // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby` narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki. 2021. T. 25, № 1. S. 281–293. doi: 10.22363/2313-2337-2021-25-1-281-293.

3. Zubkova A.E., Tkachenko A.V. Primenenie principa dispozitivnosti v resheniyax sudov Rossijskoj Federacii // Vestnik magistratury`. 2023. № 9–2 (144). S. 23–26.

4. Kirpicheva A.A. Princip dispozitivnosti v grazhdanskom processe v Rossijskoj Federacii // Molodoj ucheny`j. 2023. № 40 (487). S. 208–211.

5. Korol`kov M.A., Pevczova I.E. Svoboda dogovora i ee predely`: imperativny`e ogranicheniya i dispozitivnoe regulirovanie // Vestnik nauki. 2025. № 5 (86). S. 471–479.

6. Kuzneczova N.V. Vidy` ogranichenij svobody` dogovora v grazhdanskom prave // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «E`konomika i pravo». 2024. № 2. S. 375–378.

7. Letyagina E.A. Princip dispozitivnosti v grazhdanskom prave: sovremenny`e tendencii // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2023. № 10 (226). S. 339–342.

8. Suxanov E.A. O vzaimodejstvii pravovy`x i e`konomicheskix podxodov v izuchenii imushhestvenny`x otnoshenij // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo. 2023. № 6. S. 80–95.

9. Titova E.S. Princip dobrosovestnosti kak torzhestvo sily` prava v grazhdanskom processe // Legal Bulletin. 2026. № 1. S. 94–103.

10. Fedorov S.M. Imperativnost` kak zalog uspeshnogo vzaimodejstviya obshhestva s gosudarstvom // Voprosy` rossijskoj yusticii. 2023. № 23. S. 458–462.

11. Asilyan L.V., Necrasova I.E. The essence of state coercion in the mechanism of legal regulation // SHS Web of Conferences. 2023. Vol. 164. P. 1–4. doi: 10.1051/shsconf/202316400092.

12. Fonotova O.V., Ukolova M.D. The impact of foreign economic sanctions on commercial contracts // Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 14. Law. 2022. № 4. P. 963–974.

13. Orlov V. Dispositivity in Russian Business Law // Athens Journal of Law. 2024. Vol. 10, Issue 1 (January). P. 29–46. doi: 10.30958/ajl.10-1-2.

14. Platunova T., Pleshivtseva U., Borodulina T. The Problem of Understanding the Evaluative Concepts of Civil Law: the Ratio of Natural and Legal Language // Legal Linguistics. 2023. P. 38–42. doi: 10.14258/leglin(2023)3007.

15. Vora S. From Ink to Indelibility: Tracing The Alchemic Transformation of Contract Law into A Constitutionally Entrenched Framework, forged by The Fire of Strasbourg and Tempered by The Forging Hammer of Luxembourg // Global Journal of Politics and Law Research. 2023. Vol. 11, No. 3. P. 31–40.

16. Zarra G. The Minimum Content of Imperativeness in European Private International Law: Imperative Norms Originated in EU Law and Public International Law // Imperativeness in Private International Law. The Hague: T.M.C. Asser Press, 2022. doi: 10.1007/978-94-6265-499-0_4.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.06.26;
одобрена после рецензирования 17.06.26;
принята к публикации 17.06.26.

The article was submitted 10.06.26;
approved after reviewing 17.06.26;
accepted for publication 17.06.26.

Евразийская адвокатура. 2026. № 4 (81). С. 66.
Eurasian Advocacy. 2026;(4(81)):66.

Актуальные проблемы адвокатской практики

Научная статья
УДК 347.962
doi 10.52068/2304-9839_2026_81_4_66

ПОРЯДОК ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУДЕБНОГО ПРИСТАВА-ИСПОЛНИТЕЛЯ И ДЕРЖАТЕЛЯ РЕЕСТРА ЦЕННЫХ БУМАГ В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

САРГИСЯН Артем Павлович
Адвокат, аспирант кафедры гражданского процесса, публично-правовой деятельности и организации службы судебных приставов Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
117638, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1, Российская Федерация

Аннотация: Автором исследуется правовая природа регистратора как специализированного субъекта исполнительного производства, выявляются особенности процессуального порядка наложения ареста на именные и бездокументарные ценные бумаги, анализируется механизм электронного взаимодействия через систему межведомственного электронного взаимодействия. На основе анализа судебной практики и нормативного регулирования сформулированы предложения по совершенствованию правового регулирования, включая унификацию процедур взаимодействия, установление ответственности регистраторов за неисполнение постановлений и создание единого реестра обременений ценных бумаг.

Ключевые слова: исполнительное производство, судебный пристав-исполнитель, держатель реестра ценных бумаг, регистратор, арест ценных бумаг, бездокументарные ценные бумаги

Для цитирования: Саргисян А.П. Порядок взаимодействия судебного пристава-исполнителя и держателя реестра ценных бумаг в исполнительном производстве // Евразийская адвокатура. 2026. № 4 (81). С. 66. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_81_4_66

Current Problems of Advocacy Practice

Original article

PROCEDURE FOR INTERACTION BETWEEN THE ENFORCEMENT OFFICER AND THE SECURITIES REGISTER HOLDER IN ENFORCEMENT PROCEEDINGS

SARGISYAN Artem Pavlovich
Advocate, Postgraduate Student of the Department of Civil Procedure, Public Law Activities and Organization of Bailiff Services of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)
117638, Moscow, Azovskaya str., 2, building 1, Russian Federation

Abstract: The author examines the legal nature of the registrar as a specialized subject of enforcement proceedings, identifies the features of the procedural procedure for seizing registered and uncertified securities, analyzes the mechanism of electronic interaction through the system of interdepartmental electronic interaction. Based on the analysis of judicial practice and regulatory regulation, proposals were formulated to improve legal regulation, including the unification of interaction procedures, the establishment of the responsibility of registrars for non-compliance with decisions and the creation of a unified register of securities encumbrances.

Keywords: enforcement proceedings, bailiff, holder of the securities register, registrar, seizure of securities, uncertified securities

For citation: Sargisyan A.P. Procedure for Interaction Between the Enforcement Officer and the Securities Register Holder in Enforcement Proceedings = Eurasian Advocacy. 2026; 4 (81):66. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_81_4_66

Правовое значение исполнительного производства определяется его функцией в качестве завершающей стадии реализации судебной защиты, без которой право, гарантированное статьей 46 Конституции Российской Федерации, является фактически нереализуемым.

Взаимодействие судебного пристава-исполнителя и держателя реестра ценных бумаг

© Саргисян А.П., 2026 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC BY).

(регистратора) представляет собой один из ключевых процессуальных механизмов обеспечения принудительного исполнения судебных актов в части обращения взыскания на ценные бумаги должника.

Данный институт находится на стыке исполнительного права, корпоративного права и законодательства о рынке ценных бумаг, что обусловливает его сложную правовую природу и необходимость выработки специфических процессуальных правил.

Актуальность настоящего исследования определяется несколькими взаимосвязанными факторами.

Во-первых, в условиях цифровизации экономики взаимодействие между ФССП России и регистраторами претерпело радикальную трансформацию: к 2026 году подавляющее большинство процессуальных действий осуществляется в электронном формате через систему межведомственного электронного взаимодействия (далее – СМЭВ).

Во-вторых, рост числа исполнительных производств, связанных с обращением взыскания на ценные бумаги, потребовал выработки унифицированных подходов к процессуальному порядку такого взаимодействия.

Правовая природа держателя реестра ценных бумаг как субъекта исполнительного производства определяется его положением в системе законодательства о рынке ценных бумаг. В соответствии со ст. 8 Федерального закона от 22 апреля 1996 года № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (далее – ФЗ о РЦБ) держателем реестра является лицо, осуществляющее деятельность по ведению реестра – профессиональный участник рынка ценных бумаг, имеющий лицензию на осуществление деятельности по ведению реестра (регистратор), либо в случаях, предусмотренных федеральными законами, иной профессиональный участник рынка ценных бумаг.

Держатель реестра осуществляет учет прав на именные ценные бумаги, фиксирует переход прав, вносит записи об обременениях и обеспечивает достоверность сведений о владельцах ценных бумаг.

В исполнительном производстве держатель реестра выступает не как его сторона, а как специализированный субъект, обязанный исполнять постановления судебного пристава-исполнителя в части наложения ареста на ценные бумаги и фиксации обременений.

Как указано в литературе, «регистратор, как никто другой, заинтересован в соблюдении норм специального законодательства, в их точном и буквальном толковании, так как любое его отступление от правильного применения (с точки зрения надзорного органа) норм законодательства о ценных бумагах влечет для него административные санкции со стороны надзорного органа, как в виде предписаний, штрафов, так и в виде приостановления и аннулирования лицензии» [3].

Процессуальный статус держателя реестра в исполнительном производстве не урегулирован прямо в Федеральном законе от 2 октября 2007 года № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее – ФЗ об ИП), что порождает ряд доктринальных и правоприменительных проблем.

В юридической литературе высказываются различные точки зрения на природу данного статуса. Ряд исследователей рассматривают держателя реестра как «лицо, содействующее исполнению исполнительных документов, аналогично банкам и иным кредитным организациям», на которые распространяется действие статьи 70 ФЗ об ИП [4, С. 60]. Другие авторы подчеркивают публично-правовой характер функций регистратора и предлагают рассматривать его как специализированный субъект исполнительного производства, наделенный императивными обязанностями по исполнению постановлений пристава [2, С. 4].

Представляется, что наиболее обоснованной является позиция, рассматривающая держателя реестра как специализированного субъекта исполнительного производства, обязанного исполнять постановления судебного пристава-исполнителя в силу закона, независимо от наличия договорных отношений с должником или взыскателем. Данный подход обеспечивает баланс интересов всех участников правоотношений и соответствует публично-правовой природе функций регистратора.

Взаимодействие судебного пристава-исполнителя и держателя реестра охватывает несколько последовательных стадий исполнительного производства: выявление ценных бумаг должника, наложение ареста на ценные бумаги, оценку ценных бумаг, реализацию ценных бумаг и переход прав к приобретателю. Каждая из указанных стадий имеет свою специфику, обусловленную особенностями правового режима именных ценных бумаг и функциями держателя реестра.

Первой стадией взаимодействия является выявление именных ценных бумаг, принадлежащих должнику. В соответствии со ст. 69 ФЗ об ИП обращение взыскания на имущественные права должника осуществляется при недостаточности

у него денежных средств и иного имущества для покрытия требований взыскателя.

В литературе указывается, что «для выявления у должника ценных бумаг судебный пристав-исполнитель прежде всего направляет должнику требование о предоставлении информации о его имущественном положении с подробным перечислением имущества, находящегося в собственности. Для получения информации об имущественном положении должника, а также о достоверности сведений, предоставляемых должником, также рекомендуется направить запрос в налоговый орган по месту постановки на налоговый учет должника с целью получения копии бухгалтерского баланса должника на последнюю отчетную дату» [5, С. 478].

В настоящее время данная процедура полностью автоматизирована: ФССП России интегрирована с крупнейшими держателями реестра (АО «СОФЭКС», ООО «Реестр-Центр», АО «Реестр», ООО «НРД-Регистратор» и иными) через СМЭВ, что позволяет автоматически выявлять именные ценные бумаги должника при возбуждении исполнительного производства.

Вместе с тем автоматизация выявления ценных бумаг не решила всех проблем. Во-первых, сохраняется проблема идентификации бенефициаров в многоуровневых депозитарных структурах, когда именные ценные бумаги учитываются на счетах номинальных держателей, а фактические владельцы не раскрываются в реестре. Во-вторых, возникают сложности с выявлением ценных бумаг, выпущенных иностранными эмитентами и учитываемых в иностранных реестрах.

Второй стадией взаимодействия является наложение ареста на именные ценные бумаги. В соответствии со ст. 80 ФЗ об ИП арест на имущество должника налагается судебным приставом-исполнителем путем вынесения мотивированного постановления.

В отношении именных ценных бумаг, учитываемых в реестре акционеров, арест осуществляется путем направления постановления держателю реестра с требованием о внесении записи об обременении и блокировании операций по лицевому счету должника через СМЭВ, при этом держатель реестра обязан внести запись об обременении в течение одного рабочего дня с момента получения постановления. С момента внесения записи должник утрачивает возможность распоряжения ценными бумагами (продажи, дарения, мены, передачи в залог), а любые сделки, совершенные в нарушение запрета, признаются ничтожными и не подлежат регистрации в реестре.

Действительно, «получив постановление судебного пристава-исполнителя и акт, эмитент, держатель реестра и депозитарий не могут совершать операции, связанные с осуществлением должником своих прав на арестованные ценные бумаги, и предпринимать какие-либо действия в отношении ценных бумаг, кроме действий, разрешенных постановлением судебного пристава-исполнителя» [6, С. 172].

Ключевой проблемой наложения ареста на именные ценные бумаги является исполнение постановления пристава держателем реестра. Согласно п. 4 ст. 8 ФЗ о РЦБ держатель реестра обязан совершать операции по счету, на котором учитываются ценные бумаги, на основании надлежаще оформленных документов. Постановление судебного пристава-исполнителя относится к таким документам, и неисполнение постановления влечет административную ответственность по ст. 17.14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ). Вместе с тем, на практике встречаются случаи уклонения держателей реестра от исполнения постановлений со ссылкой на различные основания: недостаточную идентификацию должника, противоречие постановления корпоративному законодательству, необходимость получения дополнительных документов.

Третьей стадией взаимодействия является оценка именных ценных бумаг. В соответствии со ст. 85 ФЗ об ИП оценка имущества должника производится судебным приставом-исполнителем по рыночным ценам, если иное не установлено федеральным законом.

В отношении именных ценных бумаг оценка имеет существенную специфику, обусловленную статусом эмитента. Если ценные бумаги допущены к организованным торгам, их рыночная стоимость определяется по котировке на бирже на дату оценки, что существенно упрощает процедуру. Если ценные бумаги не допущены к организованным торгам, что характерно для непубличных акционерных обществ, оценка требует привлечения профессионального оценщика и применения специальных методик.

Необходимо отметить, что «судебный пристав-исполнитель обязан привлечь оценщика в течение одного месяца со дня обнаружения имущества должника. Кроме того, установлено, что судебный пристав-исполнитель обязан привлечь оценщика для оценки имущества, если должник или взыскатель не согласны с произведенной судебным приставом-исполнителем оценкой имущества» [1, С. 27].

Основной проблемой оценки является обеспечение доступа оценщика к финансовой информации эмитента, которую исполнительные органы нередко уклоняются предоставлять, ссылаясь на коммерческую тайну. В таких случаях оценщик вынужден проводить оценку на основании общедоступных данных, что снижает ее достоверность и становится основанием для оспаривания.

Четвертой стадией взаимодействия является реализация именных ценных бумаг. На основании ст. 87 ФЗ об ИП реализация имущества должника осуществляется путем проведения открытых торгов в форме аукциона, если иное не предусмотрено законом. При этом если ценные бумаги допущены к организованным торгам, они реализуются через биржевые механизмы по рыночной котировке, что обеспечивает высокую ликвидность и эффективность взыскания. Если ценные бумаги не допущены к организованным торгам, их реализация осуществляется через электронные торговые площадки с соблюдением преимущественного права акционеров, предусмотренного ст. 7 Федерального закона «Об акционерных обществах» (далее – ФЗ об АО).

Важным является взаимодействие держателя реестра с судебным приставом-исполнителем на этапе перехода прав. В соответствии с п. 3 ст. 29 ФЗ об АО переход прав на именные ценные бумаги к приобретателю осуществляется с момента внесения записи в реестр акционеров. Держатель реестра обязан внести запись на основании постановления судебного пристава-исполнителя, удостоверяющего переход прав по результатам торгов.

Пятой стадией взаимодействия является переход прав к приобретателю и завершение исполнительного производства. После внесения записи в реестр акционеров приобретатель получает статус акционера и право осуществлять корпоративные права (участвовать в общих собраниях, голосовать по вопросам повестки дня, получать информацию о деятельности общества, требовать выплаты дивидендов). Денежные средства в размере цены ценных бумаг, предложенной на торгах, перечисляются приобретателем на депозитный счет подразделения ФССП России, после чего судебный пристав-исполнитель направляет их в счет погашения требований взыскателя, а оставшуюся сумму (при наличии) возвращает должнику. Исполнительное производство считается завершенным с момента перечисления денежных средств взыскателю.

Системные проблемы взаимодействия судебного пристава-исполнителя и держателя реестра обусловлены несколькими факторами. Так, существенной является коллизия между исполнительным и корпоративным законодательством в части применения уставных ограничений на отчуждение ценных бумаг при принудительном обращении взыскания.

Еще одной проблемой является сложность идентификации бенефициаров в многоуровневых депозитарных структурах, когда именные ценные бумаги учитываются на счетах номинальных держателей.

Совершенствование правового регулирования взаимодействия судебного пристава-исполнителя и держателя реестра требует комплексного подхода, включающего как точечные изменения в действующее законодательство, так и системную реформу. Первостепенной задачей является усиление ответственности держателей реестра за неисполнение постановлений пристава. Представляется необходимым внести изменения в КоАП РФ, увеличив размер административного штрафа для должностных лиц держателя реестра. Дополнительно целесообразно установить специальную норму в ФЗ об ИП, предусматривающую возможность взыскания с держателя реестра убытков, причиненных взыскателю или должнику неисполнением постановления, что создаст реальный стимул для исполнения.

Также целесообразно создать единый реестр обременений ценных бумаг на базе Единой федеральной информационной системы о фактах деятельности юридических лиц, агрегирующий сведения об аресте, залоге и иных обременениях всех видов ценных бумаг, что повысит прозрачность оборота и защитит права добросовестных приобретателей.

Кроме того, необходимо определить меры защиты добросовестного приобретателя ценных бумаг путем установления пресекательного срока для оспаривания результатов торгов. Представляется необходимым закрепить, что результаты торгов по реализации именных ценных бумаг и переход права на такие бумаги к приобретателю не могут быть оспорены по основаниям, связанным с нарушением процедуры оценки либо порядка проведения торгов, если с даты внесения записи в реестр акционеров о переходе права прошло более 6 месяцев, за исключением случаев доказанного сговора между взыскателем, судебным приставом-исполнителем и приобретателем, повлекшего существенное нарушение прав должника или общества. Таким образом, может быть сокращен существующий срок в 1 год, что позволит обеспечить иной порядок оспаривания.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Взаимодействие судебного пристава-исполнителя и держателя реестра ценных бумаг представляет собой сложный, многоэлементный процессуальный механизм, находящийся на стыке исполнительного и корпоративного права.

Правовая природа держателя реестра имеет двойственный характер: выполняя частноправовые функции по договору с эмитентом, регистратор одновременно несет публично-правовые обязанности по обеспечению достоверности реестра и исполнению постановлений уполномоченных государственных органов. Данный статус предопределяет специфику взаимодействия на всех стадиях исполнительного производства: от выявления ценных бумаг до перехода прав к приобретателю.

Список источников

1. Гуреев В.А., Аксенов И.А. Проблемы оценки имущества должника в рамках исполнительного производства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 8. С. 25–28.

2. Закупень Т.В. Особенности правового регулирования деятельности саморегулируемых организаций в предпринимательских правоотношениях // Безопасность бизнеса. 2011. № 1. С. 4–6.

3. Карулин С.В. Проблемы применения специального законодательства о рынке ценных бумаг в части исполнения регистратором судебных актов // Подготовлен для СПС КонсультантПлюс. 2014.

4. Кудрявцева В.П. Субъекты исполнительного производства: теоретические аспекты и правоприменительные проблемы // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 6. С. 58–63.

5. Настольная книга судебного пристава-исполнителя: учебно-практическое пособие / И.А. Аксенов, Н.Н. Бакурова, А.Н. Береснев и др.; под ред. В.А. Гуреева, С.В. Сазанова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2017. 1056 с.

6. Свирин Ю.А. Исполнительное производство и трансгрессия исполнительного права: монография. М.: Оверлей, Астра Полиграфия, 2009. 232 с.

References

1. Gureev V.A., Aksenov I.A. Problemy` ocenki imushhestva dolzhnika v ramkax ispolnitel`nogo proizvodstva // Zakony` Rossii: opy`t, analiz, praktika. 2012. № 8. S. 25-28.

2. Zakupen` T.V. Osobennosti pravovogo regulirovaniya deyatel`nosti samoreguliruemy`x organizacij v predprinimatel`skix pravootnosheniyax // Bezopasnost` biznesa. 2011. № 1. S. 4–6.

3. Karulin S.V. Problemy` primeneniya special`nogo zakonodatel`stva o ry`nke cenny`x bumag v chasti ispolneniya registratorom sudebny`x aktov // Podgotovlen dlya SPS Konsul`tantPlyus. 2014.

4. Kudryavceva V.P. Sub``ekty` ispolnitel`nogo proizvodstva: teoreticheskie aspekty` i pravoprimenitel`ny`e problemy` // Arbitrazhny`j i grazhdanskij process. 2017. № 6. S. 58–63.

5. Nastol`naya kniga sudebnogo pristava-ispolnitelya: uchebno-prakticheskoe posobie / I.A. Aksenov, N.N. Bakurova, A.N. Beresnev i dr.; pod red. V.A. Gureeva, S.V. Sazanova. 3-e izd., pererab. i dop. M.: Statut, 2017. 1056 s.

6. Svirin Yu.A. Ispolnitel`noe proizvodstvo i transgressiya ispolnitel`nogo prava: monografiya. M.: Overlej, Astra Poligrafiya, 2009. 232 s.

Статья поступила в редакцию 23.06.26;
одобрена после рецензирования 30.06.26;
принята к публикации 30.06.26.

The article was submitted 23.06.26;
approved after reviewing 30.06.26;
accepted for publication 30.06.26.

Евразийская адвокатура. 2026. № 4 (81). С. 71.
Eurasian Advocacy. 2026;(4(81)):71.

Актуальные проблемы адвокатской практики

Научная статья
УДК 347.2
doi 10.52068/2304-9839_2026_81_4_71

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА КОЛЛЕКТИВНОГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ И ЗАЩИТЫ УТИЛИТАРНЫХ И ГИБРИДНЫХ ЦИФРОВЫХ ПРАВ

МАРКАРОВ Михаил Давидович
Аспирант Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, руководитель следственного отдела по городу Солнечногорску Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Московской области
117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6, Российская Федерация

Аннотация: В статье исследуется правовая природа коллективного осуществления и защиты утилитарных и гибридных цифровых прав. Рассматривается соотношение предусмотренных Федеральным законом от 04.08.2026 № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах» институтов представителя и общего собрания обладателей цифровых прав с общими положениями о представительстве, решениях собраний и договорных моделях действий в чужом интересе. Обосновывается субсидиарное применение главы 9.1 ГК РФ к решениям собрания обладателей цифровых прав и определяется значение правовой квалификации для восполнения пробелов регулирования. Предлагаются уточнения пределов коллективного распоряжения требованиями и обязанностей представителя.

Ключевые слова: утилитарные цифровые права, гибридные цифровые права, гражданско-правовое сообщество, решения собраний, представительство, доверительное управление, аналогия закона, защита прав

Для цитирования: Маркаров М.Д. Правовая природа коллективного осуществления и защиты утилитарных и гибридных цифровых прав // Евразийская адвокатура. 2026. № 4 (81). С. 71. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_81_4_71

Current Problems of Advocacy Practice

Original article

LEGAL NATURE OF THE COLLECTIVE EXERCISE AND PROTECTION OF UTILITARIAN AND HYBRID DIGITAL RIGHTS

MARKAROV Mikhail Davidovich
Postgraduate Student of Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Head of the Investigative Department for the city of Solnechnogorsk of the Main Investigative Directorate of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Moscow Region
117198, Moscow, Miklukho-Maklaya Street, 6, Russian Federation

Abstract: The article investigates the legal nature of the collective exercise and protection of utilitarian and hybrid digital rights. It examines the correlation of the institutions of a representative and a general meeting of digital rights holders, provided for by Federal Law No. 282-FZ of August 04, 2026 «On Digital Currencies and Digital Rights», with the general provisions on representation, decisions of meetings, and contractual models of actions in another's interest. The subsidiary application of Chapter 9.1 of the Civil Code of the Russian Federation to the decisions of the meeting of digital rights holders is substantiated, and the significance of legal qualification for filling regulatory gaps is determined. Clarifications of the limits of collective disposal of claims and the duties of a representative are proposed.

Keywords: utilitarian digital rights, hybrid digital rights, civil law community, decisions of meetings, representation, trust management, analogy of law, protection of rights

For citation: Markarov M.D. Legal Nature of the Collective Exercise and Protection of Utilitarian and Hybrid Digital Rights = Eurasian Advocacy. 2026; 4 (81):71. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_81_4_71

© Маркаров М.Д., 2026 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC BY).

Закрепление цифровых прав в гражданском законодательстве позволило определить особенности существования и осуществления обязательственных и иных прав в информационной системе [1]. Дальнейшая конкретизация их правового режима получила закрепление в специальных законодательных актах. Последние изменения законодательства затронули порядок согласования действий их обладателей. Федеральный закон от 4 августа 2026 г. № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах» (далее – Закон № 282-ФЗ) урегулировал вопросы выпуска и обращения цифровых прав, а также предусмотрел возможность назначения представителя и проведения общего собрания обладателей цифровых прав одного выпуска [2]. Для утилитарных и гибридных прав положения статьи 28 Закона № 282-ФЗ приобрели особое значение вследствие возможного соединения денежных требований с интересом в получении вещи, результата работы или иного неденежного предоставления. В связи с этим возникла проблема определения правовой природы складывающихся отношений. Квалификация этих отношений необходима для установления пределов коллективного воздействия на требования отдельных обладателей.

Статья 28 Закона № 282-ФЗ урегулировала деятельность представителя, а также отдельные вопросы организации общего собрания, закрепив обязанности представителя по контролю исполнения, информированию и защите обладателей, а также предоставив ему широкие процессуальные полномочия (в том числе право на заключение мирового соглашения). Компетенция собрания определена в общей форме через связь принимаемых решений с осуществлением и защитой прав, а ее конкретизация отнесена к полномочиям Банка России. Непосредственно в Законе № 282-ФЗ отсутствует развернутое разграничение действий по организации защиты и решений, изменяющих содержание принадлежащих участникам требований. Между тем от него зависит допустимость распоряжения чужим правом без отдельно выраженного согласия его обладателя.

Для постановки проблемы обратимся к условному примеру. Выпущенные цифровые права предусматривают передачу определенной вещи каждому приобретателю, однако при возникновении спора эмитент предлагает денежную выплату взамен первоначального исполнения. Часть обладателей поддерживает предложение, остальные заинтересованы в получении обещанного предоставления. Представитель готов заключить мировое соглашение на предложенных условиях. Приобретатель в таком случае может столкнуться с прекращением требования о передаче вещи в результате решения собрания и действий представителя.

Прежде всего необходимо установить характер связи между обладателями. Наличие общего должника и одинаковых условий выпуска само по себе не свидетельствует о возникновении единого обязательства с множественностью кредиторов (ст. 308 ГК РФ). При самостоятельном приобретении цифровых прав могут возникать отдельные требования, впоследствии объединяемые общим порядком осуществления. На различие единых и тождественных прав обращает внимание В.В. Груздев, допускающий существование гражданско-правового сообщества как при множественности субъектов одного правоотношения, так и при согласованном осуществлении самостоятельных однородных требований [3]. В рамках его подхода признание такой общности позволяет исследовать организационную связь участников без предварительного объединения принадлежащего им имущества. Для применения статьи 28 Закона № 282-ФЗ определяющим юридическим фактом служит принадлежность прав к одному выпуску, а квалификация лежащих в их основе обязательств требует отдельного анализа.

Из признания подобной общности не следует, что происходит образование юридического лица. Статья 28 Закона № 282-ФЗ не предусматривает государственной регистрации объединения обладателей, его имущественного обособления и самостоятельного участия в обороте от собственного имени так, как это предусмотрено в пунктах 1 и 2 статьи 48 ГК РФ. Упоминание юридического лица в части 1 статьи 28 Закона № 282-ФЗ относится к правовому статусу представителя, а не к представляемой им совокупности приобретателей. Поэтому общее собрание нельзя считать органом вновь созданного юридического лица лишь на основании внешнего сходства с собранием участников организации, предусмотренным пунктом 1 статьи 65.3 ГК РФ. В исследуемой конструкции оно обеспечивает принятие согласованных решений лицами, сохраняющими собственные права к эмитенту.

Деятельность представителя обладателей цифровых прав имеет признаки представительства, предусмотренного статьей 182 ГК РФ. Совершение им сделок от имени обладателей непосредственно создает, изменяет и прекращает их гражданские права и обязанности. Пункт 1 статьи 182 ГК РФ прямо допускает возникновение полномочия в силу указания закона.

В рассматриваемом случае представитель определяется в решении о выпуске цифровых прав и участвует в его подписании в соответствии с частями 1 и 8 статьи 28 Закона № 282-ФЗ. Часть 9 статьи 28 Закона № 282-ФЗ позволяет ему действовать без доверенности от каждого обладателя. Отдельное соглашение об оплате и организации его работы не заменяет предусмотренного законом основания полномочий.

Поскольку его действия совершаются в чужом интересе, рассматриваемые отношения имеют сходство с отношениями из посреднических договоров (главы 49, 51 и 52 ГК РФ), а также из действий в чужом интересе без поручения (глава 50 ГК РФ). Выступление от имени обладателей сближает его деятельность прежде всего с поручением и агентированием, предполагающими действия от имени принципала. При этом оплата услуг эмитентом сама по себе не означает совершения представителем действий от имени эмитента. Исполнение представителем обязанностей, заранее установленных законом и решением о выпуске, не относится к действиям в чужом интересе без поручения, поэтому само по себе отсутствие отдельного договора с обладателями не служит основанием для применения главы 50 ГК РФ.

Обязанности представителя по осуществлению чужих имущественных прав также сближают его деятельность с доверительным управлением имуществом. По статье 1012 ГК РФ управляющий принимает на себя обязанность управлять переданным ему имуществом в интересах учредителя либо выгодоприобретателя [4]. Исполнение этой обязанности предполагает совершение юридических и фактических действий, выбор которых допускает самостоятельное усмотрение в установленных законом и договором пределах. Представитель обладателей прав также обязан оценивать возникающие обстоятельства и принимать меры к защите чужих имущественных интересов, реализуя управленческие правомочия. При этом ограниченность полномочий представителя, определенных законом и решением о выпуске цифровых прав, сама по себе не устраняет сходства с рассматриваемыми отношениями, поскольку ограничения полномочий доверительного управляющего допускаются и пунктом 2 статьи 1012 ГК РФ.

Вместе с тем законодатель непосредственно разграничивает рассматриваемые отношения. Статья 16 Закона № 282-ФЗ отдельно регулирует доверительное управление цифровыми правами и допускает его осуществление только управляющим или управляющей компанией. Для учета переданного имущества часть 16 статьи 22 Закона № 282-ФЗ предусматривает цифровой счет доверительного управляющего. Следовательно, закон закрепляет два самостоятельных правовых режима осуществления чужих прав, каждый из которых имеет собственные основания и условия применения.

Их гражданско-правовое различие проявляется прежде всего в способе участия во внешних отношениях. Доверительный управляющий совершает сделки от своего имени и указывает на свое участие в качестве доверительного управляющего (пункт 3 статьи 1012 ГК РФ), поэтому не является представителем в смысле пункта 2 статьи 182 ГК РФ. Кроме того, доверительное управление предполагает особый имущественный режим (статьи 1018 и 1020 ГК РФ). Общий представитель, напротив, наделяется полномочиями выступать в интересах обладателей, а предусмотренные законом требования заявляет от их имени. Назначение представителя по статье 28 Закона № 282-ФЗ само по себе не устанавливает для требований обладателей такого режима. При этом предусмотренная статьей 1026 ГК РФ возможность учреждения доверительного управления по основаниям, закрепленным законом, требует оценивать содержание возникающих отношений, а не только источник полномочий действующего лица. Для соответствующей квалификации необходимо установить возложение обязанности управлять определенным имуществом с применением присущего этой конструкции правового режима. Между тем статья 28 Закона № 282-ФЗ связывает назначение представителя с коллективным осуществлением и защитой требований одного выпуска, а получение им присужденного имущества сопровождается обязанностью произвести выплаты обладателям согласно пункту 8 части 10 статьи 28 Закона № 282-ФЗ. Следовательно, положения главы 53 ГК РФ непосредственно применяются к доверительному управлению цифровыми правами, предусмотренному статьей 16 Закона № 282-ФЗ, с учетом установленных законом особенностей. В отношениях с представителем по статье 28 Закона № 282-ФЗ возможно применение отдельных норм этой главы по аналогии закона при соблюдении условий пункта 1 статьи 6 ГК РФ. Одного наличия управленческих функций недостаточно, необходимо обосновать сходство конкретного неурегулированного отношения с доверительным управлением и соответствие выбранной нормы его существу.

Помимо разграничения внешних отношений следует обратиться и к природе коллективного

волеобразования. В отечественной литературе правовая природа решения собрания оценивается неоднозначно [5, 6]. В целом решение собрания можно охарактеризовать как юридический факт, выражающий общую волю, формируемую большинством голосов участников собрания, и влекущий возникновение, изменение или прекращение гражданских правоотношений. По нашему мнению, именно глава 9.1 ГК РФ занимает самостоятельное место в правовой оценке рассматриваемых отношений, поскольку часть 4 статьи 28 Закона № 282-ФЗ предусматривает механизм принятия решений обладателями цифровых прав одного выпуска, образующими гражданско-правовое сообщество в смысле пункта 2 статьи 181.1 ГК РФ. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 соответствующее понимание гражданско-правового сообщества распространено и на любые объединения лиц, которые не связаны с образованием самостоятельного субъекта права (п. 103), а также допускается применение общих правил главы 9.1 ГК РФ к иным сходным отношениям при отсутствии специального регулирования (п. 104) [7]. Следовательно, можно констатировать субсидиарное применение главы 9.1 ГК РФ к решениям собрания обладателей цифровых прав.

Приведенное соотношение позволяет определить нормы, регулирующие организационные отношения между обладателями цифровых прав, направленные на согласование их действий при осуществлении имущественных требований. При отсутствии специального регулирования используются правила статьи 181.2 ГК РФ о принятии и оформлении решений. При оценке действительности решений необходимо различать нарушения процедуры и выход за пределы допустимого коллективного усмотрения. Решение общего собрания, принятое по вопросу, не относящемуся к его компетенции, но с соблюдением порядка голосования, по общему правилу ничтожно на основании пункта 3 статьи 181.5 ГК РФ. Применительно к нашему гипотетическому примеру при наличии оснований оспоримости невозможность участника повлиять своим голосованием на принятие решения препятствует признанию последнего недействительным в силу оспоримости только при отсутствии существенных неблагоприятных последствий для этого лица (пункт 109 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25). Существенность последствий в данном случае следует оценивать с учетом утраты требования о первоначально предусмотренном исполнении.

Наряду с основаниями недействительности необходимо определить способы защиты и соответствующие им требования, которые обладатель цифровых прав может реализовать в случае нарушения его прав. Решение собрания, заключенная представителем сделка и внесенная в информационную систему запись имеют самостоятельное юридическое значение. Первое выражает коллективную волю, вторая может изменять отношения с эмитентом, последняя обеспечивает предусмотренный законом учет и осуществление прав. В зависимости от обстоятельств нарушение может затрагивать один или несколько названных элементов. Поэтому выбор способа защиты зависит от характера нарушения, затронутого им элемента и последствий для прав обладателя.

Для определения связи между собранием и представителем наиболее близкой представляется модель, закрепленная в законодательстве об облигациях. Статья 29.7 Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» [8] (далее – Закон о рынке ценных бумаг) прямо относит к компетенции собрания согласие на изменение объема прав, утверждение условий отступного или новации, а также отдельные виды отказа от требований. Подпункт 1 пункта 11 статьи 29.1 Закона о рынке ценных бумаг обязывает представителя исполнять принятые решения. Кроме того, подпункт 1 пункта 12 статьи 29.1 Закона о рынке ценных бумаг разграничивает его самостоятельное согласие на изменения решения о выпуске и (или) проспекта облигаций, не затрагивающие объем прав и порядок их осуществления, и согласие на иные изменения при наличии полномочия от собрания. Подобная детализация устанавливает связь между внешним действием представителя и внутренним решением обладателей требований. Практическое значение такого разграничения подтверждает разъяснение Банка России [9]. Регулятор исключает подписание представителем мирового соглашения в суде без соответствующего решения общего собрания. Пункт 9 статьи 29.1 Закона о рынке ценных бумаг предусматривает широкие процессуальные полномочия, сопоставимые с установленными частью 9 статьи 28 Закона № 282-ФЗ.

Отдельного рассмотрения требует независимость представителя от эмитента. Исследуя правовое положение представителя владельцев облигаций, О. Ушаков и М. Сизова обращали внимание на противоречие между предполагаемой независимостью представителя и получением им вознаграждения от эмитента [10]. Применительно к цифровым правам, по нашему мнению,

аналогичный риск следует учитывать, если эмитент оплачивает услуги представителя и может влиять на размер или условия выплаты его вознаграждения. Обязанность информировать обладателей о наличии или возможности возникновения конфликта интересов и принимаемых в связи с этим мерах уже предусмотрена подпунктом «в» пункта 4 части 10 статьи 28 Закона № 282-ФЗ. Самостоятельного разрешения требует также вопрос о согласовании расходящихся интересов самих обладателей. Полагаем необходимым прямо закрепить в Законе № 282-ФЗ пределы полномочий представителя по распоряжению требованиями обладателей и условия его ответственности за убытки, причиненные нарушением возложенных на него обязанностей.

При этом следует учитывать, что отношения между обладателями цифровых прав и их представителем сохраняют частноправовой характер при участии Банка России в регулировании его деятельности. Публичный элемент выражается в нормотворческих полномочиях регулятора, предусмотренных частями 2, 3 и 5 статьи 28 Закона № 282-ФЗ. В то же время отношения по согласованию действий обладателей и осуществлению их прав представителем основаны на юридическом равенстве участников оборота. Поэтому публично-правовые условия допуска к деятельности представителя следует отделять от гражданско-правовых условий распоряжения требованиями обладателей и последствий нарушения представителем своих обязанностей.

При этом сходство представительства владельцев облигаций и представительства обладателей цифровых прав не свидетельствует о тождестве их правового режима, поскольку в отношении утилитарных и гибридных цифровых прав существенное значение имеют правила информационной системы, в соответствии с которыми определяются содержание и условия осуществления этих прав, а также установленный порядок распоряжения ими (пункт 1 статьи 141.1 ГК РФ).

Изложенное дает основания квалифицировать исследуемую конструкцию как сочетание гражданско-правового сообщества обладателей цифровых прав одного выпуска и специального представительства их интересов. По нашему мнению, самостоятельность нового регулирования выражается в особом порядке соединения названных элементов, не предполагающем возникновения нового субъекта права или самостоятельной договорной модели. Само наличие управленческих функций не дает оснований признавать соглашение с представителем смешанным договором с элементом доверительного управления (пункт 3 статьи 421 ГК РФ). Вопрос о применимом правиле должен разрешаться отдельно для каждой из этих связей. В отношениях с представителем исходное значение имеют глава 10 ГК РФ и общие положения об обязательствах, позволяющие оценивать содержание его обязанностей и последствия их нарушения.

Сохраняющиеся пробелы регулирования позволяют поставить вопрос о применении аналогии при соблюдении условий статьи 6 ГК РФ. При обязательном представительстве заслуживает применения по аналогии гарантия, связывающая расторжение договора по соглашению эмитента и представителя с одобрением такого соглашения общим собранием и одновременным избранием нового представителя, предусмотренная пунктом 13 статьи 29.1 Закона о рынке ценных бумаг. Аналогия права допустима только при невозможности использовать аналогию закона, но не устраняет необходимости законодательного восполнения выявленных пробелов.

Проведенное разграничение организационных и имущественных отношений позволяет определить направления совершенствования правового регулирования. Организационные отношения охватывают согласование действий обладателей и их представителя. Изменение предмета исполнения обязательства эмитента затрагивает содержание требований обладателей и требует определения пределов коллективного распоряжения ими. В приведенном в начале статьи примере денежная выплата может не удовлетворять интерес приобретателя в получении конкретной вещи, поэтому при установлении компетенции собрания необходимо учитывать характер изменяемого требования и значение индивидуального согласия его обладателя.

В связи с этим предлагаем в части 4 статьи 28 Закона № 282-ФЗ определить полномочия собрания по изменению срока и порядка исполнения. Замену неденежного предоставления денежным следует допускать с согласия затрагиваемого обладателя, если законом прямо не предусмотрено иное. За обладателем гибридного права необходимо сохранить предусмотренный его содержанием выбор исполнения. В части 9 статьи 28 Закона № 282-ФЗ целесообразно связать заключение мирового соглашения, изменяющего требования обладателей, с предварительным одобрением его условий собранием в пределах установленной компетенции. Часть 10 статьи 28 Закона № 282-ФЗ следует дополнить обязанностью представителя

оценивать последствия предлагаемых изменений и раскрывать обладателям выявленные риски до голосования. Ответственность за нарушение этой обязанности должна сохраняться независимо от одобрения соглашения собранием при наличии оснований для взыскания убытков.

Коллективное осуществление цифровых прав ставит реализацию самостоятельного требования в зависимость от решений других лиц. Поэтому значение правовой квалификации состоит в определении условий, при которых коллективное решение приобретает обязательную силу для обладателя, и последствий выхода за установленные пределы. Для утилитарных и гибридных цифровых прав определенность этих условий служит гарантией защиты интереса обладателя в получении предусмотренного исполнения.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 4 августа 2026 г. № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2026. № 32. Ст. 4479.
3. Груздев В.В. Гражданско-правовые сообщества: понятие и виды // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 10. С. 61–71.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.
5. Клячин А.А. Решение собрания как юридический факт в корпоративном праве // Шестой пермский конгресс ученых-юристов. Материалы международной научно-практической конференции (Пермь, 16–17 октября 2015 г.) / отв. ред. О.А. Кузнецова. Пермь, 2015. С. 184–187.
6. Коваленко Ю.Н. Правовая природа решений собраний в российском гражданском законодательстве // Пролог: журнал о праве. 2017. № 3. С. 41–48.
7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 8.
8. Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 17. Ст. 1918.
9. Банк России. Обладает ли представитель владельцев облигаций полномочием на подписание мирового соглашения в отсутствие решения общего собрания владельцев облигаций? // Официальный сайт Банка России. Раздел «Обращение облигаций». Дата обновления ответа 29.12.2025.
10. Ушаков О., Сизова М. Правовой статус представителя владельцев облигаций и общего собрания владельцев облигаций: процедурные вопросы, проблемные моменты // Рынок ценных бумаг. 2014. № 4. С. 55–60.

References

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast` pervaya) ot 30 noyabrya 1994 g. № 51-FZ // Sobranie zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii. 1994. № 32. St. 3301.
2. Federal`ny`j zakon ot 4 avgusta 2026 g. № 282-FZ «O cifrovy`x valyutax i cifrovy`x pravax» // Sobranie zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii. 2026. № 32. St. 4479.
3. Gruzdev V.V. Grazhdansko-pravovy`e soobshhestva: ponyatie i vidy` // Zhurnal rossijskogo prava. 2021. T. 25. № 10. S. 61–71.
4. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast` vtoraya) ot 26 yanvarya 1996 g. № 14-FZ // Sobranie zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii. 1996. № 5. St. 410.
5. Klyachin A.A. Reshenie sobraniya kak yuridicheskij fakt v korporativnom prave // Shestoj permskij kongress ucheny`x-yuristov. Materialy` mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Perm`, 16–17 oktyabrya 2015 g.) / otv. red. O.A. Kuzneczova. Perm`, 2015. S. 184–187.
6. Kovalenko Yu.N. Pravovaya priroda reshenij sobranij v rossijskom grazhdanskom zakonodatel`stve // Prolog: zhurnal o prave. 2017. № 3. S. 41–48.
7. Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 23 iyunya 2015 g. № 25 «O primenenii sudami nekotory`x polozhenij razdela I chasti pervoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // Byulleten` Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii. 2015. № 8.
8. Federal`ny`j zakon ot 22 aprelya 1996 g. № 39-FZ «O ry`nke cenny`x bumag» // Sobranie zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii. 1996. № 17. St. 1918.
9. Bank Rossii. Obladaet li predstavitel` vladel`cev obligacij polnomochiem na podpisanie mirovogo soglasheniya v otsutstvie resheniya obshhego sobraniya vladel`cev obligacij? // Oficial`ny`j sajt Banka Rossii. Razdel «Obrashhenie obligacij». Data obnovleniya otveta 29.12.2025.
10. Ushakov O., Sizova M. Pravovoj status predstavitelya vladel`cev obligacij i obshhego sobraniya vladel`cev obligacij: procedurny`e voprosy`, problemny`e momenty` // Ry`nok cenny`x bumag. 2014. № 4. S. 55–60.

Статья поступила в редакцию 11.09.26;
одобрена после рецензирования 17.09.26;
принята к публикации 17.09.26.

The article was submitted 11.09.26;
approved after reviewing 17.09.26;
accepted for publication 17.09.26.

Евразийская адвокатура. 2026. № 4 (81). С. 77.
Eurasian Advocacy. 2026;(4(81)):77.

Актуальные проблемы адвокатской практики

Научная статья
УДК 343.98
doi 10.52068/2304-9839_2026_81_4_77

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОТНЕСЕНИЯ ОБЪЕКТОВ К СПЕЦИАЛЬНЫМ ТЕХНИЧЕСКИМ СРЕДСТВАМ И ПРИСПОСОБЛЕНИЯМ В РАМКАХ ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНОЙ ТРАСОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

ШОГЕНОВ Алан Асланович
Аспирант кафедры уголовного и публичного права Московского университета «Синергия»
115230, г. Москва, пр. Хлебозаводский, д. 7, стр. 10, Российская Федерация

Аннотация: В статье анализируются возможности отнесения средств, используемых для несанкционированного отмыкания блоков секрета, к категории специальных технических средств и приспособлений в рамках производства судебной трасологической экспертизы. Предложена классификация объектов несанкционированного воздействия по определенным категориям, изучены возможности их изготовления с помощью современных технологий.

Ключевые слова: криминалистика, судебная экспертиза, трасологическая экспертиза, механоскопия, специальные технические средства, методика экспертного исследования

Для цитирования: Шогенов А.А. Отдельные аспекты отнесения объектов к специальным техническим средствам и приспособлениям в рамках производства судебной трасологической экспертизы // Евразийская адвокатура. 2026. № 4 (81). С. 77. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_81_4_77

Current Problems of Advocacy Practice

Original article

SPECIFIC ASPECTS OF CLASSIFYING OBJECTS AS SPECIAL TECHNICAL EQUIPMENT AND DEVICES IN THE CONTEXT OF FORENSIC TRACE EXAMINATION

SHOGENOV Alan Aslanovich
Postgraduate Student of the Department of Criminal and Public Law of Moscow University «Synergy»
115230, Moscow, 7 Khlebozavodskii Proezd, bldg. 10, Russian Federation

Abstract: This article examines the possibility of classifying devices used for the unauthorized opening of security locks as special technical devices and tools in the context of forensic trace examination. A classification of objects used for unauthorized tampering into specific categories is proposed, and the feasibility of manufacturing such devices using modern technologies is explored.

Keywords: criminalistics, forensic examination, forensic trace examination, mechanoscopy, special technical means, methods of expert research

For citation: Shogenov A.A. Specific Aspects of Classifying Objects as Special Technical Equipment and Devices in the Context of Forensic Trace Examination = Eurasian Advocacy. 2026; 4 (81):77. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_81_4_77

Трасологическое исследование механических замков, орудий взлома и инструментов, а также специальных технических приспособлений (отмычек и средств, предназначенных для несанкционированного отмыкания) является одним из объектов в судебной механоскопии.

Механоскопия – раздел трасологии, рассматривающий различный круг простых и сложных механизмов, более того, с развитием науки и техники их круг активно увеличивается (ярким примером может послужить появление аддитивных технологий, которые являются в трасологии объектами большого ряда исследований при решении различных задач: при исследовании изделий массового производства, при исследовании следов обуви человека, изготовленных с помощью 3D-технологий, при исследовании средств несанкционированного отмыкания механизмов или

© Шогенов А.А., 2026 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC BY).

блоков секрета, а кроме того, аддитивные технологии могут выступать в качестве объектов и при решении задач в области судебной баллистики – относимость объекта, изготовленного с помощью 3D-технологий, к огнестрельному оружию).

В разное время ученые-криминалисты полагали и представляли определенную структуру механоскопических исследований, в которую входили различные объекты, однако развитие современных технологий позволило дополнить существующие традиционные объекты и задачи судебной трасологии. Грановский Г.*Л.* – один из основоположников судебной механоскопии, как и в целом судебной трасологии, полагал, что задачами механоскопии является «разработка приемов и средств идентификации орудий, механизмов, иных предметов, а также методик решения неидентификационных вопросов, связанных с исследованием орудий, механизмов и их следов» [1, С. 250].

Определение возможностей неидентификационных вопросов, связанных с несанкционированными средствами отмыканий: специальными техническими средствами, приспособлениями, задача которых связана с возможностью тайного отмыкания разных видов блоков секрета (цилиндровых, сувальдных или других), также относится к механоскопической судебной трасологической экспертизе, в которой эксперт на основе методик исследований, а также и других подручно-справочных материалов определяет принадлежность того или иного средства отмыкания к специальным техническим. Необходимо учесть, что по смыслу и значению понятие специального технического средства определено в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» [2], а также в примечании к ст. 138.1 УК РФ «Незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации» [3], где законодатель четко определил его основную задачу – получение несанкционированного доступа с помощью различных устройств, средств и приспособлений. Список, перечень специальных технических средств отмечен в Постановлении Правительства РФ № 770 от 01.07.1996 г. [4]. Среди перечня в пункте 7 обозначены специальные средства несанкционированного проникновения для обследования помещений, транспортных средств и иных объектов.

Согласно критериям, указанным в постановлении Пленума о специальных технических приспособлениях, специальное техническое средство не может быть отнесено к таковым в случае его реализации в открытом доступе, однако может относиться в случае изменения его основных свойств в целях получения несанкционированного доступа.

Такое определение все же в настоящее время ставит под сомнение его относимость и достоверность таковых данных в силу того, что в этом же постановлении отмечается, что средство может быть отнесено к специальным техническим средствам в случае его признания таковым в рамках производства экспертиз на основании заключения эксперта; соответственно, реализация в открытом доступе не может в категорической форме заключать невозможность как изменения его основных задач, так и возможности перепрограммирования с целью получения несанкционированного доступа. В настоящее время реализация различных средств запирания цифровизируется и совершенствуется, производители увеличивают защитные свойства блоков секрета, а также

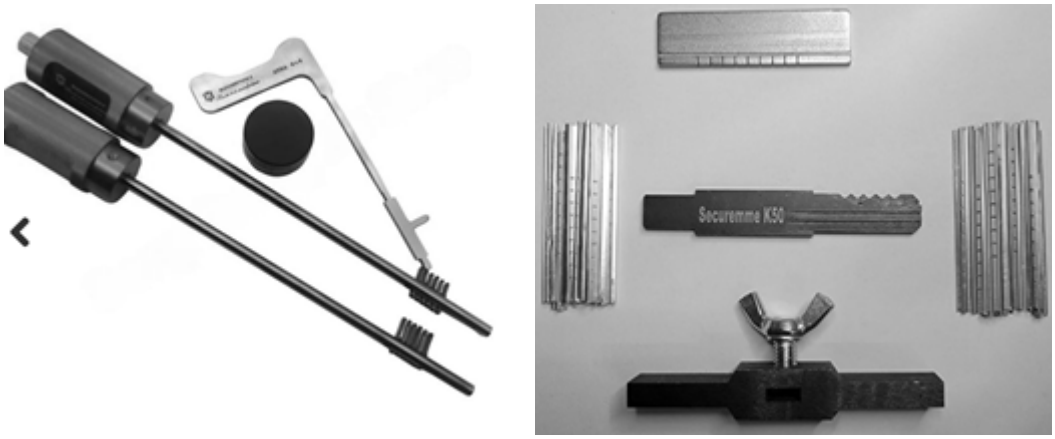


Рисунок 1-1.1 – Наборы для отмыканий сувальдных блоков секрета (слева), цилиндровых блоков секрета (справа), реализуемых в открытом доступе

патентуют уникальные методы защиты от несанкционированного проникновения с помощью различных средств. Однако и рынок средств отмыканий развивается и совершенствуется (см. рис. 1-1.1), кроме того, и услуги, реализуемые в открытом доступе частными лицами (см. рис. 2-2.1) способны обучить малосведущих лиц возможностям неразрушающих методов отмыканий с помощью приспособлений ограниченного или открытого доступа с помощью их приобретения на сторонних сервисах и маркетплейсах. В случае невозможности приобретения специальных средств отмыканий злоумышленник может воспользоваться услугами «байера» для использования специальных приспособлений с целью несанкционированного доступа [5, С. 459].

Такие приспособления способны отмыкать не только механизмы секретностей 1-го класса (менее защищенные механизмы) [6], но 2-го, 3-го и в отдельных случаях 4-го классов секретности, а некоторые и вовсе предназначены специально для отмыкания механизмов одних производителей из-за универсального и единого способа механизма отмыкания и единого принципа защиты от несанкционированного воздействия.

Однако возможности несанкционированных отмыканий не ограничиваются лишь приобретением предназначенных для этого специальных

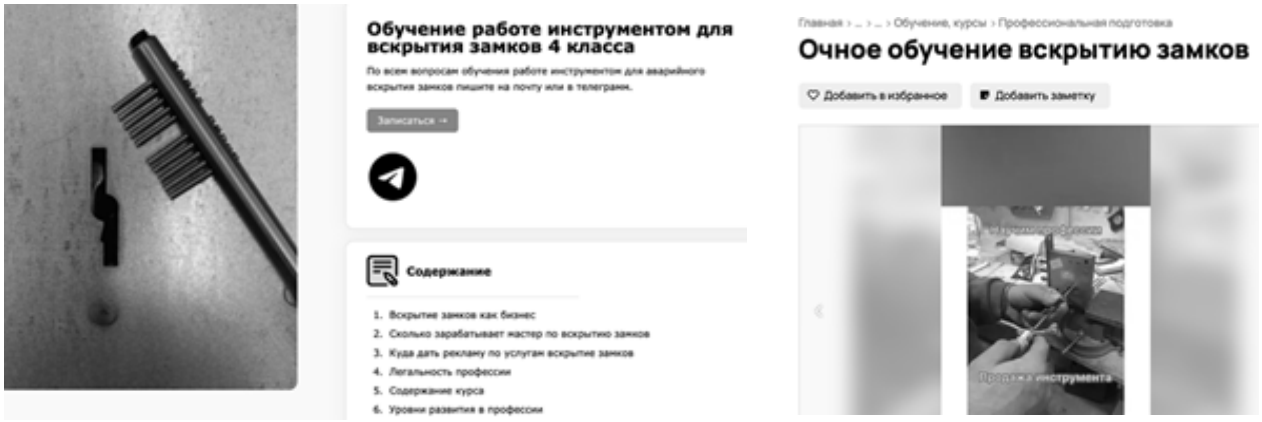


Рис. 2-2.1. Услуги по обучению возможностям отмыканий, реализуемых в открытом доступе на различных интернет-платформах

средств и приспособлений, которые могут быть изготовлены с использованием современных аддитивных технологий. Злоумышленник может самостоятельно с использованием программного обеспечения и необходимых технических познаний изготовить макет предполагаемого средства, с помощью которого и будет отмыкать различные на то механизмы и блоки секрета. Конечно, если злоумышленник не имеет познаний в технической области, то такие услуги также могут предоставляться различными специалистами в открытом доступе на специальных площадках, для этого предназначенных («Avito», «Яндекс. Исполнители», а также на иных международных площадках исполнителей услуг из разных стран – «Upwork», «Guru», «Remotive.io» и т. п.)

С учетом возможностей создания и приобретения специальных средств и приспособлений важнейшей задачей является определение их относимости к специальным средствам, предназначенным для негласного получения информации, несанкционированного доступа в рамках производства трасологической судебной экспертизы. Решение вопроса относимости таких приспособлений является диагностической задачей, направленной на выявление их свойств как объектов несанкционированного доступа. В связи с этим полагаем, что в рамках экспертных исследований схема относимости подобного рода средств должна рассматриваться следующим образом.

Исследование способа изготовления объектов, представленных на исследование или на судебную экспертизу: средства, как изложено ранее, изготавливаются различными методами, как самодельно с использованием подручных средств, так и с применением необходимого оборудования и использованием познаний злоумышленника. В рамках судебной экспертизы эксперт на первоначальных стадиях рассматривает внешние признаки: наличие клейм завода-изготовителя, способ соединения частей и деталей, наличие признаков самодельного изготовления, признаки эксплуатации или ремонта. В случаях, если эксперт или специалист обнаружил изготовление средств и приспособлений, представленных на судебную экспертизу, с применением аддитивных технологий, целесообразным полагаем определить технологию изготовления, конкретный способ их изготовления на основании микроскопического исследования объекта с применением

стереоскопических или цифровых микроскопов с большой кратностью увеличения, позволяющего в достаточной мере установить способ.

В настоящее время результаты исследований, позволяющих определить такого рода признаки аддитивного производства, изложены в следующих научных трудах (диссертационных исследованиях): «Криминалистическое исследование изделий массового производства, изготовленных по инновационным технологиям» (2021 г.) – Коглина В.А., «Формирование и развитие 3D-технологий в судебно-экспертной деятельности: методологические и организационные аспекты» (2024 г.) – Полякова А.В. Иллюстративный материал в указанных работах может быть в достаточной мере отнесен к полноценным источникам экспертных

Рис. 3. Услуги по разработке моделей для 3D-печати, оказываемые на платформе «Яндекс.Исполнители»

исследований/судебных экспертиз при отнесении технологий изготовления к соответствующим видам: в работе Коглиной В.А. подробно описаны технологии изготовления и их признаки не только с точки зрения их диагностического характера, но и в аспекте аддитивных технологий изготовления как изделий массового производства [7, С. 55–59]. В работе Поляковой А.В. современные 3D-технологии рассматриваются не только с точки зрения дальнейшего изучения технологий и признаков, а также наглядного материала каждой из аддитивных технологий 3D-печати [8, С. 221–236], их применения для судебно-экспертной деятельности: сканирования разного рода следов и объектов, реконструкции места происшествия, 3D-моделирования, а также решения иных задач и возможностей, которые способствуют установлению истины [8, С. 44–46].

Второй немаловажной задачей является установление принципа действия, в связи с чем специалисту необходимо пользоваться дополнительной литературой, а также открытыми источниками информации, которые позволят установить принцип действия, а также реальное применение и реальную опасность. Под реальной опасностью понимается то, что специальные средства как орудия совершения преступления имеют универсальное или узкоспециализированное предназначение для несанкционированного отмыкания блоков секрета. Например, незамысловатые по принципу действия отмычки (см. рис. 4) применяются для наименее защищенных механизмов секретности: в большинстве случаев от 1-го и 2-го классов секретности со стандартной замочной скважиной (для английского цилиндрового механизма – вертикальная замочная скважина, для большого количества иных цилиндровых механизмов – горизонтальные замочные скважины). Для отмыкания защищенных механизмов может применяться, как само средство (отмычка), так и дополнительные средства отмыкания (для самоимпрессионного метода несанкционированного отмыкания применяется деформирующий материал – фольга (для цилиндровых механизмов) или же другой пластичный материал (для отмыкания сувальдных блоков секрета могут применяться сменные элементы, см. рис. 5)).

Деформирующие средства и элементы, применяемые в комплексе для несанкционированного отмыкания, могут выступать объектами не только при решении неидентификационных (диагностических) вопросов об их отнесении к специальным техническим средствам и приспособлениям, но и при их исследовании в качестве изделий массового производства.

Полагаем целесообразным разграничить средства, применяемые злоумышленниками для несанкционированного воздействия на блоки секрета, по категориям в зависимости от их возможностей и реального предназначения:

1-я категория – приспособления и средства (отмычки), предназначенные для отмыкания

Рис. 4. Отмычки наиболее распространенных конструктивных форм

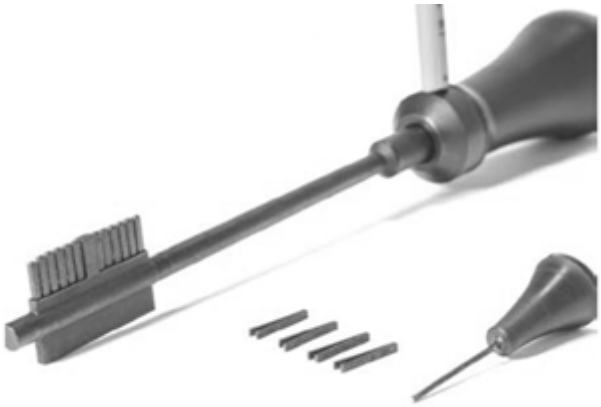


Рис. 5. Самоимпрессионная отмычка со сменными подвижными элементами для отмыкания сувальдных блоков секрета [9, С. 49]

конструктивно простых цилиндровых и сувальдных блоков секрета 1-го и 2-го классов секретности: отмычки в виде крючков и других схожих извилистых форм (см. рис. 4);

2-я категория – приспособления и средства (отмычки), предназначенные для отмыкания механизмов секретности 2-го и 3-го классов: отмычки для манипуляции с едиными группами цилиндровых или сувальдных блоков секрета (см. рис. 1-1.1), т. е. при воздействии на блоки секрета с простыми замочными скважинами (вертикальной английской и горизонтально-прямоугольной формы);

3-я категория – приспособления и средства (отмычки), предназначенные для отмыкания механизмов секретности 4 класса: отмычки для манипуляции со сложными и наиболее защищенными блоками секрета, выполненными специально для отмыкания определенных групп таких механизмов секрета от конкретных изготовителей (см. рис. 5).

После определения относимости к категориям «опасностей» и уяснения реальных возможностей приспособлений, предоставленных на судебную экспертизу, дополнительно следует использовать экспертно-криминалистические учеты и иные судебные экспертизы для производства идентификационных исследований.

Указанный подход к исследованию объектов несанкционированного воздействия на блоки секрета не является исчерпывающим, а диагностическое исследование следов, оставляемых рассмотренными приспособлениями, представляет собой сложную трасологическую задачу, результативность решения которой зависит как от самого механизма секретности, так и от приспособления, применяемого злоумышленником.

На основании изложенного необходимо заключить, что понятие специальных технических средств нуждается в законодательном пересмотре (терминология, критерии относимости с точки зрения постановлений Пленума ВС РФ и Уголовного кодекса РФ), а вопросы их отнесения к данной категории требуют разработки методических рекомендаций с точки зрения доказательственного значения при расследовании преступлений против собственности. Как уже ранее указывалось, подобного рода средства и приспособления, основной функцией которых является несанкционированное отмыкание, в настоящее время активно реализуются в открытом доступе, что позволяет совершать преступления с их применением.

Благодаря разработке методик исследования средств и приспособлений, представляемых в качестве объектов судебных экспертиз, а также законодательному пересмотру их терминологии и

функциональных предназначений возможности решения диагностических и идентификационных задач станут доступны и будут способствовать раскрытию, расследованию и пресечению преступлений против собственности.

Список источников

1. Грановский Г.Л. Основы трасологии. М.: Наука, 2006.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314616.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

4. Постановление Правительства РФ от 01.07.1996 № 770 «Об утверждении Положения о лицензировании деятельности физических и юридических лиц, не уполномоченных на осуществление оперативно-розыскной деятельности, связанной с разработкой, производством, реализацией, приобретением в целях продажи, ввоза в Российскую Федерацию и вывоза за ее пределы специальных технических средств, предназначенных (разработанных, приспособленных, запрограммированных) для негласного получения информации, и Перечня видов специальных технических средств, предназначенных (разработанных, приспособленных, запрограммированных) для негласного получения информации в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности» // АО «Кодекс» [Электронный ресурс]. URL: https://docs.cntd.ru/document/9025798.

5. Шогенов А.А. Особенности и недостатки методики экспертного исследования механических замков, как объектов судебной трасологической экспертизы // Евразийский юридический журнал. 2025. № 9 (208). С. 458–461.

6. ГОСТ 5089-2011. Замки, защелки, механизмы цилиндровые. Технические условия // АО «Кодекс» [Электронный ресурс]. URL: https://docs.cntd.ru/document/1200095488.

7. Коглина В.А. Криминалистическое исследование изделий массового производства, изготовленных по инновационным технологиям: дис. … канд. юрид. наук. М., 2021.

8. Полякова А.В. Формирование и развитие 3D-технологий в судебно-экспертной деятельности: методологические и организационные аспекты: дис. … канд. юрид. наук. Уфа, 2023.

9. Бушуев В.В. и др. Совершенствование системы криминалистического описания объектов: справочник. М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021.

References

1. Granovskij G.L. Osnovy` trasologii. M.: Nauka, 2006.

2. Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 25.12.2018 № 46 «O nekotory`x voprosax sudebnoj praktiki po delam o prestupleniyax protiv konstitucionny`x prav i svobod cheloveka i grazhdanina (stat`i 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii)» // SPS «Konsul`tantPlyus» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314616.

3. Ugolovny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ // Sobranie zakonodatel`stva RF. 1996. № 25. St. 2954.

4. Postanovlenie Pravitel`stva RF ot 01.07.1996 № 770 «Ob utverzhdenii Polozheniya o licenzirovanii deyatel`nosti fizicheskix i yuridicheskix licz, ne upolnomochenny`x na osushhestvlenie operativno-rozy`sknoj deyatel`nosti, svyazannoj s razrabotkoj, proizvodstvom, realizaciej, priobreteniem v celyax prodazhi, vvoza v Rossijskuyu Federaciyu i vy`voza za ee predely` special`ny`x texnicheskix sredstv, prednaznachenny`x (razrabotanny`x, prisposoblenny`x, zaprogrammirovanny`x) dlya neglasnogo polucheniya informacii, i Perechnya vidov special`ny`x texnicheskix sredstv, prednaznachenny`x (razrabotanny`x, prisposoblenny`x, zaprogrammirovanny`x) dlya neglasnogo polucheniya informacii v processe osushhestvleniya operativno-rozy`sknoj deyatel`nosti» // AO «Kodeks» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://docs.cntd.ru/document/9025798.

5. Shogenov A.A. Osobennosti i nedostatki metodiki e`kspertnogo issledovaniya mexanicheskix zamkov, kak ob``ektov sudebnoj trasologicheskoj e`kspertizy` // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2025. № 9 (208). S. 458-461.

6. GOST 5089-2011. Zamki, zashhelki, mexanizmy` cilindrovy`e. Texnicheskie usloviya // AO «Kodeks» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://docs.cntd.ru/document/1200095488.

7. Koglina V.A. Kriminalisticheskoe issledovanie izdelij massovogo proizvodstva, izgotovlenny`x po innovacionny`m texnologiyam: dis. … kand. yurid. nauk. M., 2021.

8. Polyakova A.V. Formirovanie i razvitie 3D-texnologij v sudebno-e`kspertnoj deyatel`nosti: metodologicheskie i organizacionny`e aspekty`: dis. … kand. yurid. nauk. Ufa, 2023.

9. Bushuev V.V. i dr. Sovershenstvovanie sistemy` kriminalisticheskogo opisaniya ob``ektov: spravochnik. M.: Moskovskij universitet MVD Rossii imeni V.Ya. Kikotya, 2021.

Статья поступила в редакцию 02.06.26;
одобрена после рецензирования 15.06.26;
принята к публикации 15.06.26.

The article was submitted 02.06.26;
approved after reviewing 15.06.26;
accepted for publication 15.06.26.

Евразийская адвокатура. 2026. № 4 (81). С. 83.
Eurasian Advocacy. 2026;(4(81)):83.

Актуальные проблемы адвокатской практики

Научная статья
УДК 347.7
doi 10.52068/2304-9839_2026_81_4_83

ОНЛАЙН-УРЕГУЛИРОВАНИЕ СПОРОВ НА МАРКЕТПЛЕЙСАХ В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

ГИРФАНОВ Ильназ Исрафилович
Аспирант Университета управления «ТИСБИ»
420012, г. Казань, ул. Муштари, д. 13, Российская Федерация

Аннотация: Статья посвящена исследованию правовой природы института онлайн-урегулирования споров, возникающих между потребителями и иными участниками сделок на маркетплейсах, включая сам маркетплейс. Автор акцентирует внимание на теоретико-методологической стороне исследуемой проблематики, ввиду чего рассматривает онлайн-урегулирование споров с различных позиций: как правовой институт, как правоотношение, как способ защиты прав. По итогам исследования автор приходит к выводу о том, что современный механизм онлайн-урегулирования споров диссонирует с основами российского гражданского права, в частности, ограничивает автономию воли потребителей, равенство участников гражданско-правовых отношений и свободу договора.

Ключевые слова: онлайн-урегулирование споров, защита прав потребителей, маркетплейс, способы гражданско-правовой защиты, платформенное право

Для цитирования: Гирфанов И.И. Онлайн-урегулирование споров на маркетплейсах в системе гражданско-правовой защиты прав потребителей // Евразийская адвокатура. 2026. № 4 (81). С. 83. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_81_4_83

Current Problems of Advocacy Practice

Original article

ONLINE DISPUTE RESOLUTION ON MARKETPLACES WITHIN THE SYSTEM OF CIVIL LAW PROTECTION OF CONSUMER RIGHTS

GIRFANOV Ilnaz Israfilovich
Postgraduate Student of the University of Management «TISBI»
420012, Kazan, Mushtari Str. 13, Russian Federation

Abstract: The article is devoted to the study of the legal nature of the institution of online dispute resolution arising between consumers and other participants in transactions on marketplaces, including the marketplace itself. The author focuses on the theoretical and methodological aspects of the issues under study, and therefore examines online dispute resolution from various perspectives: as a legal institution, as a legal relationship, and as a method of protecting rights. Based on the study, the author concludes that the current mechanism of online dispute resolution is at odds with the foundations of Russian civil law, in particular, it limits consumers' autonomy, the equality of participants in civil law relations, and the freedom of contract.

Keywords: online dispute resolution, consumer protection, marketplace, methods of civil law protection, platform law

For citation: Girfanov I.I. Online Dispute Resolution on Marketplaces within the System of Civil Law Protection of Consumer Rights = Eurasian Advocacy. 2026; 4 (81):83. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_81_4_83

Стремительная интеграция гражданского оборота в цифровую среду неизбежно влечет за собой преобразование всех классических цивилистических конструкций. Неоднозначность проявлений указанной тенденции отмечается в сегменте электронной коммерции, где результатом вовлечения цифровой платформы (маркетплейса) в гражданско-правовые отношения купли-продажи стало формирование автономной среды для совершения сделок и функционирования

© Гирфанов И.И., 2026 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC BY).

сопутствующих механизмов, в частности механизмов разрешения споров.

Системы внутреннего онлайн-урегулирования споров представляют собой интегрированные в интерфейс маркетплейса алгоритмы, предназначенные для разрешения конфликтов между всеми участниками интернет-сделок купли-продажи. Преимущества систем онлайн-урегулирования споров неоспоримы: запуск процесса рассмотрения проблемной ситуации путем нажатия одной кнопки «Открыть спор» без перехода в сторонние сервисы и тем более без обращения в специализированные органы, и автоматическое формирование правовой позиции ощутимо экономят ресурсы заявителя.

Однако есть и обратная сторона складывающейся практики.

Онлайн-урегулирование споров следует рассматривать не только как особый технологический процесс, сопутствующий интернет-сделкам купли-продажи, но прежде всего как самостоятельную разновидность гражданско-правовых отношений, служащих восстановлению нарушенных прав и соответствующей компенсации потерь. Как указывает профессор Е.А. Суханов, все виды гражданско-правовых отношений подлежат регуляции посредством метода равенства сторон [1]. Вместе с тем системы онлайн-урегулирования споров подчиняются императивным алгоритмам и правилам маркетплейсов, в связи с чем зачастую не только решение спора оказывается несправедливым, но и возникает вопрос о правомерности и допустимых пределах применения защиты прав потребителей в онлайн-формате.

Все перечисленные факторы формируют серьезную доктринальную проблему, предопределяющую необходимость определения правовой природы онлайн-урегулирования споров, а также переосмысления ключевых принципов гражданского права: равенства субъектов и свободы договора.

Правовую основу онлайн-урегулирования споров на маркетплейсе составляют как общие нормы гражданского законодательства, так и нормы специального законодательства.

В части регулирования споров между покупателями и продавцами маркетплейсов действуют общие нормы Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) о защите прав, а также положения Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей».

Внимания заслуживает также Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации», вступивший в силу с 1 октября 2026 года и переквалифицировавший роль платформы с информационной площадки на самостоятельного участника рынка. Статья 14 указанного закона закрепляет обязательность досудебного рассмотрения спора на платформе между продавцами, платформами и пунктами выдачи, устанавливает сроки и некоторые особенности процедуры. Фактически закон возводит правовые рамки для функционирования механизма онлайн-урегулирования споров на маркетплейсах и тем самым «выводит» его регулирование за пределы одних лишь правил платформы. Но, как отмечал еще до вступления указанного закона в силу А.В. Габов, «разрешение споров» существенного развития в названном Законе не находит: каких-либо особенностей «разрешения споров» (кроме обязательности досудебного урегулирования в установленных случаях) он не устанавливает [2].

Ввиду изложенного ключевая роль в регулировании процедур рассмотрения споров с помощью платформенных онлайн-механизмов по-прежнему принадлежит локальным актам платформы и разрабатываемым платформой офертам и соглашениям, которые акцептуют продавцы и покупатели для пользования платформой в порядке ст. 428 ГК РФ и тем самым безоговорочно принимают условия об использовании встроенных механизмов регулирования споров.

Основанное на императивных методах локальное нормотворчество платформ и применение ст. 428 ГК РФ при определении содержания правовых статусов сторон в совокупности формируют ситуацию, при которой необязательный по закону для потребителя механизм онлайн-урегулирования споров становится безальтернативным выбором. На наш взгляд, именно этот аспект прежде всего образует диссонанс между правовой природой онлайн-урегулирования споров и принципами гражданского права. Так, например, потребитель лишается возможности реализовать свое право на возврат товара по правилам, предусмотренным Законом о защите прав потребителей, поскольку неотъемлемым этапом данной процедуры стало оформление онлайн-заявки на возврат и одобрение возврата продавцом. Ограничение прав и законных интересов потребителей в рамках охранительных отношений, опосредованных действием правил маркетплейсов, очевидно.

Для понимания правовой природы онлайн-урегулирования споров на маркетплейсах, в первую очередь необходимо установить, что, по существу, представляет собой данное явление.

Как мы уже отметили, онлайн-урегулирование споров – это вид гражданско-правовых отношений. С участием потребителей данные отношения возникают в связи с нарушением (предположительным нарушением) их прав, о чем потребитель заявляет с помощью использования встроенного в платформу механизма. Не вдаваясь в детали процедур, предусмотренных различными платформами, отметим общее для всех: потребитель подает заявление о рассмотрении спора путем отправки соответствующей формы, работник маркетплейса или автоматизированный модератор рассматривает данное заявление и выносит решение, согласно которому нарушение прав потребителя или признается и устраняется, или не признается. В обоих случаях раскрывается назначение процедуры онлайн-рассмотрения спора – это защита прав потребителей. Но следует отметить, что в действующем механизме защиты прав онлайн-процедура выступает в качестве досудебного этапа защиты, который потребитель юридически не обязан, но фактически вынужден проходить. Также хотелось бы выразить несогласие с авторами, предлагающими установить обязательный претензионный порядок разрешения споров через онлайн-сервисы, встроенные в платформы, только по той причине, что такие споры в настоящее время приобретают характер массовости и стандартизированности [3]. Закрепление подобной меры стало бы прямым ограничением прав потребителей, гарантированных действующим гражданским законодательством.

Если взглянуть на процедуру онлайн-урегулирования споров с участием потребителей с позиции принципов гражданского права, то можно обнаружить, что практически все перечисленные в п. 1 ст. 1 ГК РФ принципы реализуются здесь с определенными оговорками, действующими не в пользу потребителей. Так, принцип свободы договора оказывается ограничен правилами пользования маркетплейсами и пользовательскими соглашениями (договорами присоединения). Принцип беспрепятственного осуществления гражданских прав сталкивается с автоматизированными процессами и алгоритмами, прохождение которых становится обязательным условием реализации гарантированных законом прав. Принцип обеспечения восстановления нарушенных прав оказывается ограничен техническими свойствами платформы, уровнем компетентности модераторов и выраженными в локальных правилах интересами маркетплейса.

Вышеизложенное не позволяет нам однозначно констатировать гражданско-правовое начало природы онлайн-урегулирования споров на маркетплейсах, несмотря на возникновение этих правоотношений в рамках непосредственного действия гражданского законодательства.

Затрагивая вопрос о месте онлайн-урегулирования споров на маркетплейсе в системе форм и способов защиты гражданских прав, обратимся к основам российского гражданского законодательства.

Согласно ст. 11 и ст. 12 ГК РФ защита гражданских прав осуществляется соответствующим судом, компетентными органами (лицами), осуществляющими защиту прав в административном порядке, в порядке самозащиты или иными способами, предусмотренными законом. Сопоставляя приведенные положения со статусом онлайн-урегулирования споров, мы обнаруживаем сразу два противоречия.

Во-первых, известные иные способы защиты гражданских прав предполагают совершение определенных действий для самозащиты (например, удержание вещи в порядке ст. 359 ГК РФ) или предъявление не поименованных в ст. 12 ГК РФ требований в суде (например, требование об опровержении порочащих деловую репутацию сведений согласно ст. 152 ГК РФ). Другими словами, применение иных способов защиты гражданских прав не предполагает участия некомпетентных лиц или автоматизированных систем.

Кроме того, стоит отметить, что маркетплейс, выступающий в роли медиатора в спорных отношениях с его участием по правилам, разработанным этим же маркетплейсом, априори не может быть беспристрастным. Аналогичный вывод справедлив и в отношении автоматизированного рассмотрения споров на платформе без участия человека.

Наделение работников платформ или автоматизированных модераторов функциями медиаторов прямо противоречит принципам справедливости и равенства сторон гражданско-правовых отношений, поскольку слабая сторона в лице потребителя остается не просто незащищенной перед маркетплейсом, но и вынужденно подчиняется созданным цифровым агрегатором правовым рамкам, нивелирующим гарантии диспозитивности и автономии воли.

Во-вторых, защита гражданских прав потребителей в онлайн-формате не закреплена в законе, в связи с чем «подведение» данного способа под категорию «иных» представляется некорректным.

Резюмируя изложенное, констатируем, что по своему существу онлайн-урегулирование

споров на маркетплейсе предполагает реализацию защиты прав участников отношений, возникающих на платформе. Вместе с тем следует указать, что складывающаяся концепция онлайн-урегулирования споров не только не интегрирована в гражданское законодательство, но и в ряде аспектов вступает в противоречие с его ключевыми принципами. В этой связи дефекты современной конструкции онлайн-урегулирования споров на маркетплейсах обнаруживают парадокс материально-правовой природы данного явления: предназначенный для защиты гражданских прав способ сам стал причиной ограничения права потребителей на защиту.

Обратимся и к практической стороне рассматриваемой проблемы.

По мере развития электронной торговли в фокусе внимания судов все чаще оказываются различные споры, связанные с нарушениями в сфере онлайн-торговли на маркетплейсах. Примечательно, что при рассмотрении споров данной категории суды ограничиваются решением конкретной ситуации, избегая общей правовой оценки конструкции онлайн-урегулирования споров.

Ярким примером стал рассмотренный судом спор между потребителем (истцом) и маркетплейсом Ozon (ответчиком) по поводу возврата некачественного товара. Потребитель направил ответчику письменное требование о возврате некачественного товара в бумажной форме, но ответчик претензию не удовлетворил.

В первой инстанции суд удовлетворил требования истца о взыскании стоимости товара, неустойки и штрафа. Однако суды апелляционной и кассационной инстанций решение изменили и поддержали позицию маркетплейса, согласно которой направление истцом письменной претензии следовало квалифицировать как злоупотребление правом, поскольку потребитель не воспользовался встроенными в платформу механизмами рассмотрения споров и тем самым нарушил условия публичной оферты маркетплейса [4]. Таким образом, суд фактически признал приоритет договорного регулирования над нормами законодательства о защите прав потребителей, несмотря на то что, по существу, оферта, разработанная маркетплейсом, противоречит началам гражданского права.

Аналогичной методологии придерживаются суды при рассмотрении других дел данной категории. Полагаем, подобный подход во многом обусловлен недостаточностью правового регулирования деятельности маркетплейсов и квалификацией их статуса как информационных посредников. Как отмечается в исследованиях, судебная практика за 2024–2025 гг. исходит из того, что маркетплейс не является лицом, продающим товар, и его ответственность строго ограничена условиями оферты [5]. Вместе с тем очевидна доктринальная и практическая деформация такой позиции. Признание маркетплейса полноценным участником отношений купли-продажи, на наш взгляд, должно повлечь пересмотр отношения государства к онлайн-урегулированию споров.

Подводя итоги вышеизложенному, мы делаем следующие выводы.

Механизм онлайн-урегулирования споров на маркетплейсах представляет собой особый институт, сочетающий в себе признаки не только характерного для гражданского права диспозитивного, но и императивного регулирования. Созданный для защиты прав потребителей и иных участников онлайн-торговли, данный механизм обладает значительной спецификой, не позволяющей рассматривать его в контексте существующей системы гражданско-правовой защиты.

Обозначенная специфика обусловлена прежде всего тем, что диспозитивные по своей природе гражданско-правовые отношения в цифровой среде оказываются ограничены императивными правилами платформ и автоматизированными процедурами, искажающими действие принципов гражданского права.

Решение сложившейся ситуации мы видим в разработке и внедрении законодательных ограничений локального нормотворчества маркетплейсов и восстановлении баланса гражданско-правового регулирования разрешения споров с участием потребителей и маркетплейсов. В рамках развития платформенного законодательства необходимо признать факультативность онлайн-урегулирования споров как способа гражданско-правовой защиты прав потребителей.

Список источников

1. Гражданское право: учебник. В 4 т. Т. 1: Общая часть / отв. ред. Е.А. Суханов; 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2023. С. 345.

2. Габов А.В. Разрешение споров между участниками отношений, использующих посредническую цифровую платформу // Вестник гражданского процесса. 2025. № 6. С. 37–48.

3. Бурова А.Ю. О разрешении потребительских споров на российских онлайн-платформах // Юрист. 2024. № 8. С. 25–30.

4. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 01.04.2026 № 88-8103/2026 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Биль А. Интеллектуальная собственность и споры: маркетплейсы // Делопроизводство. 2026. № 2. С. 63–66.

References

1. Grazhdanskoe pravo: uchebnik. V 4 t. T. 1: Obshhaya chast` / otv. red. E.A. Suxanov; 3-e izd., pererab. i dop. M.: Statut, 2023. S. 345.

2. Gabov A.V. Razreshenie sporov mezhdu uchastnikami otnoshenij, ispol`zuyushhix posrednicheskuyu cifrovuyu platformu // Vestnik grazhdanskogo processa. 2025. № 6. S. 37–48.

3. Burova A.Yu. O razreshenii potrebitel`skix sporov na rossijskix onlajn-platformax // Yurist. 2024. № 8. S. 25–30.

4. Opredelenie Pervogo kassacionnogo suda obshhej yurisdikcii ot 01.04.2026 № 88-8103/2026 // SPS «Konsul`tantPlyus».

5. Bil` A. Intellektual`naya sobstvennost` i spory`: marketplejsy` // Deloproizvodstvo. 2026. № 2. S. 63–66.

Статья поступила в редакцию 27.09.26;
Одобрена после рецензирования 30.09.26;
принята к публикации 30.09.26.

The article was submitted 27.09.26;
approved after reviewing 30.09.26;
accepted for publication 30.09.26.

Евразийская адвокатура. 2026. № 4 (81). С. 88.
Eurasian Advocacy. 2026;(4(81)):88.

Правосудие и правоохранительная деятельность в евразийском пространстве
Научная статья
УДК 347.9:342.56
doi 10.52068/2304-9839_2026_81_4_88

СУДЕБНАЯ КОНТРРЕФОРМА ПРОТИВ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ: АНАЛИЗ ЗАКОНОПРОЕКТА № 1264907-8

РАГУЛИН Андрей Викторович
Доктор юридических наук, доцент, адвокат Адвокатской палаты г. Москвы, руководитель Центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура»
450006, г. Уфа, ул. Ленина, д. 102, оф. 24, Российская Федерация

Аннотация: В статье представлен комплексный анализ проекта федерального закона № 1264907-8, предусматривающего масштабные изменения в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве. Исследуются расширение единоличного и письменного рассмотрения дел, изменение порядка формирования состава суда, унификация полномочий помощника судьи и секретаря судебного заседания, факультативность предварительного судебного заседания, повышение порогов упрощенного и приказного производства, а также упразднение института арбитражных заседателей. Установлено, что заявленные цели снижения судебной нагрузки и ускорения судопроизводства не подкреплены достаточными расчетами, а предлагаемые средства способны ослабить гарантии законного суда, публичности, состязательности, равенства сторон и независимости судей. Особое внимание уделено соответствию законопроекта Конституции Российской Федерации и статье 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Сделан вывод о необходимости существенной переработки законопроекта и введения конкретных компенсаторных процессуальных механизмов.

Ключевые слова: судебная реформа, доступ к правосудию, процессуальная экономия, единоличное рассмотрение, коллегиальность, письменное производство, предварительное судебное заседание, арбитражные заседатели, независимость судей, Международный пакт о гражданских и политических правах

Для цитирования: Рагулин А.В. Судебная контрреформа против процессуальных гарантий: анализ законопроекта № 1264907-8 // Евразийская адвокатура. 2026. № 4 (81). С. 88. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_81_4_88

Justice and Law-Enforcement Activity in the Eurasian Space
Original article

JUDICIAL COUNTER-REFORM VERSUS PROCEDURAL SAFEGUARDS: AN ANALYSIS OF DRAFT LAW No. 1264907-8

RAGULIN Andrey Viktorovich
Doctor of Law, Associate Professor, Advocate of the Moscow Chamber of Advocates, Head of the Centre for the Study of the Organization and Operation of the Advocacy of the Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law, Editor-in-Chief of the «Eurasian Advocacy» Journal
450006, Ufa, Lenina Str., 102, office 24, Russian Federation

Abstract: The article provides a comprehensive legal analysis of Draft Federal Law No. 1264907-8, which proposes extensive amendments to civil, commercial, and administrative procedure. It examines the expansion of single-judge and written proceedings, changes to the rules governing the composition of courts, the unification of the functions of judicial assistants and court clerks, the optional nature of preliminary hearings, higher monetary thresholds for simplified and order proceedings, and the abolition of commercial court assessors. The study finds that the stated objectives of reducing judicial workload and accelerating proceedings are not supported by sufficient calculations, while the proposed measures may weaken the guarantees of a tribunal established by law, public hearings, adversarial proceedings, equality of arms, and judicial independence. Particular attention is paid to the draft law's compatibility with the

© Рагулин А.В., 2026 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC BY).

Constitution of the Russian Federation and Article 14 of the International Covenant on Civil and Political Rights. The article concludes that the draft law requires substantial revision and concrete compensatory procedural safeguards.

Keywords: judicial reform, access to justice, procedural economy, single-judge proceedings, collegial adjudication, written proceedings, preliminary hearing, commercial court assessors, judicial independence, International Covenant on Civil and Political Rights

For citation: Ragulin A.V. Judicial Counter-Reform versus Procedural Safeguards: An Analysis of Draft Law No. 1264907-8 = Eurasian Advocacy. 2026; 4 (81):88. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_81_4_88

1. Введение

Представленный на исследование проект федерального закона № 1264907-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу Федерального закона «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации» (в части совершенствования судебной деятельности, повышения доступности правосудия и эффективности судопроизводства)» (далее – законопроект) [1], который внесен на рассмотрение Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в порядке реализации постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 июня 2026 г. № 21, предлагает масштабные изменения в процессуальное законодательство, затрагивающие Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (ГПК РФ), Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (АПК РФ) и Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (КАС РФ).

Это – изменения, направленные на упрощение судебных процедур, в том числе в части обжалования отдельных определений суда, расширение пределов упрощенного производства, изменение правил формирования составов суда в проверочных инстанциях, ликвидацию института арбитражных заседателей.

Методологической базой настоящего исследования выступают формально-юридический метод, системный анализ, телеологическое и доктринальное толкование, методы правового моделирования, а источниками являются:

– международные стандарты: Международный пакт о гражданских и политических правах, Замечание общего порядка № 32 Комитета по правам человека Организации Объединенных Наций, тематические доклады Специального докладчика ООН по вопросу о независимости судей и адвокатов и другие [2];

– конституционные императивы: положения Конституции Российской Федерации о праве на судебную защиту (статья 46), праве на законный суд (статья 47), независимости судей и подчинении их закону (статья 120), состязательности и равноправии сторон, а также участии граждан в отправлении правосудия (статьи 32, 123) [3] и акты Конституционного Суда Российской Федерации;

– доктрина процессуального права и адвокатуры: научные работы по вопросам состава суда, процессуальной экономии, письменного производства, апелляции, кассации, судебной нагрузки и статуса аппарата суда, а также концептуальные подходы к обеспечению прав граждан и профессиональных прав адвокатов, предполагающие в том числе недопустимость снижения процессуальных гарантий под предлогом процессуальной экономии [4, 22].

Оценка законопроекта проводится с учетом его конституционности, соответствия международным стандартам, обеспечения доступа к правосудию, соблюдения принципов независимости суда, состязательности и равенства сторон, законного суда, а также баланса процессуальной экономии и процессуальных гарантий.

2. Изменения в гражданском судопроизводстве

2.1. Сокращение гарантий коллегиальности и риски расширения дискреционных полномочий председателей судов

Проектируемые нормы (п. 1, 8 ст. 1 проекта, изменения в ст. 7, 379.5 ГПК РФ): «3. Дела в суде апелляционной инстанции рассматриваются коллегиально, за исключением дел, подсудных мировым судьям, дел (материалов), рассматриваемых по частным жалобам, дел упрощенного производства, а также дел особого производства, указанных в пунктах 1, 5-11 части первой статьи 262 настоящего Кодекса, которые рассматриваются судьей суда апелляционной инстанции единолично...»; «4. Дела в суде кассационной инстанции рассматриваются коллегиально, за исключением дел, которые в суде апелляционной инстанции рассматривались судьей единолично...»; «5. Председатель суда апелляционной или кассационной инстанции, его заместитель на основании мотивированного заявления судьи, которому дело передано для единоличного рассмотрения в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, вправе решить вопрос о коллегиальном рассмотрении данного дела в связи с его особой сложностью».

Часть первую статьи 379.5 изложить в следующей редакции: «1. Кассационный суд общей юрисдикции рассматривает дело в судебном заседании коллегиально в составе судьи-председательствующего и двух судей или единолично судьей в случаях и порядке, предусмотренных настоящим Кодексом».

Исходя из системного толкования законопроекта и действующей редакции ГПК РФ, мы можем определить перечень категорий дел, рассмотрение которых, согласно законопроекту, предлагается на стадии апелляционного и кассационного производства осуществлять судом в составе одного судьи. К указанным категориям относятся, в частности, следующие дела:

– дела, подсудные мировым судьям (дела о выдаче судебного приказа; о расторжении брака, если между супругами отсутствует спор о детях; о разделе между супругами совместно нажитого имущества при цене иска, не превышающей пятидесяти тысяч рублей; по имущественным спорам, за исключением дел о наследовании имущества и дел, возникающих из отношений по созданию и использованию результатов интеллектуальной деятельности, при цене иска, не превышающей пятидесяти тысяч рублей; по имущественным спорам, возникающим в сфере защиты прав потребителей, при цене иска, не превышающей ста тысяч рублей);

– дела (материалы), рассматриваемые по частным жалобам, перечень которых не является исчерпывающим и определяется как статьей 331 ГПК РФ, так и специальными нормами (об отказе в принятии искового заявления (ч. 3 ст. 134 ГПК РФ), о возвращении искового заявления (ч. 3 ст. 135 ГПК РФ), о передаче дела в другой суд по подсудности (ч. 3 ст. 33 ГПК РФ), о возвращении заявления о вынесении судебного приказа или об отказе в его принятии (ч. 4 ст. 125 ГПК РФ), об отказе во вступлении в дело третьего лица, заявляющего самостоятельные требования относительно предмета спора (ч. 1 ст. 42 ГПК РФ), об отказе во вступлении в дело третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований (ч. 1 ст. 43 ГПК РФ), о замене стороны правопреемником или об отказе в такой замене (ч. 3 ст. 44 ГПК РФ), об обеспечении иска, об отказе в его обеспечении, об отмене обеспечения иска, о замене одних мер обеспечения другими (ст. 145 ГПК РФ), о вопросах, связанных с судебными расходами (ст. 104 ГПК РФ), о наложении судебного штрафа (ч. 2 ст. 106 ГПК РФ), о восстановлении или об отказе в восстановлении пропущенного процессуального срока (ч. 5 ст. 112 ГПК РФ), о приостановлении производства по делу (ст. 218 ГПК РФ), о прекращении производства по делу (ст. 221 ГПК РФ), об оставлении заявления без рассмотрения (ст. 223 ГПК РФ), об отказе в принятии дополнительного решения суда (ч. 3 ст. 201 ГПК РФ), о разъяснении решения суда (ч. 3 ст. 202 ГПК РФ), об отсрочке или о рассрочке исполнения решения суда, об изменении способа и порядка его исполнения (ст. 203, ч. 2 ст. 203.1 ГПК РФ), о вопросах немедленного исполнения решения суда (ч. 3 ст. 212 ГПК РФ), о возвращении апелляционной жалобы, представления (ч. 3 ст. 324 ГПК РФ), об удовлетворении либо об отказе в удовлетворении заявления о пересмотре судебных постановлений по вновь открывшимся или новым обстоятельствам (ч. 2 ст. 397 ГПК РФ), об оспаривании решения третейского суда (ч. 5 ст. 422 ГПК РФ), о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда или об отказе в его выдаче (ч. 5 ст. 427 ГПК РФ), о признании и принудительном исполнении решения иностранного суда или об отказе в этом (ч. 3 ст. 412 ГПК РФ), о выдаче дубликата исполнительного документа или об отказе в его выдаче (ч. 4 ст. 430 ГПК РФ), о приостановлении или прекращении исполнительного производства (ч. 3 ст. 440 ГПК РФ), о повороте исполнения решения суда (ч. 3 ст. 444 ГПК РФ));

– дела упрощенного производства (по исковым заявлениям о взыскании денежных средств или об истребовании имущества, если цена иска не превышает двести пятьдесят тысяч рублей (законопроектом предложено увеличение до 300 тысяч рублей), кроме дел, рассматриваемых в порядке приказного производства; по исковым заявлениям о признании права собственности, если цена иска не превышает двести пятьдесят тысяч рублей; по исковым заявлениям, основанным на представленных истцом документах, устанавливающих денежные обязательства ответчика, которые ответчиком признаются, но не исполняются, и (или) на документах, подтверждающих задолженность по договору, кроме дел, рассматриваемых в порядке приказного производства);

– дела особого производства (об установлении фактов, имеющих юридическое значение; об объявлении несовершеннолетнего полностью дееспособным (эмансипации); о признании движимой вещи бесхозяйной и признании права муниципальной собственности на бесхозяйную недвижимую вещь; о восстановлении прав по утраченным ценным бумагам на предъявителя или ордерным ценным бумагам (вызывное производство); о внесении исправлений или изменений в записи актов гражданского состояния; по заявлениям о

совершенных нотариальных действиях или об отказе в их совершении; по заявлениям о восстановлении утраченного судебного производства).

Таким образом, проектируемая норма предполагает расширение единоличного рассмотрения дел в судах апелляционной и кассационной инстанций, при этом наделяя председателя суда или его заместителя правом на основании мотивированного заявления судьи решать вопрос о коллегиальном рассмотрении дела в связи с его «особой сложностью».

Критический анализ: Конституция Российской Федерации (ч. 1 ст. 118) императивно не определяет, в каком составе (коллегиально или единолично) суды могут рассматривать подсудные им дела, это отнесено к прерогативе федерального законодателя. Однако процессуальная экономия не может иметь приоритет над качеством правосудия [5].

Конституционный Суд Российской Федерации указывал, что «законодатель должен устанавливать такие институциональные и процедурные условия осуществления процессуальных прав, которые отвечали бы требованиям процессуальной эффективности, экономии в использовании средств судебной защиты и тем самым обеспечивали бы справедливость судебного решения, без чего недостижим баланс публично-правовых и частноправовых интересов; игнорирование же законодателем принципа процессуальной экономии влечет неоправданное и лишенное смысла использование временных, финансовых и кадровых ресурсов государства для рассмотрения дела. Требование процессуальной экономии выступает одним из факторов, влияющих на определение объема возможных отступлений … от традиционного подхода к разрешению вопросов материально-правового характера в делах искового производства. …При этом процессуальная экономия как таковая не является для законодателя самоцелью: в первую очередь она призвана заложить основу для организационно наиболее быстрого и эффективного разрешения дел в судебной системе в целом, что обязывает к принятию законодательных решений в сфере процессуального правового регулирования с учетом предписаний статьи 17 (часть 3) Конституции Российской Федерации, а в части предоставления сторонам гарантий реальной судебной защиты их прав, затрагиваемых требованием процессуальной экономии, – и с учетом вытекающей из статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации необходимой соразмерности возможного ограничения этих прав конституционно защищаемым ценностям, которая определяется, в частности, характером материальных правоотношений, составляющих предмет соответствующей категории дел, и не допускает какого-либо снижения уровня процессуальных гарантий в целях процессуальной экономии» [6].

Между тем в пояснительной записке к законопроекту не содержится достаточного и конкретного обоснования того, почему именно по предлагаемым, приведенным выше категориям дел необходимо введение предложенного проявления процессуальной экономии, и не обосновано, почему права граждан и организаций – участников соответствующих категорий дел – предлагается ограничить.

Пояснительная записка обосновывает расширение единоличного рассмотрения необходимостью перераспределения ресурсов на сложные дела при наличии устоявшейся практики. Однако конкретные критерии отнесения категорий дел к «не содержащим сложных вопросов» в законопроекте и записке не раскрыты, что требует дополнительной статистической и сравнительно-правовой аргументации.

В то же время коллегиальность составов суда вышестоящих инстанций – не случайность, а одна из базовых институциональных гарантий минимизации судебных ошибок и противодействия коррупции [7, 23, 24].

Отказ от коллегиальности под лозунгом «снижения нагрузки» ведет к фактическому выхолащиванию проверочных судебных инстанций, поскольку расширение перечня дел, подлежащих единоличному рассмотрению в судах апелляционной и кассационной инстанций, приводит к утрате защиты, которую предоставляет коллегиальное обсуждение судебного решения. Единоличное рассмотрение дел повышает риск судебной ошибки вследствие отсутствия внутреннего обсуждения правовой позиции несколькими судьями.

Расширение единоличного рассмотрения само по себе не изменяет установленный законодательством порядок распределения дел между судьями. Однако увеличение числа категорий дел, рассматриваемых единолично, объективно повышает значение механизма распределения дел и, следовательно, требует дополнительных гарантий его прозрачности и независимости, тогда как проектируемая часть 5 статьи 7 ГПК РФ вместо этого создает коррупциогенный фактор в виде широкой дискреции.

Следует особо подчеркнуть, что распределение дел и формирование состава суда не должны

зависеть от личного усмотрения председателя суда. Критерии должны быть строгими, прозрачными и автоматизированными. В российской доктрине отмечается, что широкие полномочия председателей судов превращают их в инструмент административного контроля над рядовыми судьями, уничтожая институциональную независимость [8, 25, 26]. Использование расплывчатого оценочного понятия «особая сложность» при таких обстоятельствах открывает беспрецедентные возможности для манипулирования составами суда в интересах отдельных сторон.

Делегирование председателю суда права формировать состав суда фактически «ad hoc» (для конкретного случая) по размытому критерию «особой сложности» прямо нарушает статью 47 Конституции РФ (право на рассмотрение дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом). Законодатель обязан установить четкие критерии подсудности и формирования состава в самом тексте закона. Кроме того, использование субъективного оценочного понятия «особая сложность» является классическим коррупциогенным фактором (широкая дискреция, сопровождаемая неопределенностью условий и отсутствием четко регламентированной в законе процедуры).

В качестве законодательной альтернативы предлагается исключить из законопроекта право председателя суда единолично определять «особую сложность» дела. Вместо этого в ГПК РФ (а также в АПК РФ и КАС РФ) следует установить объективные критерии сложности дел и (или) закрепить исчерпывающий перечень категорий дел, которые всегда рассматриваются коллегиально, либо предоставить право самим лицам, участвующим в деле, заявлять обязательное для удовлетворения ходатайство о коллегиальном рассмотрении дела. В качестве компенсаторных механизмов также может быть рассмотрена регистрация основания в автоматизированной системе и запрет изменения персонального состава вне общих правил распределения дел.

2.2. Расширение и унификация полномочий помощника судьи и риск совмещения функций

Проектируемые нормы (п. 2 ст. 1 проекта, новая редакция ст. 47.1 ГПК РФ): «…Помощник судьи по поручению председательствующего судьи… ведет протокол судебного заседания, … обеспечивает контроль за фиксированием хода судебного заседания техническими средствами, проверяет явку в суд лиц, которые должны участвовать в судебном заседании, оказывает судье помощь в подготовке и организации судебного процесса, в том числе контролирует поступление документов, истребованных судом, а также в подготовке проектов судебных актов...».

Законопроект (новая редакция ст. 47.1 ГПК РФ) предлагает расширить и унифицировать полномочия помощника судьи, при этом действующее процессуальное законодательство уже допускает ведение протокола помощником судьи по поручению председательствующего.

Критический анализ: В действующей правовой системе функции помощника и секретаря судебного заседания формально практически всегда разделены: помощник оказывает организационную и аналитическую помощь (в том числе готовит проекты судебных актов), а секретарь является независимым фиксатором происходящего в процессе. На практике функции помощника и секретаря уже частично пересекаются (например, помощник может вести протокол в некоторых случаях). Однако законопроект фактически призван сделать это отступление от обычных правил постоянным.

Между тем слияние должностей, как и делегирование помощнику судьи функций секретаря судебного заседания, порождает конфликт интересов. Помощник, заранее подготовивший проект судебного решения по указанию судьи, может оказаться в ситуации потенциального конфликта интересов, поскольку он будет объективно заинтересован, например, в том, чтобы протокол судебного заседания не содержал сведений, которые противоречат этому проекту. Наличие технической фиксации хода процесса существенно затрудняет искажение письменного протокола помощником судьи, поскольку любая из сторон вправе принести замечания на протокол, основываясь на аудиозаписи, однако, пока случаи расхождения между аудиозаписями и протоколами на бумаге нередко встречаются в судебной практике, письменный протокол сохраняет важнейшее значение. Кроме того, на практике суды апелляционной и кассационной инстанций исследуют именно письменный протокол судебного заседания, а не аудиозапись. В связи с этим предложенная «унификация» осуществляется в ущерб достоверности фиксации доказательств и объективному отражению правовой позиции сторон в материалах дела.

Для исключения приведенных выше негативных факторов следовало бы предусмотреть нормы о том, что помощник судьи, осуществляющий подготовку проекта судебного акта по конкретному делу, не вправе выступать в качестве лица, ведущего протокол судебного заседания по этому

же делу, во избежание конфликта интересов. Предлагаемое ограничение соответствует общему принципу исключения конфликта интересов при осуществлении процессуальных функций, предполагающему организационное разделение подготовки судебного акта и фиксации процессуальных действий. Весьма вероятно, что следует законодательно закрепить безусловный приоритет данных обязательного аудиопротоколирования над письменным протоколом в случае выявления расхождений между ними.

2.3. Учет правовых позиций высших судов как элемент проверки правильности толкования закона

Проектируемые нормы (п. 6 и п. 9 ст. 1 проекта, изменения в ст. 330 и ст. 379.7 ГПК РФ): «Пункт 3 части второй статьи 330 изложить в следующей редакции: 3) неправильное истолкование закона, в том числе без учета правовой позиции, содержащейся в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации, Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Президиума Верховного Суда Российской Федерации».

Таким образом, в законопроекте принятие судебного акта без учета правовых позиций высших судов предлагается расценивать в том числе как неправильное истолкование закона.

Критический анализ: Следование позициям высших судов как условие «правильного» применения закона в течение многих лет уже учитывается вышестоящими судебными инстанциями при проверке судебных актов, а принцип единообразия судебной практики в определенном смысле способствует установлению правовой определенности, защищая участников оборота.

Конституционный Суд РФ еще в основополагающем Постановлении от 21 января 2010 г. № 1-П прямо признал не противоречащей Конституции РФ практику пересмотра дел на основе правовых позиций высшей судебной инстанции (в том деле – Высший Арбитражный Суд РФ) в целях обеспечения принципа правовой определенности и равенства всех перед законом и судом (ст. 19 Конституции РФ) и указал, что «в российской судебной системе толкование закона высшими судебными органами оказывает существенное воздействие на формирование судебной практики. По общему правилу, оно фактически – исходя из правомочий вышестоящих судебных инстанций по отмене и изменению судебных актов – является обязательным для нижестоящих судов на будущее время. Вместе с тем в качестве правового последствия такого толкования в тех случаях, когда в силу общеправовых и конституционных принципов возможно придание ему обратной силы, допускается пересмотр и отмена вынесенных ранее судебных актов, основанных на ином толковании примененных норм». В то же время Конституционный Суд РФ подчеркнул, что Высший Арбитражный Суд РФ не вправе выходить за пределы своих полномочий, определяемых Конституцией Российской Федерации и федеральными конституционными законами, и вторгаться в компетенцию других органов государственной, в том числе судебной, власти. Значимым является и указание на то, что обеспечение единообразия судебной практики и признание актов высших судов основанием для пересмотра дела не могут приводить к умалению принципа подчинения судей только Конституции и закону [9].

Однако законопроект фактически призван, как минимум, уравнять закон с мнениями высших судов, которые не являются и по своей сути не могут являться источниками права. Более того, просматриваются и более широкие последствия предложенного нововведения: предлагаемая законопроектом формулировка может привести к тому, что судебная практика применения закона будет строиться исключительно на основе интерпретации положений закона в решениях высших судов. Тем самым высшие суды фактически подчинят себе исключительное право толковать закон, а сам закон будет подменен актами толкования этого закона в интерпретации этих судов.

Между тем постановления Пленума Верховного Суда РФ в силу статьи 126 Конституции РФ представляют собой разъяснения по вопросам судебной практики, но не являются нормативными правовыми актами (законами). Из этого следует, что предложенная законопроектом идея вступает в противоречие с положениями статьи 120 Конституции РФ, закрепляющей подчинение судей только закону.

Особую тревогу вызывает тот факт, что законопроект уравнивает в статусе обязательного источника права не только постановления Пленума ВС РФ (содержащие акты абстрактного нормативного толкования), но и постановления Президиума ВС РФ, которые выносятся в порядке надзора по конкретным спорам (казуальное толкование).

Акты Президиума Верховного Суда Российской Федерации неоднородны по своей природе: одни из них принимаются по конкретным делам и обусловлены индивидуальной фактической ситуацией, другие связаны с организационным обобщением судебной практики. Ни одна из этих разновидностей не может автоматически приравниваться к постановлениям Пленума,

содержащим абстрактные разъяснения по вопросам судебной практики. Однако закон не определяет, какие именно акты Президиума подлежат учету, и не устанавливает требования к их официальному опубликованию, временные пределы действия соответствующей позиции и критерии ее применимости к конкретному делу.

Наделение правовых позиций Президиума, сформированных на основе уникальной фабулы отдельного дела, силой безусловного нормативного предписания означает де-юре внедрение прецедентной системы права, не свойственной российской правовой традиции. При этом законодатель не предлагает необходимые процессуальные противовесы – например, институт, позволяющий нижестоящему суду аргументированно отступать от «прецедентной позиции» Президиума по причине существенного отличия фактических обстоятельств рассматриваемого дела от обстоятельств «прецедентного» дела.

Предлагаемая законопроектом формула, очевидно, нуждается в дифференциации.

Неприменение подлежащей применению правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации может рассматриваться как неправильное применение права в силу обязательности решений Конституционного Суда Российской Федерации. Но в отношении позиций Пленума и Президиума Верховного Суда Российской Федерации основанием отмены должен являться не любой формальный «неучет» позиции, а именно ее немотивированное игнорирование.

Наряду с этим подчинение судьи разъяснениям высшей судебной инстанции под угрозой отмены судебного акта – значимый шаг, направленный на подавление судейского усмотрения и самостоятельности суда при применении закона, которое может быть основано на уникальных фактических обстоятельствах дела, не охваченных типовой ситуацией, на которую рассчитано разъяснение [10, 27].

В результате предлагаемых изменений судья, даже видя, что фабула конкретного дела требует иного подхода, скорее предпочтет следовать «типовой» позиции высших судов под страхом безусловной отмены принятого им решения, что непосредственно отражается на карьерных перспективах судьи. Тем самым предложение создает дополнительный механизм для развития практики использования «скрытых» дисциплинарных санкций, к которым относится негативная статистика отмены судебных актов, что расширяет способы вмешательства в правосудие. Таким образом, законопроект в значительной степени призван легализовать сложившуюся практику, однако проблема состоит не только в самом факте учета позиций высших судов (что, так или иначе, неизбежно в любой централизованной судебной системе), но в первую очередь – в приравнивании этих позиций к законам и возможности придания им де-факто даже большей силы, чем законы. Проблема состоит и в отсутствии механизма, позволяющего судье отступить от позиции Пленума или Президиума ВС РФ при наличии исключительных обстоятельств конкретного дела.

Внедрение предложенных в законопроекте норм де-юре закрепит квазипрецедентный характер актов высших судебных инстанций. Признавая значимость единообразия судебной практики (в логике Постановления КС РФ № 1-П), следует отметить недопустимость приравнивания позиций Президиума ВС РФ по казуальным спорам к нормам закона без предоставления нижестоящим судам права на мотивированное отступление от прецедента при существенном различии фактических обстоятельств дела.

Это указывает на то, что в проектируемые нормы ГПК РФ (а также в АПК РФ и КАС РФ) необходимо, как минимум, внести оговорку, согласно которой суд вправе отступить от правовой позиции в исключительном случае, если установит, что фактические обстоятельства конкретного дела существенно отличаются от типовой ситуации, описанной в ней, либо если применение такой позиции приведет к явному умалению конституционных прав участников процесса, а такое отступление должно сопровождаться развернутой мотивировкой в тексте судебного акта.

Проектируемое регулирование является системно неполным еще и потому, что правовые позиции высших судов могут касаться толкования не только норм материального, но и норм процессуального права. Между тем законопроект квалифицирует их неучет посредством категории «неправильного истолкования закона», традиционно относимой к неправильному применению материального права. В результате остается неопределенным, по какому основанию должен отменяться судебный акт, если суд не учел правовую позицию, относящуюся, например, к допустимости доказательств, извещению участников, распределению бремени доказывания или иным вопросам процедуры. В законопроекте необходимо прямо разграничить последствия неучета правовых позиций по вопросам материального и процессуального права либо использовать общее понятие неправильного применения нормы права.

2.4. Расширение рассмотрения жалоб без судебного заседания

Проектируемые нормы (п. 7, п. 11 ст. 1 проекта, изменения в ст. 333 и новая ст. 390.12.1 ГПК РФ): абзац первый части третьей статьи 333: «Частная жалоба, представление прокурора на определение суда первой инстанции рассматриваются судьей единолично без извещения лиц, участвующих в деле, и без проведения судебного заседания». Часть 1 статьи 390.12.1: «Кассационные жалоба, представление на вступившие в законную силу судебные постановления, принятые по результатам единоличного рассмотрения дел (материалов) судьями судов апелляционной и кассационной инстанций в соответствии с настоящим Кодексом, рассматриваются судьями судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации по правилам части первой статьи 390.7 настоящего Кодекса единолично без вызова сторон. С учетом характера и сложности рассматриваемого вопроса, а также доводов кассационных жалобы, представления и возражений относительно них судья судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации может вызвать лиц, участвующих в деле, в судебное заседание».

Таким образом, законопроектом предложен перевод рассмотрения дел по частным жалобам и части кассационных жалоб в Верховном Суде Российской Федерации в письменный формат единоличного рассмотрения без извещения и вызова сторон.

Критический анализ: На сегодняшний день часть 3 статьи 333 ГПК РФ уже предусматривает, что большинство частных жалоб рассматривается без извещения лиц, участвующих в деле, что было признано допустимым Конституционным Судом РФ при условии обеспечения сторонам права изложить свои доводы и возражения по рассматриваемому вопросу и направить суду письменные доказательства [11]. Однако действующий закон содержит фундаментальные исключения: определения, преграждающие дальнейший доступ к правосудию или завершающие дело без вынесения решения (о приостановлении производства, о прекращении производства по делу, об оставлении заявления без рассмотрения и ряд иных), подлежат обязательному рассмотрению в устном судебном заседании с вызовом сторон.

Перевод рассмотрения абсолютно всех дел по частным жалобам в письменный формат (без извещения и вызова сторон) существенно ограничивает возможности реализации принципов непосредственности, состязательности и устности судебного разбирательства при рассмотрении соответствующей категории жалоб, в том числе по вопросам, затрагивающим фундаментальные основы гражданского судопроизводства (обжалование определений суда, преграждающих доступ к правосудию). Стороны и их представители лишатся возможности представить устные пояснения, опровергнуть доводы оппонента, а возникшие у суда сомнения останутся неразрешенными. Между тем право на судебную защиту предполагает не только формальное рассмотрение дела, но и реальную возможность стороны донести свою позицию до суда.

Пояснительные документы к законопроекту не содержат самостоятельного обоснования отмены действующих исключений из письменного порядка применительно к каждой из затронутых категорий определений. Не приведены сведения о продолжительности их рассмотрения, частоте судебных ошибок, реальной потребности суда в устных пояснениях сторон и предполагаемом влиянии нововведения на доступ к правосудию. Общая ссылка на необходимость снижения нагрузки не объясняет, почему без судебного заседания должны рассматриваться жалобы на определения, прекращающие производство, оставляющие заявление без рассмотрения либо разрешающие вопросы признания и исполнения иностранных судебных и арбитражных решений. При отсутствии такой дифференцированной оценки невозможно проверить необходимость и соразмерность предлагаемого ограничения.

Перевод рассмотрения кассационных жалоб в Верховном Суде РФ в письменный формат сужает реализацию принципов непосредственности и устности. Однако при расширении сферы письменного производства законодатель, руководствуясь смыслом Постановления Конституционного Суда РФ № 29-П [12], обязан гарантировать лицам, участвующим в деле, эффективный процессуальный механизм представления развернутых письменных возражений до момента вынесения судебного акта. Суд обязан известить лиц, участвующих в деле, о самом факте подачи жалобы, направить им копии и предоставить разумный срок для направления письменных возражений. Оптимизация процесса через письменное производство, если при этом не обеспечены надежные каналы для письменной коммуникации сторон с судом и право на заявление ходатайств о проведении очного рассмотрения дела, не может быть признана допустимой.

2.5. Увеличение предельных сумм требований, рассматриваемых без проведения судебных заседаний

Проектируемые нормы (п. 3 ст. 1 проекта, изменения в ст. 232.2 ГПК РФ): в части первой статьи 232.2: в пункте 1 слова «двести пятьдесят» заменить словом «триста», в пункте 2 слова «двести пятьдесят» заменить словом «триста».

Таким образом, предлагается увеличить предельные суммы требований, рассматриваемых в рамках ГПК РФ в упрощенном порядке, то есть без проведения судебных заседаний.

Критический анализ: Размер среднего арифметического показателя региональных медианных значений заработной платы по России за 2025 г. (простое среднее региональных медианных зарплат) [13] составляет 69 520 рублей в месяц, или около 60 483 рублей после удержания налога на доходы физических лиц. В связи с этим для гражданина взыскание долга в размере до 300 тысяч рублей является существенным финансовым бременем. Перевод таких споров в режим «судебного конвейера», где судья изучает только представленные истцом документы, повышает риск вынесения решений на основе неполных или формальных данных, лишая слабого участника (например, потребителя или должника по ЖКХ) эффективной защиты. Такой подход снижает возможности по оперативному выявлению недобросовестного поведения истца, что критически важно в спорах с микрофинансовыми организациями и коллекторскими агентствами. Компенсаторных механизмов, способных сгладить этот риск, законопроектом не предложено.

3. Изменения в арбитражном судопроизводстве

3.1. Упразднение института арбитражных заседателей

Проектируемые нормы (п. 1, 2, 3, 4, 5, 7 ст. 2, ст. 4, изменения в ст. 17, 18, 19, 21, 24, 60 АПК РФ): «в части 1 (ст. 17) слова «или судьи и двух арбитражных заседателей» исключить; статью 19 признать утратившей силу», признать утратившим силу Федеральный закон от 30 мая 2001 года № 70-ФЗ «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации».

Критический анализ: Нормы о рассмотрении дела с участием арбитражных заседателей имелись в АПК РФ с момента его принятия, хотя в первоначальной редакции сфера их применения была шире. Изначально для удовлетворения ходатайства стороны о привлечении к участию в рассмотрении дела арбитражных заседателей было достаточно, чтобы дело не входило в число тех, по которым закон запрещает их привлечение. После внесения изменений от стороны стало требоваться дополнительное обоснование особой сложности дела и (или) необходимости использования специальных знаний в сфере экономики, финансов, управления, а привлечение арбитражных заседателей стало диспозитивным. Указанное преобразование существенно сократило масштабы судопроизводства с участием арбитражных заседателей. Максимальное количество составляло около 4 тыс. дел в 2009 г., а в последующем применение нормы снизилось до единичных дел и даже до периодов «нулевой» статистики применения в 2018–2023 гг. [14].

Институт арбитражных заседателей в настоящее время фактически не функционирует, и его исключение из законодательства во многом может показаться формальным актом. Между тем невостребованность института арбитражных заседателей на практике, судя по всему, явилась следствием его недостаточного организационного и финансового обеспечения и иных проблем, которые не были решены государством, что никак не свидетельствует о ненужности и тем более порочности самой идеи вовлечения граждан в процессы отправления правосудия по экономическим спорам [15, 28, 29, 30]. Даже при низкой востребованности конституционная гарантия не может быть отменена по одним только соображениям удобства или целесообразности.

Ликвидация института арбитражных заседателей, обосновываемая в пояснительной записке к законопроекту его «невостребованностью», вступает в противоречие с положениями части 5 статьи 32 Конституции РФ, поскольку участие граждан в отправлении правосудия – это не атавизм, а фундаментальная гарантия против бюрократизации судебной системы и форма реализации народного суверенитета и общественного контроля над правосудием [16, 31].

В сфере сложных экономических споров (рынок ценных бумаг, антимонопольное законодательство) участие профессионалов из бизнес-среды в качестве арбитражных заседателей объективно повышает качество решений. Авторами законопроекта не учтено, что падение интереса к этому институту вызвано искусственными препонами: крайне низким вознаграждением, сложной процедурой отбора и негласным сопротивлением самого судейского корпуса. Однако вместо решения этих проблем государство выбирает путь наименьшего сопротивления – отсечение общества от правосудия. При этом упразднение арбитражных заседателей как формы общественного контроля не компенсируется в законопроекте созданием иных механизмов транспарентности экономического правосудия,

что открывает путь к его полной бюрократической монополизации.

Упразднение института арбитражных заседателей сужает одну из форм реализации конституционного права граждан на участие в отправлении правосудия, что требует оценки с точки зрения соразмерности такого ограничения конституционно значимым целям.

Данная мера, несмотря на кажущуюся констатацию сложившейся объективной реальности, представляет собой устранение единственного механизма прямого участия представителей общества в экономическом правосудии. Отказ от данного института требует симметричной разработки современных альтернатив повышения транспарентности арбитражных судов.

Потребность в специальных знаниях особенно заметна в стремительно развивающихся сферах искусственного интеллекта, цифровых финансовых активов и криптовалют, срочных финансовых инструментов и рынка ценных бумаг. Правовое регулирование соответствующих отношений нередко отстает от экономической и технологической практики, а разрешение возникающих споров требует понимания не только юридических норм, но и механизмов функционирования современного рынка. В таких условиях институт арбитражных заседателей потенциально способен обеспечить привлечение к отправлению правосудия лиц, обладающих необходимым практическим опытом, и повысить качество формируемой арбитражной практики. Поэтому динамичное развитие экономики является аргументом не в пользу ликвидации данного института, а в пользу устранения препятствий для его эффективного применения.

3.2. Единоличное рассмотрение жалоб по спорам в сфере энергоснабжения и аренды

Проектируемые нормы (п. 1 «в», «г» ст. 2 проекта, изменения в ст. 17 АПК РФ): «Дела о неисполнении или ненадлежащем исполнении договоров энергоснабжения, аренды рассматриваются в арбитражном суде апелляционной и кассационной инстанций судьей единолично...». «6. ... председатель арбитражного суда, заместитель... вправе принять решение о коллегиальном рассмотрении дела в связи с его особой сложностью».

Таким образом, предлагается выделить в ст. 17 АПК РФ споры из договоров энергоснабжения и аренды в категорию дел, рассматриваемых в судах апелляционной и кассационной инстанций единолично с механизмом перехода к коллегиальному рассмотрению конкретного дела по решению руководства арбитражного суда.

Критический анализ: Выделение именно споров из договоров энергоснабжения и аренды в категорию дел, рассматриваемых в судах апелляционной и кассационной инстанций единолично, вызывает серьезные сомнения, поскольку соответствующие споры на практике затрагивают наиболее финансово емкие, сложные и конфликтные сферы экономики, где часто сталкиваются интересы монополистов и малого бизнеса. Единоличное рассмотрение таких споров в судах апелляционной и кассационной инстанций повышает коррупционные риски. Одновременное наделение руководства арбитражного суда правом по своему усмотрению на основании расплывчатого критерия «особой сложности» передавать дело на коллегиальное рассмотрение (ч. 6 ст. 17 АПК РФ) также увеличивает их и нарушает принцип независимости судьи.

Пояснительная записка к законопроекту не содержит экономических, статистических или правовых обоснований для выделения именно споров из этих видов договоров из всего многообразия гражданско-правовых обязательств. Из ее содержания не усматривается, по какому объективному критерию споры из договоров энергоснабжения и аренды отличаются, например, от споров из договоров подряда, возмездного оказания услуг или уступки требования настолько, чтобы только для первых допускалось единоличное рассмотрение в проверочных инстанциях. Следовательно, предлагаемая дифференциация не обеспечена объективным и разумным обоснованием.

Выделение споров из договоров энергоснабжения и аренды требует оценки также с точки зрения конституционного принципа равенства, из которого вытекает требование регулировать однородные по своей правовой природе отношения одинаковым образом. Ссылка на конкретный вид договора сама по себе не является достаточным основанием для установления ослабленного порядка апелляционного и кассационного контроля.

3.3. Преобразование статуса помощника судьи в арбитражном процессе

Проектируемые нормы (п. 6 ст. 2 проекта, ст. 58 АПК РФ): «Помощник судьи... ведет протокол судебного заседания...».

Критический анализ: Как и применительно к ГПК РФ, слияние функций технического организатора и аналитика (помощника) и отдельного лица, выполняющего функцию процессуальной фиксации хода судебного заседания (секретаря) в арбитражном процессе не представляется допустимым. В экономических спорах, где каждое слово, отраженное в протоколе, может иметь

многомиллионные имущественные последствия, независимость лица, ведущего протокол, от лица, готовящего проект судебного акта, жизненно необходима.

3.4. Факультативность предварительного судебного заседания

Проектируемые нормы (п. 8, 9, 10 ст. 2 проекта, ст. 133, 134, 135 АПК РФ): ст. 133 АПК РФ «Предварительное судебное заседание проводится по усмотрению судьи при необходимости». В ч. 2 ст. 134 слова «и завершается проведением предварительного судебного заседания...» исключить. В части 1 статьи 135: дополнить пунктом 5.1 следующего содержания: «5.1) разрешает вопрос о необходимости проведения предварительного судебного заседания;».

Таким образом, законопроект предлагает сделать проведение предварительного судебного заседания в арбитражном процессе необязательным и зависящим исключительно от усмотрения судьи.

Критический анализ: Передача вопроса о проведении предварительного заседания исключительно на усмотрение судьи способна ослабить процессуальную функцию стадии подготовки дела к судебному разбирательству. В арбитражном процессе предварительное судебное заседание является не технической, а важнейшей стадией, на которой реализуется обязанность по раскрытию доказательств до начала основного разбирательства, заявляются ходатайства об истребовании документов, привлекаются третьи лица.

Формула «по усмотрению судьи при необходимости», не сопровождаемая критериями такой необходимости, делает положение участников неопределенным и допускает неодинаковую организацию производства по сходным делам. Это свидетельствует не только об ослаблении стадии подготовки дела, но и о снижении правовой определенности судопроизводства.

На практике предлагаемая норма может привести к тому, что судьи, нагрузка на которых действительно высокая, будут массово отказываться от предварительных заседаний, переходя сразу к основному разбирательству. Стороны (и их представители) будут являться в первое же заседание, не зная позиции оппонента и не имея возможности заблаговременно запросить необходимые доказательства. Такой подход затруднит выстраивание эффективной стратегии по делу и нарушит принцип равенства процессуальных возможностей.

Перевод предварительного судебного заседания в разряд факультативных стадий может способствовать и легализации процессуальных злоупотреблений, когда недобросовестные участники процесса будут представлять основной массив доказательств непосредственно в заседании по рассмотрению дела по существу, что приведет к отложению основных судебных заседаний и затягиванию процессуальных сроков, тем самым действуя против заявленной цели законопроекта.

Компромиссное предложение, способное снизить негативное влияние предложенной в законопроекте редакции нормы, могло бы состоять в закреплении правила о том, что предварительное судебное заседание может не проводиться только в случае письменного ходатайства всех лиц, участвующих в деле, об отказе от его проведения и готовности перейти сразу к основному судебному разбирательству. В отсутствие такого единогласного волеизъявления оно должно оставаться обязательной стадией для обеспечения принципа «равенства оружия» и раскрытия доказательств.

3.5. Изменение состава суда при обжаловании определений

Проектируемые нормы (п. 12, 13, 18, 19, 20, 21, 22, п. 14, 15, п. 26 ст. 2 проекта, ст. 221, 222.8, 223, 290, 141, 234, 240, 245, 245.1, 248.2, 266 АПК РФ): исключаются слова «в суд кассационной инстанции» и «в кассационном порядке в арбитражный суд округа» из целого ряда статей. В части 1 статьи 221 второе предложение исключить. В части 1 статьи 266 второе предложение исключить. Часть 1 статьи 290 дополнить абзацем следующего содержания: «Кассационные жалобы на определения арбитражного суда первой, апелляционной инстанций, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Кодексом, рассматриваются судьей арбитражного суда кассационной инстанции единолично». В части 1 статьи 222.8 слова «Арбитражный суд рассматривает заявление о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок в судебном заседании коллегиальным составом судей» заменить словами «Заявление о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок рассматривается арбитражным судом в судебном заседании судьей единолично». В статье 223: «в части 2 второе предложение исключить; в части 3 слова «арбитражным судом апелляционной инстанции коллегиальным составом судей» заменить словами «в арбитражном суде апелляционной инстанции судьей единолично».

Таким образом, законопроектом предлагается ограничение коллегиального рассмотрения и введение единоличного рассмотрения жалоб на ряд определений судов первой инстанции и апелляционной инстанции в арбитражных судах кассационной инстанции (определение об утверждении мирового соглашения; определение по делу об оспаривании решения третейского суда; определение по делу о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда; определение по делу о признании и приведении в исполнение решения иностранного суда и иностранного арбитражного решения, а также решения иностранного суда; определение по делу о запрете инициировать или продолжать разбирательство в иностранном суде, международном коммерческом арбитраже, находящихся за пределами территории Российской Федерации, по спорам с участием лиц, в отношении которых введены меры ограничительного характера). Кассационные жалобы на все определения арбитражного суда первой и апелляционной инстанций, а также апелляционные жалобы на определения, вынесенные арбитражным судом при рассмотрении дел о несостоятельности (банкротстве), как и заявление о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок, рассматриваются арбитражным судом в судебном заседании судьей единолично.

Критический анализ: Применимы аргументы, изложенные выше в отношении аналогичных изменений, предложенных к включению в ГПК РФ. Несмотря на наличие существенных различий между гражданским и арбитражным судопроизводством, предлагаемые изменения способны затронуть фундаментальные процессуальные гарантии, общие для обеих процессуальных форм. Создание тотального единоличного фильтра на стадии кассационного пересмотра определений снижает стандарты коллегиального судебного контроля за промежуточными и пресекательными актами судов.

3.6. Обязательные позиции высших судов в арбитражном процессе

Проектируемые нормы (п. 24, 25 ст. 2 проекта, ст. 270, 288 АПК РФ): Неправильным истолкованием закона признается толкование «без учета правовой позиции, содержащейся в постановлениях КС РФ, Пленума ВС РФ..., в сохранивших силу постановлениях Пленума ВАС РФ».

Критический анализ: Помимо аргументов, изложенных выше относительно аналогичных изменений, предложенных к включению в ГПК РФ, следует добавить, что применение этой нормы в арбитражном процессе усугубляется ссылкой на постановления Пленума ВАС РФ (Высшего Арбитражного Суда РФ), упраздненного в 2014 году. Догматизация разъяснений несуществующего ныне суда, вынесенных в совершенно иных экономических реалиях (десятилетия назад), может негативно сказываться на развитии правоприменительной практики и не позволить арбитражным судам гибко реагировать на изменения в экономике.

3.7. Повышение порогов упрощенного и приказного производства

Проектируемые нормы (п. 16, 17 ст. 2 проекта, ст. 227, 229.2 АПК РФ): 16) в части 1 статьи 227 АПК РФ: пункт 1 изложить в следующей редакции: «1) по исковым заявлениям о взыскании денежных средств, если цена иска не превышает для юридических лиц один миллион шестьсот тысяч рублей, для индивидуальных предпринимателей – восемьсот тысяч рублей;»; в пункте 2 слово «сто» заменить словом «двести»; в пункте 3 слово «сто» заменить словом «двести»; в пункте 4 слово «сто» заменить словом «двести»; в пункте 5 слово «двести» заменить словом «четыреста». В статье 229.2 в пункте 1 слова «семьсот пятьдесят тысяч» заменить словами «один миллион»; в пункте 2 слова «семьсот пятьдесят тысяч» заменить словами «один миллион»; в пункте 3 слово «сто» заменить словом «двести».

Таким образом, законопроект значительно повышает пороги для упрощенного (письменного) производства: для юридических лиц – с 1,2 млн до 1,6 млн рублей, для индивидуальных предпринимателей – с 600 тысяч до 800 тысяч рублей. Аналогичные изменения предложены и в приказном производстве (увеличение до 1 млн рублей).

Критический анализ: В пояснительной записке к законопроекту отмечается: «С учетом роста величины совокупной инфляции, которая с момента инициирования последних изменений соответствующих норм составила около 25 %, предлагается увеличить размер бесспорных требований, рассматриваемых в порядке приказного и упрощенного производства, внеся соответствующие изменения в ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ». Между тем применительно к положениям АПК размер соответствующих требований в законопроекте предложено увеличить не на 25 %, а сразу на 33,3 %, то есть с некоторым «запасом».

Для наглядности масштаба изменений целесообразно привести сравнительную таблицу, в которой будут представлены действующий и

Таблица 1. Предлагаемое изменение порогов упрощенного и приказного производства по АПК РФ

Вид судопроизводства	Действующий порог	Предлагаемый порог по законопроекту № 1264907-8	Оценка влияния на процессуальные права
АПК РФ: упрощенное производство (юридические лица)	до 1 200 000 руб.	до 1 600 000 руб.	Значительное расширение круга дел, рассматриваемых без вызова сторон, что усиливает ограничение принципов устности и непосредственности судебного разбирательства.
АПК РФ: упрощенное производство (ИП)	до 600 000 руб.	до 800 000 руб.	Перевод дополнительной категории споров малого бизнеса в режим преимущественно документарного рассмотрения.
АПК РФ: приказное производство	до 750 000 руб.	до 1 000 000 руб.	Увеличение числа требований, по которым судебный акт может быть вынесен без проведения судебного заседания и заслушивания сторон.

предлагаемый пороги, а также оценка влияния изменения.

Заложенное в законопроекте существенное расширение пределов упрощенного и приказного производств, влекущее увеличение ценовых порогов для рассмотрения дел без вызова сторон, повлечет за собой изъятие масштабного массива социально и экономически значимых споров из сферы действия полноценного состязательного правосудия.

Перевод споров малого бизнеса и требований к гражданам на столь существенные суммы в режим сугубо документарного, «конвейерного» рассмотрения де-факто лишает участников оборота базовой конституционной гарантии – права на публичное слушание, устную правовую аргументацию и непосредственное исследование доказательств судом. Данная мера свидетельствует о недопустимом смещении баланса, при котором фундаментальные принципы состязательности и равноправия сторон ограничиваются ради исключительно технической цели формального снижения показателей судейской нагрузки. Кроме того, авторами законопроекта не предложены эффективные компенсаторные механизмы, которые способны были бы сбалансировать рассматриваемое ограничение.

4. Изменения в административном судопроизводстве

4.1. Расширение единоличного рассмотрения административных дел

Проектируемые нормы (п. 1 ст. 3 проекта, изменения в ст. 29 КАС РФ): «3. Административные дела в суде апелляционной инстанции рассматриваются коллегиально в составе трех судей, за исключением административных дел об оспаривании решений и (или) действий (бездействия) судебного пристава-исполнителя, а также административных дел, предусмотренных главами 25, 26, 27.1, 27.2, 32 настоящего Кодекса. Названные дела рассматриваются судьей апелляционной инстанции единолично. Настоящим Кодексом могут быть предусмотрены иные случаи единоличного рассмотрения дел судом апелляционной инстанции». «4. Административные дела в суде кассационной инстанции рассматриваются коллегиально, за исключением административных дел, рассмотренных в судах первой и апелляционной инстанций судьей единолично. Коллегиальное рассмотрение дела в суде кассационной инстанции и в суде надзорной инстанции осуществляется судом в составе судьи-председательствующего и не менее двух судей». «4.1. Если не установлено иное, административное дело, подлежащее в соответствии с настоящим Кодексом единоличному рассмотрению судьей апелляционной или кассационной инстанции, может быть рассмотрено коллегиально в связи с его особой сложностью по решению председателя суда, его заместителя, принятому на основании мотивированного заявления судьи...».

Таким образом, законопроектом предложены передача целого ряда административных дел (об оспаривании действий судебных приставов-исполнителей; об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости; об оспаривании решений и действий (бездействия) бюджетного учреждения, связанных с определением кадастровой стоимости; о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок; о признании информации, размещенной в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», информацией, распространение которой в Российской Федерации запрещено; о признании информационных материалов экстремистскими; о взыскании обязательных платежей и санкций) на единоличное рассмотрение в суде апелляционной и кассационной инстанций и введение дискреции председателя суда относительно возможности коллегиального рассмотрения конкретного дела.

Критический анализ: Помимо аргументов, изложенных выше относительно аналогичных

изменений, предложенных к включению в ГПК РФ, следует отметить, что административное судопроизводство уже характеризуется изначальным неравенством субъектов: гражданин или организация защищаются от действий властного государственного аппарата. Особенность административного судопроизводства состоит в том, что одной из сторон выступает субъект публичной власти, обладающий организационными и информационными преимуществами. В этих условиях любые изменения, уменьшающие объем процессуальных гарантий, требуют более строгого конституционного обоснования, чем аналогичные изменения в частноправовых спорах.

Передача дел об оспаривании действий судебных приставов-исполнителей (которые обладают чрезвычайно широкими полномочиями вплоть до блокировки счетов и изъятия имущества) на единоличное рассмотрение в апелляции и кассации снижает стандарты коллегиального контроля и уровень правовой защищенности граждан от ошибочных или незаконных действий должностных лиц.

Особую обеспокоенность вызывает инициатива передачи на единоличное рассмотрение в апелляционной и кассационной инстанциях административных дел о признании информации, размещенной в сети «Интернет», запрещенной к распространению, и о признании информационных материалов экстремистскими. Данные категории дел не носят рутинного характера. Они напрямую затрагивают фундаментальные политические и гражданские права: свободу мысли, слова и массовой информации. Признание материала экстремистским влечет необратимые публично-правовые последствия, зачастую служа преюдициальной основой для уголовного преследования авторов, ликвидации некоммерческих организаций и блокировки финансовой деятельности лиц через механизмы Росфинмониторинга. Отказ от коллегиального судебного контроля в столь чувствительных сферах свидетельствует об опасном крене государства в сторону упрощения репрессивных процедур и недопустимом умалении гарантий защиты граждан от цензуры.

Дискреция председателя суда в административном процессе также опасна. Если гражданин выступает стороной в споре с могущественным государственным ведомством, а председатель суда получает возможность в любой момент вмешаться в процесс формирования состава суда, ссылаясь на «особую сложность», и сформировать угодный ему состав суда, это создает риск нарушения стандартов независимого и беспристрастного суда вследствие принятия законопроекта.

Дела об оспаривании решений и действий судебного пристава-исполнителя, а также дела о признании информации запрещенной и признании материалов экстремистскими (главы 27.1, 27.2 КАС РФ) должны быть исключены из перечня дел, подлежащих единоличному рассмотрению в проверочных инстанциях, ввиду их высокой социальной значимости и прямого влияния на конституционные права неопределенного круга лиц. Передача таких дел для единоличного рассмотрения судье, лишенному коллегиальной поддержки двух других профессионалов, в сочетании с возможностями руководства суда манипулировать судебными составами, создает беспрецедентные риски.

4.2. Судопроизводство без судебных заседаний в административных спорах

Проектируемые нормы (п. 4, 5 ст. 3 проекта, ст. 315, 327 КАС РФ): Часть 2 статьи 315 изложить в следующей редакции: «Рассмотрение частной жалобы, представления прокурора на определение суда первой инстанции осуществляется по правилам, установленным настоящей главой, без проведения судебного заседания в сроки, установленные статьей 305 настоящего Кодекса». Часть 1 статьи 327 изложить в следующей редакции: «1. Кассационные жалоба, представление, в том числе те, для которых законом предусмотрено единоличное рассмотрение, рассматриваются в судебном заседании суда кассационной инстанции с заслушиванием доклада судьи этого суда, участвующего в рассмотрении административного дела».

Действующая редакция ч. 2 ст. 315 КАС РФ устанавливает, что частные жалобы на определения суда первой инстанции рассматриваются без проведения судебного заседания, однако в действующем законе есть строгие исключения: определения, которыми дело фактически завершается или приостанавливается (о приостановлении или прекращении производства, об оставлении иска без рассмотрения), в обязательном порядке рассматриваются в судебном заседании с вызовом сторон. Проектируемая норма полностью исключает эти оговорки и предполагает, что все без исключения частные жалобы на определения суда первой инстанции рассматриваются без проведения судебного заседания.

Критический анализ: Лица, участвующие в деле, лишатся права на устное выступление при обжаловании «фатальных» для дела определений (например, когда суд первой инстанции

необоснованно прекратил административное дело или отказал в пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам). Сторонам придется излагать все свои аргументы исключительно в письменной форме, без возможности непосредственно ответить на вопросы судей, привести дополнительные доводы или парировать контраргументы оппонента, что сужает реализацию принципа состязательности. В делах против государства лишение гражданина (административного истца) и его представителя права лично выступить в суде проверочной инстанции является недопустимым сужением конституционного права на судебную защиту. Публичный характер судебного разбирательства защищает участников от тайного отправления правосудия вне контроля общественности.

Ограничение устного рассмотрения само по себе не свидетельствует о неконституционности соответствующей процедуры. При расширении письменного производства законодатель обязан обеспечить иные эффективные механизмы реализации права сторон быть услышанными и представить свои доводы суду, однако они в законопроекте не предложены.

4.3. Обязательность позиций высших судов в административном судопроизводстве

Проектируемые нормы (п. 6 ст. 3 проекта, ст. 328 КАС РФ): после слов «материального права,» дополнить словами «которое, в частности, выразилось в истолковании закона без учета правовой позиции, содержащейся в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации, Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Президиума Верховного Суда Российской Федерации».

Критический анализ: Помимо аргументов, изложенных выше относительно аналогичных изменений, предложенных к включению в ГПК РФ, следует добавить, что в сфере публично-правовых споров, где суды и без того часто проявляют прогосударственный уклон, императивное принуждение судей следовать разъяснениям Пленума и Президиума ВС РФ закрепляет существующую практику. В результате введения данной нормы судья утратит возможность вынести решение на основе прямого применения Конституции РФ (ч. 1 ст. 15 Конституции), если оно расходится с толкованием высшей судебной инстанции.

5. Достижимость заявленных целей и системные риски законопроекта

Пояснительная записка к законопроекту гласит: «В целях повышения эффективности гражданского, арбитражного и административного судопроизводства предлагается скорректировать нормы, регулирующие порядок формирования состава суда в апелляционной и кассационной инстанциях. В частности, необходимо изменить требование о коллегиальном рассмотрении апелляционных и кассационных жалоб по делам, которые не содержат сложных правовых или фактических вопросов, при наличии устоявшейся единообразной судебной практики применения законодательства. Это позволит снизить избыточную нагрузку на суды проверочных инстанций, высвободив ресурсы для рассмотрения споров, требующих углубленного анализа, и сократить сроки судебного разбирательства без ущерба для качества принимаемых решений».

В пояснительной записке к законопроекту указано, что его принятие позволит ускорить рассмотрение дел, обеспечить единообразие судебной практики, укрепить принцип правовой определенности и повысить эффективность правосудия, что, в свою очередь, повысит уровень гарантий судебной защиты.

Однако данные аргументы сами по себе не свидетельствуют о невозможности достижения указанных целей менее ограничительными средствами и не содержат количественного анализа влияния предлагаемых изменений на качество судебной защиты прав граждан и организаций.

Комитет Государственной Думы по государственному строительству и законодательству при подготовке законопроекта к рассмотрению решил ввести краткое пояснение к его наименованию, добавив к нему фразу «в части совершенствования судебной деятельности, повышения доступности правосудия и эффективности судопроизводства».

Несмотря на изложенные заявления и уточнения к названию, следует констатировать, что законопроект в действительности вряд ли способен повысить гарантии судебной защиты. Он не будет способствовать и совершенствованию судебной деятельности, поскольку направлен на снижение доступности правосудия за счет немотивированного упрощения судебных процедур.

Сами по себе заявленные цели снижения избыточной судебной нагрузки, ускорения рассмотрения бесспорных и несложных дел и обеспечения единообразия судебной практики являются легитимными. Отдельные положения законопроекта могут даже заслуживать поддержки. Вместе с тем признание легитимности целей не освобождает законодателя от обязанности доказать необходимость и соразмерность каждого ограничения процессуальных гарантий. Организационный интерес судебной системы не может автоматически превалировать над правом участников процесса

на эффективную судебную защиту, а всякое сокращение коллегиальности, устности или непосредственности должно сопровождаться конкретным обоснованием и компенсаторными процессуальными механизмами.

Анализ законопроекта с учетом целей, заявленных в пояснительной записке, демонстрирует, что предлагаемые изменения не только не приведут к ожидаемому позитивному эффекту, но и способны спровоцировать обратные последствия – дестабилизацию судебной системы и рост нагрузки.

В части сокращения нагрузки на судейский корпус законопроект исходит из ложной предпосылки, что перевод дел на единоличное рассмотрение в судах проверочных инстанций автоматически снижает общую нагрузку. В действительности отказ от коллегиального обсуждения кратно повышает риск вынесения ошибочных судебных актов. Единоличный судья апелляционной или кассационной инстанции, лишенный возможности коллегиального контроля и обсуждения сложных правовых коллизий, с большей вероятностью допустит ошибку, что неизбежно спровоцирует рост числа жалоб. Таким образом, нагрузка будет не сокращаться, а искусственно мультиплицироваться и аккумулироваться на вышестоящих инстанциях, создавая эффект «отложенного коллапса».

В части перераспределения судебных ресурсов предлагаемый механизм наделения председателей судов дискреционным правом передавать дело на коллегиальное рассмотрение в связи с его «особой сложностью» прямо противоречит цели их рационального перераспределения, поскольку данная процедура, если она будет осуществляться добросовестно, потребует от судей подготовки мотивированных заявлений, а от председателей – вынесения соответствующих процессуальных решений по каждому такому случаю. Это создает дополнительный бюрократический барьер и новую стадию внутрисудебного документооборота, что отвлекает административные и временные ресурсы суда от непосредственного отправления правосудия.

Законопроект предполагает ускорение процесса за счет перевода предварительного судебного заседания в арбитражном процессе в разряд факультативных стадий. Однако на практике предварительное заседание выполняет ключевую функцию заблаговременного раскрытия доказательств. Его исключение приведет к тому, что стороны будут представлять объемные пакеты доказательств и заявлять встречные иски непосредственно в основном судебном заседании. Это лишит суд и процессуальных оппонентов возможности своевременно ознакомиться с материалами, что неизбежно повлечет массовые и многократные отложения судебных разбирательств. Таким образом, вместо ускорения судопроизводства предложенная норма приведет к непредсказуемому затягиванию сроков рассмотрения экономических споров.

В части расширения использования письменных процедур перевод рассмотрения ряда жалоб в письменный формат (без вызова сторон) позиционируется как способ оптимизации процесса. Вместе с тем при рассмотрении сложных процессуальных вопросов (например, обжалования определений, преграждающих движение дела) у суда часто возникает объективная необходимость в получении пояснений сторон. Отсутствие механизма устного диалога в заседании приведет к тому, что суды проверочных инстанций, лишенные возможности оперативно устранить неясности, будут вынуждены чаще отменять судебные акты судов первой инстанции и направлять дела на новое рассмотрение, что полностью нивелирует идею ускорения и процессуальной экономии.

Из изложенного следует, что заявленные в пояснительной записке цели законопроекта недостижимы с помощью предложенного инструментария. Провозглашаемая процессуальная экономия носит иллюзорный характер, а реализация законопроекта приведет к снижению качества судебных актов, росту числа повторных рассмотрений дел и увеличению совокупных временных затрат на окончательное разрешение споров.

Между тем объективная информация показывает, что в судах существует значительное число проблем, связанных с информатизацией судебной деятельности, и, весьма вероятно, именно они не позволяют осуществить решение поставленных в законопроекте задач. В числе этих проблем в отчете о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ текущего состояния информатизации судебной системы Российской Федерации», подготовленном аудитором Счетной палаты С.Ю. Орловой в 2025 году [17], перечисляются следующие:

– в судебной системе отсутствует отраслевой документ стратегического планирования, в том числе определяющий основные направления развития и применения современных информационных технологий в ее деятельности, содержащий конкретные цели, задачи и показатели. Разработанные концепции не предусматривают

мероприятия по достижению установленных национальных целей до 2030 года и на перспективу до 2036 года, а также конкретные результаты, которые позволяют оценить использование внедренных информационных технологий и платформенных решений в деятельности федеральных судов и мировых судей;

– установлено отсутствие единых подходов к оказанию органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации содействия в организационном, в том числе материально-техническом, обеспечении деятельности федеральных судов общей юрисдикции и арбитражных судов;

– ведомственные акты Судебного департамента не исключают возможность одновременного использования нескольких или всех способов извещения участников судопроизводства, что формирует риски избыточных расходов федерального бюджета на уведомление сторон;

– в Инструкциях по судебному делопроизводству № 161 и по судебному делопроизводству в районном суде не установлена возможность дистанционного ознакомления обвиняемого, находящегося в СИЗО, или осужденного с материалами дела;

– пункт 1.2 Порядка подачи документов в арбитражные суды не приведен в соответствие с актуальной редакцией части 7 статьи 4 АПК РФ и содержит неактуальный перечень способов подачи документов в арбитражные суды;

– отсутствие соответствующих изменений в законодательстве Российской Федерации не позволяет применять реестр исполнения требований исполнительных документов;

– Судебный департамент более 4 лет не согласовывает требования по двум видам документов в электронной форме, разработанным ФССП России в рамках Дорожной карты, утвержденной протоколом от 26 октября 2022 г. № 45 по реализации суперсервиса «Цифровое исполнительное производство», в связи с наличием замечаний к указанным документам;

– неукомплектованность учреждений ФСИН России современными системами видеоконференц-связи ограничивает возможность дистанционного проведения судебных заседаний с участием осужденных и подследственных;

– в исследуемом периоде установлена нестабильная работа функционала СМЭВ в ГАС «Правосудие», а также необходимость расширения функциональных возможностей СМЭВ в ГАС «Правосудие» с целью сокращения сроков рассмотрения дел и стоимости судопроизводства;

– ГАС «Правосудие» и ПК «САД» разработаны на импортных устаревших версиях программного обеспечения, что ограничивает возможность их модернизации, делает их инфраструктуру уязвимой для внешних кибератак, может затруднить интеграцию с новыми технологиями, что является существенным для обеспечения эффективной работы систем;

– на информационные системы ГАС «Правосудие» и КИС СОЮ отсутствуют аттестаты соответствия, предусмотренные Требованиями о защите информации;

– по состоянию на 31 декабря 2024 года в Реестре ТР действительной информации об объектах автоматизации ГАС «Правосудие», КИС СОЮ и ПК «Электронное правосудие» не содержалось;

– использование единой бухгалтерской программы в деятельности центрального аппарата Судебного департамента и получателей бюджетных средств может способствовать стандартизации учетных процессов и форматов документов и эффективному использованию бюджетных средств;

– отсутствие договорных отношений Судебного департамента с оператором и правообладателем ПК «Электронное правосудие» в отношении обеспечения сохранности данных (материалов дел в электронном виде), находящихся в ПК «Электронное правосудие», порождает неопределенность прав и обязанностей сторон в отношении электронных данных;

– непрерывное СМС-извещение сторон судопроизводства в течение года, позволяющее экономить средства на почтовые расходы, не обеспечивалось ввиду трудности определения потребности в бюджетных ассигнованиях на указанную услугу;

– положительная практика по реализации инициативных цифровых решений позволяет улучшить функциональные возможности информационных систем, в том числе ГАС «Правосудие», и способствовать обеспечению прозрачности прохождения документов и проведению сверки без дополнительных трудовых и временных затрат;

– необходима корректировка перечня информационных систем и банков данных, находящихся в ведении арбитражных судов, размещенного на портале «Федеральные арбитражные суды», включающего информационные системы, входящие в состав ПК «Электронное правосудие» и не находящиеся в ведении Судебного департамента;

– исходные данные ГАС «Правосудие» и их копии в исследуемый период находились в одном

ЦОД ГАС «Правосудие». Хранение копий данных в ином месте позволит минимизировать риски, связанные с физическими повреждениями или кибератаками;

– материалы и судебные акты с участков мировых судей в единые консолидированные базы данных передавались частично;

– паспорт ГАС «Правосудие» неактуален, так как не отражает реального состояния ГАС «Правосудие» в части объектов автоматизации (отражено неверное количество управлений Судебного департамента, кассационных судов общей юрисдикции, апелляционных судов общей юрисдикции и других объектов автоматизации).

При этом следует учитывать тенденцию к сокращению общего количества судебных дел в судах общей юрисдикции. Так, нагрузка на судей за 2025 год впервые за долгое время снизилась: количество дел первой инстанции сократилось почти на 20 % – до 34 млн дел [18]. В связи с этим фундаментальный тезис пояснительной записки к законопроекту о необходимости экстренного снижения «избыточной нагрузки» на судебную систему полностью опровергается статистическими данными. Спад, очевидно, напрямую обусловлен беспрецедентным повышением размеров государственных пошлин в 2024 году, которое само по себе уже выступило жестким имущественным фильтром, ограничившим доступ граждан к правосудию. Однако на этом фоне в арбитражных судах скорость рассмотрения дел скорее ухудшилась, а количество отмененных и измененных актов кассационными судами общей юрисдикции стабильно держится на уровне 30 % [19]. Таким образом, объективной, подтвержденной статистикой потребности в дальнейшем урезании процессуальных гарантий (отмене коллегиальности, устности, обязательности предварительного заседания) в настоящее время не существует. Законопроект решает проблему нагрузки, которая уже решена экономическими методами, при этом создавая критические риски для качества правосудия.

Представляется, что за счет устранения перечисленных выше и иных многочисленных недостатков, выявленных в судебной системе, авторам законопроекта удастся значительно быстрее добиться обозначенных в пояснительной записке целей без проведения контрреформы, направленной на очередное сокращение конституционных и международно-правовых гарантий осуществления независимого правосудия в Российской Федерации.

6. Законопроект № 1264907-8 в свете Международного пакта о гражданских и политических правах

Анализ положений законопроекта № 1264907-8 сквозь призму Международного пакта о гражданских и политических правах (далее – Пакт) показывает, что предлагаемые изменения вступают в прямое противоречие с фундаментальными гарантиями, закрепленными в статье 14 Пакта и с учетом положений Замечания общего порядка № 32 [20].

6.1. Право на рассмотрение дела компетентным независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона

В соответствии с пунктом 1 статьи 14 Пакта каждый имеет право на справедливое разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Комитет по правам человека ООН подчеркивает, что требование независимости и беспристрастности имеет абсолютный характер и не допускает исключений.

Законопроект создает два вида рисков, требующих оценки:

– **риски произвольного формирования состава суда:** проектируемые нормы наделяют председателя суда и его заместителей дискреционным правом решать, будет ли конкретное дело рассматриваться судьей единолично или коллегиально из-за его «особой сложности» (изменения в ч. 5 ст. 7 ГПК РФ, ч. 6 ст. 17 АПК РФ, ч. 4.1 ст. 29 КАС РФ). Это нарушает критерий суда, «созданного на основании закона», поскольку законный состав суда должен определяться четкими, заранее установленными нормами, а не зависеть от административного усмотрения руководства суда;

– **уничтожение внутреннего судейского убеждения:** введение норм, согласно которым неприменение правовых позиций высших судов приравнивается к незаконному судебному акту (изменения в ст. 330 ГПК РФ, ст. 270 и 288 АПК РФ, ст. 328 КАС РФ), ставит судей в дополнительную зависимость. Однако судьи должны не только быть независимы от исполнительной и законодательной власти, но и обладать фактической независимостью при принятии решений по конкретным делам без какого-либо давления.

6.2. Право на справедливое и публичное слушание

Статья 14 Пакта гарантирует каждому право на публичное слушание.

Публичность слушаний обеспечивает транспарентность судопроизводства и тем самым

служит важной гарантией интересов отдельных лиц и общества в целом. Законопроект же расширяет круг производств без устного заседания:

– **единоличное рассмотрение без проведения заседаний**: вводится рассмотрение частных жалоб и представлений прокурора единолично, без извещения лиц, участвующих в деле, и без проведения судебного заседания (изменения в ст. 333 ГПК РФ, ст. 315 КАС РФ);

– **письменный порядок:** аналогичный письменный порядок без вызова сторон устанавливается для рассмотрения кассационных жалоб в судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации (новая ст. 390.12.1 ГПК РФ), а также расширяется в арбитражном и административном судопроизводствах.

Подобное лишение сторон права на устное выступление в судах апелляционной и кассационной инстанций, а также резкое увеличение ценовых порогов для упрощенного (письменного) производства делают судебный процесс непрозрачным и противоречащим международным стандартам.

Следует учесть, что требование публичного устного слушания не обязательно распространяется на все без исключения этапы судопроизводства. Оценка наличия нарушения должна учитывать, было ли обеспечено полноценное публичное рассмотрение в первой инстанции, затрагивает ли жалоба вопросы факта, имеют ли стороны реальную возможность обменяться письменными позициями, вправе ли суд вызвать их и может ли отказ в устном рассмотрении быть мотивирован и проверен. В связи с этим в законопроекте целесообразно было бы предложить компенсаторный механизм, способный нивелировать негативные последствия вводимого ограничения, однако этого сделано не было.

6.3. Принцип равенства состязательных возможностей

Право на равенство перед судами включает принцип «равенства средств защиты», что означает предоставление всем сторонам одинаковых процессуальных прав для отстаивания своей позиции. Однако законопроект подрывает это право следующими положениями:

– отмена обязательности предварительного судебного заседания в арбитражном процессе (оставление его на усмотрение судьи – ст. 133, 134 АПК РФ) лишает адвокатов и их доверителей важнейшей процессуальной гарантии. Предварительное заседание является стадией, на которой стороны в равных условиях раскрывают доказательства и формулируют позицию. Устранение этой стадии де-факто лишает сторону эффективного инструмента подготовки к делу и нарушает равенство состязательных возможностей, гарантированное статьей 14 Пакта;

– ситуации, при которых попытки лица получить доступ к компетентным судам систематически срываются де-юре или де-факто, противоречат гарантиям первого предложения пункта 1 статьи 14 Пакта. Вносимые законопроектом искусственные процессуальные ограничения, отменяющие право на очное присутствие или коллегиальный пересмотр, создают именно такие препятствия для доступа к правосудию.

6.4. Соразмерность ограничений и наличие эффективных средств правовой защиты

Комитет по правам человека ООН в Замечании общего порядка № 32 указывает, что некоторые ограничения процессуальных прав допустимы при условии их соразмерности и наличия эффективных средств правовой защиты. Заявленными легитимными целями законопроекта выступают снижение нагрузки на судейский корпус и ускорение судопроизводства. Однако предлагаемые законодателем меры не проходят тест на пропорциональность. Лишение сторон права на коллегиальное рассмотрение дел, перевод слушаний в письменный формат и передача вопросов формирования состава суда на усмотрение председателей не являются соразмерными механизмами для достижения процессуальной экономии. Скорость правосудия не может обеспечиваться за счет резкого снижения уровня гарантий защиты от судебных ошибок и административного произвола.

Более того, законопроект не предлагает никаких эффективных средств правовой защиты, которые компенсировали бы участникам процесса утрату права на устное слушание или коллегиальный пересмотр дела.

Оптимизация нагрузки на судебную систему должна осуществляться соразмерными методами: через расширение штата судей, автоматизацию делопроизводства и развитие альтернативных способов разрешения споров, а не путем директивного отсечения граждан от полноценного доступа к правосудию.

7. Заключение

Анализ проекта федерального закона № 1264907-8 сквозь призму конституционно-правовой доктрины, международных стандартов в сфере прав человека и отправления правосудия, а также гарантий адвокатской деятельности свидетельствует о наличии в законопроекте критических противоречий с фундаментальными

основами права, вследствие чего законопроект носит выраженный регрессивный характер.

Заявленные цели совершенствования правосудия фактически подменяются демонтажом процессуальных гарантий прав личности и бизнеса ради достижения ложно понятой процессуальной экономии и удобства работы судейского аппарата.

Придание в законопроекте разъяснениям Пленума и Президиума Верховного Суда РФ, а также разъяснениям ныне не существующего Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ дефакто статуса обязательных норм направлено на введение новой квазинормативно-прецедентной системы, ставящей судей в жесткое административное подчинение воле руководства высших судов, и создает риски подмены закона актами толкования высших судов.

Наделение руководства судов дискреционным правом формировать коллегиальный состав суда взамен единоличного под предлогом «особой сложности» дела нарушает международные стандарты создания и деятельности «суда, созданного на основании закона» и открывает беспрецедентные возможности для коррупционного вмешательства в правосудие.

Упразднение института арбитражных заседателей лишает граждан Российской Федерации еще одного механизма реализации конституционного права на участие в отправлении правосудия и окончательно монополизирует экономическое правосудие профессиональным аппаратом суда.

Отмена обязательности предварительного судебного заседания разрушает механизмы заблаговременного раскрытия доказательств. Перевод рассмотрения значительной части гражданских дел в «письменный» формат, а также передача особо чувствительных публично-правовых споров (включая дела о блокировках ресурсов в сети Интернет и признании материалов экстремистскими) на кулуарное единоличное рассмотрение в проверочных инстанциях – все это создает прямые институциональные предпосылки для исключения граждан и их представителей из процесса активного отстаивания прав.

Постепенное слияние функций помощника судьи и секретаря судебного заседания направлено на разрушение системы внутреннего контроля за процессом осуществления судопроизводства, ставя достоверность протоколов судебных заседаний в зависимость от лиц, готовящих проекты судебных решений.

Описанные выше меры, прикрываемые лозунгами «процессуальной экономии», ведут к резкому снижению стандартов защиты личности и бизнеса от неправомерного государственного принуждения и судебных ошибок.

Законопроект характеризуется опасным дисбалансом и не выдерживает критики с точки зрения соразмерности вводимых ограничений.

Декларируемая «оптимизация» (ускорение судопроизводства) несоразмерна масштабу ограничения фундаментальных процессуальных прав граждан, предпринимателей и их представителей.

Оптимизация судопроизводства должна осуществляться не за счет урезания прав и институционального ослабления независимости судей, а в том числе за счет цифровизации, расширения штата аппарата и демократизации процесса назначения судей.

На основании изложенного следует заключить, что законопроект № 1264907-8 в представленной редакции создает риски вступления в противоречия с международными обязательствами Российской Федерации в сфере защиты прав человека, положениями Конституции Российской Федерации и концептуальными основами процессуального права.

Законопроект № 1264907-8 требует существенной переработки на основе иной концепции реформирования судебной системы, в центре которой должно находиться обеспечение прав участников судопроизводства, а не снижение нагрузки на судей и аппарат суда. Повышение ценовых порогов и унификация организационных полномочий могли бы быть поддержаны при представлении расчетов и введении достойных компенсаторных механизмов. Критерий «особой сложности», порядок перехода к коллегиальному составу, формула об учете правовых позиций, письменное рассмотрение пресекательных определений, факультативность предварительного заседания и упразднение арбитражных заседателей требуют дополнительного обоснования и конкретных процессуальных противовесов.

До устранения названных недостатков принятие законопроекта № 1264907-8 в представленной редакции нецелесообразно.

Следует отметить, что часть высказанных в настоящей статье замечаний получила самостоятельное подтверждение в отзыве Адвокатской палаты города Москвы, утвержденном решением ее Совета от 30 июня 2026 года [21]. Несмотря на более умеренную общую оценку законопроекта, адвокатская палата также указала на

недостаточность гарантий при расширении единоличного рассмотрения, необоснованность отмены устного рассмотрения отдельных жалоб, неопределенность критериев проведения предварительного судебного заседания, спорность упразднения арбитражных заседателей и отсутствие объективного основания для особого регулирования споров из договоров энергоснабжения и аренды. Совпадение выводов научной экспертизы и позиции органов адвокатского сообщества свидетельствует о системном, а не предположительном характере выявленных рисков.

Список источников

1. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. Законопроект № 1264907-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу Федерального закона «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации»» [Электронный ресурс]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1264907-8.
2. Управление Верховного комиссара ООН по правам человека. Международные стандарты независимости судей и адвокатов; Ежегодные тематические доклады Специального докладчика ООН по вопросу о независимости судей и адвокатов [Электронный ресурс]. URL: https://www.ohchr.org/en/special-procedures/sr-independence-of-judges-and-lawyers/international-standards; https://www.ohchr.org/en/special-procedures/sr-independence-of-judges-and-lawyers/annual-thematic-reports.
3. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.
4. Рагулин А.В. «Захват» адвокатуры и преследование адвокатов в Российской Федерации: как вернуть независимость адвокатов и право граждан на защиту: научно-практический доклад // Евразийская адвокатура. 2025. № 3 (74) [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zahvat-advokatury-i-presledovanie-advokatov-v-rossiyskoy-federatsii-kak-vernut-nezavisimost-advokatov-i-pravo-grazhdan-na-zaschitu.
5. Потапенко Е.Г. «Принцип» процессуальной экономии и эффективность судопроизводства по гражданским делам // Процессуальная экономия в гражданском судопроизводстве: сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург: Астерион, 2023 [Электронный ресурс]. URL: https://nwb.rgup.ru/rimg/Nauka/Seminar%20and%20conf/02.06.2023/Sbornik%20po%20konferencii%2002.06.2023.pdf.
6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 июля 2011 г. № 17-П [Электронный ресурс]. URL: https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-19072011-n/.
7. Михайлова А.А. Формирование состава суда как условие обеспечения объективности и беспристрастности при рассмотрении дела и вынесении судебного постановления в порядке гражданского судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2024 [Электронный ресурс]. URL: https://izak.ru/upload/iblock/1a8/611tcttzcz01d9kmy467x8d584yn31e1/Avtoreferat-Mikhaylovoy-A.A.pdf.
8. Гущина Н.А. Независимость судей как предпосылка справедливого и беспристрастного правосудия // Журнал российского права. 2016. № 5 (233) [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nezavisimost-sudey-kak-predposylka-spravedlivogo-i-bespristrastnogo-pravosudiya.
9. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 января 2010 г. № 1-П [Электронный ресурс]. URL: https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-21012010-n/.
10. Бугрова Е.Г. Судебные правовые позиции в системе российского уголовно-процессуального права: понятие, суть, назначение: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://www.dissercat.com/content/sudebnye-pravovye-pozitsii-v-sisteme-rossiiskogo-ugolovno-protsessualnogo-prava-ponyatie-sut.
11. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 октября 2015 г. № 27-П [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_187736/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/.
12. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2012 г. № 29-П [Электронный ресурс]. URL: https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-30112012-n/.
13. Какая средняя и медианная зарплата в России в 2025 году: актуальные цифры по регионам [Электронный ресурс]. URL: https://media.halvacard.ru/financial-literacy/kakaia-sredniaia-i-mediannaia-zarplata-v-rossii-aktualnye-cifry-po-regionam.
14. Шарипова А.Р. Выявление неработающих процессуальных норм в системе поиска национальной идентичности права // Журнал российского права. 2026. № 6 [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=164350.
15. Сидорова П.В. Арбитражные заседатели: праздник зрелости общества или чужеродный элемент в российском арбитражном процессе // Вопросы российской юстиции. 2023. № 29 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/arbitrazhnye-zasedateli-prazdnik-zrelosti-obschestva-ili-chuzherodnyy-element-v-rossiyskom-arbitrazhnom-protsesse.
16. Вилкова Т.Ю. Участие граждан в отправлении правосудия как межотраслевой принцип судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 6 (79) [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/uchastie-grazhdan-v-otpravlenii-pravosudiya-mezhotraslevoy-printsip-sudoproizvodstva.
17. Счетная палата Российской Федерации. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ текущего состояния информатизации судебной системы Российской Федерации». Москва, 2025 [Электронный ресурс]. URL: https://ach.gov.ru/upload/iblock/208/iyyjf0n0narwngqbwf1b6n8naxyl5t5h/Otchet-EAM-Informatizatsiya-sudebnoy-sistemy-SUDEBNAYA-SISTEMA.pdf.

18. 34 млн дел за год и нехватка кадров: итоги судейского совещания [Электронный ресурс]. URL: https://legalacademy.ru/sphere/post/34-mln-del-i-kontrol-dlya-ii-glavnye-novosti-uhodyaschei-nedeli.

19. Тай Ю. «Подсчитали – прослезились». Последствия повышения госпошлины [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2025/10/21/podschitali_-_proslezilis_posledstviya_povysheniya_gosposhliny.

20. Комитет ООН по правам человека. Замечание общего порядка № 32. Статья 14: равенство перед судами и трибуналами и право каждого на справедливое судебное разбирательство. CCPR/C/GC/32 [Электронный ресурс]. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CCPR%2FC%2FGC%2F32&Lang=en.

21. Адвокатская палата города Москвы. Отзыв на проект федерального закона № 1264907-8, утвержденный решением Совета от 30 июня 2026 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.advokatymoscow.ru/doc/исх.3373.pdf.

22. Костюк А.С. Процессуальная экономия в научных трудах процессуалистов дореволюционного периода // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2026. № 1 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/protsessualnaya-ekonomiya-v-nauchnyh-trudah-protsessualistov-dorevolyutsionnogo-perioda.

23. Ветошкина Е.Д., Кощеева Е.С. Идеология коллегиальности в практике международного уголовного правосудия // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ideologiya-kollegialnosti-v-praktike-mezhdunarodnogo-ugolovnogo-pravosudiya.

24. Дмитриенко О.А. Основы формирования состава суда в гражданском и арбитражном процессе // Вестник магистратуры. 2018. № 12-1 (87) [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovy-formirovaniya-sostava-suda-v-grazhdanskom-i-arbitrazhnom-protsesse.

25. Фарои Т.В. Некоторые административно-правовые вопросы обеспечения независимости судей // Сибирское юридическое обозрение. 2018. № 4 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-administrativno-pravovye-voprosy-obespecheniya-nezavisimosti-sudey.

26. Макарова О.В. Институт председателей судов как элемент организации деятельности судов общей юрисдикции // Журнал российского права. 2017. № 6 (246) [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/institut-predsedateley-sudov-kak-element-organizatsii-deyatelnosti-sudov-obschey-yurisdiktsii.

27. Волуйков К. Обязательный учет позиций Верховного Суда РФ при вынесении судебных решений: как май 2026 года меняет природу российского правосудия [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2026/6/4/obyazatelnyj_uchet_pozicij_verhovnogo_suda_rf_pri_vynesenii_sudebnyh_reshenij_kak_maj_2026_goda_meny.

28. Асюнькина П.А., Буряк Д.Н. К вопросу о практической невостребованности института арбитражных заседателей // Скиф. 2022. № 11 (75) [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-prakticheskoy-nevostrebovannosti-instituta-arbitrazhnyh-zasedateley.

29. Орлова К.А. Современные проблемы реализации правового статуса арбитражных заседателей при отправлении правосудия // Юридические записки. 2013. № 1 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-problemy-realizatsii-pravovogo-statusa-arbitrazhnyh-zasedateley-pri-otpravlenii-pravosudiya.

30. Королева В.С., Еремина Е.М. Участие арбитражных заседателей в судебном процессе // Вестник науки и образования. 2021. № 10-2 (113) [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/uchastie-arbitrazhnyh-zasedateley-v-sudebnom-protsesse.

31. Байдарова М.А. Конституционно-правовая природа суда присяжных заседателей в Российской Федерации // Современное право. 2015. № 6 [Электронный ресурс]. URL: https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view/Конституционно-правовая-природа-суда-присяжных-заседателей-в-Российской-Федерации.

References

1. Gosudarstvennaya Duma Federal`nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii. Zakonoproekt № 1264907-8 «O vnesenii izmenenij v otdel`ny`e zakonodatel`ny`e akty` Rossijskoj Federacii i priznanii utrativshim silu Federal`nogo zakona «Ob arbitrazhny`x zasedatelyax arbitrazhny`x sudov sub``ektov Rossijskoj Federacii"» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1264907-8.

2. Upravlenie Verxovnogo komissara OON po pravam cheloveka. Mezhdunarodny`e standarty` nezavisimosti sudej i advokatov; Ezhegodny`e tematicheskie doklady` Special`nogo dokladchika OON po voprosu o nezavisimosti sudej i advokatov [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.ohchr.org/en/special-procedures/sr-independence-of-judges-and-lawyers/international-standards; https://www.ohchr.org/en/special-procedures/sr-independence-of-judges-and-lawyers/annual-thematic-reports.

3. Konstituciya Rossijskoj Federacii [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.

4. Ragulin A.V. «Zaxvat» advokatury` i presledovanie advokatov v Rossijskoj Federacii: kak vernut` nezavisimost` advokatov i pravo grazhdan na zashhitu: nauchno-prakticheskij doklad // Evrazijskaya advokatura. 2025. № 3 (74) [E`lektronny`j resurs]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zahvat-advokatury-i-presledovanie-advokatov-v-rossiyskoy-federatsii-kak-vernut-nezavisimost-advokatov-i-pravo-grazhdan-na-zaschitu.

5. Potapenko E.G. «Princip» processual`noj e`konomii i e`ffektivnost` sudoproizvodstva po grazhdanskim delam // Processual`naya e`konomiya v grazhdanskom sudoproizvodstve: sbornik nauchny`x statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Sankt-Peterburg: Asterion, 2023 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://nwb.rgup.ru/rimg/Nauka/Seminar%20and%20conf/02.06.2023/Sbornik%20po%20konferencii%2002.06.2023.pdf.

6. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 19 iyulya 2011 g. № 17-P [E`lektronny`j resurs]. URL: https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-19072011-n/.

7. Mixajlova A.A. Formirovanie sostava suda kak uslovie obespecheniya ob``ektivnosti i bespristrastnosti pri rassmotrenii dela i vy`nesenii sudebnogo postanovleniya v poryadke grazhdanskogo sudoproizvodstva: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Moskva, 2024 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://izak.ru/upload/iblock/1a8/611tcttzcz01d9kmy467x8d584yn31e1/Avtoreferat-Mikhaylovoy-A.A.pdf.

8. Gushhina N.A. Nezavisimost` sudej kak predposy`lka spravedlivogo i bespristrastnogo pravosudiya // Zhurnal rossijskogo prava. 2016. № 5 (233) [E`lektronny`j resurs]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nezavisimost-sudey-kak-predposylka-spravedlivogo-i-bespristrastnogo-pravosudiya.

9. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 21 yanvarya 2010 g. № 1-P [E`lektronny`j resurs]. URL: https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-21012010-n/.

10. Bugrova E.G. Sudebny`e pravovy`e pozicii v sisteme rossijskogo ugolovno-processual`nogo prava: ponyatie, sut`, naznachenie: dis. ... kand. yurid. nauk. Nizhnij Novgorod, 2021 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.dissercat.com/content/sudebnye-pravovye-pozitsii-v-sisteme-rossiiskogo-ugolovno-protsessualnogo-prava-ponyatie-sut.

11. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 20 oktyabrya 2015 g. № 27-P [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_187736/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/.

12. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 30 noyabrya 2012 g. № 29-P [E`lektronny`j resurs]. URL: https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-30112012-n/.

13. Kakaya srednyaya i mediannaya zarplata v Rossii v 2025 godu: aktual`ny`e cifry` po regionam [E`lektronny`j resurs]. URL: https://media.halvacard.ru/financial-literacy/kakaia-sredniaia-i-mediannaia-zarplata-v-rossii-aktualnye-cifry-po-regionam.

14. Sharipova A.R. Vy`yavlenie nerabotayushhix processual`ny`x norm v sisteme poiska nacional`noj identichnosti prava // Zhurnal rossijskogo prava. 2026. № 6 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=164350.

15. Sidorova P.V. Arbitrazhny`e zasedateli: prazdnik zrelosti obshhestva ili chuzherodny`j e`lement v rossijskom arbitrazhnom processe // Voprosy` rossijskoj yusticii. 2023. № 29 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/arbitrazhnye-zasedateli-prazdnik-zrelosti-obschestva-ili-chuzherodnyy-element-v-rossiyskom-arbitrazhnom-protsesse.

16. Vilkova T.Yu. Uchastie grazhdan v otpravlenii pravosudiya kak mezhotraslevoj princip sudoproizvodstva // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2017. № 6 (79) [E`lektronny`j resurs]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/uchastie-grazhdan-v-otpravlenii-pravosudiya-mezhotraslevoy-printsip-sudoproizvodstva.

17. Schetnaya palata Rossijskoj Federacii. Otchet o rezul`tatax e`kspertno-analiticheskogo meropriyatiya «Analiz tekushhego sostoyaniya informatizacii sudebnoj sistemy` Rossijskoj Federacii». Moskva, 2025 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://ach.gov.ru/upload/iblock/208/iyyjf0n0narwngqbwf1b6n8naxyl5t5h/Otchet-EAM-Informatizatsiya-sudebnoy-sistemy-SUDEBNAYA-SISTEMA.pdf.

18. 34 mln del za god i nexvatka kadrov: itogi sudejskogo soveshhaniya [E`lektronny`j resurs]. URL: https://legalacademy.ru/sphere/post/34-mln-del-i-kontrol-dlya-ii-glavnye-novosti-uhodyaschei-nedeli.

19. Taj Yu. «Podschitali – proslezilis`». Posledstviya povy`sheniya gosposhliny` [E`lektronny`j resurs]. URL: https://zakon.ru/blog/2025/10/21/podschitali_-_proslezilis_posledstviya_povysheniya_gosposhliny.

20. Komitet OON po pravam cheloveka. Zamechanie obshhego poryadka № 32. Stat`ya 14: ravenstvo pered sudami i tribunalami i pravo kazhdogo na spravedlivoe sudebnoe razbiratel`stvo. CCPR/C/GC/32 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CCPR%2FC%2FGC%2F32&Lang=en.

21. Advokatskaya palata goroda Moskvy`. Otzy`v na proekt federal`nogo zakona № 1264907-8, utverzhdenny`j resheniem Soveta ot 30 iyunya 2026 g. [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.advokatymoscow.ru/doc/isx.3373.pdf.

22. Kostyuk A.S. Processual`naya e`konomiya v nauchny`x trudax processualistov dorevolyucionnogo perioda // Vestnik Poloczkogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya D. E`konomicheskie i yuridicheskie nauki. 2026. № 1 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/protsessualnaya-ekonomiya-v-nauchnyh-trudah-protsessualistov-dorevolyutsionnogo-perioda.

23. Vetoshkina E.D., Koshheeva E.S. Ideologiya kollegial`nosti v praktike mezhdunarodnogo ugolovnogo pravosudiya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. № 478 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ideologiya-kollegialnosti-v-praktike-mezhdunarodnogo-ugolovnogo-pravosudiya.

24. Dmitrienko O.A. Osnovy` formirovaniya sostava suda v grazhdanskom i arbitrazhnom processe // Vestnik magistratury`. 2018. № 12-1 (87) [E`lektronny`j resurs]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovy-formirovaniya-sostava-suda-v-grazhdanskom-i-arbitrazhnom-protsesse.

25. Faroi T.V. Nekotory`e administrativno-pravovy`e voprosy` obespecheniya nezavisimosti sudej // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. 2018. № 4 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-administrativno-pravovye-voprosy-obespecheniya-nezavisimosti-sudey.

26. Makarova O.V. Institut predsedatelej sudov kak e`lement organizacii deyatel`nosti sudov obshhej yurisdikcii // Zhurnal rossijskogo prava. 2017. № 6 (246) [E`lektronny`j resurs]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/institut-predsedateley-sudov-kak-element-organizatsii-deyatelnosti-sudov-obschey-yurisdiktsii.

27. Volujkov K. Obyazatel`ny`j uchet pozicij Verxovnogo Suda RF pri vy`nesenii sudebny`x reshenij: kak maj 2026 goda menyaet prirodu rossijskogo pravosudiya [E`lektronny`j resurs]. URL: https://zakon.ru/blog/2026/6/4/obyazatelnyj_uchet_pozicij_verhovnogo_suda_rf_pri_vynesenii_sudebnyh_reshenij_kak_maj_2026_goda_meny.

28. Asyun`kina P.A., Buryak D.N. K voprosu o prakticheskoj nevostrebovannosti instituta arbitrazhny`x zasedatelej // Skif. 2022. № 11 (75) [E`lektronny`j resurs].

URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-prakticheskoy-nevostrebovannosti-instituta-arbitrazhnyh-zasedateley.

29. Orlova K.A. Sovremenny`e problemy` realizacii pravovogo statusa arbitrazhny`x zasedatelej pri otpravlenii pravosudiya // Yuridicheskie zapiski. 2013. № 1 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-problemy-realizatsii-pravovogo-statusa-arbitrazhnyh-zasedateley-pri-otpravlenii-pravosudiya.

30. Koroleva V.S., Eremina E.M. Uchastie arbitrazhny`x zasedatelej v sudebnom processe // Vestnik nauki i obrazovaniya. 2021. № 10-2 (113) [E`lektronny`j resurs]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/uchastie-arbitrazhnyh-zasedateley-v-sudebnom-protsesse.

31. Bajdarova M.A. Konstitucionno-pravovaya priroda suda prisyazhny`x zasedatelej v Rossijskoj Federacii // Sovremennoe pravo. 2015. № 6 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view/Konstitucionno-pravovaya-priroda-suda-prisyazhny`x-zasedatelej-v-Rossijskoj-Federacii.

Статья поступила в редакцию 03.08.26;
одобрена после рецензирования 17.08.26;
принята к публикации 17.08.26.

The article was submitted 03.08.26;
approved after reviewing 17.08.26;
accepted for publication 17.08.26.

Евразийская адвокатура. 2026. № 4 (81). С. 112.
Eurasian Advocacy. 2026;(4(81)):112.

Правосудие и правоохранительная деятельность в евразийском пространстве

Научная статья
УДК 343.211:343.7
doi 10.52068/2304-9839_2026_81_4_112

ФЕНОМЕН ШРИНКФЛЯЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: СООТВЕТСТВИЕ СТОИМОСТНЫХ КРИТЕРИЕВ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИНЦИПАМ РАВЕНСТВА И СПРАВЕДЛИВОСТИ

БУЛЫЧЕВ Евгений Николаевич
Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан
450008, г. Уфа, ул. З. Валиди, 40, Российская Федерация

Аннотация: В статье обосновано, что в условиях инфляционных процессов фиксированные абсолютные величины пороговых значений девальвируются, что ведет к внезаконодательному ужесточению уголовной ответственности и изменению категории преступлений без изменения текста закона. Автор вводит в научный оборот понятие «шринкфляция мер уголовной ответственности (шринкфляция санкций)» как ситуация фактического изменения стоимости предмета преступления или ущерба при сохранении прежних пороговых значений и мер ответственности, что нарушает конституционные принципы. Предложены два способа решения проблемы: систематический пересмотр абсолютных значений и привязка к условной величине (например, МРОТ). Обосновано предпочтение второго подхода с учетом позитивного опыта стран СНГ.

Ключевые слова: шринкфляция мер уголовной ответственности, шринкфляция санкций, взятка, значительный размер, крупный размер, особо крупный размер, инфляция, принцип равенства, принцип справедливости, МРОТ, коррупционные преступления, уголовная ответственность

Для цитирования: Булычев Е.Н. Феномен шринкфляции в уголовном праве: соответствие стоимостных критериев дифференциации ответственности принципам равенства и справедливости // Евразийская адвокатура. 2026. № 4 (81). С. 112. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_81_4_112

Justice and Law-Enforcement Activity in the Eurasian Space

Original article

THE PHENOMENON OF SHRINKFLATION IN CRIMINAL LAW: THE CORRESPONDENCE OF COST-BASED CRITERIA FOR DIFFERENTIATING LIABILITY TO THE PRINCIPLES OF EQUALITY AND JUSTICE

BULYCHEV Evgeny Nikolaevich
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Bashkir Academy of Public Administration and Management under the Head of the Republic of Bashkortostan
450008, Ufa, Z. Validi Str., 40, Russian Federation

Abstract: The article substantiates that, in the context of inflationary processes, fixed absolute threshold values are devalued, which leads to an extra-legislative tightening of criminal liability and a change in the category of crimes without changing the text of the law. The author introduces the concept of «shrinkflation of criminal liability measures (shrinkflation of sanctions)» into scientific discourse as a situation in which the actual value of the subject of a crime or the damage is changed while the previous threshold values and liability measures remain unchanged, which violates constitutional principles. Two methods for solving the problem are proposed: a systematic review of absolute values and linking to a conditional value (for example, the minimum wage). The preference for the second approach is justified, taking into account the positive experience of CIS countries.

Keywords: shrinkflation of criminal liability measures, shrinkflation of sanctions, bribe, significant amount, large amount, especially large amount, inflation, principle of equality, principle of justice, minimum wage, corruption crimes, criminal liability

For citation: Bulychev E.N. The Phenomenon of Shrinkflation in Criminal Law: The Correspondence of Cost-Based Criteria for Differentiating Liability to the Principles of Equality and Justice = Eurasian Advocacy. 2026; 4 (81):112. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_81_4_112

© Булычев Е.Н., 2026 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC BY).

Нередко законодатель связывает меру наказания за то или иное преступление со степенью общественной опасности, которая, в частности, определяется размером причиненного ущерба (преступления в сфере экономической деятельности, экологические преступления), незаконно приобретенного имущества (преступления против собственности) или незаконного вознаграждения (преступления коррупционной направленности), прибегая к стоимостным критериям дифференциации ответственности.

Так, например, в большинстве составов преступлений, которые можно безусловно отнести к коррупционным [1] (в частности: получение взятки (ст. 290 УК РФ), дача взятки (ст. 291 УК РФ), посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ), коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ), посредничество в коммерческом подкупе (ст. 204.1 УК РФ), оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса (ст. 184 УК РФ), подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок (ст. 200.5 УК РФ), подкуп арбитра (третейского судьи) (ст. 200.7 УК РФ)) для определения тяжести содеянного используются такие квалифицирующие признаки, как «значительный размер взятки/подкупа», «крупный размер взятки/подкупа» и «особо крупный размер взятки/подкупа». Во всех упомянутых статьях законодатель использует единый подход к их исчислению: значительным размером признаются сумма денег, стоимость ценных бумаг, иного имущества, услуг имущественного характера, иных имущественных прав, превышающие двадцать пять тысяч рублей, крупным размером – превышающие сто пятьдесят тысяч рублей, особо крупным размером – превышающие один миллион рублей. Единственным преступлением коррупционной направленности, где использован иной подход к исчислению крупного размера, является деяние, предусмотренное ст. 141.1 УК РФ «Нарушение порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума». В этой статье крупным размером признаются «размер суммы денег, стоимость имущества или выгод имущественного характера, которые превышают одну десятую предельной суммы всех расходов средств избирательного фонда соответственно кандидата, избирательного объединения, фонда референдума, установленной законодательством о выборах и референдумах на момент совершения деяния, предусмотренного настоящей статьей, но при этом составляют не менее одного миллиона рублей». Следует отметить, что долгое время в статьях Уголовного кодекса коррупционной направленности фигурировал только «крупный размер» взятки (подкупа), а значительный и особо крупный появились в нашем уголовном законе только с принятием Федерального закона № 97-ФЗ от 4 мая 2011 г.

Такой подход к дифференциации ответственности с опорой на абсолютные стоимостные критерии в национальной валюте впервые был внедрен в Уголовный кодекс РФ 8 декабря 2003 года [2]. До этого пороговые значения категорий ущерба, размера похищенного или полученного незаконного вознаграждения определялись в УК РФ с привязкой к минимальному размеру оплаты труда (МРОТ). С тех пор размер этих стоимостных критериев ни разу законодателем не пересматривался, несмотря на то что за прошедшие с момента перехода на абсолютные значения исчисления стоимостных критериев дифференциации ответственности 23 года экономическая ситуация в стране существенно изменилась. Все, что могло быть предметом хищения или взятки (драгоценные металлы и камни, ювелирные украшения, автомобили, недвижимость и др.), выросло в цене. Так, например, по данным Росстата, процент роста стоимости 1 кв. м на первичном рынке в 2015–2025 годах по России в целом составил 318 % [3], а за те же 10 лет рублевая цена золота, по данным аналитиков СберБанка, выросла примерно в 4,3 раза [4].

Для наглядности приведем пример: если взяткополучатель 31 декабря 2015 года получил в качестве предмета взятки 100 г золота стоимостью 250 210 рублей, его бы привлекли к ответственности по п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ (взятка в крупном размере), а ровно через 10 лет, 31 декабря 2025 года, тот же предмет взятки стоил бы уже 1 090 788 рублей, и содеянное квалифицировалось бы уже по ч. 6 ст. 290 УК РФ (взятка в особо крупном размере).

Таким образом, можно констатировать перманентное ужесточение наказания за взяточничество, когда за получение одинакового или сходного по характеристикам предмета взятки в разные моменты времени действия виновных могут квалифицироваться по-разному. Следует также отметить, что в некоторых случаях, помимо квалификации деяния по более строгой части статьи, может произойти и изменение категории преступления со всеми вытекающими правовыми последствиями (возможность освобождения

от уголовной ответственности и наказания, применение условного осуждения, выбор вида исправительного учреждения, определение сроков давности и сроков погашения судимости и т.д.). То же самое касается и других составов преступления, содержащих в качестве квалифицирующих признаков понятия «значительный», «крупный» и «особо крупный» размер или ущерб.

Данное правовое явление можно сравнить с закрепившимся у экономистов термином «шринкфляция». Шринкфляция – это явление, при котором производитель сокращает вес, объем или число единиц товара в упаковке, не меняя при этом цену. Термин сложился из двух английских слов: shrink – «сжиматься» и inflation – «инфляция» [5].

В силу большой схожести данного экономического явления с описанной нами правовой ситуацией, считаем возможным заимствовать термин «шринкфляция», дополнив его правовым содержанием, и предлагаем ввести в научный и юридический оборот понятие «шринкфляция мер уголовной ответственности (шринкфляция санкций)».

Итак, шринкфляция мер уголовной ответственности (шринкфляция санкций) – это ситуация, при которой в силу длительного отсутствия пересмотра законодателем пороговых значений размеров показателей, определяющих степень общественной опасности преступного деяния, измеряемых в абсолютных величинах (в национальной валюте), в результате инфляционных процессов происходит фактическое изменение стоимости оцениваемого предмета преступления или ущерба при сохранении неизменными пороговых значений и мер ответственности за содеянное, которое приводит или может привести к нарушению принципов равенства и справедливости.

Происходящее вне рамок законодательного регулирования ужесточение ответственности за ряд преступлений, содержащих понятия «значительный», «крупный», «особо крупный» размер (ущерб), не соответствует положениям Конституции РФ, а также целям и принципам отечественного уголовного законодательства.

Так, статья 19 Конституции РФ закрепила «равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств» [6]. Идентичное конституционному положение о равенстве граждан перед законом содержится и в статье 4 Уголовного кодекса РФ [7]. Именно под понятие «другие обстоятельства», по нашему мнению, должны подпадать обстоятельства, изложенные выше в определении понятия «шринкфляция мер уголовной ответственности», так как лица, совершившие идентичные преступные деяния, но в разные временные отрезки, могут быть подвергнуты разным по степени строгости наказаниям.

Статья 6 Уголовного кодекса РФ, закрепляющая принцип справедливости, указывает на то, что «наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного». А поскольку зафиксированные в уголовном законе абсолютные значения значительного, крупного и особо крупного размера (ущерба) со временем девальвируются и снижают степень общественной опасности преступления, возникает резонный вопрос о справедливости применения такого подхода к определению рассматриваемых квалифицирующих признаков.

На наш взгляд, исправить сложившуюся ситуацию внезаконодательного усиления уголовной ответственности за ряд преступлений, в том числе коррупционной направленности, можно следующими способами:

1. систематически (желательно 1 раз в год) вносить изменения в абсолютные пороговые значения значительного, крупного и особо крупного размера (ущерба), закрепленные в соответствующих статьях Уголовного кодекса РФ;

2. внести изменения в соответствующие статьи Уголовного кодекса РФ, закрепляющие условные величины для определения пороговых значений значительного, крупного и особо крупного размера (ущерба), например минимальный размер оплаты труда (МРОТ).

Представляется, что второй способ является предпочтительным. Именно этим путем пошло подавляющее большинство стран, входящих в СНГ. Так, например, в Уголовном кодексе Республики Казахстан значительный ущерб и значительный размер измеряются в месячных расчетных показателях (МРП)[8], которые, в свою очередь, регулярно устанавливаются законом[9].

Таким образом, для устранения девальвации уголовно-правовых критериев и приведения их в соответствие с принципами равенства и справедливости законодателю необходимо

незамедлительно перейти от застывших абсолютных величин к гибким условным показателям (например, на основе МРОТ или иного экономического индикатора), что позволит синхронизировать квалификацию преступлений с реальной экономической динамикой и исключить явление «шринкфляции санкций» как скрытого ужесточения ответственности вне рамок закона.

Список источников

1. Указание Генпрокуратуры России № 35/11, МВД России № 1 от 24.01.2020 (ред. от 13.07.2020) «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности. Приложение. Перечень № 23 преступлений коррупционной направленности» // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) [Электронный ресурс]. URL: //sudact.ru/law/ukazanie-genprokuratury-rossii-n-3511-mvd-rossii/prilozhenie/perechen-n-23-prestuplenii-korruptsionnoi/.

2. Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45408/.

3. Финансовый маркетплейс Банки.ру [Электронный ресурс]. URL: https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=11018714&ysclid=mtgz4b397569108681.

4. Информационно-просветительский сайт СберБанка «СберСова» [Электронный ресурс]. URL: https://sbersova.ru/sections/invest/dorozhe-ili-deshevle-zolota-skolko-stoyat-dragocennye-metally?ysclid=mtl3j96zm839033907.

5. Шринкфляция: что это такое и как она влияет на покупателей // Сообщения и материалы информационного агентства «РБК» [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/base/08/05/2026/69fdc0dc9a79475da7590c75?ysclid=mtl5ojlkt532874217.

6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/a4d26fe6022253f9f9e396e9ca6f63c80946702f/.

7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ca44f5ca7fe63fad08f66b87e34e9a2c91b7d329/.

8. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 20.08.2026 г.) п. 2, п. 3 и п. 38 ст. 3 // ИС «Параграф» [Электронный ресурс]. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=31575252&ysclid=mtl7buq2y6911642095&pos=591;45.

9. Закон Республики Казахстан от 8 декабря 2025 года № 239-VIII «О республиканском бюджете на 2026–2028 годы» // ИС «Параграф» [Электронный ресурс]. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=1026672&pos=5;132.

References

1. Ukazanie Genprokuratury` Rossii № 35/11, MVD Rossii № 1 ot 24.01.2020 (red. ot 13.07.2020) «O vvedenii v dejstvie perechnej statej Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii, ispol`zuemy`x pri formirovanii statisticheskoj otchetnosti. Prilozhenie. Perechen` № 23 prestuplenij korrupcionnoj napravlennosti» // Sudebny`e i normativny`e akty` RF (SudAkt) [E`lektronny`j resurs]. URL: //sudact.ru/law/ukazanie-genprokuratury-rossii-n-3511-mvd-rossii/prilozhenie/perechen-n-23-prestuplenii-korruptsionnoi/.

2. Federal`ny`j zakon ot 08.12.2003 № 162-FZ «O vnesenii izmenenij i dopolnenij v Ugolovny`j kodeks Rossijskoj Federacii» // SPS Konsul`tantPlyus [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45408/.

3. Finansovy`j marketplejs Banki.ru [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=11018714&ysclid=mtgz4b397569108681.

4. Informacionno-prosvetitel`skij sajt SberBanka «SberSova» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://sbersova.ru/sections/invest/dorozhe-ili-deshevle-zolota-skolko-stoyat-dragocennye-metally?ysclid=mtl3j96zm839033907.

5. Shrinkflyaciya: chto e`to takoe i kak ona vliyaet na pokupatelej // Soobshheniya i materialy` informacionnogo agentstva «RBK» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.rbc.ru/base/08/05/2026/69fdc0dc9a79475da7590c75?ysclid=mtl5ojlkt532874217.

6. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrenny`mi v xode obshherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // SPS Konsul`tantPlyus [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/a4d26fe6022253f9f9e396e9ca6f63c80946702f/.

7. Ugolovny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 04.08.2026) // SPS Konsul`tantPlyus [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ca44f5ca7fe63fad08f66b87e34e9a2c91b7d329/.

8. Ugolovny`j kodeks Respubliki Kazaxstan ot 3 iyulya 2014 goda № 226-V (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 20.08.2026 g.) p. 2, p. 3 i p. 38 st. 3 // IS «Paragraf» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=31575252&ysclid=mtl7buq2y6911642095&pos=591;45.

9. Zakon Respubliki Kazaxstan ot 8 dekabrya 2025 goda № 239-VIII «O respublikanskom byudzhete na 2026-2028 gody`» // IS «Paragraf» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=1026672&pos=5;132.

Статья поступила в редакцию 01.09.26;
одобрена после рецензирования 07.09.26;
принята к публикации 07.09.26.

The article was submitted 01.09.26;
approved after reviewing 07.09.26;
accepted for publication 07.09.26.

Евразийская адвокатура. 2026. № 4 (81). С. 116.
Eurasian Advocacy. 2026;(4(81)):116.

Правосудие и правоохранительная деятельность в евразийском пространстве
Научная статья
УДК 343.36
doi 10.52068/2304-9839_2026_81_4_116

ОСОБЕННОСТИ РЕГЛАМЕНТАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ФАЛЬСИФИКАЦИЮ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АНАЛИЗ

НАМНЯСЕВА Виктория Вячеславовна
Кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права Волгоградской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации
400075, г. Волгоград, ул. Историческая, д. 130, Российская Федерация

Аннотация: В статье проанализированы статистические данные о применении нормы, предусматривающей уголовную ответственность за фальсификацию результатов оперативно-разыскной деятельности. Отмечена недостаточная эффективность противодействия данному деянию. С целью совершенствования национального законодательства рассмотрен опыт конструирования в зарубежных государствах уголовно-правовых норм, относящихся к предмету исследования. В качестве положительного опыта выделены использованные различными государствами меры уголовно-правового воздействия, связанные с определением конструктивных и квалифицирующих признаков нормы, регламентирующей ответственность за фальсификацию результатов оперативно-разыскной деятельности.

Ключевые слова: законодательное конструирование, уголовно-правовая норма, фальсификация, результаты оперативно-разыскной деятельности, зарубежный опыт, дифференциация уголовной ответственности

Для цитирования: Намнясева В.В. Особенности регламентации уголовной ответственности за фальсификацию результатов оперативно-разыскной деятельности: компаративистский анализ // Евразийская адвокатура. 2026. № 4 (81). С. 116. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_81_4_116

Justice and Law-Enforcement Activity in the Eurasian Space
Original article

SPECIFICS OF REGULATING CRIMINAL LIABILITY FOR FALSIFICATION OF OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITY RESULTS: A COMPARATIVE ANALYSIS

NAMNYASEVA Victoriya Vyacheslavovna
Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Criminal Law Department of the Volgograd Academy of the Internal Affairs Ministry of Russia
400075, Volgograd, str. Historicheskaya, 130, Russian Federation

Abstract: The article analyzes statistical data on the application of the legal provision establishing criminal liability for the falsification of operational-search activity results. The effectiveness of countering this act has been noted as insufficient. With a view to improving national legislation, certain aspects of foreign legislative experience regarding the drafting of criminal law provisions relevant to the subject of this study have been examined. The criminal law measures employed by various states, specifically those related to defining the constitutive and qualifying elements of the crime of falsifying the results of operational-search activities, have been highlighted as positive practices.

Keywords: legislative construction, norm of criminal law, falsification, results of operational-search activities, foreign experience, differentiation of criminal liability

For citation: Namnyaseva V. V. Specifics of Regulating Criminal Liability for Falsification of Operational-Search Activity Results: A Comparative Analysis = Eurasian Advocacy. 2026; 4 (81):116. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_81_4_116

В статье 303 Уголовного кодекса Российской Федерации (*далее* – УК РФ) предусмотрена ответственность как за фальсификацию доказательств (ч. 1–3 ст. 303 УК РФ), так и за фальсификацию результатов оперативно-разыскной деятельности (ч. 4 ст. 303 УК РФ). В настоящем исследовании

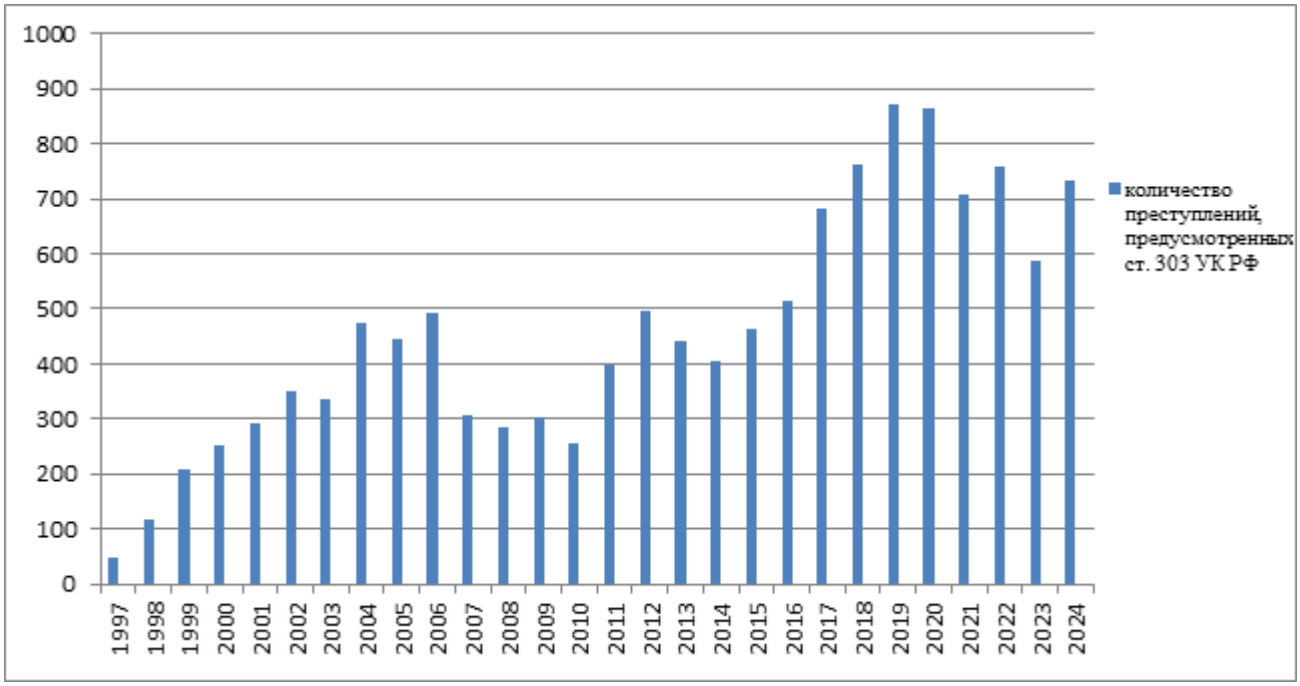
© Намнясева В.В., 2026 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC BY).

внимание будет уделено в первую очередь преступлению, предусмотренному ч. 4 ст. 303 УК РФ.

Российский законодатель, установив в ноябре 2012 года уголовную ответственность за фальсификацию результатов оперативно-разыскной деятельности (Федеральный закон от 29 ноября 2012 года № 207-ФЗ), указал в качестве обязательных признаков данного состава преступления специального субъекта – лица, уполномоченного на проведение оперативно-разыскных мероприятий, и альтернативную специальную цель – либо уголовное преследование лица, заведомо непричастного к совершению преступления, либо причинение вреда чести, достоинству и деловой репутации. Квалифицирующие признаки, влияющие на дифференциацию ответственности за данное преступление, отсутствуют.

Сам факт установления уголовной ответственности за фальсификацию результатов оперативно-разыскной деятельности большинством ученых был оценен положительно [1, С. 60; 2, С. 100]. Однако эффективность применения данной нормы далека от желаемой. Анализ статистических данных о количестве зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 303 УК РФ, начиная с 1997 года (диаграмма 1), то есть за весь период ее существования, свидетельствует о том, что после внесения в 2012 году изменений в статью 303 УК РФ и установления ответственности за фальсификацию результатов оперативно-разыскной деятельности никаких кардинальных изменений в количестве зарегистрированных преступлений не произошло.

Диаграмма 1. Данные о зарегистрированных преступлениях, предусмотренных ст. 303 УК РФ, в 1997–2024 годах [3]



Более того, согласно данным официальной статистики, количество совершенных в 2013, 2014 и 2015 годах преступлений меньше, чем в 2012 году (в 2012 году было зарегистрировано 496 преступлений, в 2013 – 441, в 2014 – 406, а в 2015 – 463). О недостаточной эффективности противодействия фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности свидетельствуют и официальные данные о количестве лиц, осужденных за преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 303 УК РФ. Так, в 2013 году лиц, осужденных за анализируемое преступление, не было; в 2014 году осуждено 5 человек, в 2016 – 7, в 2018 – 5, в 2019 – 3, в 2020 – 7, в 2021 – 1, в 2022 – 1, в 2023 – 7, в 2024 – 2; за первое полугодие 2025 года – 3 человека [4]. Таким образом, за весь период существования нормы, предусматривающей уголовную ответственность за фальсификацию результатов оперативно-разыскной деятельности, было осуждено 48 человек. Эти цифры не отражают реального количества посягательств на доказательственную базу, совершаемых лицами, уполномоченными на проведение оперативно-разыскных мероприятий, что свидетельствует о недостаточной эффективности применения нормы, предусмотренной ч. 4 ст. 303 УК РФ.

На недостатки законодательной конструкции анализируемой нормы, связанные, в частности, с определением субъекта преступления и отсутствием квалифицирующих признаков, неоднократно

указывалось в доктрине уголовного права. Например, В.Н. Борков, анализируя практику применения ч. 4 ст. 303 УК РФ, указывает на проблемы, возникающие при квалификации фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности, повлекшей тяжкие последствия [5, С. 120–123].

На современном этапе эволюция национальной правовой системы немыслима без инструментария сравнительного правоведения. Изучение и использование удачных, апробированных в правоприменительной практике особенностей, приемов и методов конструирования правовых норм зарубежных государств целесообразно для совершенствования национального законодательства.

Рассмотрим некоторые представляющие наибольший интерес для целей настоящего исследования нормы уголовного законодательства зарубежных государств, регламентирующие ответственность за фальсификацию результатов оперативно-разыскной деятельности.

В Уголовном кодексе Французской Республики (далее – УК Франции) глава IV «О посягательствах на отправление правосудия» включена в книгу «О преступлениях и проступках против нации, государства и общественного спокойствия». Наибольший интерес для целей данного исследования представляет статья 434-4, в которой предусмотрена ответственность за: «1) изменение состояния места преступления или проступка путем изменения, фальсификации или уничтожения следов или доказательств, а также путем добавления, перемещения или изъятия любых предметов; 2) уничтожение, изъятие, сокрытие или изменение государственного или частного документа или предмета, которые могут способствовать раскрытию преступления или проступка, поиску доказательств или осуждению виновных» [6]. Составообразующим признаком данного преступления является специальная цель – намерение воспрепятствовать установлению истины. При совершении данных деяний общим субъектом наказание – три года тюремного заключения и штраф в размере 45 000 евро. Квалифицированный вид преступления – совершение данных деяний специальным субъектом, который определяется как лицо, которое в силу своих обязанностей призвано содействовать установлению истины. Срок тюремного заключения в этом случае увеличивается до пяти лет, а размер штрафа – до 75 000 евро.

В Уголовном кодексе Республики Болгарии (далее – УК Болгарии) норма о фальсификации доказательств (ст. 287а УК Болгарии), размещенная в разделе III «Преступления против правосудия», закрепляет конкретные способы, посредством которых любое лицо воздействует на доказательственную базу с целью обмана судебного органа: «1) составляет поддельные технические документы или изменяет подлинные; 2) уничтожает документ или его часть, собирает или упорядочивает содержащиеся в нем данные и таким образом создает ложное представление о соответствующих обстоятельствах; 3) использует поддельные технические документы; 4) незаконно использует информацию, полученную с помощью специальных разведывательных средств». Субъект данного преступления общий; наказание за содеянное – лишение свободы на срок от одного года до пяти лет и штраф [7].

В Общегражданском Уголовном кодексе Королевства Норвегия (далее – УК Норвегии) ответственность за посягательства на интересы правосудия регламентируется нормами, размещенными в нескольких главах. Лица, виновные в посягательстве на интересы правосудия «изнутри», то есть те, на которых в силу занимаемой должности возложены обязанности по осуществлению правосудия и обеспечению принятия и исполнения судебных решений, привлекаются к ответственности за посягательства на интересы правосудия в соответствии с нормативными запретами, установленными в главе 11 «Преступления на государственной службе». В § 115 данной главы устанавливается, что государственный служащий, который в уголовном процессе использует незаконные средства для получения доказательств определенного характера или признания, подлежит штрафу, лишению должности или аресту на срок не более двух лет. В соответствии с § 120 УК Норвегии несет ответственность государственный служащий, который вносит ложную запись в любой документ, относящийся к его должности, или скрывает правду, делает или удостоверяет ложное заявление. Наказание за содеянное – лишение должности и тюремное заключение на срок до трех лет, а в случае наличия цели получения для себя или другого лица незаконной выгоды или причинения вреда какому-либо лицу – до шести лет. Понятие документа дается в § 179 главы 18 «Подделка документов», в соответствии с которым под документом в статьях УК Норвегии понимается любой предмет, который в письменной или иной форме содержит заявление, имеющее значение как подтверждение какого-либо права, обязанности или освобождения от них, или предназначенное для того, чтобы служить доказательством [8].

В Уголовном кодексе Королевства Дания (далее – УК Дании) ответственность за посягательства должностных лиц, включая лиц, осуществляющих функции по раскрытию и расследованию преступлений, регламентируется нормами главы 16 «Преступления, совершенные при осуществлении государственной функции». В части 1 § 146 УК Дании установлено, что если лицо, обладающее судебной властью или наделенное государственными полномочиями принимать решения по юридическим вопросам, касающимся частных лиц, допускает несправедливость при решении или рассмотрении дела, оно наказывается лишением свободы на срок до шести лет. В части второй закреплен квалифицирующий признак – совершение предусмотренного в части первой преступления с намерением причинить кому-либо ущерб. В этом случае санкция нормы предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до шестнадцати лет [9].

В Уголовном кодексе Социалистической Республики Вьетнам (далее – УК СРВ) глава XXIV объединяет нормы, регламентирующие ответственность за преступления, связанные с нарушением судебной деятельности. Ст. 375 УК СРВ «Фальсификация материалов дела или происшествия» устанавливает ответственность следователя, прокурора, судьи, присяжного заседателя, секретаря суда или иного лица, обладающего обязанностями и полномочиями в судебной деятельности, а также защитника стороны в процессе, добавляющих, исключающих, подменяющих, уничтожающих, повреждающих документы и доказательства по делу или использующих иные приемы для фальсификации содержания дела или происшествия. Наказывается совершение данного преступления лишением свободы на срок от одного года до пяти лет. В качестве квалифицирующих признаков, закрепленных в ч. 2 ст. 375 УК СРВ, предусмотрено: совершение преступления организованной группой; наступление в результате преступления неверного исхода дела; причинение крупного имущественного ущерба. Наказание в этом случае – лишение свободы на срок от пяти до десяти лет. Если же преступление привело к 1) неправомерному осуждению невиновного лица или побегу преступника; 2) доведению до самоубийства арестованного, лица, содержащегося под стражей, подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, осужденного, лица, отбывающего наказание, потерпевшего, лица, предъявляющего иск, или лица, против которого предъявляется иск; 3) причинению имущественного ущерба в особо крупном размере (ч. 3 ст. 375 УК СРВ), содеянное наказывается лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет [10].

Особый интерес представляет анализ уголовного законодательства стран Содружества Независимых Государств. Так, в Уголовном кодексе Республики Армения (далее – УК Армении) в ч. 1 ст. 479 предусмотрена ответственность за фальсификацию, замену, уничтожение или сокрытие доказательств, объяснений или процессуальных документов, или данных или предметов, полученных в результате оперативно-розыскных мероприятий, или предъявление ложных доказательств по гражданским, административным или уголовным делам или в административном производстве. В качестве квалифицирующих признаков предусматривается совершение деяния, указанного в ч. 1 ст. 479 УК Армении: 1) группой лиц по предварительному сговору; 2) из корыстных побуждений; 3) с использованием властных или служебных полномочий или обусловленного ими воздействия или 4) по делам о тяжких или особо тяжких преступлениях (ч. 2 ст. 479 УК Армении). В этих случаях санкция предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от трех до шести лет. Если же анализируемое деяние было совершено преступной организацией или повлекло по неосторожности тяжкое последствие (ч. 3 ст. 479 УК Армении), содеянное наказывается лишением свободы на срок от четырех до восьми лет [11].

В Уголовном кодексе Республики Казахстан (далее – УК Казахстана) в ч. 3 ст. 416 «Фальсификация доказательств и оперативно-розыскных, контрразведывательных материалов» предусмотрена ответственность за фальсификацию оперативно-розыскных, контрразведывательных материалов или протоколов негласных следственных действий или приложений к ним сотрудником органа, осуществляющего оперативно-разыскную, контрразведывательную деятельность. Максимальное наказание – лишение свободы на срок до шести лет. Если же данное деяние повлекло вынесение неправосудных приговора, решения или иного судебного акта (ч. 5 ст. 416 УК Казахстана), содеянное наказывается лишением свободы на срок от трех до восьми лет [12].

В Уголовном кодексе Республики Узбекистан (далее – УК Узбекистана) в главе XVI «Преступления против правосудия» ответственность за фальсификацию регламентируется двумя статьями: в ст. 230-1 предусмотрена ответственность за фальсификацию (подделку) доказательств, а в ст. 230-2 – за фальсификацию (подделку) результатов оперативно-розыскной деятельности.

Диспозиция ч. 1 ст. 230-2 УК Узбекистана практически идентична диспозиции ч. 4 ст. 303 УК РФ, а в ч. 2 ст. 230-2 УК Узбекистана предусмотрен один квалифицирующий признак – совершение деяния с использованием специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации. Санкция основного состава предусматривает наиболее строгое наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет; в случае наличия квалифицирующего признака содеянное наказывается лишением свободы от трех до пяти лет [13].

Подводя итог проведенному сравнительно-правовому анализу регламентации ответственности за фальсификацию результатов оперативно-разыскной деятельности, полагаю, что зарубежный опыт может быть использован для совершенствования отечественного законодательства. В качестве субъекта данного преступления следует указать не только лицо, уполномоченное на проведение оперативно-разыскных мероприятий, но и иное лицо, действующее с его ведома или молчаливого согласия. Достаточно часто искажение результатов оперативно-разыскной деятельности осуществляется оперативными сотрудниками с привлечением иных лиц. Предлагаемое определение специального субъекта будет способствовать преодолению трудностей, возникающих при уголовно-правовой оценке содеянного такими лицами.

Нуждается в изменении формулировка специальной цели преступления. Фальсификация может осуществляться не только в целях незаконного уголовного преследования, но и в целях освобождения от уголовной ответственности лица, виновного в совершении преступления. Более удачной представляется следующая редакция: в целях уголовного преследования лица, заведомо непричастного к совершению преступления, либо незаконного освобождения виновного от уголовной ответственности, а равно в целях причинения вреда чести, достоинству и деловой репутации.

Квалифицирующие признаки преступления являются одним из средств дифференциации уголовной ответственности. Действующая редакция ст. 303 УК РФ не предусматривает квалифицированного состава фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности, что приводит к проблемам в правоприменительной практике. Суды различных субъектов Российской Федерации по-разному оценивают содеянное в случае наступления в результате совершения преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 303 УК РФ, тяжких последствий. Представляется более удачной регламентация ответственности за анализируемое преступление в самостоятельной статье Уголовного кодекса с формулированием следующих квалифицирующих признаков: 1) с причинением тяжких последствий; 2) группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; 3) с использованием специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации.

Список источников

1. Халиков А. Фальсификация результатов оперативно-розыскной деятельности // Уголовное право. 2013. № 2. С. 59–66.

2. Епихин А.Ю. Межотраслевые проблемы фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности (ч. 4 ст. 303 УК РФ) // Вестник Удмуртского университета. 2015. Т. 25, вып. 4. С. 99–104.

3. Официальный сайт Российской криминологической ассоциации им. А. И. Долговой. Статистика преступности [Электронный ресурс]. URL: https://crimas.ru/?page_id=5050.

4. Данные судебной статистики. Сведения о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации за 2013–2025 годы // Судебный департамент при Верховном Суде РФ: офиц. сайт [Электронный ресурс]. URL: http://www.cdep.ru.

5. Борков В.Н. Преступления, совершаемые при осуществлении правосудия, предварительного расследования и оперативно-розыскной деятельности: монография. Омск: Омская академия МВД России, 2022. 180 с.

6. Уголовный кодекс Французской Республики // Всемирная организация интеллектуальной собственности, специализированное учреждение Организации Объединенных Наций: офиц. сайт [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/23309.

7. Уголовный кодекс Республики Болгария // Министерство юстиции Республики Болгария: офиц. сайт [Электронный ресурс]. URL: https://justice.government.bg/home/normdoc/1589654529.

8. Общегражданский Уголовный кодекс Королевства Норвегия // Всемирная организация интеллектуальной собственности, специализированное учреждение Организации Объединенных Наций: офиц. сайт [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/15417.

9. Уголовный кодекс Королевства Дания // Всемирная организация интеллектуальной собственности, специализированное учреждение Организации Объединенных Наций: офиц. сайт [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/19534.

10. Уголовный кодекс Социалистической Республики Вьетнам // Всемирная организация интеллектуальной собственности, специализированное учреждение Организации Объединенных Наций: офиц. сайт [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/17225.

11. Уголовный кодекс Республики Армения // Информационная система «Параграф Юрист» [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39571894&ysclid=mhdqnchj9i21982383.

12. Уголовный кодекс Республики Казахстан // Информационная система «Параграф Юрист» [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252&ysclid=mhdqy30e1b530908682.

13. Уголовный кодекс Республики Узбекистан // Информационная система «Параграф Юрист» [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110&ysclid=mhdra9dkxx512495152.

References

1. Xalikov A. Fal`sifikaciya rezul`tatov operativno-rozy`sknoj deyatel`nosti // Ugolovnoe pravo. 2013. № 2. S. 59–66.

2. Epixin A.Yu. Mezhotraslevy`e problemy` fal`sifikacii rezul`tatov operativno-razy`sknoj deyatel`nosti (ch. 4 st. 303 UK RF) // Vestnik Udmurtskogo universiteta. 2015. T. 25, vy`p. 4. S. 99–104.

3. Oficial`ny`j sajt Rossijskoj kriminologicheskoj associacii im. A. I. Dolgovoj. Statistika prestupnosti [E`lektronny`j resurs]. URL: https://crimas.ru/?page_id=5050.

4. Danny`e sudebnoj statistiki. Svedeniya o chisle osuzhdenny`x po vsem sostavam prestuplenij Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii za 2013–2025 gody` // Sudebny`j departament pri Verxovnom Sude RF: oficz. sajt [E`lektronny`j resurs]. URL: http://www.cdep.ru.

5. Borkov V.N. Prestupleniya, sovershaemy`e pri osushhestvlenii pravosudiya, predvaritel`nogo rassledovaniya i operativno-rozy`sknoj deyatel`nosti: monografiya. Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2022. 180 s.

6. Ugolovny`j kodeks Franczuzskoj Respubliki // Vsemirnaya organizaciya intellektual`noj sobstvennosti, specializirovannoe uchrezhdenie Organizacii Ob``edinyonny`x Nacij: oficz. sajt [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/23309.

7. Ugolovny`j kodeks Respubliki Bolgariya // Ministerstvo yusticii Respubliki Bolgariya: oficz. sajt [E`lektronny`j resurs]. URL: https://justice.government.bg/home/normdoc/1589654529.

8. Obshhegrazhdanskij Ugolovny`j kodeks Korolevstva Norvegiya // Vsemirnaya organizaciya intellektual`noj sobstvennosti, specializirovannoe uchrezhdenie Organizacii Ob``edinyonny`x Nacij: oficz. sajt [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/15417.

9. Ugolovny`j kodeks Korolevstva Daniya // Vsemirnaya organizaciya intellektual`noj sobstvennosti, specializirovannoe uchrezhdenie Organizacii Ob``edinyonny`x Nacij: oficz. sajt [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/19534.

10. Ugolovny`j kodeks Socialisticheskoj Respubliki V`etnam // Vsemirnaya organizaciya intellektual`noj sobstvennosti, specializirovannoe uchrezhdenie Organizacii Ob``edinyonny`x Nacij: oficz. sajt [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/17225.

11. Ugolovny`j kodeks Respubliki Armeniya // Informacionnaya sistema «Paragraf Yurist» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39571894&ysclid=mhdqnchj9i21982383.

12. Ugolovny`j kodeks Respubliki Kazaxstan // Informacionnaya sistema «Paragraf Yurist» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252&ysclid=mhdqy30e1b530908682.

13. Ugolovny`j kodeks Respubliki Uzbekistan // Informacionnaya sistema «Paragraf Yurist» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110&ysclid=mhdra9dkxx512495152.

Статья поступила в редакцию 28.06.26;
одобрена после рецензирования 07.07.26;
принята к публикации 07.07.26.

The article was submitted 28.06.26;
approved after reviewing 07.07.26;
accepted for publication 07.07.26.

Евразийская адвокатура. 2026. № 4 (81). С. 122.
Eurasian Advocacy. 2026;(4(81)):122.

Правосудие и правоохранительная деятельность в евразийском пространстве
Научная статья
УДК 343.98
doi 10.52068/2304-9839_2026_81_4_122

ЦИФРОВЫЕ СЛЕДЫ КОММЕРЧЕСКОГО ПОДКУПА В КОРПОРАТИВНОЙ СРЕДЕ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ

КАМИНСКИЙ Александр Алексеевич
Аспирант юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Аннотация: Статья посвящена исследованию цифровых следов коммерческого подкупа в корпоративной среде в условиях цифровизации хозяйственной деятельности. Обосновано, что современный коммерческий подкуп оставляет доказательственно значимую информацию не только в традиционных материальных и документальных источниках, но и в корпоративной электронной почте, мессенджерах, системах электронного документооборота, банковских приложениях, журналах событий, облачных хранилищах, мобильных устройствах и, в отдельных случаях, в инфраструктуре обращения цифровой валюты. Предлагается криминалистическая классификация цифровых следов коммерческого подкупа по их источнику и доказательственной функции, а также анализируются особенности их выявления, фиксации, изъятия и интерпретации с учетом требований уголовно-процессуального закона и необходимости использования специальных знаний. Сделан вывод, что цифровые следы следует рассматривать как системообразующий элемент современной следовой картины коммерческого подкупа.

Ключевые слова: коммерческий подкуп, цифровые следы, корпоративная среда, криминалистическая характеристика, электронные доказательства, цифровая криминалистика, специальные знания, антикоррупционный комплаенс

Для цитирования: Каминский А.А. Цифровые следы коммерческого подкупа в корпоративной среде: криминалистическая классификация и доказательственное значение // Евразийская адвокатура. 2026. № 4 (81). С. 122. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_81_4_122

Justice and Law-Enforcement Activity in the Eurasian Space
Original article

DIGITAL TRACES OF COMMERCIAL BRIBERY IN THE CORPORATE ENVIRONMENT: FORENSIC CLASSIFICATION AND EVIDENTIARY SIGNIFICANCE

KAMINSKY Aleksander Alekseevich
Postgraduate Student of the Faculty of Law of the Lomonosov Moscow State University
119991, Moscow, Leninskie Gory, Building 1, Russian Federation

Abstract: This article examines the digital traces of commercial bribery in the corporate environment amid the digitalization of economic activity. It is argued that modern commercial bribery leaves evidentiary information not only in traditional physical and documentary sources, but also in corporate email, instant messaging, electronic document management systems, banking applications, event logs, cloud storage, mobile devices, and, in some cases, in digital currency infrastructure. A forensic classification of digital traces of commercial bribery is proposed based on their source and evidentiary function, and the specifics of their detection, recording, seizure, and interpretation are analyzed, taking into account the requirements of criminal procedure law and the need for specialized knowledge. It is concluded that digital traces should be considered a systemically important element of the modern trace picture of commercial bribery.

Keywords: commercial bribery, digital traces, corporate environment, forensic characteristics, electronic evidence, digital forensics, special knowledge, anti-corruption compliance

For citation: Kaminsky A.A. Digital Traces of Commercial Bribery in the Corporate Environment: Forensic Classification and Evidentiary Significance = Eurasian Advocacy. 2026; 4 (81):122. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_81_4_122

© Каминский А.А., 2026 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC BY).

Коммерческий подкуп, предусмотренный ст. 204 УК РФ, представляет собой самостоятельное коррупционное преступление против интересов службы в коммерческих и иных организациях [1]. В современных условиях его криминалистическая специфика все в большей степени определяется не только фактом передачи имущественной выгоды, но и изменением среды совершения преступления. Корпоративная деятельность сегодня осуществляется через электронную почту, мессенджеры, системы электронного документооборота, дистанционные банковские сервисы, облачные хранилища, платформы удаленного взаимодействия и иные цифровые инструменты. Следовательно, и следовая картина коммерческого подкупа все чаще смещается в сферу цифровых отражений преступной деятельности.

В научной литературе вопрос о цифровых следах рассматривается как один из ключевых для современной криминалистики. Е.П. Ищенко, обращаясь к истокам цифровой криминалистики, обоснованно подчеркивает, что цифровизация меняет не только технический инструментарий расследования, но и сам объект криминалистического познания [2]. Е.Р. Россинская связывает исследование цифровых следов с развитием частной теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности и с возрастанием роли специальных знаний [3]. В свою очередь, М.И. Воронин [4] и В.В. Платонов [5] справедливо указывают на необходимость четкого разграничения цифровой информации, электронных доказательств и процессуальных способов их использования в уголовном судопроизводстве. Эти положения имеют непосредственное значение и для расследования коммерческого подкупа, где цифровая информация редко выступает в изолированном виде и, как правило, должна оцениваться в системе иных доказательств.

Представляется, что применительно к коммерческому подкупу цифровые следы следует рассматривать не просто как разновидность электронных данных, а как особую форму отражения подготовки, совершения, маскировки и сокрытия преступления в корпоративной цифровой среде. При этом их криминалистическое значение обусловлено тем, что коммерческий подкуп нередко реализуется под видом обычных управленческих и хозяйственных процедур: согласования договора, выбора контрагента, подписания акта, перечисления денежных средств, обмена служебной перепиской, передачи реквизитов, оформления доступа к сведениям ограниченного характера. Следовательно, цифровой след позволяет установить не только факт контакта между участниками, но и связь этого контакта с управленческим решением, имущественной выгодой и конкретным этапом хозяйственной операции.

Вопрос о понятии цифрового следа в криминалистике остается дискуссионным. Одни авторы связывают его прежде всего с электронно-цифровой средой фиксации информации, другие – с более широким понятием цифровой информации, имеющей доказательственное значение. В.Ю. Иванов, развивая теорию электронно-цифровых следов, указывает на необходимость их самостоятельного осмысления и воспроизведения данного определения, понятного широкому кругу лиц [6]. В связи с этим представляется обоснованным использовать применительно к коммерческому подкупу расширительное понимание цифрового следа как информации, возникшей в цифровой среде и отражающей криминалистически значимые обстоятельства подготовки, совершения, сокрытия или последствий преступления.

С криминалистической точки зрения цифровые следы коммерческого подкупа занимают особое место в структуре следовой картины, поскольку данный вид преступления зачастую совершается в условиях управленческой, договорной и коммуникационной закрытости. Внешне противоправное поведение может быть встроено в обычный деловой процесс, а потому непосредственные материальные следы либо отсутствуют, либо не являются решающими. Напротив, цифровые отражения – переписка, временные метки, версии файлов, история согласований, журналы действий пользователей, банковские операции, данные облачной синхронизации – способны показать скрытую связь между имущественной выгодой и служебным поведением лица, выполняющего управленческие функции в организации. Тем самым цифровые следы позволяют реконструировать механизм коммерческого подкупа не фрагментарно, а системно.

По нашему мнению, цифровые следы коммерческого подкупа обладают тремя основными криминалистическими свойствами. Во-первых, они возникают на разных этапах преступного механизма – от предварительной договоренности до сокрытия противоправной связи. Во-вторых, они носят распределенный характер, поскольку обычно содержатся не в одном устройстве, а одновременно в корпоративной почте, мессенджере, учетной записи, банковском приложении, внутренней системе согласования и облачном хранилище. В-третьих, они подвержены быстрому

изменению, удалению, перезаписи либо переносу в иные цифровые контуры, что требует оперативного выявления и процессуально корректной фиксации. Именно поэтому цифровые следы не могут исследоваться по делам о коммерческом подкупе как второстепенный материал; напротив, они должны включаться в предмет доказывания и в план расследования уже на первоначальном этапе.

Для расследования коммерческого подкупа цифровые следы целесообразно классифицировать не только по техническому носителю, но и по их доказательственной функции. Такой подход позволяет увязать вид цифрового следа с конкретным обстоятельством, подлежащим установлению.

Прежде всего следует выделять коммуникационные цифровые следы. К ним относятся сообщения корпоративной электронной почты, переписка в мессенджерах, история звонков и видеосвязи, передача вложений, фотографий документов, платежных реквизитов, скриншотов и иных цифровых объектов. Их значение заключается в том, что они могут отражать предварительную договоренность, обсуждение размера и формы имущественной выгоды, вовлечение посредника, распределение ролей и способы конспирации. В условиях корпоративной среды именно коммуникационные следы нередко фиксируют ту часть преступной связи, которая не находит отражения в официальной документации организации.

Вторую группу образуют документарные цифровые следы и метаданные. Речь идет о следах, содержащихся в системах электронного документооборота, офисных файлах, внутренних сервисах согласования, учетных записях пользователей, истории редактирования документов, версиях файлов и сопутствующих метаданных. В делах о коммерческом подкупе они имеют особое значение, поскольку позволяют установить, кем создавался и редактировался документ, кто инициировал его ускоренное согласование, в какой момент изменялись существенные условия договора, каким образом формировалась окончательная редакция акта либо заявки. Тем самым документарные цифровые следы и метаданные связывают преступную договоренность с управленческим действием, ради которого передавалось незаконное вознаграждение.

Третью группу составляют транзакционные цифровые следы. Они возникают в системах дистанционного банковского обслуживания, мобильного банкинга, электронных кошельках, внутренних бухгалтерских и платежных сервисах, а в определенных случаях – в инфраструктуре цифровой валюты. Их доказательственная функция состоит в отражении движения имущественной выгоды: перечисления денежных средств, дробления суммы, проведения платежей через третьих лиц, использования номинальных получателей либо, напротив, попытки скрыть экономическую природу перевода под видом обычной хозяйственной операции. Необходимо учитывать, что разъяснения Пленума Верховного Суда РФ допускают окончание соответствующего коррупционного преступления и в случае зачисления средств с согласия получателя на указанный им счет либо электронное средство расчетов [7]. Следовательно, цифровой путь передачи имущественной выгоды уже встроен в современное судебное толкование коррупционных составов.

Четвертую группу образуют системно-технические цифровые следы: журналы событий, лог-файлы, данные о входе в корпоративные системы, подключении внешних носителей, скачивании файлов, изменении прав доступа, удалении информации, синхронизации устройств. На первый взгляд эти сведения могут восприниматься как исключительно технические, однако именно они позволяют установить, какие действия реально совершал пользователь в определенный период времени. В делах о коммерческом подкупе такие следы способны подтверждать факт доступа к закупочной документации, выгрузки конфиденциальных файлов, передачи закрытых сведений контрагенту, удаления переписки после перечисления денежных средств либо иных действий, указывающих на скрытую заинтересованность управленца.

Самостоятельного выделения заслуживают облачные и резервные цифровые следы. Корпоративная деятельность все чаще опирается на облачные сервисы, резервное копирование, синхронизацию мобильных устройств и удаленный доступ к документам. Это означает, что даже при удалении информации с локального устройства она может сохраняться в истории версий, резервной копии, облачной учетной записи либо журнале синхронизации. Поэтому применительно к коммерческому подкупу корпоративная цифровая среда должна рассматриваться как распределенная система хранения следовой информации, а не как совокупность отдельных компьютеров и телефонов.

Наконец, в современных условиях необходимо выделять криптовалютные цифровые следы. Федеральный закон от 20.02.2026 № 38-ФЗ внес изменения в уголовное и уголовно-процессуальное

законодательство, а УПК РФ был дополнен ст. 164.2, регламентирующей особенности изъятия цифровой валюты при производстве следственных действий [8]. Из содержания этой нормы следует, что процессуально значимыми признаются вид цифровой валюты, ее количество, адреса-идентификаторы отправителя и получателя, а также иные данные, необходимые для идентификации операции. Следовательно, при использовании цифровой валюты как формы передачи имущественной выгоды цифровые следы обретают не факультативное, а центральное доказательственное значение.

Таким образом, цифровые следы коммерческого подкупа образуют сложную и внутренне связанную систему. Их классификация по источнику и доказательственной функции позволяет установить, какие именно цифровые данные указывают на договоренность, какие – на управленческое действие, какие – на передачу имущественной выгоды, а какие – на последующее сокрытие преступления.

Использование цифровых следов в уголовном судопроизводстве предполагает соблюдение специальных процессуальных требований. Статья 164.1 УПК РФ прямо предусматривает, что электронные носители информации изымаются в ходе следственных действий с участием специалиста; по ходатайству законного владельца изымаемых носителей либо обладателя содержащейся на них информации с них может быть осуществлено копирование, а в протоколе должны быть указаны примененные технические средства, порядок их использования и результаты [9]. Эти правила имеют принципиальное значение для расследования коммерческого подкупа, поскольку корпоративные устройства и учетные записи содержат не только доказательственно значимые сведения, но и значительный массив посторонней информации. Следовательно, процессуальная корректность изъятия и копирования данных непосредственно влияет на допустимость и проверяемость полученных результатов.

Из этого вытекает несколько тактических выводов. Во-первых, выявление цифровых следов по делам о коммерческом подкупе должно быть ориентировано не только на поиск устройств, но и на установление цифрового контура конкретной хозяйственной ситуации: какими средствами связи пользовались участники, в каких системах проходило согласование, где хранились версии файлов, через какие приложения осуществлялись переводы, имелась ли синхронизация с облачными сервисами. Во-вторых, приоритетное значение приобретает раннее привлечение специалиста, поскольку именно он способен обеспечить корректное копирование данных, сохранение метаданных и минимизацию риска изменения следовой информации. В-третьих, цифровые следы должны исследоваться не изолированно, а в привязке к конкретной следственной версии: передача выгоды за заключение договора, ускорение приемки, выбор аффилированного контрагента, предоставление внутренней информации и т. д.

Одной из центральных проблем является доказательственная природа цифрового следа. В доктрине справедливо отмечается, что электронные и цифровые данные не должны механически отождествляться с доказательством; они приобретают доказательственное значение лишь после процессуального собирания, проверки и оценки [4, 5]. Эта позиция имеет особое значение для дел о коммерческом подкупе, где любой отдельный цифровой фрагмент – письмо, перевод, лог входа в систему, сообщение в чате – редко доказывает преступление сам по себе. Его значение возникает в системе связей: с содержанием служебных полномочий получателя, с хозяйственным решением, с движением денежных средств, с аффилированностью контрагента, с временной последовательностью действий.

Именно поэтому цифровые следы коммерческого подкупа целесообразно оценивать по меньшей мере в четырех взаимосвязанных плоскостях. Первая – содержательная, когда анализируется само сообщение, документ, транзакция или техническая запись. Вторая – временная, позволяющая установить последовательность действий и корреляцию между получением выгоды и управленческим решением. Третья – функциональная, выявляющая, какое место конкретный цифровой след занимает в механизме преступления: подтверждает договоренность, передачу, сокрытие, посредничество или маскировку. Четвертая – контекстуальная, связывающая цифровой след с корпоративной процедурой, экономическим смыслом сделки и служебным статусом лица. Без такой многоплановой интерпретации цифровые следы рискуют либо быть переоценены, либо, напротив, утратить свою доказательственную силу.

Цифровой след не заменяет иные доказательства, а выступает связующим звеном между ними. Например, переписка в мессенджере может подтверждать наличие договоренности, но лишь в сочетании с банковским переводом, последующим подписанием акта, редактированием договора и поведением участников она начинает указывать на коммерческий подкуп. Аналогично лог входа

в систему сам по себе не доказывает передачу выгоды, однако в совокупности с выгрузкой закрытого файла, пересылкой его контрагенту и последующим получением денежных средств способен приобрести существенное доказательственное значение. Следовательно, сила цифровых следов по данной категории дел заключается прежде всего в их интегративной функции.

Применительно к коммерческому подкупу корпоративная среда выступает не только местом формирования цифровых следов, но и пространством их раннего обнаружения. Федеральный закон «О противодействии коррупции» возлагает на организации обязанность принимать меры по предупреждению коррупции, а методические рекомендации Минтруда России ориентируют их на формирование стандартов и процедур, направленных на профилактику коррупционных рисков [10,11]. В условиях цифровизации это означает, что организация должна не только формально провозглашать антикоррупционные запреты, но и обеспечивать управляемость цифровой среды: хранение логов, контроль доступа, фиксацию изменений документов, регламентацию корпоративных каналов связи, проверку аномальных операций, сохранность информации при проведении внутренних проверок.

По нашему мнению, именно здесь проявляется прикладная связь комплаенса и криминалистики. Комплаенс в коммерческой организации может выполнять не только профилактическую, но и следосохраняющую функцию. Он создает условия, при которых ранние цифровые признаки коррупционного поведения не исчезают бесследно, а поддаются фиксации и последующему анализу. Речь идет о журналах событий, системах мониторинга корпоративной переписки, данных о согласовании сделок, истории обращений к конфиденциальной информации, внутренней проверке аффилированности контрагентов и иных цифровых индикаторах, которые впоследствии способны приобрести доказательственное значение. Следовательно, антикоррупционный комплаенс в цифровой корпоративной среде следует рассматривать как один из элементов криминалистической профилактики коммерческого подкупа.

Заключение

Современный коммерческий подкуп все больше оставляет следы не только в традиционных материальных объектах и документах, но и в цифровой корпоративной среде. Именно поэтому цифровые следы должны рассматриваться как системообразующий элемент современной следовой картины данного преступления. Их криминалистическое значение состоит в том, что они способны отразить предварительную договоренность, содержание коммуникации, маршруты движения имущественной выгоды, участие посредников, изменение служебных документов, сокрытие данных и иные элементы преступного механизма.

Представляется обоснованным подразделять цифровые следы коммерческого подкупа на коммуникационные, документарные цифровые следы и метаданные, транзакционные, системно-технические, облачные и криптовалютные. Такая классификация имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку позволяет увязать вид следа с подлежащими установлению обстоятельствами и с конкретной следственной версией. Вместе с тем доказательственная сила цифровых следов раскрывается лишь при соблюдении требований уголовно-процессуального закона, при участии специалиста и при обязательном сопоставлении цифровой информации с документальными, финансовыми и иными данными о хозяйственной ситуации.

Тем самым цифровые следы в делах о коммерческом подкупе не следует понимать как автономный технический феномен. Они представляют собой часть более широкой системы криминалистически значимой информации, формирующейся в цифровой корпоративной среде и требующей комплексного исследования. Именно в этом, по нашему мнению, заключается одно из ключевых направлений дальнейшего развития криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения коммерческого подкупа.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Справ.-правовая система КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.

2. Ищенко Е.П. У истоков цифровой криминалистики // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 3 (55). С. 15–28 [Электронный ресурс]. URL: https://vestnik.msal.ru/jour/article/view/730.

3. Россинская Е.Р. Проблемы использования специальных знаний в судебном исследовании компьютерных преступлений в условиях цифровизации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 5 (57). С. 31–44 [Электронный ресурс]. URL: https://vestnik.msal.ru/jour/article/view/780.

4. Воронин М.И. О правовой природе электронных (цифровых) доказательств // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 10. С. 74–81 [Электронный ресурс]. URL: https://vestnik.msal.ru/jour/article/view/1243.

5. Платонов В.В. Обеспечение допустимости электронных доказательств в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 8 [Электронный ресурс]. URL: https://aprp.msal.ru/jour/article/view/5359.

6. Иванов В.Ю. О теоретических аспектах использования в криминалистике понятия электронно-цифрового следа // Юридические исследования. 2020. № 7. С. 75–80 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-teoreticheskih-aspektah-ispolzovaniya-v-kriminalistike-ponyatiya-elektronno-tsifrovogo-sleda.

7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149092/.

8. Федеральный закон от 20.02.2026 № 38-ФЗ «О внесении изменений в статью 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_527055/b004fed0b70d0f223e4a81f8ad6cd92af90a7e3b/#dst100019.

9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.

10. Методические рекомендации по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции [Электронный ресурс]. URL: https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/anticorruption/015/0.

11. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/.

References

1. Ugolovny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ // Sprav.-pravovaya sistema Konsul`tantPlyus [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.

2. Ishhenko E.P. U istokov cifrovoj kriminalistiki // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). 2019. № 3 (55). S. 15–28 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://vestnik.msal.ru/jour/article/view/730.

3. Rossinskaya E.R. Problemy` ispol`zovaniya special`ny`x znanij v sudebnom issledovanii komp`yuterny`x prestuplenij v usloviyax cifrovizacii // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). 2019. № 5 (57). S. 31–44 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://vestnik.msal.ru/jour/article/view/780.

4. Voronin M.I. O pravovoj prirode e`lektronny`x (cifrovy`x) dokazatel`stv // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). 2020. № 10. S. 74–81 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://vestnik.msal.ru/jour/article/view/1243.

5. Platonov V.V. Obespechenie dopustimosti e`lektronny`x dokazatel`stv v ugolovnom sudoproizvodstve // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2025. T. 20. № 8 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://aprp.msal.ru/jour/article/view/5359.

6. Ivanov V.Yu. O teoreticheskix aspektax ispol`zovaniya v kriminalistike ponyatiya e`lektronno-cifrovogo sleda // Yuridicheskie issledovaniya. 2020. № 7. S. 75–80 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-teoreticheskih-aspektah-ispolzovaniya-v-kriminalistike-ponyatiya-elektronno-tsifrovogo-sleda.

7. Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 09.07.2013 № 24 «O sudebnoj praktike po delam o vzyatochnichestve i ob iny`x korrupcionny`x prestupleniyax» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149092/.

8. Federal`ny`j zakon ot 20.02.2026 № 38-FZ «O vnesenii izmenenij v stat`yu 104.1 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii i Ugolovno-processual`ny`j kodeks Rossijskoj Federacii» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_527055/b004fed0b70d0f223e4a81f8ad6cd92af90a7e3b/#dst100019.

9. Ugolovno-processual`ny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 № 174-FZ [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.

10. Metodicheskie rekomendacii po razrabotke i prinyatiyu organizaciyami mer po preduprezhdeniyu i protivodejstviyu korrupcii [E`lektronny`j resurs]. URL: https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/anticorruption/015/0.

11. Federal`ny`j zakon ot 25.12.2008 № 273-FZ «O protivodejstvii korrupcii» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/.

Статья поступила в редакцию 01.06.26;
одобрена после рецензирования 17.06.26;
принята к публикации 17.06.26.

The article was submitted 01.06.26;
approved after reviewing 17.06.26;
accepted for publication 17.06.26.

Евразийская адвокатура. 2026. № 4 (81). С. 128.
Eurasian Advocacy. 2026;(4(81)):128.

Правосудие и правоохранительная деятельность в евразийском пространстве

Научная статья
УДК 341.645.5
doi 10.52068/2304-9839_2026_81_4_128

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

НОВРУЗОВА Саадат Самед кызы
Старший преподаватель кафедры права Университета Хазар
AZ1096, г. Баку, ул. Мехсети Гянджеви, 41, Азербайджанская Республика

Аннотация: Одним из результатов деятельности Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) является то, что его взаимодействие с международным частным правом (далее – МЧП) приобретает особое значение. МЧП регулирует гражданско-правовые, трудовые, семейные, имущественные и другие частноправовые отношения, содержащие иностранный элемент. В этой области национальные и международные суды рассматривают вопросы международной юрисдикции, применимого права, признания и исполнения решений иностранных судов, семейные отношения, международное усыновление и другие подобные вопросы. Ряд прав человека, являющихся предметом МЧП, непосредственно закреплен в соответствующих статьях Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция). С другой стороны, в своих жалобах заявители ссылаются на широкий спектр норм МЧП, что требует от ЕСПЧ выражения своей позиции по отношению к этим нормам. Представленная статья посвящена изучению особенностей взаимодействия между деятельностью Европейского суда по правам человека и МЧП на основе анализа соответствующих прецедентных судебных решений, определивших позицию ЕСПЧ в отношении норм МЧП.

Ключевые слова: европейский суд, права человека, конвенция, международное частное право, прецедент
Для цитирования: Новрузова С.С. Европейский суд по правам человека и международное частное право // Евразийская адвокатура. 2026. № 4 (81). С. 128. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_81_4_128

Justice and Law-Enforcement Activity in the Eurasian Space

Original article

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS AND PRIVATE INTERNATIONAL LAW

NOVRUZOVA Saadat Samed kizi
Senior Lecturer of Law Department of the Khazar University
AZ1096, Baku, Mehseti Ganjavi Str., 41, Azerbaijan Republic

Abstract: One consequence of the expanding activity of the European Court of Human Rights (hereinafter the «ECtHR») is that its interaction with private international law (hereinafter «PIL») is taking on particular significance. PIL governs civil, labor, family, property, and other private-law relationships that contain a foreign element. In this field, national and international courts address issues such as international jurisdiction, applicable law, the recognition and enforcement of foreign judgments, family relations, international adoption, and other similar matters. A number of human rights relevant to the subject matter of PIL are directly enshrined in the articles of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (hereinafter the «Convention»). Conversely, applicants frequently invoke a wide range of PIL issues in their complaints, requiring the ECtHR to articulate its position regarding these norms. This article examines the nature of the interaction between the ECtHR's activities and PIL through an analysis of relevant case law that has defined the Court's stance on PIL rules.

Keywords: European Court, human rights, convention, private international law, precedent
For citation: Novruzova S.S. European Court of Human Rights and Private International Law = Eurasian Advocacy. 2026; 4 (81):128. (In Eng.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_81_4_128

Modern global trends – particularly globalization and the emergence of new technologies – are constantly expanding the scope for cross-border activities by individuals and legal entities.

The widening range of relationships between parties residing in different countries – spanning family, property, and inheritance law, among other areas – has, in turn, heightened the importance of

© Новрузова С.С., 2026 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC BY).

PIL. Traditionally, PIL governed cross-border relations based on the principle of state sovereignty. That is, when faced with the question of recognizing legal documents issued in another country, each state retained the right to accept or reject them in accordance with its own domestic laws. The work of the European Court is characterized by a gradual curtailment of this practice, as the Court prioritizes human rights over state sovereignty. When examining a specific complaint, the Court's primary task is to verify whether the decisions of national courts comply with the standards of the Convention. Thus, the Court's interaction with PIL can be summarized as an effort to humanize the field and place human rights at its core.

Although the Convention is not a document that establishes rules of private international law, several of its articles (specifically Articles 6 and 8, and Article 1 of Protocol No. 1) address key aspects of the interplay between Convention law and PIL. To examine the precedents established by the Court in these areas and to draw general conclusions, we consider it appropriate to briefly review the relevant case law for each article individually.

1. Right to a fair trial (Article 6 of the Convention)

The seminal case establishing the Court's precedent regarding this article is «Pellegrini v. Italy» [1]. The applicant, M.G. Pellegrini, alleged that Italian courts had granted a request to enforce a judgment by a Vatican ecclesiastical court declaring her marriage null and void without conducting a proper review. The ecclesiastical court had failed to adequately observe the adversarial principle and the right to a fair trial; the applicant had not been informed of the grounds and substance of the claims against her, thereby depriving her of the right to an adequate defense. The Italian courts had failed to verify whether the guarantees of a fair trial had been respected during the ecclesiastical proceedings.

The Court found a violation of Article 6 § 1 of the Convention, noting that when considering the enforcement of foreign judgments, Contracting States must rigorously verify whether those judgments were issued in accordance with the principles of the rights of the defense and a fair trial; if violations are found, they must refuse recognition and enforcement. The Italian State had failed to properly verify compliance with these rights before authorizing the enforcement of the ecclesiastical judgment; consequently, a violation of Article 6 of the Convention had occurred.

The European Court of Human Rights' case law in this matter has significantly influenced the Court of Justice of the European Union, European civil procedural law, and the practice of resolving family disputes. Under the rule established by the Court, national courts must not engage in the practice of blindly recognizing and enforcing foreign judgments. Respect for the right to a fair trial in foreign courts must be an integral part of national public policy, and a finding that a fundamental principle has been violated by a foreign court should result in a refusal to enforce the judgment in question.

In particular, it should be noted that following the Court's ruling in this case, Italian courts put an end to the practice of automatically enforcing Vatican judgments. Italian courts now strictly scrutinize whether ecclesiastical decisions are issued in a manner consistent with the right to a fair trial. Consequently, ecclesiastical judicial bodies have also been incentivized to adapt their practices to these new realities.

This precedent set by the Court plays a significant role in eradicating previously common instances of abuse related to marriage. For example, it rules out the possibility of one spouse secretly obtaining a divorce or an annulment of the marriage in their home country – using simplified procedures – and subsequently having that decision recognized within the European legal area. Specifically, attempts to deprive a woman of alimony or a share of marital assets through the retroactive annulment of a marriage in religious courts have become impermissible within the Council of Europe area.

It should be noted that the legal position that became dominant following the «Pellegrini» case has also impacted the practice of «mutual trust» that exists in this field under European Union law.

2. Right to respect for private and family life (Article 8)

In the case of «Neulinger and Shuruk v. Switzerland» [2], the Grand Chamber examined the interplay between the provisions of the Hague Convention on Child Abduction and Article 8 of the Convention. The case involved a Swiss national, Isabelle Neulinger, who had a son from her marriage to an Israeli national. The child's father joined a radical religious movement, leading to the couple's divorce. Neulinger unilaterally took the two-year-old child and returned to Switzerland. The domestic court hearing the case ordered the child's immediate return to Israel in accordance with the requirements of the Hague Convention. The European Court, having examined the compatibility of the return order with the rights of the mother and child guaranteed by Article 8 of the Convention, ruled that the application of the Hague Convention in this instance could not be automatic. The circumstances of the case required an effective, individualized assessment, taking into account the

best interests of the child. Over the years of legal proceedings, the child had lived in Switzerland for several years, becoming fully integrated into society, attending school, and speaking French; returning to Israel, a place he had no memory of, could cause him serious psychological trauma. On the other hand, if the child were returned, the mother would be compelled to return with him, where she faced criminal prosecution and severe financial penalties for abduction – consequences that could make it impossible for her to continue raising the child.

This court ruling sparked significant protest and sharp criticism. It created a conflict between the Hague Convention's requirement for immediate return and the ECtHR's requirement for an effective, individualized assessment. Later, in similar cases, the Court was compelled to soften its stance. It became inevitable that the criterion of an «individualized, effective assessment» would lead to abuse. Child abductors (either parent) would effectively try to buy time by applying to national courts and subsequently to the European Court. This, in turn, renders the provisions of the Hague Convention a dead letter.

In the case of «X v. Latvia» [3], the Court noted that national courts are not required to assume the responsibilities of the child's country of origin; rather, they must simply ensure safe and adequate conditions for the child in the country of return. In that case, the mother had secretly taken her three-year-old daughter from Australia to Latvia, and the father sought the child's return. Latvian courts ordered the child's return, disregarding the mother's arguments that the father had a criminal record and a history of violence, and that sudden separation from the mother would cause the child psychological trauma (as confirmed by a Latvian psychologist's report). In other words, the Latvian courts simply adhered to the Hague Convention. However, the Court found a violation of Article 8 of the Convention, radically shifting its previous position and formulating the concept of a «dual procedural obligation». Thus, on the one hand, the national court considering the return request had to take the family situation as a whole into account. The court was neither required nor able to conduct an in-depth analysis or decide with whom the child would be better off living in the long term; that is a matter for the courts of the country of origin to decide.

On the other hand, risks to the child's best interests had to be fully assessed. If the abductor presents convincing, evidence-based arguments regarding a risk to the child (such as information about abuse or official psychological findings regarding trauma), the national court must consider them and provide a reasoned assessment in its decision. In the case of «X v. Latvia», the Latvian courts failed to properly assess these arguments.

The court must consider whether adequate safeguards will be provided to protect the child's best interests upon their return. It must examine whether the mother would be able to return with the child, whether she would be immediately separated from the child at the border, and whether the legal system of the receiving country is capable of protecting both mother and child from domestic violence during the substantive legal proceedings there.

Thus, in «X v. Latvia», the court fulfilled the requirement to conduct a substantive legal assessment; the requirement to assess the situation (specifically, the child's optimal living arrangements) took precedence over mere procedural fairness. While courts should not spend excessive time re-evaluating the child's living conditions, neither should they automatically order the child's return; instead, they must take arguments regarding risks into account.

In the case of «Mennesson v. France» [4], a French couple (Dominique and Sylvie Mennesson), unable to conceive naturally, entered into a surrogacy agreement in the United States (California). Twins were born as a result, and US authorities issued birth certificates listing the Mennessons as their legal parents. Upon the family's return to France, the French government refused to record the birth certificates in the national civil registry, as surrogacy was prohibited under French law. The Mennessons appealed to the European Court of Human Rights, alleging a violation of their right to respect for private and family life under Article 8 of the Convention. The Court examined the complaint from two perspectives. First, it found no violation of the parents' family rights. The Court noted that France has the right to prohibit surrogacy within its territory. However, the government had not prevented the family from living together and, consequently, had not violated their family rights. Second, the Court affirmed that national prohibitions cannot conflict with the best interests of the child. By failing to recognize Mr. Mennesson's biological paternity, the French government violated the child's right to identity.

The Court's ruling in the Mennesson case had significant implications for private international law within the European legal area:

1) The public policy exception. States party to the Convention retain the right to prohibit surrogacy, but they cannot refuse to recognize foreign documents based on that prohibition – or on national moral values – in cases concerning the child's fundamental rights and legal identity. Thus, the aforementioned

European Court precedents established the «best interests of the child» as a priority principle in private international law regarding children's rights.

2) In an advisory opinion issued in 2019, the European Court established that states are required to recognize a child's legal relationships not only with the biological father but also with the social mother (at least in cases of adoption). Taking into account the case law of the European Court of Human Rights and the advisory opinion, the supreme courts of Germany, Austria, Spain, Italy, and other countries have established appropriate procedures to ensure the identification of children born to surrogate mothers.

3) In October 2019, the French Court of Cassation ruled that the birth certificates issued to the Mennesson twins in the United States must be registered in the French civil registry.

3. Protection of property (Article 1 of Protocol No. 1)

The European Court's primary contribution to cases concerning the protection of property lies in its definition of an expanded concept of property. In international humanitarian law and many treaties, property has traditionally been viewed as a right «in rem». Under the concept developed by the European Court, the notion of property encompasses all types of economic assets, as well as concepts such as lost profits and expected gains. According to the Court's position, a property right arises not only when it is formally registered in the relevant registries; certain other actions by the respondent state may also be interpreted as a recognition of that property right.

For instance, in the case of «Beyeler v. Italy» [5], the Swiss collector Ernst Beyeler purchased a Van Gogh painting, «Portrait of a Young Peasant», from an Italian private collector for 600 million lire. Under Italian law, the state holds a right of first refusal regarding the purchase of cultural heritage items. When such items are sold, the relevant authority must be notified immediately and may, if deemed necessary, purchase the item at a fixed price. In 1983, the Italian Ministry of Culture learned that the buyer was a Swiss national but took no action; it neither demanded the sale of the work to the state nor authorized its export from the country. In 1988, when Beyeler found a buyer willing to purchase the work for $8.5 million, the Italian Ministry of Culture seized the painting and returned the 600 million lire that had been paid for it in 1977. In other words, accounting for eleven years of inflation and the work's actual market value, Beyeler suffered significant financial loss. Nevertheless, Italian courts ruled in favor of the Ministry of Culture.

The Court, sitting as a Grand Chamber, unanimously ruled in favor of Beyeler. It noted that Beyeler's actual possession of the artwork for over ten years, along with his payment of maintenance costs during that period, clearly fell within the scope of Article 1 of Protocol No. 1. Regarding the formalization of ownership rights, the Court observed that the Italian authorities took no action for five years after learning of the sale to Beyeler; instead, they remained passive, leaving the actual owner in a state of legal uncertainty. The fact that the authorities took action despite knowing the work had been sold for a substantial sum indicates an intent to secure unjust enrichment.

The significance of this precedent can be summarized as follows:

– Authorities must act in a timely and lawful manner when notified of a disputed situation. Actions similar to those taken in the Beyeler case would constitute bad faith in a legal sense.

– If a foreign investor invests in an asset and the State, through inaction or specific actions, creates the impression that there is no issue, the investor holds legitimate expectations of benefit that are protected on a par with the right to property.

– The fact that an object constitutes an item of cultural heritage, or falls into another special category, cannot justify a departure from the general rule.

Conclusion

The ECtHR does not seek to replace private international law with a unified system of human rights protection. Instead, it has assumed a more limited yet significant role: ensuring that the application of private international law rules remains compatible with the fundamental rights guaranteed by the Convention.

This does not mean that human rights automatically prevail over every rule of private international law. Rather, the Court's jurisprudence demonstrates a process of mutual reconciliation. Private international law continues to pursue the goals of international cooperation, predictability, and legal certainty, while the Convention requires that these goals be achieved in ways compatible with individual rights. Consequently, the future development of European private international law will increasingly depend on a dialogue among national courts, the Court of Justice of the European Union, the European Court of Human Rights, the Hague Conference on Private International Law, and other international institutions. The key conclusion is that sources of private international law have become a significant element of the legal environment in which the ECtHR operates, while the Court's case law has become a major factor constraining the development of private international law regarding human rights protection and influencing its interpretation.

Список источников/References:

1. Pellegrini v Italy, no. 30882/96, 20 July 2001.
2. Neulinger and Shuruk v Switzerland [GC], No. 41615/07, 6 July 2010.
3. X v Latvia [GC], no. 27853/09, 26 November 2013.
4. Mennesson v. France, no. 65192/11, 26 June 2014.
5. Beyeler v Italy, no. 33202/96, 5 January 2000.

Статья поступила в редакцию 27.09.26;
одобрена после рецензирования 30.09.26;
принята к публикации 30.09.26.

The article was submitted 27.09.26;
approved after reviewing 30.09.26;
accepted for publication 30.09.26.

Евразийская адвокатура. 2026. № 4 (81). С. 133.
Eurasian Advocacy. 2026;(4(81)):133.

Актуальные проблемы юридической науки и практики

Научная статья
УДК 347.9, 343.148, 347.948
doi 10.52068/2304-9839_2026_81_4_133

ДЕКОМПОЗИЦИЯ ПРОЦЕССА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НА СОСТАВЛЯЮЩИЕ ПО МОДЕЛИ: ЦЕЛЬ, ОБЪЕКТ, ПРЕДМЕТ, ЗАДАЧИ

ЕСЬКОВ Александр Александрович
Судебный эксперт, сотрудник ООО «Кадастровая оценка и экспертиза»
628601, г. Нижневартовск, ул. Ханты-Мансийская, д. 2, стр. 1, оф. 213, Российская Федерация
МОШКИНА Ирина Викторовна
Судебный эксперт, сотрудник ООО «Кадастровая оценка и экспертиза»
628601, г. Нижневартовск, ул. Ханты-Мансийская, д. 2, стр. 1, оф. 213, Российская Федерация

Аннотация: Предложена четырехуровневая структурно-логическая модель судебной экспертизы «цель → объект → предмет → задачи», основанная на телеологии Аристотеля, фальсифицируемости Поппера и схеме Гемпеля. Цель экспертизы определена как содействие правосудию путем получения достоверных фактических данных с применением специальных знаний. Модель учитывает состязательные права сторон и обосновывает потребность в формализованных критериях научной допустимости в сравнении со стандартами Daubert. Введено шесть категорий «шумов» (полисемия, когнитивные искажения, иллокутивное рассогласование и др.), соотнесенных с процессуальными последствиями. Предложена основа для отраслевых чек-листов.

Ключевые слова: судебная экспертиза, структурно-логическая модель, декомпозиция экспертного исследования, цель судебной экспертизы, «шумы» экспертизы, когерентность экспертного заключения, научная допустимость доказательств, когнитивные искажения эксперта, процессуальные последствия дефектов заключения, телеология экспертной деятельности, фальсифицируемость экспертного знания

Для цитирования: Еськов А.А., Мошкина И.В. Декомпозиция процесса судебной экспертизы на составляющие по модели: цель, объект, предмет, задачи // Евразийская адвокатура. 2026. № 4 (81). С. 133. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_81_4_133

Current Problems of Legal Science and Practice

Original article

DECOMPOSITION OF THE FORENSIC EXAMINATION PROCESS INTO COMPONENTS ACCORDING TO THE MODEL: PURPOSE, OBJECT, SUBJECT, TASKS

ESKOV Aleksandr Aleksandrovich
Forensic Expert, employee of LLC «Cadastral Valuation and Expertise»
628601, Nizhnevartovsk, Khanty-Mansiyskaya St., 2, building 1, office 213, Russian Federation
MOSHKINA Irina Viktorovna
Forensic Expert, employee of LLC «Cadastral Valuation and Expertise»
628601, Nizhnevartovsk, Khanty-Mansiyskaya St., 2, building 1, office 213, Russian Federation

Abstract: A four-level structural model of forensic examination – «goal → object → subject → tasks» – is proposed, grounded in Aristotle's teleology, Popper's falsifiability, and Hempel's scheme. The examination purpose is defined as facilitating justice through reliable factual data using specialised knowledge. The model accounts for adversarial rights of the parties and identifies a gap in Russian law regarding scientific admissibility, benchmarked against Daubert. Six «noise» categories – polysemy, cognitive bias, illocutionary misalignment, and others – are mapped to procedural consequences. The model is a coherence-verification tool and a foundation for sector-specific checklists.

Keywords: forensic examination, structural-logical model, decomposition of expert examination, purpose of forensic examination, forensic examination noise, coherence of expert report, scientific admissibility of evidence, cognitive bias in expert testimony, procedural consequences of expert report defects, teleology of expert activity, falsifiability of expert knowledge

© Еськов А.А., Мошкина И.В., 2026 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC BY).

For citation: Eskov A.A., Moshkina I.V. Decomposition of the Forensic Examination Process into Components According to the Model: Purpose, Object, Subject, Tasks = Eurasian Advocacy. 2026; 4 (81):133. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_81_4_133

Актуальность проблемы: Судебная экспертиза является основным процессуальным способом получения доказательств, основанных на специальных научных знаниях. Вместе с тем российское процессуальное законодательство (ГПК РФ, АПК РФ, УПК РФ, КАС РФ, Федеральный закон № 73-ФЗ (далее – ФЗ-73)) не содержит формализованной процедуры судебной проверки научной обоснованности заключения эксперта: контроль качества фактически делегирован руководителю экспертной организации и носит ведомственный характер. Это порождает асимметрию специальных знаний между судом и экспертом. Дополнительным фактором уязвимости является терминологическая размытость базовых категорий: в ходе исследования выявлено 57 доктринальных дефиниций понятия «цель судебной экспертизы». Существующие инструменты процессуального контроля – допрос эксперта, привлечение специалиста, назначение дополнительной/повторной экспертизы, внесудебное рецензирование – лишены единой методологической основы. Тем самым возникает потребность в разработке системного методологического инструмента, функционально сопоставимого с зарубежными стандартами допустимости экспертного знания (Frye/Daubert, Rule 702 FRE), но реализуемого в рамках действующего российского процессуального поля.

Цель и задачи исследования: Цель исследования – разработка системного подхода к декомпозиции процесса судебной экспертизы на основе модели «цель → объект → предмет → задачи» и его сопоставление с зарубежными стандартами допустимости экспертного знания (Frye/Daubert, Rule 702 FRE).

Для достижения цели поставлены и решены следующие задачи:

1) провести системный анализ доктринальных дефиниций понятия «цель судебной экспертизы» и сформулировать авторскую дефиницию, согласованную со ст. 9 ФЗ-73;

2) построить базовую структурно-логическую схему ядра «цель – объект – предмет – задачи» с описанием направленных связей;

3) сформировать контур внешних и внутренних факторов, влияющих на процесс экспертизы;

4) выделить методологические конструкты экспертизы (гипотеза, метод, контекст, формат, критерии валидности, роль эксперта);

5) классифицировать факторы искажения экспертных выводов («шумы») и установить их соответствие процессуальным последствиям;

6) провести функциональное сопоставление модели со стандартами Frye/Daubert и Rule 702 FRE;

7) сформулировать предложения по практическому применению модели в рамках действующего процессуального законодательства РФ.

Методы исследования: Методологическую основу исследования составили общенаучные методы: анализ и синтез нормативных правовых актов, материалов судебной практики и доктринальных источников; системно-структурный метод (построение направленных диаграмм связей); моделирование (графовые модели внутренней когерентности и шумовых воздействий); метод аналогии (функциональное сопоставление с критериями Frye/Daubert и Rule 702 FRE).

Использован формально-юридический метод для интерпретации норм ГПК РФ, АПК РФ, УПК РФ, КАС РФ и Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ.

Теоретико-методологическую базу составили концепции: телеологии и онтологии предмета (Аристотель), индуктивно-эмпирического метода (Бэкон, Галилей), фальсифицируемости (Поппер), дедуктивно-номологического объяснения (Гемпель), интенциональности (Гуссерль), языковых игр и семейных сходств (Витгенштейн), теории речевых актов (Остин, Серль), когнитивных искажений (Канеман, Тверски), а также эпистемологические концепции Ч. Пирса, Т. Куна, И. Лакатоса и др.

Основные результаты:

1. Разработана четырехуровневая модель декомпозиции судебной экспертизы:

Уровень 1 – базовое ядро «цель – объект – предмет – задачи» с девятью направленными связями;

Уровень 2 – контур внешних и внутренних факторов воздействия на процесс экспертизы;

Уровень 3 – методологические конструкты (гипотеза, метод, контекст, формат, критерии валидности, роль эксперта);

Уровень 4 – шесть категорий «шумов»: скрытые намерения, терминологическая полисемия, эпистемологический шум, противоречивость/избыточность, иллокутивное рассогласование, когнитивные искажения.

2. Сформулирована авторская дефиниция цели судебной экспертизы на основе обобщения 57 доктринальных определений, согласованная со ст. 9 ФЗ-73.

3. Установлено соответствие между типом искажения и процессуальными последствиями:

деформация цели → основание для отвода эксперта (ст. 18 ФЗ-73, ст. 18 ГПК РФ);

размывание объекта → утрата относимости (ст. 59 ГПК РФ, ст. 67 АПК РФ);

искажение предмета → утрата допустимости (ст. 60 ГПК РФ, ст. 68 АПК РФ, ст. 75 УПК РФ);

дефекты задач → назначение дополнительной либо повторной экспертизы (ст. 87 ГПК РФ, ст. 87 АПК РФ, ст. 207 УПК РФ).

4. Показано, что российское процессуальное законодательство не содержит формализованных критериев научной обоснованности (тестируемость, известная погрешность, рецензирование, общепризнанность), кодифицированных в стандарте Daubert (Rule 702 FRE) и предшествующем ему стандарте Frye. Предложенная модель функционально восполняет указанный пробел в пределах действующих процессуальных полномочий суда.

Практическое значение: Предложенная модель может применяться:

– судьями – как методическая контрольная карта для экспресс-оценки внутренней когерентности экспертного заключения на стадиях назначения экспертизы и оценки доказательства;

– сторонами процесса – как инструмент аргументации при заявлении ходатайств об отводе эксперта, о признании заключения неотносимым или недопустимым, о назначении дополнительной либо повторной экспертизы;

– экспертами и руководителями экспертных организаций – как методическая основа внутренней верификации заключений;

– разработчиками методик – как каркас для отраслевых чек-листов (строительно-техническая, автотехническая, судебно-экономическая и иные виды экспертиз).

Модель позволяет своевременно выявлять скрытые намерения, терминологическую полисемию, эпистемологический шум, противоречивость и избыточность выводов, иллокутивное рассогласование и когнитивные искажения. Ее внедрение не требует изменения законодательства и может быть осуществлено посредством разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, а также через включение в образовательные программы подготовки экспертов и судей.

Заключение: Разработанная четырехуровневая модель декомпозиции судебной экспертизы по схеме «цель → объект → предмет → задачи» обеспечивает внутреннюю когерентность процесса и позволяет систематизированно выявлять факторы искажения экспертных выводов («шумы»). Установлено однозначное соответствие между типом искажения и процессуальными последствиями (отвод эксперта, утрата относимости либо допустимости, назначение дополнительной/повторной экспертизы).

Научная новизна исследования состоит в формализации авторской дефиниции цели судебной экспертизы (на базе обобщения 57 доктринальных определений) и в построении функционального аналога стандарта Frye/Daubert (Rule 702 FRE), реализуемого без внесения изменений в процессуальное законодательство РФ.

Ограничения исследования. Модель отражает структурно-методологическую, а не содержательную сторону экспертизы и требует доменной детализации применительно к каждому виду экспертиз.

Перспективы дальнейших исследований:

1) эмпирическая верификация модели на массиве судебных актов;

2) разработка текстовых маркеров каждой категории «шумов» для целей автоматизированной проверки;

3) адаптация модели к алгоритмическим и AI-методам экспертного исследования;

4) подготовка предложений de lege ferenda о законодательном закреплении критериев научной допустимости экспертного заключения.

Основная часть исследования: Судебная экспертиза как процессуальный способ получения доказательств зарекомендовала себя надежным источником информации о предмете спора. Институт экспертизы развивался на протяжении многих десятилетий во всех основных правовых системах и сегодня используется судебными органами большинства стран мира. В России процесс производства регламентируется Федеральным законом от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [85]. Вместе с тем, при общепризнанной надежности этого источника фактических данных, нормативная процедура проверки именно научной обоснованности заключения в российском судопроизводстве системно не формализована и полностью возложена на руководителя экспертной организации, что и определяет актуальность настоящего исследования.

Анализ существующих подходов показывает, что инструмент судебной экспертизы не имеет принципиальных отличий от иных доказательственных инструментов в части требований к относимости, допустимости и достоверности – ст. 67, 68 АПК РФ [64], ст. 59, 60 ГПК РФ [73], ст. 88 УПК РФ [84], ст. 60, 61 КАС РФ [74]. Его отличительной чертой является асимметрия специальных знаний между судом и экспертом: суд не обладает специальными знаниями в той мере, в какой ими располагает эксперт, накапливающий профессиональный опыт десятилетиями (ст. 8, 25 73-ФЗ; ст. 85, 86 ГПК, ст. 55, 86 АПК, ст. 57, 204 УПК, ст. 49, 82 КАС РФ). Именно эта асимметрия делает обращение к экспертизе процессуально необходимым.

Одновременно суд несет самостоятельную ответственность за оценку относимости и допустимости доказательств и реализует свое право на формирование цели экспертизы – ст. 82 АПК, ст. 79 ГПК, ст. 80, 195, 196 УПК, ст. 77 КАС, – при сохранении за сторонами права предлагать вопросы и заявлять отводы эксперту и самоотводы (ст. 12, 18, 19 ГПК, ст. 9, 23, 24 АПК, ст. 70, 243, 244 УПК, ст. 7, 14, 33, 149 КАС). По результатам анализа судебной практики, суды, как правило, не отклоняют существа вопросов сторон, но переформулируют их в более точной и юридически выверенной форме.

Сложившаяся асимметрия требует наличия у суда и сторон структурно-логических инструментов экспресс-проверки как самой постановки вопросов перед экспертом так и результатов заключения после его получения. Действующее процессуальное законодательство предусматривает такие инструменты: допрос эксперта (ст. 187 ГПК, ст. 86 АПК, ст. 282 УПК, ст. 168 КАС), привлечение специалиста (ст. 188 ГПК, ст. 87.1 АПК, ст. 58 УПК, ст. 50 КАС), назначение дополнительной или повторной экспертизы (ст. 87 ГПК, ст. 87 АПК, ст. 207 УПК, ст. 83 КАС), внесудебное рецензирование.

Однако перечисленные инструменты лишены единой методологической основы: вопросы, формулируемые судом, нередко характеризуются терминологической размытостью, допускают разногласия в толковании и эклектичны по отношению к отрасли специальных знаний, что делает результат экспертизы уязвимым для оспаривания.

В ходе исследования авторами выявлено 57 дефиниций понятия «цель судебной экспертизы» [64–85], в значительной мере разнородных по содержащимся в них качественным признакам, что не позволяет обеспечить единое научное основание анализа. В целях формирования связного методологического аппарата предложена следующая авторская дефиниция, согласующаяся со ст. 9 73-ФЗ: «Цель судебной экспертизы – содействие правосудию путем получения в установленной процессуальным законом форме достоверных фактических данных, независимых от рода, вида и методов исследования, с применением специальных научных знаний, и имеющих значение для юридического спора или установления обстоятельств уголовного, гражданского либо административного дела».

С учетом изложенного и опираясь на уровень целостности предложенного определения, целью настоящей работы является представление варианта системного подхода к пониманию процессов судебной экспертизы на основе модели «цель (Purpose/Objective) → объект (Material/Evidence) → предмет (Subject of examination) → задачи (Tasks/Procedures)» и ее сопоставление с принятыми в зарубежной практике стандартами допустимости экспертного знания. Такой подход предоставляет суду и сторонам инструмент верификации необходимых и излишних условий при постановке вопросов перед экспертом.

Методологическая основа предлагаемой модели восходит к разработанной Аристотелем категории causa finalis (целевой причины) [3], развитой в XVII в. Ф. Бэконом [5] и Г. Галилеем [8] и оформленной в современном виде К. Поппером [39] и К. Гемпелем [10] в XX в. В процессуальной плоскости принцип целевой причины воплощен в требовании закона о наличии у экспертизы четко выраженной цели как условия ее допустимости (ст. 8, 9 73-ФЗ, ст. 79 ГПК, ст. 82 АПК, ст. 195–196 УПК, ст. 77 КАС), что и обосновывает использование указанной философско-методологической модели в качестве основы дальнейшего структурного анализа.

Исследование построим по правилу «от простого к сложному». На рисунке 1 представим минимальную нормативно-структурную модель внутренней когерентности экспертизы. В ее основе – четыре сущности, выделяемые как процессуальным законом, так и ст. 4, 8 73-ФЗ: Цель (формируемая судом – ст. 82 АПК, ст. 79 ГПК, ст. 80, 196 УПК, ст. 77 КАС), объект (материальный или информационный носитель следовой картины), предмет (искомые свойства, факты и причинно-следственные связи объекта) и задачи (последовательность методически обеспеченных действий эксперта).

Связи между сущностями представлены направленными ребрами; обратные связи к «Цели» намеренно исключены, так как цель является процессуально заданной извне (судом) и не подлежит автономной коррекции экспертом (ст. 16 73-ФЗ, ст. 82 АПК, ст. 85 ГПК).

С другой стороны, влияние специализированных участников на предмет экспертного исследования реализуется через многоступенчатый механизм обратной связи.

На стадии назначения это осуществляется через консультативную помощь специалиста в формулировании научно обоснованных задач (ст. 188 ГПК, ст. 87.1 АПК, ст. 169 КАС, ст. 58 УПК).

На стадии производства эксперт, обладая процессуальной самостоятельностью, может инициировать уточнение задач через ходатайства (ст. 85 ГПК, ст. 55 АПК, ст. 49 КАС, ст. 57 УПК) или осуществлять смысловую адаптацию вопросов в соответствии с ведомственными инструкциями (п. 20 Приказа Минюста № 404, п. 30 Приказа МВД № 511).

Кульминацией такого влияния является экспертная инициатива, позволяющая эксперту самостоятельно расширять границы исследования, отвечая на юридически значимые, но фактически не поставленные перед ним вопросы (ст. 86 ГПК/АПК, ст. 82 КАС, ст. 204 УПК).

Рис. 1. Структурные связи между сущностями «Цель», «Объект», «Предмет», «Задачи» экспертизы

1. ЦЕЛЬ: Содействие правосудию путем получения в установленной процессуальным законом форме достоверных фактических данных, независимых от рода, вида и методов исследования, с применением специальных научных знаний и имеющих значение для юридического спора или установления обстоятельств уголовного, гражданского либо административного дела. Формируется судом (следствием) в виде конкретного процессуального вопроса; задает начальную точку и границы развертывания экспертной процедуры.

2. ОБЪЕКТ: Объект есть материальный или информационный субстрат (Аристотель: hypokeimenon – «подлежащее» [1]), обладающий собственной онтологической самостоятельностью. Он существует до и вне экспертизы; экспертиза лишь обращается к нему. Объект есть носитель свойств, лишь часть которых станет предметом. Свойства, вытекающие из сущности: эмпирическая данность, ограниченная пригодность, избыточная полнота свойств (объект всегда «больше» того, что в нем исследуется). Связи как производные. Из природы объекта как носителя свойств следует, что он по своей сущности способен «отдавать» отдельные свойства предмету (отношение части и целого) и «принимать» исследовательские действия задач (отношение субстрата и операции).

Пример: Кровельное покрытие многоквартирного дома есть материальный объект, существующий независимо от экспертизы. Его сущность – носитель множества свойств: геометрии уклонов, состава пирога, состояния гидроизоляции, мест примыканий. Из этой сущности (полнота свойств) вытекает, что предметом может стать любая подгруппа свойств (например, только герметичность примыканий к парапетам), а задачами – только те действия, которые физически применимы к данному субстрату (вскрытие, тепловизионная съемка).

3. ПРЕДМЕТ: Предмет есть интенциональный срез объекта (Гуссерль: noema как предмет в его данности сознанию [21]; Гегель: Gegenstand – «противопоставленное» [9]). Это не материя, а искомая структура свойств и причинно-следственных связей, имеющая идеальный характер. Свойства, вытекающие из сущности: идеальность (предмет не существует без познающего отношения), избирательность, концептуальная нагруженность, методологическая зависимость от научной дисциплины. Связи как производные. Природа предмета как интенционального среза с необходимостью предполагает наличие материального субстрата (объекта), от которого он отделен абстракцией, и системы операций (задач), которыми он постигается. Пример: При экспертизе той же кровли предметом является структура причинно-следственной связи между конкретными нарушениями технологии устройства гидроизоляции и фактом протечек в квартиры верхних этажей. Эта структура существует не в кровле как таковой, а в концептуальной плоскости – она конституируется специальными знаниями эксперта о СП 17.13330.2017 [47]. Из ее природы (идеальная структура связей) следует, что ее можно установить только через определенную совокупность задач, и нельзя – путем простого осмотра.

4. ЗАДАЧА: Задача есть операциональная единица деятельности (неокантианская методология – Риккерт [43], Кассирер [27]: операционализация как способ перевода идеального предмета в плоскость действий). Ее природа – методически нормированное действие с заранее заданным результатом-минимумом. Свойства, вытекающие из сущности: дискретность, проверяемость, методическая обеспеченность, конечность, воспроизводимость. Связи как производные. Поскольку задача по своей сущности есть нормированное действие, она с необходимостью требует: предмета приложения (предмет), материала приложения (объект) и инструмента приложения (метод). Эти связи следуют из самой природы операционального действия, а не наоборот. Пример: Задача «выполнить инструментальный замер прогиба железобетонной плиты перекрытия с шагом измерений 0,5 м с помощью лазерного нивелира» есть операциональная единица: она конечна, воспроизводима, методически нормирована (СП 13-102-2003 [45]). Из самой ее природы как нормированного действия вытекает ее способность подключаться к предмету (выявить отклонение от проектного положения), к объекту (плита), к методу (геометрическое нивелирование).

Описание ребер диаграммы рисунка 1 приведем с указанием юридического основания каждой связи [2, 4, 23, 29, 34, 54]:

1. ЦЕЛЬ → ОБЪЕКТ (определяет границы (1–2)). Тезис: первичный онтологический фильтр. Норматив: ст. 85 ГПК РФ; ч. 4 ст. 55 АПК РФ; п. 1 ст. 16 73-ФЗ. Описание: цель задает направление познания, и именно из нее эксперт выводит круг материальных носителей, способных содержать искомые фактические данные. Не цель порождает объект, а объект «отбирается» под цель. Роль в модели: экзистенциальный фильтр (есть ли вообще пригодный носитель). Пример: цель – установить причину образования сквозных трещин в наружной стене жилого дома по ул. Лесной, д. 12. Объект – фрагмент кирпичной кладки в осях 3–5, фундамент и прилегающий грунт основания.

2. ЦЕЛЬ → ПРЕДМЕТ (конкретизируется через (1–3)). Тезис: семантическое сужение цели до искомого факта. Норматив: ст. 8 73-ФЗ (полнота и научная обоснованность). Описание: цель преобразуется в конкретное свойство, признак или факт, подлежащий установлению. При одной цели возможны разные предметы – выбор предмета фиксирует исследовательскую гипотезу. Роль в модели: концептуальный фильтр. Пример: Цель – установить причину трещин в стене. Предметы могут быть разными: (а) механизм деформации основания (просадка/пучение), (б) качество кирпичной кладки и раствора, (в) последствия динамической нагрузки от соседнего строительства.

3. ЦЕЛЬ → ЗАДАЧИ (декомпозируется на (1–4)). Тезис: операционализация цели. Норматив: ст. 8, ст. 16 73-ФЗ; ст. 86 ГПК / АПК; ст. 204 УПК РФ. Описание: цель разлагается на конечный набор методически обеспеченных, проверяемых действий эксперта. Роль в модели: декомпозиция. Пример: цель – установить причину трещин – раскладывается на задачи: визуально-инструментальное обследование, шурфование фундаментов, поверочный расчет несущей способности, лабораторное определение прочности кирпича и раствора по ГОСТ 8462-85 [17].

4. ОБЪЕКТ → ПРЕДМЕТ (содержит в себе (2–3)). Тезис: объект как носитель шире предмета. Норматив: п. 1 ст. 16 73-ФЗ; ст. 67 АПК РФ (относимость). Описание: объект несет всю следовую картину; предмет вычленяет необходимые и достаточные ее свойства. Роль в модели: предмет как «вырезка» из объекта. Пример 1: объект – узел опирания плиты перекрытия на ригель; внутри него потенциальные предметы: (а) геометрия фактической площадки опирания, (б) прочность бетона ригеля, (в) наличие или отсутствие

закладной детали по проекту. Пример 2: объект: намокшая и деформированная обшивка гипсокартона в квартире. Потенциальные предметы внутри этого объекта: а) механизм и давность образования высолов (быстрое или длительное намокание); б) направление распространения влаги (сверху вниз или горизонтально); в) химический состав водного экстракта как индикатор типа воды.

5. ОБЪЕКТ → ЗАДАЧИ (упорядочивает пространство действий (2–4)). Тезис: эмпирическая доступность как граница задач. Норматив: п. 1 ст. 16 73-ФЗ (запрет на исследование при невозможности). Описание: объект задает реализуемость задач: задачи должны быть физически выполнимы в его границах и предполагать описание и демаркацию самого объекта. Роль в модели: подготовительный (контурный) фильтр. Пример: объект – обрушившаяся подпорная стенка длиной 18 м. Задачи, диктуемые объектом: установить геометрию обрушения, выделить фрагменты для отбора образцов, определить зоны, недоступные для прямых измерений (необходимость геодезической съемки).

6. ПРЕДМЕТ → ОБЪЕКТ (ограничивает исследовательский фокус (3-2)). Тезис: предмет как фильтр относимости. Норматив: ст. 59 ГПК РФ; ст. 67 АПК РФ. Описание: сформулированный предмет определяет, какие именно свойства объекта подлежат анализу; посторонние дефекты остаются без углубленной оценки. Роль в модели: фильтр следовой картины. Пример: объект – потолок квартиры с пятном и старой усадочной трещиной. Предмет – механизм и давность образования увлажнения от залива 10.05.2026. Эксперт описывает пятно и его связь с заливом, но не исследует усадочную трещину, образовавшуюся двумя годами ранее.

7. ПРЕДМЕТ → ЗАДАЧИ (определяет состав (3–4)). Тезис: предмет как генератор задач. Норматив: ст. 8 73-ФЗ. Описание: предмет предопределяет состав, характер и методическую базу задач; смена предмета меняет всю систему задач. Роль в модели: «верхний» драйвер задач. Пример: предмет – траектория и эпизодичность распространения влаги по плите перекрытия. Задачи: изучение наслоений по площади, измерение влажности игольчатым влагомером по сетке, морфологический анализ границ зон увлажнения. Химический состав воды здесь нерелевантен.

8. ЗАДАЧИ → ОБЪЕКТ (процессуально формализуют (4–2)). Посредством задач объект переводится из «материального носителя с невыявленными признаками» в «источник верифицируемых данных», т.е. в процессуально значимое доказательство (ст. 86 ГПК, ст. 86 АПК, ст. 204 УПК РФ – требования к заключению эксперта). Целесообразно различать три подэтапа задач: фиксацию, исследование и интерпретацию. Тезис: перевод объекта в доказательство. Норматив: ст. 86 ГПК РФ, ст. 86 АПК РФ, ст. 204 УПК РФ. Описание: через задачи (фиксация → исследование → интерпретация) объект из «материального носителя с невыявленными признаками» становится источником верифицируемых данных, т.е. процессуальным доказательством. Роль в модели: процессуальная актуализация. Пример: Объект – фрагмент железобетонной перемычки со сколом. Задачи: фотофиксация по правилам криминалистической съемки, отбор кернов, лабораторное определение класса бетона по ГОСТ 28570-2019 [17] – переводят объект в доказательственный материал.

9. ЗАДАЧИ → ПРЕДМЕТ (направлены на раскрытие (4–3)). Тезис: необходимость и достаточность задач для предмета. Норматив: ст. 8 73-ФЗ (принцип полноты). Описание: совокупность задач должна быть необходимой и достаточной для раскрытия предмета. Задачи, не раскрывающие предмет, подлежат исключению как нерелевантные; недостающие – восполнению, в том числе через ходатайство эксперта. Роль в модели: замыкание цикла «предмет ↔ задачи». Пример: предмет – соответствие фактически выполненных монолитных работ проекту. Достаточная совокупность задач: проверка геометрии конструкций, проверка армирования магнитометром, контроль класса бетона. Включение задачи «определение теплопроводности утеплителя кровли» избыточно и подлежит исключению.

Анализ диаграммы рисунка 1 показывает, что внутренняя целостность рабочей области эксперта соблюдена:

А) Цель формируется судом, поэтому из нее исходят только выходящие ребра (ст. 82 АПК, ст. 79 ГПК, ст. 80, 196 УПК, ст. 77 КАС);

Б) Сущности объект, предмет, задачи имеют по одному входящему ребру от «Цели» и попарно связаны прямыми и обратными ребрами между собой, что обеспечивает взаимную верифицируемость.

Данная диаграмма позволяет суду при оценке шагов в заключении эксперта последовательно проверить:

1. Относимость избранного объекта целям, поставленным судом (ст. 67 АПК, ст. 59 ГПК, ст. 88 УПК, ст. 60 КАС);

2. Процессуальную корректность декомпозиции цели на задачи и их методическую обеспеченность (ст. 8 73-ФЗ);

3. Адекватность предмета поставленным целям;

4. Полноту и достаточность задач для раскрытия предмета (ст. 87 ГПК, ст. 87 АПК, ст. 207 УПК – основание для назначения дополнительной или повторной экспертизы при дефектах внутренней когерентности).

Таким образом, диаграмма выполняет роль формализованного чек-листа проверки внутренней когерентности заключения, частично восполняя отсутствие в российском праве процедур, аналогичных стандартам Frye и Daubert.

Однако описанная модель отражает лишь внутреннюю когерентность экспертизы. Ее процессуальная состоятельность обеспечивается не только корректным построением, но и правом участников процесса оспорить как назначение, технологию проведения, так и результаты экспертизы.

Это право реализуется через:

– институт отводов и самоотводов эксперта (ст. 8, 23, 24, 41, 82 АПК; ст. 18, 19, 35, 79 ГПК; ст. 70, 198 УПК; ст. 14, 33, 34 КАС);

– гарантии независимости эксперта (ст. 7 73-ФЗ) и его обязанность отказаться от исследования при отсутствии специальных знаний или непригодности объекта (ст. 16, 17 73-ФЗ);

– назначение дополнительной или повторной экспертизы при неполноте, неясности или противоречивости заключения (ст. 87 ГПК, ст. 87 АПК, ст. 207 УПК, ст. 83 КАС);

– рецензирование заключения, представляемое сторонами как письменное доказательство (ст. 71 ГПК, ст. 75 АПК).

Тем самым закон утверждает экспертизу как открытое доказательство, подверженное процессуальному контролю на всех этапах ее жизненного цикла.

Из изложенного следует, что производство экспертизы протекает в условиях состязательности сторон (ст. 9 АПК, ст. 12 ГПК, ст. 15 УПК, ст. 14 КАС) и подвержено воздействию факторов внешней среды, способных как искажать, так и обогащать ее результаты. Эти факторы целесообразно сгруппировать следующим образом:

1. Процессуальные: действия суда и сторон, объем и формулировка вопросов, представляемые материалы;

2. Организационные: экспертное учреждение, квалификация и нагрузка эксперта, сроки;

3. Информационные: доступная нормативная и научная база, ранее проведенные исследования;

4. Психологические и когнитивные: установки, предвзятость, давление;

5. Иные – открытый перечень, обусловленный конкретной ситуацией.

Учет совокупности этих факторов требует расширения исходной модели рисунка 1 за счет узлов внешних и внутренних воздействий, что будет представлено далее в виде рисунка 2 и сформирует основу для функции суда как «привратни-

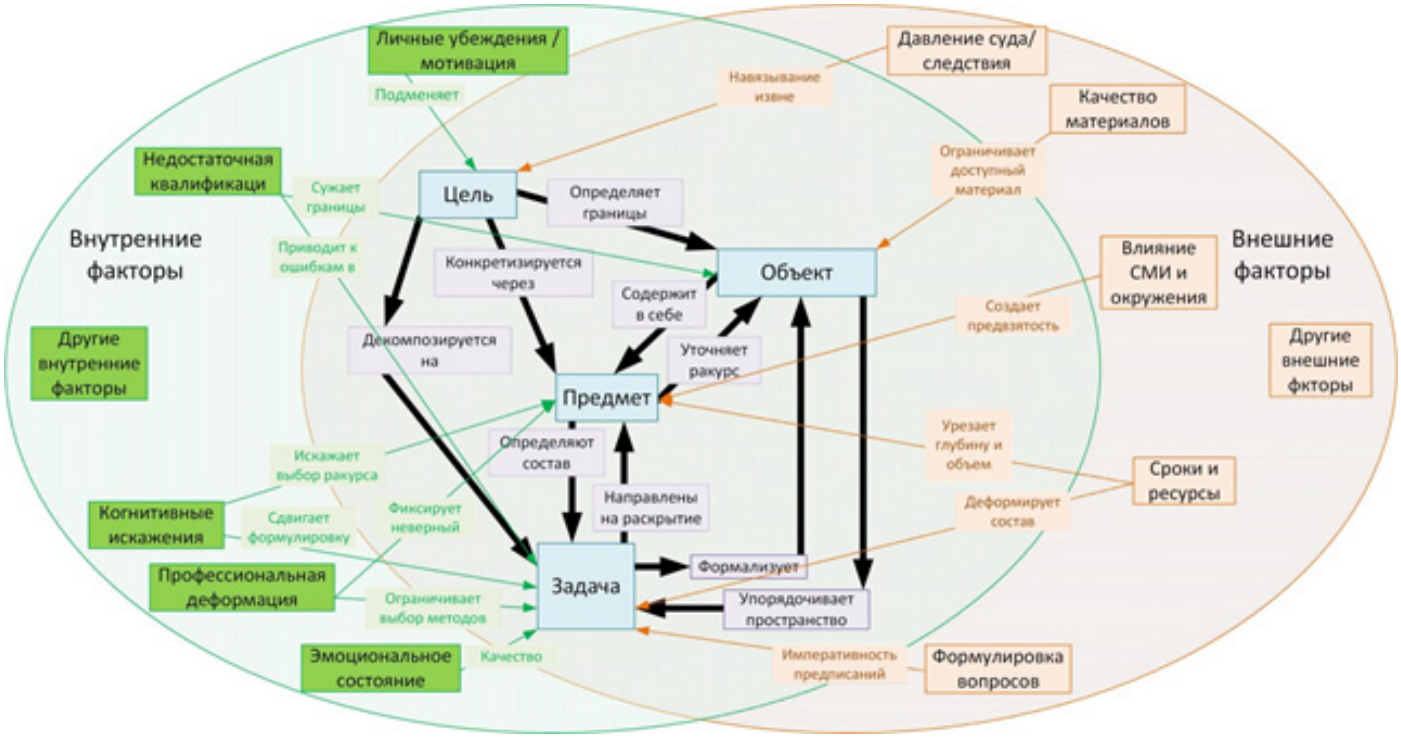


Рис. 2. Внешние и внутренние факторы, влияющие на назначение и производство экспертизы

ка» (gatekeeper) в смысле, развитом в стандартах Frye и Daubert [11, 55].

Влияние этих внешних факторов покажем путем расширения рисунка 1 на узлы, соответствующие внешним и внутренним воздействиям до рисунка 2. Для соотнесения структурных позиций наложим узлы (из рисунка 1 и новые) в пространстве диаграммы Венна, на которой в области пересечения отобразим показанное из указанного графа. Список факторов оставляется открытым (узлы «другие»), что соответствует принципу свободы оценки доказательств судом (ст. 67 ГПК, ст. 71 АПК, ст. 17 УПК).

Схема на рис. 2 очерчивает социально-процессуальное пространство производства экспертизы, но не позволяет выявить конкретные содержательные дефекты заключения. Это обусловлено особенностями российского процессуального регулирования: заключение эксперта является самостоятельным видом доказательства, фиксируемым в письменной форме с обязательными реквизитами, а проверка экспертизы судом и сторонами осуществляется преимущественно по тексту заключения и материалам допроса эксперта. Иначе говоря, единственный объективируемый канал контроля качества – это текст. Следовательно, инструмент анализа должен переводить факторы рис. 2 в признаки, фиксируемые в тексте заключения и в стенограмме допроса. Для этого необходимо опереться на фундаментальные принципы методологии научного исследования, верифицируемые по документу.

Переход от рис. 2 к рис. 3 представляет собой не замену, а двухуровневое расширение: на первом уровне (узлы 5–10) ядро рис. 1 дополняется методологическими конструктами, на втором (узлы 11–16) социально-процессуальные факторы рис. 2 переинтерпретируются как коммуникативно-эпистемические искажения текста заключения – «шумы» в терминологии теории информации (К. Шеннон [62], Д. Канеман, О. Сибони, К. Санстейн [25]) и поведенческой эпистемологии.

К методологическим конструктам отнесены: гипотеза (hypothesis), метод (Method/Methodology), контекст (Context/Case information), формат (Report format) (соотносится со ст. 25 ФЗ-73), критерии (Criteria for validity) (соотносится с факторами стандарта Daubert – testability, error rate, peer review, general acceptance [57, 58]), роль эксперта (Expert role) (соотносится с принципом независимости – ст. 7 ФЗ-73). К антишумовым механизмам относится также институт специалиста (ст. 188 ГПК, ст. 87.1 АПК, ст. 58 УПК) и рецензирования заключения (de facto существующий институт).

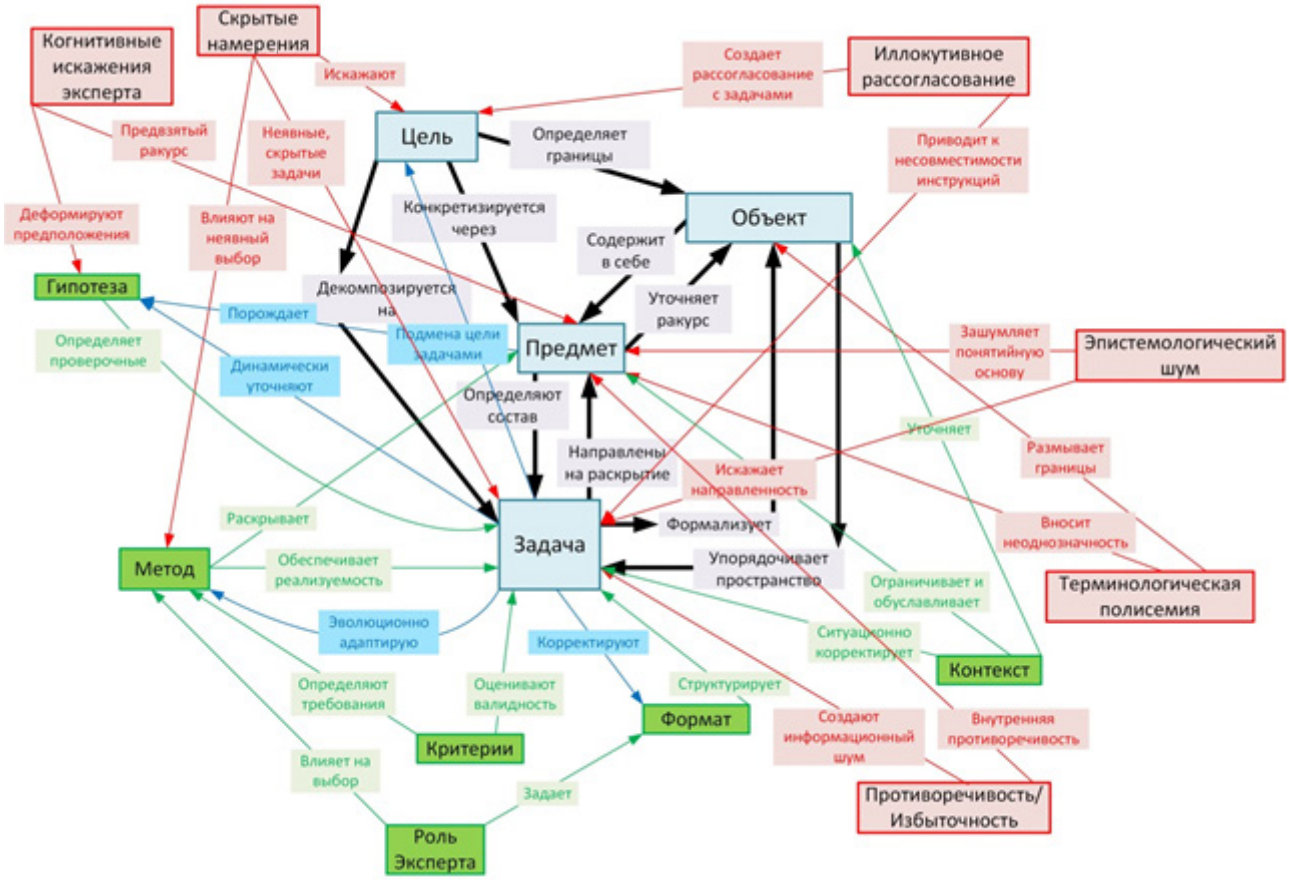


Рис. 3. Внешние и внутренние факторы проведения научного исследования, влияющие на производство экспертизы

При сопоставлении рис. 1 и рис. 3 обращаем внимание, что все четыре узла ядра («цель», «объект», «предмет», «задача»), а не только «цель», в расширенной модели имеют входящие шумовые воздействия:

– ЦЕЛЬ деформируется «скрытыми намерениями» (Hidden agendas / Expectation effects) и «иллокутивным рассогласованием» (Illocutionary misfit), что в процессуальной плоскости порождает основания для отвода эксперта (ст. 18 ФЗ-73) и постановки судом дополнительных вопросов (ст. 79 ГПК);

– ОБЪЕКТ размывается «терминологической полисемией» (Ambiguity), что ведет к утрате относимости доказательства (ст. 59 ГПК, ст. 67 АПК);

– ПРЕДМЕТ деформируется «эпистемологическим шумом» и «когнитивными искажениями» (Bias (confirmation, contextual)), что подрывает допустимость заключения (ст. 60 ГПК, ст. 68 АПК, ст. 75 УПК);

– ЗАДАЧА искажается «противоречивостью или избыточностью» (Inconsistency / Redundancy), что является фактическим основанием для назначения повторной или дополнительной экспертизы (ст. 87 ГПК, ст. 87 АПК, ст. 207 УПК).

Описанное расширение не требует изменения процессуального закона: оно реализуется в пределах диспозитивных полномочий суда по оценке доказательств (ст. 67 ГПК, ст. 71 АПК, ст. 17, 88 УПК РФ) и может быть имплементировано через разъяснения Пленума Верховного Суда РФ [82].

Представим описание дополнительных узлов рисунка 3.

Примечание. Связи между узлами 1–4 (цель, объект, предмет, задача) идентичны описанным для рис. 1 и здесь не повторяются. Ниже приведены только дополнительные и модифицированные связи (нумерация продолжена).

5. ГИПОТЕЗА: Гипотеза есть фальсифицируемое суждение (Поппер: «Logik der Forschung», 1934 – критерий демаркации [39]; Пирс: абдукция как тип вывода [38]). По своей природе – условное знание, формулируемое для проверки, обладающее статусом «еще-не-истины» и «еще-не-лжи». Свойства, вытекающие из сущности: проверяемость, конкретность, способность к опровержению, временность (гипотеза перестает быть гипотезой в момент верификации/фальсификации). Связи как производные. Природа Гипотезы как фальсифицируемого суждения требует предмета, относительно которого она высказана, и операций, способных ее проверить. Связи к предмету и задачам – не определение гипотезы, а следствие ее эпистемологической природы. Пример: Гипотеза «отслоение керамической плитки на полу санузла произошло вследствие нарушения подрядчиком технологии гидроизоляции основания (отсутствие грунтовки и нанесение клеевого слоя на влажную стяжку с влажностью более 4%)» обладает фальсифицируемой структурой по Попперу: она конкретна, проверяема, опровержима. Именно из этой природы (а не из связей) вытекает, что для ее проверки потребуются: вскрытие пола (задача), измерение влажности стяжки (метод), фотофиксация состояния клеевого слоя на тыльной стороне отслоившейся плитки.

6. МЕТОД: Метод есть кодифицированная процедура познания (Декарт: «Discours de la méthode» [22]; Бэкон: «Novum Organum» [5]; в современной науке – аттестованная и валидизированная методика). Его природа – нормативный порядок действий, обеспечивающий воспроизводимость результата. Свойства, вытекающие из сущности: нормативность, воспроизводимость, валидность, привязка к классу объектов, ограниченность области применения. Связи как производные. Из природы метода как нормативного порядка вытекает его способность связывать задачу с предметом (метод есть то, посредством чего задача добывает знание о предмете) и его подчиненность критериям (метод сам должен соответствовать стандартам валидности). Пример: метод тепловизионного обследования по ГОСТ Р 54852 [15] есть кодифицированная процедура: установлены требования к погрешности прибора, температурному перепаду между внутренним и наружным воздухом (не менее 15 °C), времени экспозиции. Эта внутренняя нормативность метода (а не его связи с другими узлами) и есть его сущность. Именно из нее вытекает, что метод применим к ограждающим конструкциям зданий, но непригоден, скажем, для оценки прочности бетона.

7. КОНТЕКСТ: Контекст есть герменевтический горизонт интерпретации (Гадамер: «Wahrheit und Methode», 1960 [7]; Витгенштейн: «языковые игры» как контекст значений [6]). Его природа – смысловое поле, в котором единичный факт обретает значение. Свойства, вытекающие из сущности: фоновость, неэксплицитность, изменчивость во времени, культурно-историческая обусловленность. Связи как производные. Поскольку Контекст по своей сущности есть горизонт смысла, он не может не охватывать собой и Объект, и Предмет, и Цель – это вытекает из самой его природы как «того, в чем» проходит исследование, а не результат внешнего связывания. Пример: при экспертизе здания, построенного

в 1957 г. по проекту серии I-447, контекстом выступает: действовавшая в момент строительства редакция СНиП II-А.10-57 (а не современный СП 70.13330 [49]); технология производства кирпича и раствора того времени; послевоенные ограничения на материалы. Этот герменевтический горизонт существует объективно и охватывает собой и сам объект, и сформулированный предмет – иначе оценка нынешней прочности кладки по современным нормативам окажется методологической ошибкой.

8. ФОРМАТ: Формат есть семиотический код результата (Лотман: вторичные моделирующие системы [33, 32]; ст. 25 73-ФЗ как нормативный код). Его природа – структура знаковой передачи, в которой содержание становится сообщением. Свойства, вытекающие из сущности: жесткая структурность, нормативная обязательность, инвариантность к содержанию. Связи как производные. Из природы Формата как семиотического кода вытекает его способность принимать на «вход» результат Задач и преобразовывать его в коммуницируемое суду сообщение. Эта связь не определяет формат, а вытекает из его кодовой природы. Пример: Локальный сметный расчет по форме № 4 (Приказ Минстроя № 421/пр) [36] есть знаковый код: фиксированные графы (шифр расценки, наименование работ, единица измерения, объем, прямые затраты, накладные расходы, сметная прибыль), обязательные итоговые строки. Эта внутренняя структура кода (а не его внешние связи) и составляет сущность формата – поэтому простое перечисление «нужно заменить обои – 200 000 руб.» не есть смета, даже если содержит верную сумму.

9. КРИТЕРИИ: Критерии есть внутренние нормы научной рациональности (Тарский: семантическая теория истины [52]; Лакатос: исследовательские программы и их «положительная эвристика» [31]; Кун: парадигма как набор стандартов оценки [30]). По своей природе – рефлексивные эталоны, посредством которых научное сообщество отличает знание от мнения. Свойства, вытекающие из сущности: надситуативность, интерсубъективность, исторически-парадигмальная зависимость, рефлексивность (критерии применимы и к самим себе). Связи как производные. Из природы критериев как рефлексивных эталонов вытекает их способность оценивать любой узел системы – метод, гипотезу, результат. Эта универсальность приложимости есть свойство самих критериев, а не отношение к ним «извне». Пример: Критерии валидности заключения по строительной экспертизе (использование аттестованной методики, поверенные приборы, репрезентативный объем вскрытий, фотофиксация с привязкой, ссылки на действующие СП и ГОСТ) суть не «требования к эксперту извне», а внутренние нормы профессиональной рациональности сообщества – именно поэтому одни и те же критерии применяет и эксперт при самопроверке, и рецензент при оценке заключения, и суд при оценке доказательства.

10. РОЛЬ ЭКСПЕРТА: Роль эксперта есть институциональный статус (Гофман: «The Presentation of Self in Everyday Life», 1959 [19]; Мертон: этос науки – CUDOS [35]). Ее природа – нормативно-предписанная позиция в социальной системе правосудия, наделяющая ее носителя определенными правами, обязанностями и пределами компетенции. Свойства, вытекающие из сущности: ограниченность компетенции, процессуальная независимость, ответственность (вплоть до уголовной – ст. 307 УК РФ), обязанность к беспристрастности.

Связи как производные. Из институциональной природы роли вытекает ее способность модифицировать применение Метода (только в пределах компетенции), форму формата (роль предопределяет жанр заключения), интерпретацию Предмета. Пример: аттестованный эксперт по специальности «Исследование строительных объектов и территории, функционально связанной с ними, с целью определения их рыночной и иной стоимости» имеет институциональный статус, заданный системой государственной аттестации судебных экспертов (Приказ Минюста РФ № 72 [40]). Из самой его роли (а не из конкретного дела) вытекает: он может устанавливать соответствие работ нормативам и стоимость их устранения; он не может квалифицировать действия подрядчика как «недобросовестные» (правовая оценка); он не может самостоятельно решать вопросы оценки земельного участка под объектом без специальности «Исследование объектов землеустройства с целью определения их рыночной и иной стоимости».

Внешние воздействия на процесс исследования.

11. Скрытые намерения: Скрытые намерения суть имплицитная коммуникативная составляющая (Грайс: импликатуры [20]; Хабермас: различение явных и латентных интенций в коммуникативном действии [53]). Их природа – расхождение между перформативом и иллокутивной целью говорящего. Свойства, вытекающие из сущности: неэксплицитность, инструментальная направленность, способность модифицировать восприятие

явной цели. Связи как производные. Из самой природы скрытых намерений как имплицитного слоя коммуникации вытекает их способность деформировать цель – не отменяя ее формально, но смещая фактический фокус исследования. Пример: Заказчик строительной экспертизы – застройщик, против которого подан иск дольщика о возмещении расходов на устранение строительных недостатков – формулирует вопрос: «Определить стоимость устранения недостатков отделки». Имплицитная (по Грайсу) цель: «получить минимально возможную сумму и доказать незначительность дефектов». Сама природа этой имплицитной интенции – ее несовпадение с явной формулировкой – и есть скрытое намерение, способное побудить эксперта (даже бессознательно) выбирать нижние границы расценок и игнорировать сопутствующие виды работ.

12. Терминологическая полисемия: это семантическое свойство языка (Соссюр: произвольность знака [51]; Витгенштейн: «семейные сходства» значений в «Философских исследованиях», § 66–67 [6]). По своей природе – множественность значений одного означающего в зависимости от языковой игры (дисциплинарного контекста). Свойства, вытекающие из сущности: дисциплинарная зависимость, скрытость при поверхностном чтении, способность создавать иллюзию понимания. Связи являются производными. Из природы полисемии как семантического свойства вытекает ее способность размывать объект и предмет – не извне, а изнутри самого языка, на котором формулируется задание. Пример: Термин «реконструкция» полисемичен: в Градостроительном кодексе РФ (ст. 1, п. 14) – изменение параметров капитального строительства, требующее разрешения; в обиходе строителей – любые серьезные ремонтные работы; у заказчика – «полное обновление» помещения. Сама природа этой множественности значений (а не чья-то ошибка) приводит к тому, что вопрос «являлись ли выполненные работы реконструкцией?» допускает три разных корректных ответа в зависимости от того, в какой языковой игре он прочитывается.

13. Эпистемологический шум (Vagueness): это расплывчатость языка описания (Карнап: проблема vagueness [26]; Куайн: «онтологическая относительность» [28]). Его природа – отсутствие операциональных определений в высказываниях, претендующих на научный статус. Свойства, вытекающие из сущности: неизмеримость утверждений, имитация научности, отсутствие критериев фальсификации, метафоричность. Связи как производные. Из самой природы шума как расплывчатости вытекает его способность поражать любой узел, требующий точности: предмет (не определен операционально), метод (не имеет привязки к измеряемым величинам), критерии (становятся неприменимыми). Вот несколько характерных примеров: пример 13.1: эксперт пишет: «качество выполненных штукатурных работ оставляет желать лучшего, поверхность имеет существенные неровности, видны следы небрежности». Сама природа этих формулировок – отсутствие операциональных определений «существенности» и «небрежности» – есть эпистемологический шум. Корректная формулировка имела бы вид: «отклонения оштукатуренной поверхности от вертикали составляют от 4 до 7 мм на 1 м, что превышает допуск 2 мм/м по СП 71.13330.2017 [50], табл. 7.4, для улучшенной штукатурки». Пример 13.2: эксперт пишет о «деструктивном воздействии на психику» или «информационном яде». В чем заключается шум: с научной точки зрения «яд» или «деструкция» без четких критериев измерения – это художественные образы. Они создают иллюзию доказанности вреда, но не объясняют механизм и не имеют количественных показателей. Пример 13.3: в автотехнической экспертизе вопрос ставится так: «Кто из водителей виноват в ДТП?». Или в строительной: «является ли данная постройка самовольной?». В чем заключается шум: «вина» и «самовольность» – это правовые оценки, а не физические параметры. Эксперт должен описывать траектории или соответствие СНиПам, а не выносить вердикт. Пример 13.4: «исходя из жизненного опыта, человек в состоянии стресса не мог запомнить такие детали». В чем заключается шум: это чисто обыденное суждение. Без проведения тестов конкретного лица или опоры на верифицированные нейропсихологические модели это утверждение – шум, маскирующийся под науку. Пример 13.5: понятие «агрессия». В быту это может быть крик, в праве – нападение одного государства на другое, в биологии – инстинктивное поведение. В чем заключается шум: если в вопросе к эксперту не уточнен контекст (например, «склонность к неспровоцированной физической агрессии»), ответ превращается в кашу из личных представлений эксперта и юридических последствий.

14. Противоречивость / избыточность: это информационно-логические дефекты системы (Шеннон: теория информации, избыточность кода [62]; Гильберт: программа непротиворечивости формальных систем [12]). Их природа двойственна, но единого порядка: нарушение оптимальности информационной структуры – либо в

сторону избытка (избыточность), либо в сторону несовместимости элементов (противоречивость). Свойства, вытекающие из сущности: системность (это свойство множества как целого, а не отдельного элемента), измеримость через анализ дублирования и логической совместимости. Связи являются производными. Из информационно-системной природы этих дефектов следует, что они проявляются именно на множестве Задач, где сравниваются между собой элементы, и обнаруживают себя как структурная характеристика этого множества. Пример избыточности: в определении суда по делу о ремонте офиса 78 вопросов, дублирующих один и тот же информационный запрос («соответствует ли качество окраски стен в кабинете № 1 нормативам?..» – и так по 26 помещениям). Информационный объем задачи равен объему единого вопроса «выявить отклонения в качестве окрасочных работ во всех помещениях офиса с привязкой к помещениям и пунктам СП». Пример противоречивости: одновременно поставлены задачи: «оценить стоимость восстановительного ремонта линолеума в ценах на дату залива (март 2022)» и «применить актуальные на дату экспертизы (май 2026) расценки и материалы». Сама структура множества задач логически несовместима.

15. Иллокутивное рассогласование: это внутренний конфликт типов речевых актов (Остин: «How to Do Things with Words», 1962 – классификация локуции/иллокуции/перлокуции [37]; Серль: таксономия иллокутивных актов – репрезентативы, директивы, комиссивы и др. [44]). Природа – столкновение разнородных перформативных функций в одном коммуникативном акте. Свойства, вытекающие из сущности: скрытость для поверхностного анализа, способность парализовать выполнение акта, предопределенность в самой структуре высказывания. Связи как производные. Из природы рассогласования как конфликта перформативов вытекает его способность разрушать институциональную Роль эксперта: эксперт ставится в положение, где исполнение одного речевого акта (исследовательского) исключает исполнение другого (директивного), требуемого одновременно. Пример: в определении суда о назначении строительно-технической экспертизы по обрушению козырька подъезда поставлены вопросы: (1) «Исследовать узлы крепления козырька и установить их фактическое состояние на момент обрушения» – репрезентативный речевой акт (по Серлю), требующий описания; (2) «Определить, в чьи обязанности (управляющей компании или застройщика) входило содержание данной конструкции, и кто несет ответственность за ее обрушение» – директивный акт, требующий правовой квалификации. Сама структура постановки задает несовместимые иллокутивные функции для одного субъекта – эксперт не может одновременно быть исследователем и арбитром, поскольку этого не позволяет внутренняя природа этих речевых актов.

16. Когнитивные искажения эксперта или суда: это системные особенности человеческого мышления (Канеман, Тверски: «Judgment under Uncertainty», 1974 [63]; Канеман: «Thinking, Fast and Slow», 2011 – Система 1 и Система 2 [24]; Гигеренцер: экологическая рациональность эвристик [61]). Их природа – архитектурное свойство когнитивной системы: эвристики «быстрого мышления», эволюционно адаптивные, но систематически отклоняющиеся от нормативной рациональности в задачах со сложной структурой неопределенности. Свойства, вытекающие из сущности: неосознаваемость, системность (не случайные ошибки, а воспроизводимые паттерны), сопротивление одной лишь сознательной коррекции, зависимость от условий предъявления информации. Связи являются производными. Из самой природы когнитивных искажений как архитектурного свойства мышления вытекает их способность поражать любое суждение эксперта – относительно гипотезы (предвзятость подтверждения), метода (выбор «удобных» процедур), предмета (селективное восприятие данных), результата (эффект якоря в численных оценках). Пример: эксперт-сметчик, получив материалы дела, в которых видна сумма исковых требований 2 400 000 руб. за устранение строительных недостатков, неосознанно «заякоривается» (anchoring effect по Тверски – Канеману) на этой величине. При составлении сметы он систематически: выбирает верхние значения вилки расценок ФЕР; включает максимум сопутствующих работ; применяет повышающие коэффициенты без отдельного обоснования. Итог «случайно» оказывается в диапазоне 2,2–2,5 млн руб. Сама природа эффекта якоря – он не выбирается экспертом, а возникает в архитектуре мышления при контакте с числовым раздражителем – и определяет, что данное искажение поражает именно численные узлы (сметная оценка), а не качественные.

Составим описание связей (ребер) диаграммы на рисунке 3.

10. ЗАДАЧА → ЦЕЛЬ (Подмена цели задачами (4–1)): Тезис: формализация деятельности, «самоцельная процедурность». Норматив: нарушение ст. 8 73-ФЗ; критерий 4 Daubert

(применимость метода к делу). Описание: вместо обслуживания цели задачи начинают исполняться ради самих себя; появляется избыточная детализация без приближения к ответу на вопрос суда. Роль в модели: дисфункция декомпозиции. Пример: в заключении по причине протечки кровли эксперт приводит десятки страниц расчетов теплотехники ограждающих конструкций, не имеющих отношения к локализации дефекта примыкания парапета – задачи подменили цель.

11. ПРЕДМЕТ → ГИПОТЕЗА (Порождает (3–5)): Тезис: конструктивное порождение предположения. Норматив: ст. 8 73-ФЗ; критерий проверяемости (Daubert, falsifiability). Описание: из предмета закономерно возникает Гипотеза – предположение эксперта о механизме явления, подлежащее проверке. Роль в модели: конструктивная связь, легитимирующая вероятность в научном выводе. Пример: предмет – причина прогиба деревянной балки чердачного перекрытия. Гипотеза – ослабление сечения вследствие биоповреждения (поражение древесины домовым грибом) в зоне опор.

12. ЗАДАЧА → ГИПОТЕЗА (Динамически уточняют (4–5)): Тезис: итеративность экспертного познания. Норматив: косвенно – ст. 8 73-ФЗ; критерий 2 Daubert (peer-review/тестируемость). Описание: эмпирические данные, получаемые при решении задач, подтверждают, опровергают или модифицируют исходную Гипотезу. Роль в модели: обратная связь. Пример: в ходе шурфования фундамента (задача) фиксируется уровень грунтовых вод выше проектного – это уточняет первоначальную гипотезу «деформации от просадки» в сторону «морозное пучение увлажненного основания».

13. ЗАДАЧА → МЕТОД (Применяют (4–6)): Норматив: ст. 8 73-ФЗ; критерий 1 Daubert (testability). Описание: задачи формулируются так, чтобы их можно было решить доступным методом; метод диктует допустимую сложность операций. Роль в модели: нисходящий канал «задача – инструмент». Пример: задача «определить фактический класс бетона колонны без ее разрушения» реализуется методом ультразвукового импульсного контроля по ГОСТ 17624-2012 [14] в сочетании со склерометрией по ГОСТ 22690-2015 [13].

14. ЗАДАЧА → ФОРМАТ (Корректируют (4–8)): Тезис: адаптация формы под содержание. Норматив: ст. 25 73-ФЗ (содержание заключения). Описание: при выполнении задач может выясниться, что предписанный формат вывода неполно отражает данные; задачи инициируют обоснованную перегруппировку и дополнение формы. Роль в модели: обратная связь к форме. Пример: при установлении объемов скрытых работ эксперт расширяет формат – помимо локального сметного расчета добавляет 3D-схему фактических конструкций и фотопланы дефектов.

15. ГИПОТЕЗА → ЗАДАЧА (Определяет проверочные (5–4)): Тезис: операционализация предположения. Норматив: ст. 8 73-ФЗ; критерий 1 Daubert. Описание: сформулированная гипотеза предписывает, какие именно задачи необходимо решить для ее проверки; без гипотезы задачи теряют направленность. Роль в модели: нисходящая операционализация. Пример: гипотеза «разрыв стояка отопления вызван гидроударом из-за быстрого закрытия задвижки» порождает задачи: проверка работоспособности запорной арматуры, вычисление расчетного давления гидроудара по формуле Жуковского, осмотр зоны разрыва на следы кавитации.

16. МЕТОД → ПРЕДМЕТ (Раскрывает (6–3)): Тезис: методологическая формализация предмета. Норматив: критерии 1–3 Daubert. Описание: предмет переформулируется в терминах, доступных методу. Статистический метод переводит предмет в шкалы и распределения; физико-химический – в параметры состава и структуры. Роль в модели: терминологическая редукция. Пример: предмет «недостаточное качество сварных швов металлокаркаса» при выборе метода ультразвуковой дефектоскопии (ГОСТ Р 55724-2013 [18]) переформулируется в «доля дефектов по балльной шкале амплитудно-временных характеристик».

17. МЕТОД → ЗАДАЧА (Обеспечивает реализуемость (6–4)): Тезис: методологическая обусловленность задач. Норматив: ст. 8, ст. 25 73-ФЗ; Rule 702 FRE (методическая надежность). Описание: метод выступает технологическим фильтром, формирующим пространство выполнимых задач; задача, не обеспеченная методом, неразрешима и должна быть переформулирована либо снята. Роль в модели: верхняя граница пространства задач. Пример: метод георадиолокации позволяет поставить задачу «локализовать арматурный каркас в монолитной плите», но не позволяет ставить задачу «определить марку стали арматуры» – для этого требуется отбор образцов и спектральный анализ.

18. КОНТЕКСТ → ОБЪЕКТ (Уточняет (7–2)): Тезис: ситуационная конкретизация. Норматив: ст. 85 ГПК РФ; ст. 8 73-ФЗ; материалы дела как контекст (ст. 71 ГПК / ст. 75 АПК). Описание: контекст (обстоятельства дела, температурно-влажностный режим, нормативные требования) насыщает

объект признаками, не видимыми при изолированном рассмотрении. Роль в модели: привязка объекта к правовой ситуации. Пример: «намокший лист гипсокартона» в контексте «авария системы отопления 15 января при наружной температуре – 27 °C» получает дополнительные признаки: возможные следы замерзания, локализация у наружной стены.

19. КОНТЕКСТ → ПРЕДМЕТ (Ограничивает и обуславливает (7–3)): Тезис: контекстуальная обусловленность предмета. Норматив: ст. 8 73-ФЗ; ст. 86 ГПК, АПК. Описание: Контекст добавляет к предмету ограничивающие условия среды, сроков, нормативного фона. Роль в модели: контурный фильтр. Пример: предмет «прочность кирпичной кладки» в контексте здания 1956 г. постройки исследуется по СН 277-63, действовавшим на момент возведения, а не по актуальному СП 15.13330.2020 [46] – иначе оценка соответствия будет некорректной.

20. КОНТЕКСТ → ЗАДАЧА (Ситуационно корректирует (7–4)): Тезис: учет внешних ограничений. Норматив: ст. 16 73-ФЗ (право эксперта запрашивать материалы). Описание: контекст добавляет в перечень задач учет временных рамок, нормативного режима и доступных технологий, делая исследование привязанным к реальности. Роль в модели: боковое нисходящее воздействие. Пример: в условиях зимней экспертизы наружных стен задача «измерение влажности материала» дополняется задачей учета температурной поправки прибора и недоступности тепловизионной съемки при значительной разнице температур.

21. ФОРМАТ → ЗАДАЧА (Структурирует (8–4)): Тезис: структурно-форматная адаптация. Норматив: ст. 25 73-ФЗ. Описание: требования к форме результата (категорический вывод, сравнительная таблица) формируют последовательность задач, ведущих к этой форме. Роль в модели: нисходящее воздействие формы на содержание. Пример: требование суда дать категорический ответ «соответствует/не соответствует» работы проекту порождает задачи: разработка пообъектной матрицы соответствия, выборка контрольных параметров, формулирование промежуточных суждений по каждому виду работ.

22. КРИТЕРИИ → ЗАДАЧА (Оценивают валидность (9–4)): Тезис: оценочная валидность. Норматив: стандарт Daubert (1993); Rule 702 FRE; ст. 8 73-ФЗ. Описание: задачи проектируются с учетом будущей проверки результата: если критерий – доказательность и воспроизводимость, задача должна давать проверяемый, воспроизводимый итог. Роль в модели: контроль качества задач. Пример: задача «оценить прочность бетона неразрушающим методом» строится так, чтобы число точек испытаний по ГОСТ 22690-2015 [14] обеспечивало статистически значимую выборку и повторяемость результата другим экспертом.

23. КРИТЕРИИ → МЕТОД (Определяют требования (9–6)): Тезис: научная допустимость метода. Норматив: критерии Daubert 1–4; Rule 702 FRE; п. «обоснованность методов» ст. 25 73-ФЗ. Описание: критерии научности задают допустимые методы: только проверяемые, валидированные, опубликованные, имеющие известную погрешность. Роль в модели: нормативный фильтр методов. Пример: требование статистической значимости исключает применение единичного склерометрического измерения как самостоятельного метода определения класса бетона; необходим инструментальный комплекс с известной погрешностью.

24. РОЛЬ ЭКСПЕРТА → МЕТОД (Влияет на выбор (10–6)): Тезис: экспертная оптика. Норматив: ст. 13, ст. 41 73-ФЗ (компетентность). Описание: роль (специальность, профиль допуска) задает угол зрения и арсенал методов, в рамках которого выбирается метод. Роль в модели: субъектный фильтр. Пример: эксперт-строитель в роли «стоимостного оценщика» отдаст приоритет методам сметного нормирования (ФЕР/ТЕР), в роли «эксперта-обследователя» – методам инструментального контроля по СП 13-102-2003 [45].

25. РОЛЬ ЭКСПЕРТА → ФОРМАТ (Задает (10–8)): Тезис: профессиональная маска. Норматив: ст. 25, 41 73-ФЗ. Описание: статус и роль эксперта предписывают стиль, объем и структуру заключения; формат закономерно вытекает из роли. Роль в модели: субъектное оформление формы. Пример: роль судебного эксперта-строителя предполагает структуру заключения по ст. 25 73-ФЗ (вводная, исследовательская, выводы); роль специалиста по ст. 188 ГПК – короткое мнение в свободной форме.

26. Скрытые намерения → ЦЕЛЬ (Искажают (11–1)): Тезис: неявный прагматический слой. Норматив: нарушение ст. 8 73-ФЗ (объективность); основание для отвода – ст. 18 ГПК РФ. Описание: за формально заявленной целью скрывается негласное ожидание иного результата; реальная цель эксперта расходится с целевой задачей, оцениваемой судом. Роль в модели: искажение верхнего уровня модели. Пример: формальная цель – «установить причины разрушения подпорной стенки»; скрытая – обосновать ответственность подрядчика, минуя анализ проектных решений заказчика.

27. Скрытые намерения → ЗАДАЧА (Неявные, скрытые задачи (11–4)): Тезис: теневые задачи в формулировке. Норматив: противоречие ст. 8, 16 73-ФЗ (полнота, объективность). Описание: в перечне задач присутствуют латентные ожидания стороны, не выраженные явно; эксперт фактически решает иной набор задач, чем заявлен, что искажает оценку заключения судом. Роль в модели: скрытая подмена нижнего уровня. Пример: явная задача – «определить объем фактически выполненных работ»; скрытая – занизить объем ради уменьшения исковой суммы, что проявляется в нерепрезентативной выборке участков обмера.

28. Скрытые намерения → МЕТОД (Влияют на неявный выбор (11–6)): Тезис: латентное методологическое смещение. Норматив: нарушение ст. 8 73-ФЗ; критерий 4 Daubert (общепринятость). Описание: за нейтральной формулировкой вопроса скрывается тяготение к методу, гарантирующему предопределенный результат; методологический арсенал сужается без явного указания. Роль в модели: латентный сдвиг методики. Пример: постановка вопроса побуждает выбрать только склерометрию вместо комплекса «склерометрия + ультразвук + отбор кернов», поскольку склерометрия в данных условиях склонна занижать оценку класса бетона.

29. Полисемия объекта → ОБЪЕКТ (Размывает границы (12–2)): Тезис: неопределенность идентификации. Норматив: нарушение ст. 8 73-ФЗ; основание для ходатайства о разъяснении ст. 85 ГПК. Описание: ключевой термин допускает несколько значений; границы объекта становятся размытыми, что ведет к избыточному или неполному сбору материала. Роль в модели: семантический шум на уровне объекта. Пример: термин «фасад» в одних документах означает только наружный отделочный слой, в других – всю наружную ограждающую конструкцию с утеплителем и несущей частью; без уточнения предмет обмера и обследования теряет границы.

30. Полисемия объекта → ПРЕДМЕТ (Вносит неоднозначность (12–3)): Тезис: семантическая неоднозначность предмета. Норматив: нарушение ст. 8 73-ФЗ. Описание: многозначность термина, описывающего объект, наследуется предметом, что делает невозможной проверку результата иным экспертом без выбора одного значения. Роль в модели: шум на уровне предмета. Пример: «Трещина» может пониматься как (а) усадочная трещина в штукатурном слое, (б) силовая трещина в несущей конструкции; в зависимости от прочтения предмет – либо отделочный дефект, либо угроза несущей способности.

31. Эпистемологический шум → ПРЕДМЕТ (Зашумляет понятийную основу (13–3)): Тезис: смешение логик (правовой/научной/обыденной). Норматив: нарушение ст. 8 73-ФЗ; критерий 3 Daubert (известная погрешность). Описание: предмет формулируется через метафоры или правовые оценки, не имеющие операционального выражения; теряется измеримость. Роль в модели: концептуальное размывание. Пример: предмет, сформулированный как «существенное ухудшение качества здания», лишен операциональности; научный предмет требует переформулировки в категориях технического состояния по ГОСТ 31937-2011 (нормативное/ работоспособное / ограниченно-работоспособное / аварийное) [16].

32. Эпистемологический шум → ЗАДАЧА (Искажает направленность (13–4)): Тезис: смещение фокуса с объекта на риторические аналоги. Норматив: нарушение ст. 8 73-ФЗ. Описание: из-за размытости предмета задачи ориентируются на анализ метафор, а не свойств объекта; возникают псевдозадачи. Роль в модели: шум на уровне нижнего звена модели. Пример: вместо задачи «измерить прогиб балки и сравнить с предельным по СП 20.13330.2016» формулируется задача «оценить степень аварийности конструкции» без указания методики; эксперт уходит в оценочные суждения.

33. Противоречивость / избыточность → ПРЕДМЕТ (Внутренняя противоречивость (14–3)): Тезис: логическая порча предмета до начала исследования. Норматив: основание для ходатайства об уточнении вопросов (ст. 79, 85 ГПК). Описание: предмет содержит взаимоисключающие либо избыточно детализированные требования; распадается на конкурирующие фокусы. Роль в модели: деструкция предмета. Пример: предмет, сформулированный как «установить наличие нарушений СНиП при возведении объекта и одновременно подтвердить полное соответствие проектной документации», содержит взаимоисключающие требования – заключение становится уязвимым.

34. Противоречивость / избыточность → ЗАДАЧА (Создают информационный шум (14–4)): Тезис: когнитивная перегрузка и сбой логики. Норматив: нарушение ст. 8 73-ФЗ. Описание: противоречивые/дублирующие задачи маскируют действительно необходимые действия и создают избыточный объем работ без прироста качества. Роль в модели: шум на нижнем уровне модели. Пример: в постановлении одновременно ставятся задачи «определить рыночную стоимость

восстановительного ремонта» и «определить сметную стоимость по территориальным нормативам базисно-индексным методом» – две методологически разные оценки одного объема создают конфликт результатов.

35. Иллокутивное рассогласование → ЦЕЛЬ (Создает рассогласование с задачами (15–1)): Тезис: несовместимость речевого акта суда с природой исследования. Норматив: основание для отказа от дачи заключения по ст. 16 73-ФЗ. Описание: императивная форма вопроса сочетается с неопределенным объектом; цель становится внутренне противоречивой, эксперт не может одновременно быть исследователем и арбитром. Роль в модели: онтологический тупик на уровне цели. Пример: цель – «дать категорический вывод о соответствии скрытых работ проекту», при этом скрытые работы не предъявлены, исполнительная документация утрачена; категорический вывод недостижим в принципе.

36. Иллокутивное рассогласование → ЗАДАЧА (Приводит к несовместимости инструкций (15–4)): Тезис: несовместимость императива и исследования. Норматив: ст. 16 73-ФЗ (право сообщить о невозможности). Описание: задачи, требующие открытого поиска, соседствуют с командами «сделай категорический вывод», что аннигилирует разрешимость без обращения к компетенции, материалам или методам. Роль в модели: предел переводимости правового языка в научный. Пример: поставлена задача «категорически установить лицо, виновное в дефектах кладки» – это юридический, а не технический вопрос; в формулировке заложен предел инструментальной экспертизы.

37. Когнитивные искажения → ПРЕДМЕТ (Предвзятый ракурс (16–3)): Норматив: нарушение принципа объективности ст. 8 73-ФЗ; основание для отвода по ст. 18 ГПК. Описание: под влиянием эффекта подтверждения или фрейминга предмет сужается до признаков, подтверждающих исходную гипотезу/желаемый стороной вывод. Роль в модели: субъективная деформация предмета. Пример: эксперт, изначально склоняющийся к версии «вина подрядчика», сужает предмет до качества СМР, исключая из рассмотрения проектные решения и геотехнический отчет, хотя именно они могли быть первопричиной.

38. Когнитивные искажения → ГИПОТЕЗА (Деформирует предположения (16–5)): Тезис: деформация гипотезы до проверки. Норматив: нарушение ст. 8 73-ФЗ; критерий 1 Daubert (тестируемость). Описание: гипотеза формулируется уже со встроенной предвзятостью (оценочный компонент вместо нейтрального предположения); задачи направляются не на проверку, а на подтверждение. Роль в модели: подрыв конструктивного цикла «гипотеза → задача». Пример: гипотеза «обрушение перекрытия вызвано исключительно действиями субподрядчика» вместо нейтральной «возможны причины: проектные, монтажные, эксплуатационные» – задачи проектируются под подтверждение виновности субподрядчика и игнорируют поверочный расчет по проекту.

Остальные связи опущены из-за размытости их сущностей.

Выводы

Исследование формирует четырехуровневую модель декомпозиции судебной экспертизы, ядром которой выступает структурно-логическая конструкция «цель → объект → предмет → задачи». Методологическим основанием модели служит телеологическая традиция познания, восходящая к категории «causa finalis» Аристотеля, индуктивно-эмпирический метод Бэкона и Галилея, критерий фальсифицируемости Поппера и дедуктивно-номологическая схема Гемпеля. На этой основе философско-научный аппарат увязан с нормативными требованиями к экспертному заключению.

На первом уровне фиксируется базовая схема из четырех узлов и девяти направленных связей между ними. Цель в этой схеме является единственной сущностью только с исходящими ребрами, что соответствует ее процессуальному происхождению от суда. Второй уровень вводит контур внутренних и внешних факторов, формирующих условия производства экспертизы: когнитивные искажения, давление со стороны участников процесса, влияние информационной среды, временные и ресурсные ограничения, терминологическая полисемия. Перечень оставлен открытым через узел «Другие». Третий уровень преобразует феноменологические факторы в методологические конструкты – гипотезу, метод, контекст, формат, критерии валидности и роль эксперта – и систематизирует шесть категорий «шумов»: скрытые намерения, терминологическая полисемия, эпистемологический шум, противоречивость и избыточность, иллокутивное рассогласование, когнитивные искажения.

Установлено соответствие между типом искажения и его процессуальными последствиями: деформация цели соотносится с основаниями для отвода эксперта, размывание объекта – с утратой относимости, искажение предмета – с утратой допустимости, дефект задач – с основаниями для назначения дополнительной или повторной

экспертизы. На основе анализа 57 доктринальных определений сформулирована авторская дефиниция: цель судебной экспертизы есть содействие правосудию путем получения в установленной процессуальным законом форме достоверных фактических данных, основанных на специальных научных знаниях, независимо от рода, вида и методов исследования и имеющих значение для разрешения дела.

Сопоставление с прецедентными стандартами Daubert (1993), кодифицированными в Rule 702 FRE, показывает, что российское процессуальное законодательство не содержит формализованных критериев проверки научной обоснованности заключения – тестируемости метода, известности уровня погрешности, наличия рецензирования и общепризнанности в научном сообществе. Проверка фактически ограничивается формальным соответствием реквизитам и констатацией квалификации эксперта. Предложенная модель функционально сопоставима с критериями Daubert, но реализована как внутренне-методологический инструмент, опирающийся на взаимосвязь рода, вида и методов исследования с физической действительностью, применимый в пределах действующих процессуальных полномочий без изменения законодательства.

В России процесс перехода регулирования производства судебных экспертиз от теоретического к институциональному, выражен принятием законопроекта № 306504-6 [42] в апреле 2026 года состоялось очередное отложение рассмотрения этого законопроекта.

Законопроектом предполагается перенести этап валидации методики под контроль уполномоченных государственных органов. То есть создается четырехэтапный цикл: разработка → проверка → внедрение → освоение, который преобразует феноменологические и методологические факторы, проанализированные в предложенной модели, в нормативно закрепленные процедуры.

По сути, предлагаемая в законопроекте модель исключает решение представленных в статье задач судом.

Зафиксированы ограничения исследования: модель отражает структурную, а не содержательную сторону экспертизы и требует доменно-специфической детализации применительно к отдельным родам экспертиз. Направления дальнейшей работы включают эмпирическую верификацию модели на массиве судебных актов, разработку отраслевых чек-листов, выявление текстовых маркеров каждого «шума», адаптацию модели к экспертизам с применением алгоритмических методов и формулирование предложений «de lege ferenda» о введении критериев научной допустимости заключения.

Список источников

1. Аристотель. Сочинения. В 4-х томах. Т. 3 / Пер., вступ. статья и примеч. И.Д. Рожанский. М.: Мысль, 1981.
2. Арсеньев В.Д., Заблоцкий В.Г. Использование специальных знаний при установлении фактических обстоятельств уголовного дела. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1986.
3. Бунге М. Причинность: место принципа причинности в современной науке / Общ. ред. и заключительная ст. Г.С. Васецкого; пер. с англ. И.С. Шерн-Борисовой, С.Ф. Шушурина. Изд. 2-е. Москва: URSS, 2010.
4. Бутырин А.Ю., Жукова О.В., Статива Е.Б. Основные задачи судебно-экспертных исследований, проводимых при судебном рассмотрении земельных споров // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. № 15 (1). С. 94–108.
5. Бэкон Ф. Новый Органон = Novum organum scientiarum. Ленинград: Соцэкгиз, Ленинградское отдние, 1935.
6. Витгенштейн Л. Философские работы / Пер. с нем. и вступ. статья М.С. Козловой; пер. Ю.А. Асеева. М.: Издательство «Гнозис», 1994.
7. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы филос. герменевтики / Пер. с нем., общ. ред. и вступ. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1998.
8. Галилей Галилео. Пробирных дел мастер / Пер. Ю.А. Данилова. М.: Наука, 1987.
9. Гегель Г.В.Ф. Наука логики: в 3 т. / Пер. с нем. Б.Г. Столпнера. Москва: Мысль, 1970–1972.
10. Гемпель К.Г. Логика объяснений / Пер. с англ. О.А. Назаровой. М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1998.
11. Гивец П.В., Грибер А., Кокин А.В. О критериях оценки заключения эксперта и экспертных методик участниками судопроизводства // Теория и практика судебной экспертизы. 2022. № 17 (1). С. 27-37.
12. Гильберт Д. О бесконечном / Пер. с нем. // Основания геометрии. Москва; Ленинград: ОГИЗ, 1948. С. 338–364.
13. ГОСТ 22690-2015. Бетоны. Определение прочности механическими методами неразрушающего контроля. Москва: Стандартинформ, 2016.
14. ГОСТ 17624-2021. Бетоны. Ультразвуковой метод определения прочности. Москва: Стандартинформ, 2021.
15. ГОСТ Р 54852-2011. Здания и сооружения. Метод тепловизионного контроля качества теплоизоляции ограждающих конструкций. Москва: Стандартинформ, 2012.
16. ГОСТ 31937-2024. Здания и сооружения. Правила обследования и мониторинга технического состояния. Москва: Российский институт Стандартизации, 2024.
17. ГОСТ Р 58527-2019. Материалы стеновые. Методы определения пределов прочности при сжатии и изгибе. Москва: Стандартинформ, 2019.
18. ГОСТ Р 55724-2013. Контроль неразрушающий. Соединения сварные. Методы ультразвуковые. Москва: Стандартинформ, 2015.

19. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. и вступ. ст. А.Д. Ковалева. Москва: КАНОН-Пресс-Ц; Кучково поле, 2000.

20. Грайс Г.П. Логика и речевое общение / Пер. с англ. В.В. Туровского // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. Москва: Прогресс, 1985. С. 217–237.

21. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая / Пер. с нем. А.В. Михайлова. Москва: Академический проект, 2009.

22. Декарт Р. Рассуждение о методе. Метафизические рассуждения. Начала философии. Луцк: Вежа, 1998.

23. Иванова Е.В. Экспертные задачи и их классификации [Электронный ресурс]. URL: DOI 10.17150/2411-6262.2025.16(3).963–974.

24. Канеман Д. Думай медленно… решай быстро / Пер. с англ. А. Андреева, Ю. Деглиной, Н. Парфеновой. Москва: АСТ, 2014.

25. Канеман Д., Сибони О., Санстейн К. Шум: несовершенство человеческих суждений / Пер. с англ. А. Котова [и др.]. Москва: АСТ, 2021.

26. Карнап Р. Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике / Пер. с англ. Н.В. Воробьева. Москва: Изд-во иностр. лит., 1959.

27. Кассирер Э. Познание и действительность. Понятие о субстанции и понятие о функции / Пер. с нем. Б. Столпнера, П. Юшкевича. Санкт-Петербург: Унив. книга, 1996.

28. Куайн У.В.О. Онтологическая относительность / Пер. с англ. А.А. Печенкина // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада: хрестоматия. Москва: Логос, 1996. С. 40–60.

29. Кузнецов О.Г. Предмет, объект и задача судебной экспертизы // Herald of KRSU. 2008. Т. 8. № 3. С. 126–133.

30. Кун Т. Структура научных революций / Пер. с англ. И.З. Налетова. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009.

31. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ / Пер. с англ. В.Н. Поруса // Избранные произведения по философии и методологии науки. Москва: Академический проект, 2008. С. 281–474.

32. Лотман Ю.М. Семиосфера. Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2000.

33. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. Москва: Искусство, 1970.

34. Мазуров И.Е., Мурашев П.М., Трущенков И.В. Методика назначения и производства судебной экспертизы: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Юнити-Дана, 2024 [Электронный ресурс]. URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=720517.

35. Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура / Пер. с англ. Е.Н. Егоровой [и др.]. Москва: АСТ: Хранитель, 2006.

36. Приказ Минстроя России от 23.12.2019 № 841/пр «Об утверждении Методики составления сметного расчета (сметы) на строительство». Отменен.

37. Остин Дж.Л. Слово как действие / Пер. с англ. А.А. Медниковой // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. Москва: Прогресс, 1986. С. 22–129.

38. Пирс Ч.С. Избранные философские произведения / Пер. с англ. К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. М.: Логос, 2000.

39. Поппер К. Логика научного исследования / Пер. с англ., под общ. ред. В.Н. Садовского. М.: Республика, 2005.

40. Приказ Министерства юстиции РФ от 20.04.2023 № 72 «Об утверждении перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России» (в ред. Приказа Минюста России от 31.01.2024 № 32).

41. Приходько И.А., Бондаренко А.В., Столяренко В.М. Судебная экспертиза и судебно-экспертная деятельность: основные проблемы и пути их решения (по материалам судебной практики). Москва: Международные отношения, 2023.

42. Проект Федерального закона № 306504-6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/306504-6.

43. Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий / Пер. с нем. А. Водена. Санкт-Петербург: Наука, 1997.

44. Серль Дж.Р. Что такое речевой акт; Классификация иллокутивных актов / Пер. с англ. И.М. Кобозевой // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. Москва: Прогресс, 1986. С. 151-169; 170-194.

45. Свод правил СП 13-102-2003. Правила обследования несущих строительных конструкций зданий и сооружений: утв. Постановлением Госстроя России от 21.08.2003 № 153. Москва: Госстрой России, 2003.

46. СП 15.13330.2020 «СНиП II-22-81* Каменные и армокаменные конструкции»: утв. приказом Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ от 30.12.2020 № 902/пр (с Изменением № 1, утв. приказом Минстроя России от 21.12.2023 № 961/пр). М.: Стандартинформ, 2021.

47. СП 17.13330.2017 «СНиП II-26-76* Кровли» (актуализированная редакция): утв. приказом Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ от 31.05.2017 № 827/пр. М.: Минстрой России, 2017.

48. СП 20.13330.2016 «СНиП 2.01.07-85* Нагрузки и воздействия» (актуализированная редакция): утв. приказом Минстроя России от 03.12.2016 № 891/пр (с Изменениями № 1, 2, 3). М.: Стандартинформ, 2020.

49. Свод правил СП 70.13330.2012. Несущие и ограждающие конструкции. Актуализированная редакция СНиП 3.03.01-87: утв. Приказом Госстроя от 25.12.2012 № 109/ГС. Москва: Минрегион России, 2012.

50. Свод правил СП 71.13330.2017. Изоляционные и отделочные покрытия. Актуализированная редакция СНиП 3.04.01-87: утв. Приказом Минстроя России от 27.02.2017 № 128/пр. Москва: Минстрой России, 2017.

51. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Пер. с фр. А.М. Сухотина; под ред. М.Э. Рут. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999.

52. Тарский А. Понятие истины в языках дедуктивных наук / Пер. с польск. // Философия и логика Львовско-Варшавской школы. Москва: РОССПЭН, 1999. С. 156.

53. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия (фрагменты) / Пер. с нем. А.К. Судакова // Вопросы социальной теории. 2007. Т. 1. Вып. 1. С. 229–245.

54. Юдин И.В. Предмет судебной экспертизы в гражданском судопроизводстве // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2020. Т. 6 (72). № 3. С. 121–125.

55. Rule 702. Testimony by Expert Witnesses [Электронный ресурс]. URL: https://www.law.cornell.edu/rules/fre/rule_702.

56. Daubert v. Merrell Dow Pharmaceuticals, Inc., 509 U.S. 579 (1993). The Library of Congress [Электронный ресурс]. URL: https://tile.loc.gov/storage-services/service/ll/usrep/usrep509/usrep509579/usrep509579.pdf.

57. Daubert Standard. Legal Information Institute [Электронный ресурс]. URL: https://www.law.cornell.edu/wex/daubert_standard.

58. Daubert Standard [Электронный ресурс]. URL: https://www.collinsattorneys.com/wp-content/uploads/docs/daubert_standard_us_supreme_court_expert_testimony.pdf.

59. Dror I.E., Charlton D. Why Experts Make Errors // Journal of Forensic Identification. 2006. Vol. 56. № 4. P. 600–616.

60. Dror I.E., Charlton D., Péron A.E. Contextual Information Renders Experts Vulnerable to Making Erroneous Identifications // Forensic Science International. 2006. Vol. 156. № 1. P. 74–78.

61. Gigerenzer G., Todd P.M., ABC Research Group. Ecological Rationality: An Adaptive View of Cognitive Limitations // Simple Heuristics That Make Us Smart. New York: Oxford University Press, 1999. P. 3–34.

62. Shannon C.E. A Mathematical Theory of Communication // Bell System Technical Journal. 1948. Vol 27. P. 379–423 [Электронный ресурс]. URL: https://people.math.harvard.edu/~ctm/home/text/others/shannon/entropy/entropy.pdf.

63. Tversky A., Kahneman D. Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases // Science. 1974. Vol. 185. № 4157. P. 1124-1131.

64. Федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации».

65. Белкин Р.С. Курс советской криминалистики. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М., 1979. С. 55.

66. ГОСТ 34791-2021. Судебно-трасологическая экспертиза. Термины и определения. М.: Стандартинформ, 2021.

67. ГОСТ Р 58081-2018. Судебно-экологическая экспертиза. Термины и определения. М.: Стандартинформ, 2018.

68. ГОСТ Р 58794-2020. Судебная экспертиза маркировочных обозначений. Термины и определения. М.: Стандартинформ, 2020.

69. ГОСТ Р 59508-2021. Судебно-почерковедческая экспертиза. Термины и определения. М.: Стандартинформ, 2021.

70. ГОСТ Р 59529-2021. Судебная строительно-техническая экспертиза. Термины и определения. М.: Стандартинформ, 2021.

71. ГОСТ Р 70699-2023. Судебно-почвоведческая экспертиза. Термины и определения. М.: Стандартинформ, 2023.

72. ГОСТ Р 71232-2024. Роды судебных экспертиз. Термины и определения. М.: Институт стандартизации, 2024.

73. Федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации».

74. Федеральный закон от 08.03.2015 № 21-ФЗ «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации».

75. Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях».

76. Козин П.А., Кузнецов Д.Д. Методические рекомендации по судебной оценочной экспертизе объектов недвижимости (версия 1.1). 2014.

77. Корухов Ю.Г. Словарь основных терминов судебных экспертиз. Москва: СУДЭКС, 2010.

78. Корухов Ю.Г. Судебная экспертиза в арбитражном процессе (Практическое пособие для экспертов и судей). Москва: ИПК РФЦСЭ, 2007.

79. Корухов Ю.Г. Судебная экспертиза в уголовном процессе (Практическое пособие для экспертов и судей). М.: Пресс Бюро, 2010.

80. Модельный закон о судебно-экспертной деятельности: принят на сорок девятом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ 19 апр. 2019г., постановление № 49-8 [Электронный ресурс]. URL: https://iacis.ru/public/upload/files/1/742.pdf.

81. Орлов Ю.К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. М.: Институт повышения квалификации Российского федерального центра судебной экспертизы, 2005.

82. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам».

83. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза: теория и практика, типичные вопросы и нестандартные ситуации. Москва: Проспект, 2025.

84. Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

85. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

References

1. Aristotel`. Sochineniya. V 4-x tomax. T. 3 / Per., vstup. stat`ya i primech. I.D. Rozhanskij. M.: My`sl`, 1981.

2. Arsen`ev V.D., Zabloczkij V.G. Ispol`zovanie special`ny`x znanij pri ustanovlenii fakticheskix obstoyatel`stv ugolovnogo dela. Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyar. un-ta, 1986.

3. Bunge M. Prichinnost`: mesto principa prichinnosti v sovremennoj nauke / Obshh. red. i zaklyuchitel`naya st. G.S. Vaseczkogo; per. s angl. I.S. Shern-Borisovoj, S.F. Shushurina. Izd. 2-e. Moskva: URSS, 2010.

4. Buty`rin A.Yu., Zhukova O.V., Stativa E.B. Osnovny`e zadachi sudebno-e`kspertny`x issledovanij, provodimy`x pri sudebnom rassmotrenii zemel`ny`x sporov // Teoriya i praktika sudebnoj e`kspertizy`. 2020. № 15 (1). S. 94–108.

5. Be`kon F. Novy`j Organon = Novum organum scientiarum. Leningrad: Socze`kgiz, Leningradskoe otd-nie, 1935.

6. Vitgenshtejn L. Filosofskie raboty` / Per. s nem. i vstup. stat`ya M.S. Kozlovoj; per. Yu.A. Aseeva. M.: Izdatel`stvo «Gnozis», 1994.

7. Gadamer X.-G. Istina i metod. Osnovy` filos. germenevtiki / Per. s nem., obshh. red. i vstup. B.N. Bessonova. M.: Progress, 1998.

8. Galilej Galileo. Probirny`x del master / Per. Yu.A. Danilova. M.: Nauka, 1987.

9. Gegel` G.V.F. Nauka logiki: v 3 t. / Per. s nem. B.G. Stolpnera. Moskva: My`sl`, 1970–1972.

10. Gempel` K.G. Logika ob``yasnenij / Per. s angl. O.A. Nazarovoj. M.: Dom intellektual`noj knigi, Russkoe fenomenologicheskoe obshhestvo, 1998.

11. Givecz P.V., Griber A., Kokin A.V. O kriteriyax ocenki zaklyucheniya e`ksperta i e`kspertny`x metodik uchastnikami sudoproizvodstva // Teoriya i praktika sudebnoj e`kspertizy`. 2022. № 17 (1). S. 27-37.

12. Gil`bert D. O beskonechnom / Per. s nem. // Osnovaniya geometrii. Moskva; Leningrad: OGIZ, 1948. S. 338–364.

13. GOST 22690-2015. Betony`. Opredelenie prochnosti mexanicheskimi metodami nerazrushayushhego kontrolya. Moskva: Standartinform, 2016.

14. GOST 17624-2021. Betony`. Ul`trazvukovoj metod opredeleniya prochnosti. Moskva: Standartinform, 2021.

15. GOST R 54852-2011. Zdaniya i sooruzheniya. Metod teplovizionnogo kontrolya kachestva teploizolyacii ograzhdayushhix konstrukcij. Moskva: Standartinform, 2012.

16. GOST 31937-2024. Zdaniya i sooruzheniya. Pravila obsledovaniya i monitoringa texnicheskogo sostoyaniya. Moskva: Rossijskij institut Standartizacii, 2024.

17. GOST R 58527-2019. Materialy` stenovy`e. Metody` opredeleniya predelov prochnosti pri szhatii i izgibe. Moskva: Standartinform, 2019.

18. GOST R 55724-2013. Kontrol` nerazrushayushhij. Soedineniya svarny`e. Metody` ul`trazvukovy`e. Moskva: Standartinform, 2015.

19. Gofman I. Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoj zhizni / Per. s angl. i vstup. st. A.D. Kovalyova. Moskva: KANON-Press-Cz: Kuchkovo pole, 2000.

20. Grajs G.P. Logika i rechevoe obshhenie / Per. s angl. V.V. Turovskogo // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vy`p. 16: Lingvisticheskaya pragmatika. Moskva: Progress, 1985. S. 217–237.

21. Gusserl` E`. Idei k chistoj fenomenologii i fenomenologicheskoj filosofii. Kniga pervaya / Per. s nem. A.V. Mixajlova. Moskva: Akademicheskij proekt, 2009.

22. Dekart R. Rassuzhdenie o metode. Metafizicheskie rassuzhdeniya. Nachala filosofii. Luczk: Vezha, 1998.

23. Ivanova E.V. E`kspertny`e zadachi i ix klassifikacii [E`lektronny`j resurs]. URL: DOI 10.17150/2411-6262.2025.16(3).963-974.

24. Kaneman D. Dumaj medlenno… reshaj by`stro / Per. s angl. A. Andreeva, Yu. Deglinoj, N. Parfyonovoj. Moskva: AST, 2014.

25. Kaneman D., Siboni O., Sanstejn K. Shum: nesovershenstvo chelovecheskix suzhdenij / Per. s angl. A. Kotova [i dr.]. Moskva: AST, 2021.

26. Karnap R. Znachenie i neobxodimost`. Issledovanie po semantike i modal`noj logike / Per. s angl. N.V. Vorob`yova. Moskva: Izd-vo inostr. lit., 1959.

27. Kassirer E`. Poznanie i dejstvitel`nost`. Ponyatie o substancii i ponyatie o funkcii / Per. s nem. B. Stolpnera, P. Yushkevicha. Sankt-Peterburg: Univ. kniga, 1996.

28. Kuajn U.V.O. Ontologicheskaya otnositel`nost` / Per. s angl. A.A. Pechenkina // Sovremennaya filosofiya nauki: znanie, racional`nost`, cennosti v trudax my`slitelej Zapada: xrestomatiya. Moskva: Logos, 1996. S. 40–60.

29. Kuzneczov O.G. Predmet, ob``ekt i zadacha sudebnoj e`kspertizy` // Herald of KRSU. 2008. T. 8. № 3. S. 126–133.

30. Kun T. Struktura nauchny`x revolyucij / Per. s angl. I.Z. Naletova. M.: AST: AST MOSKVA, 2009.

31. Lakatos I. Fal`sifikaciya i metodologiya nauchno-issledovatel`skix programm / Per. s angl. V.N. Porusa // Izbranny`e proizvedeniya po filosofii i metodologii nauki. Moskva: Akademicheskij proekt, 2008. S. 281–474.

32. Lotman Yu.M. Semiosfera. Sankt-Peterburg: Iskusstvo-SPb, 2000.

33. Lotman Yu.M. Struktura xudozhestvennogo teksta. Moskva: Iskusstvo, 1970.

34. Mazurov I.E., Murashev P.M., Trushhenkov I.V. Metodika naznacheniya i proizvodstva sudebnoj e`kspertizy`: uchebnoe posobie. 2-e izd., pererab. i dop. Moskva: Yuniti-Dana, 2024 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=720517.

35. Merton R.K. Social`naya teoriya i social`naya struktura / Per. s angl. E.N. Egorovoj [i dr.]. Moskva: AST: Xranitel`, 2006.

36. Prikaz Minstroya Rossii ot 23.12.2019 № 841/pr «Ob utverzhdenii Metodiki sostavleniya smetnogo raschyota (smety`) na stroitel`stvo». Otmenen.

37. Ostin Dzh.L. Slovo kak dejstvie / Per. s angl. A.A. Mednikovoj // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vy`p. 17: Teoriya rechevy`x aktov. Moskva: Progress, 1986. S. 22–129.

38. Pirs Ch.S. Izbranny`e filosofskie proizvedeniya / Per. s angl. K. Golubovich, K. Chuxrukidze, T. Dmitrieva. M.: Logos, 2000.

39. Popper K. Logika nauchnogo issledovaniya / Per. s angl., pod obshh. red. V.N. Sadovskogo. M.: Respublika, 2005.

40. Prikaz Ministerstva yusticii RF ot 20.04.2023 № 72 «Ob utverzhdenii perechnya rodov (vidov) sudebny`x e`kspertiz, vy`polnyaemy`x v federal`ny`x byudzhetny`x sudebno-e`kspertny`x uchrezhdeniyax Minyusta Rossii, i perechnya e`kspertny`x special`nostej, po kotory`m predostavlyaetsya pravo samostoyatel`nogo proizvodstva sudebny`x e`kspertiz v federal`ny`x byudzhetny`x sudebno-e`kspertny`x uchrezhdeniyax Minyusta Rossii» (v red. Prikaza Minyusta Rossii ot 31.01.2024 № 32).

41. Prixod`ko I.A., Bondarenko A.V., Stolyarenko V.M. Sudebnaya e`kspertiza i sudebno-e`kspertnaya deyatel`nost`: osnovny`e problemy` i puti ix resheniya (po materialam sudebnoj praktiki). Moskva: Mezhdunarodny`e otnosheniya, 2023.

42. Proekt Federal`nogo zakona № 306504-6 «O sudebno-e`kspertnoj deyatel`nosti v Rossijskoj Federacii

i vnesenii izmenenij v otdel`ny`e zakonodatel`ny`e akty` Rossijskoj Federacii» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/306504-6.

43. Rikkert G. Granicy estestvennonauchnogo obrazovaniya ponyatij / Per. s nem. A. Vodena. Sankt-Peterburg: Nauka, 1997.

44. Syorl` Dzh.R. Chto takoe rechevoj akt; Klassifikaciya illokutivny`x aktov / Per. s angl. I.M. Kobozevoj // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vy`p. 17: Teoriya rechevy`x aktov. Moskva: Progress, 1986. S. 151-169; 170–194.

45. Svod pravil SP 13-102-2003. Pravila obsledovaniya nesushhix stroitel`ny`x konstrukcij zdanij i sooruzhenij: utv. Postanovleniem Gosstroya Rossii ot 21.08.2003 № 153. Moskva: Gosstroj Rossii, 2003.

46. SP 15.13330.2020 «SNiP II-22-81* Kamenny`e i armokamenny`e konstrukcii»: utv. prikazom Ministerstva stroitel`stva i zhilishhno-kommunal`nogo xozyajstva RF ot 30.12.2020 № 902/pr (s Izmeneniem № 1, utv. prikazom Minstroya Rossii ot 21.12.2023 № 961/pr). M.: Standartinform, 2021.

47. SP 17.13330.2017 «SNiP II-26-76* Krovli» (aktualizirovannaya redakciya): utv. prikazom Ministerstva stroitel`stva i zhilishhno-kommunal`nogo xozyajstva RF ot 31.05.2017 № 827/pr. M.: Minstroj Rossii, 2017.

48. SP 20.13330.2016 «SNiP 2.01.07-85* Nagruzki i vozdejstviya» (aktualizirovannaya redakciya): utv. prikazom Minstroya Rossii ot 03.12.2016 № 891/pr (s Izmeneniyami № 1, 2, 3). M.: Standartinform, 2020.

49. Svod pravil SP 70.13330.2012. Nesushhie i ograzhdayushhie konstrukcii. Aktualizirovannaya redakciya SNiP 3.03.01-87: utv. Prikazom Gosstroya ot 25.12.2012 № 109/GS. Moskva: Minregion Rossii, 2012.

50. Svod pravil SP 71.13330.2017. Izolyacionny`e i otdelochny`e pokry`tiya. Aktualizirovannaya redakciya SNiP 3.04.01-87: utv. Prikazom Minstroya Rossii ot 27.02.2017 № 128/pr. Moskva: Minstroj Rossii, 2017.

51. Sossyur F. de. Kurs obshhej lingvistiki / Per. s fr. A.M. Suxotina; pod red. M.E`. Rut. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 1999.

52. Tarskij A. Ponyatie istiny` v yazy`kax deduktivny`x nauk / Per. s pol`sk. // Filosofiya i logika L`vovsko-Varshavskoj shkoly`. Moskva: ROSSPE`N, 1999. S. 156.

53. Xabermas Yu. Teoriya kommunikativnogo dejstviya (fragmenty`) / Per. s nem. A.K. Sudakova // Voprosy` social`noj teorii. 2007. T. 1. Vy`p. 1. S. 229-245.

54. Yudin I.V. Predmet sudebnoj e`kspertizy` v grazhdanskom sudoproizvodstve // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. 2020. T. 6 (72). № 3. S. 121–125.

55. Rule 702. Testimony by Expert Witnesses [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.law.cornell.edu/rules/fre/rule_702.

56. Daubert v. Merrell Dow Pharmaceuticals, Inc., 509 U.S. 579 (1993). The Library of Congress [E`lektronny`j resurs]. URL: https://tile.loc.gov/storage-services/service/ll/usrep/usrep509/usrep509579/usrep509579.pdf.

57. Daubert Standard. Legal Information Institute [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.law.cornell.edu/wex/daubert_standard.

58. Daubert Standard [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.collinsattorneys.com/wp-content/uploads/docs/daubert_standard_us_supreme_court_expert_testimony.pdf.

59. Dror I.E., Charlton D. Why Experts Make Errors // Journal of Forensic Identification. 2006. Vol. 56. № 4. P. 600–616.

60. Dror I.E., Charlton D., Péron A.E. Contextual Information Renders Experts Vulnerable to Making Erroneous Identifications // Forensic Science International. 2006. Vol. 156. № 1. P. 74–78.

61. Gigerenzer G., Todd P.M., ABC Research Group. Ecological Rationality: An Adaptive View of Cognitive Limitations // Simple Heuristics That Make Us Smart. New York: Oxford University Press, 1999. P. 3–34.

62. Shannon C.E. A Mathematical Theory of Communication // Bell System Technical Journal. 1948. Vol. 27. P. 379–423 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://people.math.harvard.edu/~ctm/home/text/others/shannon/entropy/entropy.pdf.

63. Tversky A., Kahneman D. Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases // Science. 1974. Vol. 185. № 4157. P. 1124-1131.

64. Federal`ny`j zakon ot 24.07.2002 № 95-FZ «Arbitrazhny`j processual`ny`j kodeks Rossijskoj Federacii».

65. Belkin R.S. Kurs sovetskoj kriminalistiki. T. 3: Kriminalisticheskie sredstva, priemy` i rekomendacii. M., 1979. S. 55.

66. GOST 34791-2021. Sudebno-trasologicheskaya e`kspertiza. Terminy` i opredeleniya. M.: Standartinform, 2021.

67. GOST R 58081-2018. Sudebno-e`kologicheskaya e`kspertiza. Terminy` i opredeleniya. M.: Standartinform, 2018.

68. GOST R 58794-2020. Sudebnaya e`kspertiza markirovochny`x oboznachenij. Terminy` i opredeleniya. M.: Standartinform, 2020.

69. GOST R 59508-2021. Sudebno-pocherkovedcheskaya e`kspertiza. Terminy` i opredeleniya. M.: Standartinform, 2021.

70. GOST R 59529-2021. Sudebnaya stroitel`no-texnicheskaya e`kspertiza. Terminy` i opredeleniya. M.: Standartinform, 2021.

71. GOST R 70699-2023. Sudebno-pochvovedcheskaya e`kspertiza. Terminy` i opredeleniya. M.: Standartinform, 2023.

72. GOST R 71232-2024. Rody` sudebny`x e`kspertiz. Terminy` i opredeleniya. M.: Institut standartizacii, 2024.

73. Federal`ny`j zakon ot 14.11.2002 № 138-FZ «Grazhdanskij processual`ny`j kodeks Rossijskoj Federacii».

74. Federal`ny`j zakon ot 08.03.2015 № 21-FZ «Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva Rossijskoj Federacii».

75. Federal`ny`j zakon ot 30.12.2001 № 195-FZ «Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativny`x pravonarusheniyax».

76. Kozin P.A., Kuzneczov D.D. Metodicheskie rekomendacii po sudebnoj ocenochnoj e`kspertize ob``ektov nedvizhimosti (versiya 1.1). 2014.

77. Koruxov Yu.G. Slovar` osnovny`x terminov sudebny`x e`kspertiz. Moskva: SUDE`KS, 2010.

78. Koruxov Yu.G. Sudebnaya e`kspertiza v arbitrazhnom processe (Prakticheskoe posobie dlya e`kspertov i sudej). Moskva: IPK RFCzSE`, 2007.

79. Koruxov Yu.G. Sudebnaya e`kspertiza v ugolovnom processe (Prakticheskoe posobie dlya e`kspertov i sudej). M.: Press Byuro, 2010.

80. Model`ny`j zakon o sudebno-e`kspertnoj deyatel`nosti: prinyat na sorok devyatom plenarnom zasedanii Mezhparlamentskoj Assamblei gosudarstv – uchastnikov SNG 19 apr. 2019g., postanovlenie № 49-8 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://iacis.ru/public/upload/files/1/742.pdf.

81. Orlov Yu.K. Sudebnaya e`kspertiza kak sredstvo dokazy`vaniya v ugolovnom sudoproizvodstve. M.: Institut povy`sheniya kvalifikacii Rossijskogo federal`nogo centra sudebnoj e`kspertizy`, 2005.

82. Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 29.12.2010 № 28 «O sudebnoj e`kspertize po ugolovny`m delam».

83. Rossinskaya E.R., Galyashina E.I. Nastol`naya kniga sud`i: sudebnaya e`kspertiza: teoriya i praktika, tipichny`e voprosy` i nestandartny`e situacii. Moskva: Prospekt, 2025.

84. Federal`ny`j zakon ot 18.12.2001 № 174-FZ «Ugolovno-processual`ny`j kodeks Rossijskoj Federacii».

85. Federal`ny`j zakon ot 31.05.2001 № 73-FZ «O gosudarstvennoj sudebno-e`kspertnoj deyatel`nosti v Rossijskoj Federacii».

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.05.26;
одобрена после рецензирования 21.06.26;
принята к публикации 21.06.26.

The article was submitted 26.05.26;
approved after reviewing 21.06.26;
accepted for publication 21.06.26.

Евразийская адвокатура. 2026. № 4 (81). С. 156.
Eurasian Advocacy. 2026;(4(81)):156.

Актуальные проблемы юридической науки и практики

Научная статья
УДК 347.5
doi 10.52068/2304-9839_2026_81_4_156

КОНЦЕПЦИЯ СОГЛАСИЯ ПОТЕРПЕВШЕГО В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ: ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ОГРАНИЧЕНИЙ

СУНАГАТУЛЛИН Станислав Русланович
Аспирант кафедры гражданского права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус), Российская Федерация

Аннотация: В статье обосновывается сделочная природа согласия при отсутствии автоматической применимости к нему всех норм о сделках. Показано, что само по себе согласие, как правило, не создает субъективного права на причинение вреда, но предоставляет юридическую возможность совершить действие, которое без согласия нарушало бы право потерпевшего. Особое внимание уделяется согласию потерпевшего в отношении личных неимущественных прав. Обосновывается недостаточность критерия нравственных принципов общества и предлагается определять объективные пределы согласия потерпевшего с учетом прав третьих лиц, публичных интересов и, в исключительных случаях, интересов самого потерпевшего на основе конституционного принципа пропорциональности.

Ключевые слова: согласие потерпевшего, юридический факт, сделка, личные неимущественные права, принцип пропорциональности

Для цитирования: Сунагатуллин С.Р. Концепция согласия потерпевшего в российском гражданском праве: вопросы квалификации и ограничений // Евразийская адвокатура. 2026. № 4 (81). С. 156. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_81_4_156

Current Problems of Legal Science and Practice

Original article

THE CONCEPT OF VICTIM'S CONSENT IN RUSSIAN CIVIL LAW: LEGAL QUALIFICATION AND THE LIMITS OF CONSENT

SUNAGATULLIN Stanislav Ruslanovich
Postgraduate Student of the Department of Civil Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University
119991, Moscow, Leninskie Gory, 1, bldg. 13, Russian Federation

Abstract: The article argues that consent is an act of a transactional nature, while the rules governing legal transactions do not automatically apply to it in their entirety. It is demonstrated that consent does not, as a rule, create a subjective right to cause harm, but confers a legal possibility to perform an act that would otherwise constitute a violation of the victim's right. Particular attention is paid to consent concerning personal non-property rights. The article argues that the criterion of the moral principles of society is insufficient and proposes determining the objective limits of consent with regard to the rights of third parties, public interests and, in exceptional cases, the interests of the victim, on the basis of the constitutional principle of proportionality.

Keywords: victim's consent, legal fact, legal transaction, personal non-property rights, principle of proportionality

For citation: Sunagatullin S.R. The Concept of Victim's Consent in Russian Civil Law: Legal Qualification and the Limits of Consent = Eurasian Advocacy. 2026; 4 (81):156. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_81_4_156

Гражданский кодекс России предусматривает отказ в возмещении вреда, если вред причинен с согласия потерпевшего (абз. 2 п. 3 ст. 1064 ГК). Законодатель при регламентации согласия не сделал никаких отсылок к нормам, применимым к согласию, исключив из его сферы только действия делинквента, нарушающие нравственные принципы общества. Между тем возрастающая роль частной автономии человека, особенно в области личных неимущественных прав, ставит

© Сунагатуллин С.Р., 2026 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC BY).

перед частным правом вопросы об основаниях такой автономии и ее пределах.

Как нам представляется, для разработки последовательной и внутренне непротиворечивой концепции согласия потерпевшего на причинение вреда исследователю необходимо прежде всего определиться с квалификацией согласия как юридического факта, а затем, следуя логике законодателя, установить возможные пределы такого согласия, то есть случаи, при которых согласие потерпевшего не будет препятствовать возмещению вреда.

1. Согласие в системе юридических фактов

В отсутствие специальных исследований, посвященных согласию на причинение вреда в системе юридических фактов, мы вынуждены прибегнуть к небольшому экскурсу в отечественное учение о юридических фактах.

Важным этапом развития отечественного учения о юридических фактах стала работа М.М. Агаркова, являющегося одним из немногих отечественных цивилистов, отдельно упоминавших согласие на причинение вреда. Автор отмечает неисследованность вопроса о юридических актах в отношении личных прав, а конкретно – согласия управомоченного лица на вторжение в сферу, охраняемую личным правом, однако не останавливается подробно на вопросе, но допускает применение ряда положений (например, ст. 31 ГК РСФСР 1922 г., устанавливающей недействительность сделки, совершенной лишенным дееспособности или временно находящимся в таком состоянии) по аналогии к согласию на причинение вреда [6, С. 227].

Критика узкого подхода М.М. Агаркова к юридическим поступкам была представлена О.А. Красавчиковым, предложившим ныне классическое понятие юридического поступка, охватывающего совершенно разные по своей природе явления: от создания объекта до уведомления. Однако и при таком подходе ученый указывал на применимость к некоторым поступкам (названным нематериальными) требований к дееспособности и отдельных норм о сделках [10, С. 216–218].

Иными словами, действительной проблемой классификации любого юридического действия (а не только согласия на причинение вреда) является вопрос о применимости норм о сделках к нему в качестве общего правила (поскольку и к сделкоподобным действиям сделочные нормы могут применяться по аналогии).

В современной литературе согласию не посвящено самостоятельных исследований – как правило, институт лишь упоминается в работах по деликтному праву как обстоятельство, исключающее ответственность (противоправность), однако некоторые согласия потерпевшего получили квалификацию в системе юридических фактов.

Так, Останина Е.А. отрицает сделочную природу согласия на медицинское вмешательство, но признает согласия на использование имени, изображения сделкой, которое может быть дано как по договору, так и сделкой-согласием [15]. Согласие на медицинское вмешательство автор относит к особой категории правомерных действий, имеющих своим содержанием совершение фактических действий. Сходство со сделкой признается, поскольку согласие отражает свободу и автономию личности и имеет юридические последствия, однако отличается от нее, так как воля пациента не направлена на регламентацию будущих прав и обязанностей. В качестве дополнительных аргументов несделочной природы согласия пациента приводится возможность дать согласие на медицинское вмешательство недееспособным [14, С. 29–37].

Малеина М.Н. также рассматривает согласие на медицинское вмешательство не в качестве сделки, а как акцепт, основанный «на правомочии распоряжаться своим здоровьем» [11].

Представляется также полезным обращение к опыту немецкого правопорядка, в котором тема согласия на причинение вреда плодотворно обсуждалась на протяжении всего прошлого столетия.

Согласие потерпевшего не было закреплено в Германском гражданском уложении (ГГУ) и длительное время квалифицировалось доктриной в качестве сделки [5, 48]. Ключевым решением к отказу от модели объяснения согласия через сделку послужило решение Федерального Верховного Суда Германии в 1958 году [1, S. 42]: почти совершеннолетний истец прямо попросил врача не получать согласия его родителей перед операцией. Федеральный верховный суд использовал это дело как повод отказаться от сделочного подхода к согласию, не применив норму о законных представителях, и прямо указал, что согласие потерпевшего не является сделкой, допустил согласие несовершеннолетнего, если он способен оценить значение и объем вмешательства и дает разрешение на вмешательство в соответствии со своей умственной и моральной зрелостью.

Такой выбор квалификации согласия потерпевшего был, по всей видимости, во многом обусловлен двумя факторами, свойственными немецкому праву.

Во-первых, одним из значимых отличий немецкого и российского правопорядков по этому

вопросу является то, что несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет по российскому праву заключают действительные (т.е. производящие правовой эффект, на который они направлены) сделки, которые должны быть одобрены родителями или могут быть ими оспорены. Иными словами, способность сформировать и выразить волю для совершения сделки за несовершеннолетними в целом признается с 14 лет. Напротив, немецкая неполная дееспособность несовершеннолетних принципиально отлична: выделяются лишь две категории несовершеннолетних (до 7 лет и от 7 лет до 18 лет (§§ 104, 106, 107 ГГУ)), а последствием совершения сделки несовершеннолетним, в том числе старше 14 лет, без согласия законных представителей является ее «подвешенная недействительность» (schwebende Unwirksamkeit) (§ 108 ГГУ).

Во-вторых, значимое отличие заключается в разном регулировании согласия в сфере нематериальных благ. Ограниченное применение норм о сделкоспособности к согласиям несовершеннолетних объясняется в немецком праве «семейно-правовым напряжением между родительской опекой и возрастающей зрелостью подростков» [1, S. 293–294], а специальное регулирование согласия несовершеннолетних в области личных неимущественных прав (и, прежде всего, согласия на медицинское вмешательство) в Германии отсутствует [4, P. 531–532]. Исходя из этого, предпосылки заимствования немецкого судебного подхода и сложностей в квалификации согласия на причинение вреда несовершеннолетних в российском праве существенно смягчены: отечественный законодатель традиционно устанавливал и продолжает регулировать согласие на медицинское вмешательство, устанавливая для него особый возраст способности дать согласие в 15 лет, отличный от норм о неполной дееспособности несовершеннолетних (ст. 26 ГК РФ). Однако за пределами медицинского вмешательства вопрос о возрасте согласия на причинение вреда не находит ответа в законодательстве.

В то же время соображения и вопросы немецкой дискуссии по вопросу применения общих норм о сделкоспособности к согласию потерпевшего, представляют интерес для отечественного права, в том числе в отношении выработанного подхода к «согласиеспособности» несовершеннолетних, определять которую предлагается в конкретном деле, а не устанавливать общий возраст. Так, российское право прямо допускает предоставление согласия на медицинское вмешательство недееспособными лицами, опираясь на фактическую возможность недееспособного выразить согласие. Так, ч. 2 и ч. 3 ст. 20 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» предусматривают дачу информированного согласия на медицинское вмешательство, отказ от него и отзыв согласия недееспособным лицом, которому назначен законный представитель, если такое лицо по своему состоянию способно дать согласие (отказ или отзыв) на медицинское вмешательство.

На наш взгляд, ситуации с допущением согласия на причинение вреда недееспособным в виде согласия на медицинское вмешательство могут быть объяснены, пользуясь терминологией М.М. Агаркова, путем использования – в качестве исключения из генерализирующего подхода к определению дееспособности – подхода индивидуализирующего, т.е. предполагающего в отношении каждого отдельного лица устанавливать, было ли оно способно понимать значение своих поступков при совершении того или иного конкретного действия [7, С. 160].

Как представляется, к схожему (гибкому) подходу, подразумевающему признание согласия потерпевшего сделкой и, вместе с тем, отрицательный ответ на автоматическое применение всех норм о сделках (в том числе норм о дееспособности несовершеннолетних), пришла немецкая доктрина. Так, в 1965 году В. Розенер [2, S. 133] предложил ценный методологический подход, исходящий из того, что отнесение определенного явления к тому или иному правовому институту не обязательно подразумевает применимость всех положений, предусмотренных для этого института в законе. На основе чего автором предпринимается попытка разрешить проблему самоопределения лиц с неполной дееспособностью – вопроса, приведшего суды Германии к отказу от сделочного подхода. Он пришел к выводу, что, исходя из правовой идеи различных степеней зрелости, способность к согласию должна в целом отрицаться, если лицо моложе 14 лет, и в целом допускаться, если лицо старше 18 лет. В промежуточном диапазоне следует учитывать способность несовершеннолетнего дать согласие с учетом индивидуальных обстоятельств дела.

Вместе с тем, если возвращаться к «чистому» понятию сделки, следует признать, что согласие потерпевшего действительно далеко не всегда порождает правоотношение между потерпевшим и делинквентом в том смысле, что согласие не всегда создает субъективное право на стороне делинквента. С другой стороны, признание

допустимости согласия потерпевшего в отношении нематериальных благ ставит вопрос об ограничениях такого согласия.

2. Правовая позиция делинквента после получения согласия потерпевшего

Правовая позиция делинквента после получения согласия нередко квалифицируется в качестве субъективного права. Здесь можно отметить оригинальную находку советских цивилистов: несмотря на то, что ГК РСФСР 1922 г. (как и последующее советское гражданское законодательство) не упоминало согласие потерпевшего, некоторые ученые, однако, относили его к обстоятельствам, исключающим противоправность деяния. Статья 403 ГК РСФСР называла управомоченность причинителя вреда как исключающее противоправность деяния обстоятельства, что позволило К.М. Варшавскому учесть согласие потерпевшего в рамках нее [8, С. 90–91].

В то же время если проблема правовой позиции делинквента, получившего согласие потерпевшего на причинение вреда имуществу, не стоит остро (в силу признания имущественных прав вполне распоряжаемыми и отчуждаемыми), то в вопросе согласия потерпевшего на причинение вреда личным неимущественным правам и нематериальным благам квалификация позиции делинквента как субъективного права до некоторой степени подрывает постулат об их неотчуждаемости и непередаваемости.

В литературе иногда в качестве предмета сделки с нематериальным благом рассматривается субъективное право на нематериальное благо [12], иногда отдельно выделяется право на использование такого блага [13, С. 115-130], которое в отличие о неотчуждаемого имени можно передавать третьим лицам. А.Е. Шерстобитов разграничивает неотделимые от личности носителя личные блага и личные права, которые их охраняют. Поэтому если первые не являются оборотоспособными, то вторые в ряде случаев могут использоваться в гражданском обороте [9, С. 437].

Яценко Т.С. ставит вопросы о предмете сделки по поводу имени, ее природы, возможной формы и условий, однако идет дальше, обсуждая и правовую позицию «делинквента», и проблему пределов согласия правообладателя. У автора согласие на имя не является самостоятельным правом, хотя ученая и признает, что выделение особого имущественного права позволяет обеспечить участие в обороте сугубо нематериальных объектов без посягательства на их природу, предпочитая квалифицировать данную возможность в качестве правомочия в составе личного неимущественного права на имя. Ученая оправданно указывает, что в результате согласия правообладателя на использование его имени между ним и «делинквентом» возникает обязательственное правоотношение, при этом в рамках данного обязательства у пользователя возникает имущественное право, которое может принадлежать физическим и юридическим лицам и при определенных условиях способно отчуждаться [22].

Связь между отзывностью согласия на причинение вреда и правовой позицией делинквента также была выявлена в литературе. Яценко Т.С., исходя из разъяснений Верховного Суда по согласию на использование изображение указывает, что, поскольку закон допускает возникновение имущественного правоотношения, объектом которого является нематериальное благо, и устанавливает возмещение убытков, причиненных отзывом согласия, то возникшее правоотношение связывает правообладателя и пользователя, является по своей сути обязательственным, а значит, у «делинквента» есть субъективное право – имущественного характера и производного от согласия. Возможность отзыва согласия на нематериальное благо связывается автором с невозможностью принудить физическое лицо к использованию принадлежащих ему нематериальных благ, после отзыва согласия существование возникшего по этому поводу обязательства теряет смысл [22].

Останина Е.А., анализируя уже предусмотренные законодательством случаи добровольного ограничения в пользу третьего лица своих нематериальных благ, указывает, что на основе этих благ гражданин может создавать производные права, допуск к осуществлению которых может стать предметом сделки. По мнению ученой, предметом такого разрешения субъекта права не является само имущество или благо, однако «в результате такого волеизъявления адресат получает право совершить определенное действие, которое без этого разрешения признавалось бы нарушением личного неимущественного права на имя» [16].

Анализируя механизм возникновения правовой позиции «делинквента» в ситуациях предусмотренных согласий на причинение вреда личным неимущественным правам, Останина Е.А. опирается на производное конститутивное правоприобретение. Таким образом, субъективное право «делинквента» возникает в результате согласия потерпевшего-субъекта права и является случаем производного приобретения права.

Изложенные подходы позволяют утверждать, что в российской современной доктрине за

делинквентом признается субъективное право на причинение вреда после получения согласия потерпевшего. Мы соглашаемся с тем, что правовая позиция делинквента, получившего согласие на причинение вреда, может являться субъективным правом, однако не в силу данного согласия потерпевшего, а в результате реализации юридического состава, частью которого является согласие потерпевшего (например, предоставление согласия потерпевшего во исполнение договорной обязанности или регистрация товарного знака с согласия правообладателя по подп. 2 п. 9 ст. 1483 ГК РФ). На наш взгляд, данное Останиной Е.А. определение согласия на причинение вреда являются исчерпывающим, последствием согласия на причинение вреда является только лишь возможность нарушить право (в т.ч. личное неимущественное).

В этой связи особую ценность для нашей концепции представляет признание за согласием потерпевшего возможности его отзыва. При взгляде на правовую позицию делинквента с точки зрения возможности отзыва согласия потерпевшего становится очевидна невозможность (по крайней мере, в качестве общего правила) ее квалификации в качестве субъективного права, так как делинквент не приобретает юридически обеспеченную возможность причинять вред, но в то же время его правовая позиция исключительна (в том плане, что аналогичная возможность отсутствует у всех третьих лиц) и не сводима к правоспособности.

В этом смысле согласие на причинение вреда создает ситуацию, похожую на казус с тарелкой супа, цитируемый С.В. Третьяковым в связи с рассуждениями о том, любой ли набор элементов-правомочий может образовать стабильную юридически обеспеченную поведенческую возможность [18]. Ученый отрицает существование в данном случае субъективного права в связи с отсутствием исключительной поведенческой возможности, однако впоследствии, насколько мы понимаем, ученый уточнил свои взгляды, используя в качестве ключевого критерия наличия субъективного права существование у лица распорядительной власти в отношении поведенческой возможности и юридического императива [19, С. 14].

Однако в общем виде и особенно применительно к согласию потерпевшего в области личных неимущественных прав говорить о возникновении у делинквента субъективного права в силу только лишь согласия потерпевшего не приходится. Указанное не означает, что делинквент вовсе не приобретает никакой правовой позиции – как было показано, у делинквента очевидно появляется новая правовая возможность, отличающаяся от его правоспособности и отсутствующая у любых третьих лиц.

3. Пределы согласия потерпевшего

В литературе границей согласия потерпевшего обычно называют распоряжаемость соответствующим благом, на причинение вреда которому дается согласие.

Е.А. Флейшиц полагает, что права на жизнь, на здоровье, на личную свободу и на телесную неприкосновенность, несомненно, не могут быть предметом гражданско-правовых сделок. Однако Е.А. Флейшиц предлагает урегулировать «ограничение» телесной неприкосновенности в виде соглашения о производстве хирургической операции [21, С. 237–238]. Таким образом, Е.А. Флейшиц, хотя и исключает личные права из любого сделочного регулирования, прямо признает допустимость некоторых таких сделок, и, что более важно, проводит идею автономии пациента в сфере медицинских вмешательств. Мы согласны с выводами ученой в части обеспечения автономии пациента, но обращаем внимание на то, что предложенный критерий распоряжаемости не помогает (а даже вредит) признанию такой автономии, а сама автономия характерна для всех гражданско-правовых отношений (ст. 2 ГК РФ).

В аналогичное противоречие, как представляется, впадают и В.Т. Смирнов и А.А. Собчак. Ученые указывают, что телесная неприкосновенность, жизнь и здоровье не могут быть предметом согласия потерпевшего. Подробно разбирая пример из практики Верховного Суда РСФСР о неудачной попытке студента уйти в академический отпуск, закончившейся его смертью, авторы полагают, что причинение увечья или смерти с согласия или даже по настоятельной просьбе потерпевшего всегда противоправно. При этом ученые предлагают отличать от согласия случаи причинения вреда в условиях правомерного риска, когда потерпевший также дает свое согласие на совершение действий, в результате которых ему может быть причинен вред, как в случае с согласием больного на операцию или на лечение новыми препаратами [17, С. 66, 69–70]. Почему в этой ситуации у потерпевшего появляется возможность поставить свое – в иных отношениях нераспоряжаемое – здоровье под риск неудачной операции и, как следствие, вреда, авторы не уточняют.

Схожего подхода придерживается и современная литература: просьба или согласие на причинение вреда должны быть выражены в

пределах свободного распоряжения принадлежащими лицу благами, а повреждение здоровья гражданина, лишение его жизни всегда должны рассматриваться как противоправные [23].

На наш взгляд, правомочие распоряжения характерно и для личных неимущественных прав и не может быть сведено к вопросу об отчуждаемости соответствующих нематериальных благ. Как указывает С.В. Третьяков [19, С. 166, 326], категория распоряжения может пониматься в двух смыслах. В узком смысле данная категория рассматривается, прежде всего, в контексте права собственности и означает возможность субъекта определять юридическую судьбу соответствующего права. В более широком значении распоряжаемость охватывает не только решение о судьбе права, но и его защиту, в том числе посредством предъявления исковых требований, а также реализацию самого права: «даже личные неимущественные права (самый спорный случай) могут рассматриваться как распоряжаемые, хотя и подразумевающие наличие у управомоченного лишь сравнительно узкого круга распорядительных возможностей». При этом ключевым условием осуществления данного правомочия выступает автономия воли субъекта, которая характерна и для личных неимущественных прав.

Таким образом, следует признать, что полномочие распоряжения свойственно и личным неимущественным правам, что не тождественно выводу об их отчуждаемости.

Другим критерием для установления пределов согласия могли бы служить нравственные принципы общества. Исходя из текста абз. 2 п. 3 ст. 1064 ГК РФ, можно заключить, что законодатель принял решение поставить таким пределом нравственные принципы общества.

В немецкой литературе противоречие нравственности используется для обоснования недействительности согласия для решения трех различных проблем. Во-первых, к законодательным запретам и добрым нравам обращаются для определения нераспоряжаемого ядра личных неимущественных прав. Во-вторых, противоречить добрым нравам может не само согласие, а договор, лежащий в его основе, например, в случае нарушения баланса встречных предоставлений. В-третьих, на ничтожность согласия на причинение вреда из-за противоречия добрым нравам ссылаются в ситуациях, когда делинквент получил согласие, используя затруднительное положение дающего согласие лица.

Как убедительно показывает А. Оли, применительно к двум последним категориям аналогичного результата в виде непризнания эффекта согласия можно достичь путем применения сделочных норм: проверки волеизъявления потерпевшего на соблюдение формы, его толкования, а также установления пороков воли [1, S. 446]. Нам также представляется, что в основном вопрос ограничения действия согласия может и должен решаться на основе общих сделочных норм и принципов. Таким образом, нравственные принципы общества могут использоваться только лишь для определения нераспоряжаемого ядра личных неимущественных прав.

Может ли быть безнравственным действие причинителя вреда в той степени, в которой исключалось бы согласие потерпевшего, то есть потерпевшему, вопреки его в остальном действительному согласию и в противоречие с предшествующим поведением правопорядок давал бы иск из причинения вреда?

Немецкий опыт показывает, что критерий противоречия нравственности оказывается неподходящим для положительного ответа на этот вопрос. Так, в одном из решений Федерального Верховного Суда Германии [3, S. 1790] согласие на стерилизацию оценивалось с точки зрения добрых нравов, понимаемых как «основные представления о том, какое нравственное поведение, согласно господствующим воззрениям нашего правового и культурного круга, требуется от индивида в рамках социальной общности». В литературе отмечается, что в действительности этот абстрактный критерий фактически не имел значения для дальнейшего обоснования решения, а ключевым аргументом была не моральная оценка добровольной стерилизации, а баланс между правом на самоопределение и защитой дающего согласие лица от непродуманного и необратимого отказа от особо ценного блага. Этот поиск компромисса, подробно проводимый Федеральным Верховным Судом Германии в мотивировочной части решения, проходил без обращения к моральным доводам: суд пришел к выводу, что потерпевший не может дать такое согласие, поскольку его правомочие распоряжения изначально ограничено [1, S. 410].

Дополнительно интересно провести аналогию с российским правом, в котором предусмотрено достаточно строгое законодательное ограничение допустимости медицинской стерилизации без медицинских показаний: согласно ч. 1 ст. 57 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» эта процедура может быть проведена только по письменному заявлению гражданина в

возрасте старше тридцати пяти лет или гражданина, имеющего не менее двух детей. Позволяет ли сформулированный таким образом законодательный запрет стерилизации ответить на вопрос о (без)нравственности этого медицинского вмешательства при несоблюдении условий о возрасте или наличии детей? Как нам представляется, этот пример наглядно показывает неубедительность используемой законодателем категории нравственных принципов общества, которые якобы могут осуждать какое-то действие делинквента как таковое: та или иная медицинская манипуляция или, шире, действие делинквента может оказаться как нравственным и разрешенным, так и безнравственным в зависимости от обстоятельств конкретного случая.

Таким образом, критерий безнравственности (согласия потерпевшего или действий делинквента) является бессодержательным, за ним можно признать лишь формальное значение как инструмента судебного правотворчества.

Для определения объективных пределов распоряжения правом или благом немецкая доктрина предлагает искать баланс между интересом правообладателя к самоопределению и факторами, препятствующими действительности распоряжения, с опорой на используемый главным образом в конституционном праве принцип соразмерности [1, S. 410 ff.]. Тест пропорциональности для ограничения личных неимущественных прав в российской литературе был также предложен А.Х. Ульбашевым [20, С. 165].

Тест пропорциональности позволяет не только найти баланс двух конфликтующих прав, но и обосновать всякое ограничение прав. Первый этап этого теста предполагает выявление коллизии. На втором этапе происходит обоснование законности ограничения права: 1) выявляется политико-правовая цель ограничения; 2) выявляется объективная связь между ограничением права и достигаемой целью; 3) устанавливается, отвечает ли цель ограничения требованиям правопорядка; 4) осуществляется поиск непосредственно баланса (тест пропорциональности в узком смысле). На третьем этапе определяются наиболее эффективные средства правовой защиты.

Возможные правомерные цели, или основания, с которыми может конфликтовать автономия потерпевшего, включают в себя права третьих лиц, публичные интересы, а в исключительных случаях – защиту распоряжающегося лица от неблагоприятных последствий его собственного решения в ситуации, угрожающей необратимой утратой свободы (патерналистские интересы). В последнем случае риски излишнего патернализма могут смягчаться признанием отзывности согласий в области личных неимущественных прав, при котором потребность в определении объективных пределов согласия потерпевшего снижается.

Список источников

1. Ohly A. Volenti non fit iniuria. Die Einwilligung im Privatrecht. Tübingen: Mohr Siebeck, 2002.
2. Rosener W. Die Einwilligung in Heileingriffe, Diss. Berlin, 1965.
3. Urteil des Bundesgerichtshofes vom 29. Juni 1976 VI ZR 68/75 // Neue Juristische Wochenschrift. München: C.H. Beck Verlag, 1976. Vol. 29. S. 1790.
4. von Bar C. The Common European Law of Torts. Volume Two: Damage and Damages, Liability for and without Personal Misconduct, Causality, and Defences. Oxford: Oxford University Press.
5. Zitelmann E. Ausschluss der Widerrechtlichkeit // Archiv für die civilistische Praxis. 1906.
6. Агарков М.М. Понятие сделки по советскому гражданскому праву // Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т. 1: Социальная ценность частного права и отдельных институтов общей части гражданского права. М.: Статут, 2012.
7. Агарков М.М. Правоотношение (гл. XII макета учебника по теории государства и права 1948 г.) // Вестник гражданского права. 2022. № 3.
8. Варшавский К.М. Обязательства, возникающие вследствие причинения другому вреда / К.М. Варшавский. Москва: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1929.
9. Гражданское право: Учебник: В 4 т. Т. 2: Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Статут, 2019.
10. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. Москва, 1958.
11. Малеина М.Н. Договор об участии здорового гражданина в клиническом исследовании новых методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации // Медицинское право. 2020. № 5 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Малеина М.Н. Понятие и виды нематериальных благ как объектов личных неимущественных прав // Государство и право. 2014. № 7.
13. Новоселова Л.А. Распоряжение телом человека: гражданско-правовой аспект // Закон. 2021. № 8.
14. Останина Е.А. О природе и содержании информированного согласия на медицинскую помощь // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2022. Т. 7, вып. 1.
15. Останина Е.А. О договорном механизме приобретения права на использование элементов образа физического лица // Вестник гражданского права. 2025. № 2 // СПС «КонсультантПлюс».
16. Останина Е.А. Право на использование имени как объект договора. Комментарий к Определению Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 22 марта 2022 года № 43-КГ21-7-К6 // Вестник

экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 1 // СПС «КонсультантПлюс».

17. Смирнов В.Т., Собчак А.А. Общее учение о деликтных обязательствах. Л., 1983.

18. Третьяков С.В. О проблеме догматической квалификации «правомочия распоряжения» // Основные проблемы частного права: сборник статей к юбилею д-ра юрид. наук, проф. Александра Львовича Маковского / отв. ред. В.В. Витрянский, Е.А. Суханов. М.: Статут, 2010.

19. Третьяков С.В. Развитие учения о субъективном частном праве в зарубежной цивилистике: дис. … докт. юр. наук 12.00.03. Москва, 2022.

20. Ульбашев А.Х. Общее учение о личных правах. Москва, 2019.

21. Флейшиц Е.А. Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран // Флейшиц Е.А. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 1. М.: Статут, 2015.

22. Яценко Т.С. Имя физического лица как предмет сделки: от критики до признания в гражданском праве // Вестник гражданского права. 2022. № 3 // СПС «КонсультантПлюс».

23. Гражданское право: учебник / под ред. А.П. Сергеева. 2-е изд. М., 2019. Т. 3. С. 21; Шевченко А.С., Шевченко Г.Н. Деликтные обязательства в российском гражданском праве: Учебное пособие. М.: Статут, 2013 // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Ohly A. Volenti non fit iniuria. Die Einwilligung im Privatrecht. Tübingen: Mohr Siebeck, 2002.

2. Rosener W. Die Einwilligung in Heileingriffe, Diss. Berlin, 1965.

3. Urteil des Bundesgerichtshofes vom 29. Juni 1976 VI ZR 68/75 // Neue Juristische Wochenschrift. München: C.H. Beck Verlag, 1976. Vol. 29. S. 1790.

4. von Bar C. The Common European Law of Torts. Volume Two: Damage and Damages, Liability for and without Personal Misconduct, Causality, and Defences. Oxford: Oxford University Press.

5. Zitelmann E. Ausschluss der Widerrechtlichkeit // Archiv für die civilistische Praxis. 1906.

6. Agarkov M.M. Ponyatie sdelki po sovetskomu grazhdanskomu pravu // Agarkov M.M. Izbranny`e trudy` po grazhdanskomu pravu. V 2 t. T. 1: Social`naya cennost` chastnogo prava i otdel`ny`x institutov obshhej chasti grazhdanskogo prava. M.: Statut, 2012.

7. Agarkov M.M. Pravootnoshenie (gl. XII maketa uchebnika po teorii gosudarstva i prava 1948 g.) // Vestnik grazhdanskogo prava. 2022. № 3.

8. Varshavskij K.M. Obyazatel`stva, voznikayushhie vsledstvie prichineniya drugomu vreda / K.M. Varshavskij. Moskva: Yurid. izd-vo NKYu RSFSR, 1929.

9. Grazhdanskoe pravo: Uchebnik: V 4 t. T. 2: Veshhnoe pravo. Nasledstvennoe pravo. Intellektual`ny`e prava. Lichny`e neimushhestvenny`e prava / Otv. red. E.A. Suxanov. 2-e izd. pererab. i dop. M.: Statut, 2019.

10. Krasavchikov O.A. Yuridicheskie fakty` v sovetskom grazhdanskom prave. Moskva, 1958.

11. Maleina M.N. Dogovor ob uchastii zdorovogo grazhdanina v klinicheskom issledovanii novy`x metodov profilaktiki, diagnostiki, lecheniya i reabilitacii // Medicinskoe pravo. 2020. № 5 // SPS «Konsul`tantPlyus».

12. Maleina M.N. Ponyatie i vidy` nematerial`ny`x blag kak ob``ektov lichny`x neimushhestvenny`x prav // Gosudarstvo i pravo. 2014. № 7.

13. Novoselova L.A. Rasporyazhenie telom cheloveka: grazhdansko-pravovoj aspekt // Zakon. 2021. № 8.

14. Ostanina E.A. O prirode i soderzhanii informirovannogo soglasiya na medicinskuyu pomoshh` // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2022. T. 7, vy`p. 1.

15. Ostanina E.A. O dogovornom mexanizme priobreteniya prava na ispol`zovanie e`lementov obraza fizicheskogo licza // Vestnik grazhdanskogo prava. 2025. № 2 // SPS «Konsul`tantPlyus».

16. Ostanina E.A. Pravo na ispol`zovanie imeni kak ob``ekt dogovora. Kommentarij k Opredeleniyu Sudebnoj kollegii po grazhdanskim delam VS RF ot 22 marta 2022 goda № 43-KG21-7-K6 // Vestnik e`konomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii. 2023. № 1 // SPS «Konsul`tantPlyus».

17. Smirnov V.T., Sobchak A.A. Obshhee uchenie o deliktny`x obyazatel`stvax. L., 1983.

18. Tret`yakov S.V. O probleme dogmaticheskoj kvalifikacii «pravomochiya rasporyazheniya» // Osnovny`e problemy` chastnogo prava: sbornik statej k yubileyu d-ra yurid. nauk, prof. Aleksandra L`vovicha Makovskogo / otv. red. V.V. Vitryanskij, E.A. Suxanov. M.: Statut, 2010.

19. Tret`yakov S.V. Razvitie ucheniya o sub``ektivnom chastnom prave v zarubezhnoj civilistike: dis. … dokt. yur. nauk 12.00.03. Moskva, 2022.

20. Ul`bashev A.X. Obshhee uchenie o lichny`x pravax. Moskva, 2019.

21. Flejshicz E.A. Lichny`e prava v grazhdanskom prave Soyuza SSR i kapitalisticheskix stran // Flejshicz E.A. Izbranny`e trudy` po grazhdanskomu pravu: v 2 t. T. 1. M.: Statut, 2015.

22. Yacenko T.S. Imya fizicheskogo licza kak predmet sdelki: ot kritiki do priznaniya v grazhdanskom prave // Vestnik grazhdanskogo prava. 2022. № 3 // SPS «Konsul`tantPlyus».

23. Grazhdanskoe pravo: uchebnik / pod red. A.P. Sergeeva. 2-e izd. M., 2019. T. 3. S. 21; Shevchenko A.S., Shevchenko G.N. Deliktny`e obyazatel`stva v rossijskom grazhdanskom prave: Uchebnoe posobie. M.: Statut, 2013 // SPS «Konsul`tantPlyus».

Статья поступила в редакцию 10.09.26;
одобрена после рецензирования 14.09.26;
принята к публикации 15.09.26.

The article was submitted 10.09.26;
approved after reviewing 14.09.26;
accepted for publication 15.09.26.

Евразийская адвокатура. 2026. № 4 (81). С. 164.
Eurasian Advocacy. 2026;(4(81)):164.

Политика и экономика Евразии

Научная статья
УДК 342.8:004.738.5
doi 10.52068/2304-9839_2026_81_4_164

ПРАВО НА ПРОВЕРЯЕМУЮ ВИДИМОСТЬ

СПАРТАК Сергей Андреевич
Кандидат политических наук, доцент кафедры философии языка и коммуникации философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
119991, г. Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Российская Федерация

Аннотация: В статье предлагается категория «право на проверяемую видимость» – не как право на популярность, а как комплекс процессуальных гарантий, позволяющих восстановить происхождение общественно значимого цифрового охвата и механизм доступа к цифровому сервису. Формально-юридическим, сравнительно-правовым и практико-ориентированным методами исследованы румынская избирательная кампания 2024 г., российское право, французские производства в отношении X и Grok, китайское регулирование алгоритмов и ограничения распространения MAX и приложений VK. Разграничены формальная доступность, фактическая видимость и доказуемость охвата. Предложены специальный доказательственный режим для крупнейших платформ в избирательный период и режим инфраструктурной непрерывности для общественно значимых приложений. Цифровой суверенитет определяется как способность сохранить, проверить, воспроизвести и юридически исправить платформенно опосредованный процесс.

Ключевые слова: цифровой суверенитет, алгоритмическая видимость, рекомендательные системы, платформенная власть, избирательное право, Digital Services Act, магазины приложений, цифровые привратники, доказательственный доступ, инфраструктурная непрерывность

Для цитирования: Спартак С.А. Право на проверяемую видимость // Евразийская адвокатура. 2026. № 4 (81). С. 164. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_81_4_164

Policy and Economy of Eurasia

Original article

THE RIGHT TO VERIFIABLE VISIBILITY

SPARTAK Sergey Andreevich
Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy of Language and Communication of the Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University
119991, Moscow, Lomonosovsky Prospekt, 27-4, Russian Federation

Abstract: The article introduces the category of the «right to verifiable visibility» not as a right to popularity, but as a set of procedural guarantees enabling the reconstruction of the origin of socially significant digital reach and the mechanism governing access to a digital service. Using formal legal, comparative legal, and practice-oriented methods, the article examines the 2024 Romanian election campaign, Russian law, French proceedings concerning X and Grok, Chinese regulation of algorithms, and restrictions on the distribution of MAX and VK applications. It distinguishes formal availability, actual visibility, and the evidentiary verifiability of reach. A special evidentiary regime for major platforms during election periods and an infrastructure continuity regime for socially significant applications are proposed. Digital sovereignty is defined as the capacity to preserve, verify, reproduce, and legally remedy a platform-mediated process.

Keywords: digital sovereignty, algorithmic visibility, recommender systems, platform power, election law, Digital Services Act, app stores, digital gatekeepers, evidentiary access, infrastructure continuity

For citation: Spartak S.A. The Right to Verifiable Visibility = Eurasian Advocacy. 2026; 4 (81):164. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_81_4_164

© Спартак С.А., 2026 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC BY).

Введение

Разговор о цифровом суверенитете обычно начинается с вопроса о том, где размещены серверы, хранятся данные и создается программное обеспечение. Эти параметры по-прежнему важны, но платформенная среда показывает их недостаточность. Сообщение может сохраняться на сервере и формально оставаться доступным, однако не попадать в рекомендации; приложение может работать на установленных устройствах, но утратить возможность повторной установки, получения обновлений или уведомлений. Поэтому к вопросу о месте хранения необходимо добавить вопрос о том, кто и по каким правилам распределяет внимание и доступ.

Это изменение имеет самостоятельное юридическое значение. Классическое право привыкло распознавать власть по ее видимому результату: удалению, блокировке, отказу в доступе. Платформенная власть действует тоньше – меняет вероятность встречи с сообщением или лишает сервис функций, без которых он постепенно теряет жизнеспособность. Если право замечает только окончательный запрет, оно оставляет без оценки инфраструктуру, позволяющую добиться сходного эффекта без формальной блокировки.

Для описания этого слоя в статье используется понятие алгоритмической видимости – произведенных платформенной инфраструктурой объема и структуры внимания к сообщению, аккаунту, кандидату, теме или цифровому сервису. Предлагаемое «право на проверяемую видимость» не является требованием популярности и не обязывает платформу обеспечивать определенный охват. Его смысл иной: когда автоматизированная система существенно влияет на выборы, доступ к информации или функционирование общественно значимого сервиса, должны существовать процедуры, позволяющие восстановить причины, участников и правовое основание воздействия. Речь идет не об управлении популярностью, а о возможности отличить общественный интерес от технологически произведенного преимущества. Такой подход развивает идеи о ненейтральности алгоритмического отбора, частном управлении речью и воспроизводимости автоматизированных решений [1–4].

Из этой постановки вытекает исследовательская задача. Объектом выступает цифровой суверенитет как правовая способность государства и общества обеспечивать устойчивость, проверяемость и исправимость платформенно опосредованной коммуникации. Предмет составляют рекомендательные технологии, политическое продвижение, доказательственный доступ к платформенным данным и зависимость национальных сервисов от иностранных мобильных экосистем. Формально-юридический, сравнительно-правовой и практико-ориентированный методы позволяют сопоставить действующие обязанности с данными, необходимыми суду и регулятору. Научная новизна состоит в соединении распределения внимания и инфраструктурного доступа в единую модель проверяемой платформенной инфраструктуры.

Содержание и пределы права на проверяемую видимость

Для правовой оценки необходимо прежде всего развести три внешне сходных состояния. Формальная доступность означает лишь отсутствие удаления: материал или сервис существует и теоретически может быть найден. Фактическая видимость показывает реальный охват, сформированный рекомендациями, поисковой выдачей, трендами, рекламными кабинетами, уведомлениями и сетями аккаунтов. Проверяемая видимость возникает тогда, когда имеются данные, позволяющие объяснить этот результат: почему сложился именно такой охват, кто оплатил или организовал продвижение, какие параметры таргетинга применялись, менялась ли логика ранжирования и как реагировала платформа.

Но одного измерения охвата недостаточно: для права важен способ, которым возникла массовость. Она может быть результатом органического интереса, раскрытого платного продвижения, координированного неаутентичного поведения – бот-сетей, фиктивных аккаунтов и искусственных реакций – либо решения платформы, изменившей рекомендации, интерфейс, рекламный доступ, условия установки, обновлений или уведомлений. Эти механизмы нельзя смешивать. Высокая вирусность сама по себе не доказывает ни оплату, ни координацию, ни вмешательство оператора, иначе анализ превращается в недоверие к самой популярности.

Специальные обязанности платформы поэтому оправданы лишь там, где ее роль приобретает публичное значение: при крупном масштабе посредника, автоматизированном распределении внимания или доступа, возможном воздействии на конституционно значимые отношения, отсутствии равноценной альтернативы и существенности эффекта. Процессуальное ядро такого режима образуют сохранение версий систем и логов, реестр политического продвижения, сведения о плательщиках, посредниках и таргетинге, мотивирование решений, аудит и оспаривание.

Публичные агрегированные сведения могут сочетаться с защищенным доступом суда, регулятора и проверенных исследователей к чувствительным данным.

Без этого возникает доказательственный перекос: решение принимается внутри частной инфраструктуры, а знание о его причинах остается у субъекта, чьи действия оспариваются. Проверяемость размыкает этот круг, связывая последствие с решением, доказательством и нормой. Она не позволяет платформе укрыться за непознаваемостью алгоритма.

Выборы: от румынского примера к российской модели доказывания

Румынский пример важен прежде всего тем, что поставил вопрос о доказательственной цене алгоритмического охвата. 24 ноября 2024 г. независимый кандидат Кэлин Джорджеску занял первое место в первом туре президентских выборов. После повторной проверки Конституционный суд 2 декабря подтвердил результаты, однако 4 декабря были рассекречены материалы специальных служб, а 6 декабря решением № 32/2024 избирательный процесс был аннулирован [5]. Европейская комиссия 5 декабря сообщила об усиленном мониторинге и сохранении данных, а производство против TikTok по рискам для выборов открыла 17 декабря [6, 7]. Эта хронология показывает: действительность выборов оценивал национальный суд, тогда как DSA обеспечивал отдельную проверку поведения платформы.

Европейское регулирование уже содержит элементы такой логики. Статьи 34 и 35 DSA обязывают крупные платформы выявлять и снижать системные риски для гражданского дискурса и выборов, а статьи 39 и 40 создают инструменты рекламной прозрачности и доступа к данным [8]. Регламент ЕС 2024/900 усиливает прозрачность политической рекламы, но применяется в основной части с 10 октября 2025 г. согласно статье 30(2), поэтому для кампании 2024 г. служит последующим ориентиром [9]. Венецианская комиссия назвала отмену результатов ultima ratio, допустимой лишь при точном указании нарушений, достаточных доказательствах и процессуальных гарантиях [10, 11]. Проверяемыми должны быть и платформенное воздействие, и государственная реакция.

Главный урок этого примера состоит не в презумпции манипуляции при необычном росте популярности. Пересмотр результатов выборов требует последовательной цепочки: заказчик – плательщик – посредник – аккаунты и рекламные кабинеты – таргетинг или неаутентичное поведение – реакция рекомендательной системы – масштаб охвата – связь с нарушением избирательных гарантий. Чем сильнее вмешательство в выраженную волю избирателей, тем меньше в этой цепочке может оставаться предположений.

На этом фоне российская модель выглядит одновременно подготовленной и незавершенной. Федеральные законы № 67-ФЗ и № 19-ФЗ регулируют агитацию, ее финансирование и основания признания результатов недействительными [12, 13]. Статья 10.2-2 Федерального закона № 149-ФЗ требует раскрывать правила применения рекомендательных технологий и допускает запрос сведений Роскомнадзором [14]. Однако право по-прежнему видит прежде всего агитационный материал и денежный расход, а не инфраструктуру, превращающую ограниченную публикацию в событие с многомиллионным охватом. Закон не требует сохранять версии рекомендаций на протяжении кампании, вести полный реестр продвижения и предоставлять суду воспроизводимые данные о таргетинге, посредниках и координированном поведении.

Для обозначения этого недостающего объекта предлагается категория «алгоритмический ресурс кампании» – оплаченный, координированный либо специально технологически обеспеченный прирост видимости агитационного материала или политического аккаунта. Органическая популярность и обычная работа рекомендаций в него не входят: юридически значим не сам успех коммуникации, а доказуемый способ его производства. Заявитель сначала представляет prima facie данные об аномальной динамике, платеже, рекламном кабинете, синхронном поведении аккаунтов или изменении системы. Затем суд либо комиссия предписывает сохранить данные и запрашивает объяснение платформы. Окончательное бремя доказывания остается на заявителе или органе, а платформа отвечает за сведения, находящиеся исключительно под ее контролем.

Такая модель сохраняет презумпцию органического происхождения общественного интереса. Необычная популярность сама по себе не подозрительна и не может служить основанием для санкции. Проверке подлежит доказуемый инфраструктурный ресурс, посредством которого преимущество могло быть искусственно произведено. Так право защищает выборы, не присваивая себе полномочие судить о политической привлекательности кандидата.

Французский и китайский подходы: объект проверки и достоверность массовости

Французские производства показывают другую опасность – соблазн принять сам факт

расследования за готовый вывод о виновности платформы. 3 февраля 2026 г. прокуратура Парижа сообщила об обыске во французских помещениях X, а 7 мая – об открытии судебного следствия по предполагаемым деяниям, связанным с ее функционированием [15]. Эти документы подтверждают процессуальные действия, но не доказывают вину компании, ее руководителей или собственника и конкретную манипуляцию политической выдачей. Статьи 323-2 и 323-3 Уголовного кодекса Франции предусматривают ответственность за вмешательство в работу автоматизированной системы и неправомерные операции с данными, однако спорная настройка алгоритма не становится преступлением без предусмотренного законом деяния, вины и причинной связи [16].

Уголовную проверку необходимо отделять от системно-регуляторного надзора. В производстве Европейской комиссии, открытом 26 января 2026 г. в отношении рисков Grok и рекомендательных систем X, исследуются документация, тестирование и меры снижения системного риска [17]. Здесь вопрос состоит не в уже доказанном преступлении, а в исполнении превентивных обязанностей платформы. Отсутствие приговора не освобождает от них, но и производство по DSA не превращает регуляторное подозрение в уголовно-правовой факт.

Китайская модель ставит акцент иначе: она регулирует саму технологию производства массовости. Действующие с 1 марта 2022 г. Правила управления алгоритмическими рекомендациями охватывают персонализированное продвижение, ранжирование, поиск и фильтрацию, требуют проверки алгоритмов и запрещают фиктивные аккаунты, искусственные реакции, чрезмерное продвижение и манипулирование рейтингами и «горячими» темами. Для сервисов, влияющих на общественное мнение или социальную мобилизацию, предусмотрены оценка безопасности и регуляторная регистрация [18]. Для российского права ценен не масштаб административного усмотрения, а признание того, что подделываться может не только содержание, но и впечатление массовой поддержки. Заимствованию подлежат функциональный критерий значимости и обязанность сохранять проверяемые следы работы системы.

При всех различиях французский и китайский примеры сходятся в одном: право начинает видеть не только сообщение, но и среду, которая наделяет его масштабом. Достоверность публичной сферы защищается не установлением «правильной» популярности, а возможностью различить общественный интерес, раскрытое продвижение, искусственную координацию и вмешательство платформы. В этой различимости и состоит ядро проверяемой видимости.

Магазины приложений и суверенитет инфраструктуры распространения

В магазине приложений та же власть проявляется еще нагляднее: речь идет уже не только о заметности, но и о способности сервиса дойти до пользователя. 3 июня 2026 г. MAX стал недоступен в российском сегменте App Store: установленная версия продолжила работать, но повторная установка оказалась невозможной; 4 июня сервис сообщил о прекращении пуш-уведомлений. 25 июня были удалены несколько приложений VK. Apple сослалась на санкционные требования, не указав конкретную норму, юрисдикцию и запрещенную операцию [20]. Формально это не блокировка, однако сервис постепенно теряет обновления, уведомления и возможность восстановления.

Юридическая оценка осложняется хронологией. Федеральный закон № 156-ФЗ создал конструкцию многофункционального сервиса обмена информацией, не называя конкретное приложение, а ООО «Коммуникационная платформа», владелец MAX, было определено обеспечивающей организацией распоряжением Правительства РФ № 1880-р [19]. Только 13 июля 2026 г. Совет ЕС включил VK Company и Communication Platform LLC в санкционный перечень по Регламенту ЕС 2024/1485; 16 июля приложения VK и MAX исчезли из Google Play [21]. Последующая листинговая мера изменила дальнейшую комплаенс-среду, но не раскрывает ретроспективно точное основание июньских решений Apple. Установленный факт ограничения нельзя смешивать с предположением о норме, которая его якобы неизбежно требовала.

Ссылка на санкционные требования не завершает, а открывает юридический анализ. Необходимо установить применимую юрисдикцию, подсанкционное лицо, владение или контроль, запрещенную операцию, наличие лицензии и возможность менее ограничительной меры. Штраф OFSI в 390 тыс. фунтов стерлингов, наложенный на Apple Distribution International Limited за платежи в пользу Okko, объясняет осторожность комплаенса, но не доказывает основание удаления MAX или VK. Генеральная лицензия OFAC № 25G также показывает наличие исключений для интернет-коммуникаций, не давая готового ответа по конкретному приложению [24].

Даже при наличии санкционного ограничения остается вопрос о субъекте ответственности. Атрибуция решения частной корпорации государству требует оснований, предусмотренных Статьями Комиссии международного права. Одного исполнения санкционного режима недостаточно [23]. Международный пакт о гражданских и политических правах связывает государства, а не Apple, и не создает права на присутствие в конкретном магазине. Но фактическая безальтернативность экосистемы усиливает значение позитивных обязанностей государства, корпоративной due diligence и средств правовой защиты [23]. Чем ближе посредник к положению инфраструктурной юрисдикции, тем важнее мотивирование решения и возможность его оспаривания.

Российское право уже улавливает эту проблему, хотя пока не решает ее полностью. Федеральный закон № 194-ФЗ, действующий с 1 сентября 2025 г., запрещает ограничивать через единый магазин установку, использование, поиск, обновление, настройку, взаимодействие и уведомления российских приложений [22]. Тем самым законодатель исходит из того, что жизненный цикл программы не исчерпывается первоначальной установкой. Но трансграничное исполнение запрета требует отдельного механизма, а статья 10 Федерального закона № 135-ФЗ применима лишь при доказанности доминирования и злоупотребления [25]. Сравнительный ориентир дает статья 6(4) Digital Markets Act, обязывающая саму систему технически обеспечивать альтернативную установку и использование сторонних приложений при соблюдении требований безопасности [26]. Это режим альтернативной дистрибуции, а не безусловное право на листинг.

Здесь право на проверяемую видимость переходит в требование проверяемой жизнеспособности сервиса. Приложение может оставаться на устройстве, но без обновлений, уведомлений и совместимости его присутствие становится формальным. Юридическая оценка должна поэтому охватывать весь жизненный цикл и различать ограничение отдельной операции, временное снижение функциональности и полное инфраструктурное отключение. Такая градация позволяет искать соразмерную меру, а не выбирать только между безусловным допуском и цифровым исчезновением.

Элементы режима проверяемой платформенной инфраструктуры

Из рассмотренных примеров складывается общий режим проверяемой платформенной инфраструктуры. Его первый элемент – специальный избирательный порядок для значимых платформ, применяемый с учетом масштаба аудитории, роли в политической коммуникации, сетевого эффекта и отсутствия равноценного канала. В период кампании платформы должны сохранять версии рекомендательных систем, историю существенных изменений, сведения о политической рекламе и оплаченном продвижении, плательщиках и посредниках, параметрах таргетинга, неаутентичном поведении и динамике охвата. Срок, состав и формат хранения следует определять заранее, а срочное предписание о сохранении данных должно исключать их утрату после возникновения спора.

Второй элемент – доказательственный доступ, без которого обязанность хранения превращается в формальность. Суд, комиссии и регулятор должны получать данные по мотивированному запросу, а проверенные исследователи – обезличенные или защищенные массивы. Персональные данные и коммерческая тайна требуют закрытой среды анализа и журналирования доступа, но не создают абсолютного иммунитета от проверки. Вместе с тем санкция не может основываться только на закрытых утверждениях без доступного суду доказательственного ядра.

Третий элемент – инфраструктурная непрерывность. Решение об ограничении общественно значимого приложения должно называть применимую норму, территорию, затронутые функции и порядок ускоренной апелляции. При отсутствии вредоносного кода или иной неотложной угрозы прежде полного удаления следует рассмотреть менее ограничительные варианты: блокирование платежей или монетизации, ограничение отдельной функции или юрисдикции, временное сохранение критических обновлений безопасности и уведомлений. Долгосрочная задача состоит не в замене власти одного магазина властью другого субъекта, а в устранении единственной точки отказа через альтернативную установку и обновления, надежную подпись кода, совместимые интерфейсы и резервные каналы коммуникации.

Заключение

Предлагаемая конструкция позволяет увидеть общую проблему за внешне различными кейсами. Румынский пример ставит вопрос о доказуемости происхождения политического охвата и допустимости отмены результатов выборов. Российское право обнаруживает разрыв между регулируемым агитационным материалом и почти невидимым алгоритмическим ресурсом кампании. Французские разбирательства требуют разграничивать уголовное обвинение и

превентивный надзор. Китайская модель обращает внимание на достоверность массовости, а ограничения приложений показывают, как контроль над распространением превращается в контроль над жизнеспособностью сервиса. Во всех случаях право на проверяемую видимость означает не право быть популярным и не разрешение государству управлять содержанием, а требование доказуемости там, где частная инфраструктура производит общественно значимый результат.

Цифровой суверенитет в таком понимании противостоит не трансграничности технологий. Его антипод – ситуация, в которой общественно значимое решение невозможно объяснить, проверить или исправить, а единственная точка отказа остается вне эффективного контроля. Правовое содержание суверенитета образуют способность сохранить данные, воспроизвести причинную цепочку, обеспечить проверку и оспаривание, а при необходимости восстановить функциональную непрерывность. Сильное право не заменяет одну непрозрачную монополию другой, а делает власть над вниманием и доступом юридически видимой и подотчетной.

Список источников

1. Gillespie T. The Relevance of Algorithms // Media Technologies: Essays on Communication, Materiality, and Society / ed. by T. Gillespie, P.J. Boczkowski, K.A. Foot. Cambridge, MA: MIT Press, 2014. P. 167–194. DOI: 10.7551/mitpress/9780262525374.003.0009.
2. Balkin J.M. Free Speech in the Algorithmic Society: Big Data, Private Governance, and New School Speech Regulation // UC Davis Law Review. 2018. Vol. 51. P. 1149–1210 [Электронный ресурс]. URL: https://lawreview.law.ucdavis.edu/archives/51/3/free-speech-algorithmic-society-big-data-private-governance-and-new-school-speech.
3. Klonick K. The New Governors: The People, Rules, and Processes Governing Online Speech // Harvard Law Review. 2018. Vol. 131. No. 6. P. 1598–1670 [Электронный ресурс]. URL: https://harvardlawreview.org/print/vol-131/the-new-governors-the-people-rules-and-processes-governing-online-speech/.
4. Cobbe J., Singh J. Reviewable Automated Decision-Making // Computer Law & Security Review. 2020. Vol. 39. Art. 105475. DOI: 10.1016/j.clsr.2020.105475.
5. Curtea Constituțională a României. Ruling No. 32 of 6 December 2024 on the Annulment of the Electoral Process Regarding the Election of the President of Romania in 2024 [Электронный ресурс]. URL: https://www.ccr.ro/wp-content/uploads/2025/02/RULING-No-32-2024.pdf.
6. European Commission. Commission, Online Platforms and Civil Society Increase Monitoring During Romanian Elections. 5 December 2024 [Электронный ресурс]. URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/news/commission-online-platforms-and-civil-society-increase-monitoring-during-romanian-elections.
7. European Commission. Commission Opens Formal Proceedings against TikTok on Election Risks under the Digital Services Act. 17 December 2024 [Электронный ресурс]. URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/news/commission-opens-formal-proceedings-against-tiktok-election-risks-under-digital-services-act.
8. Regulation (EU) 2022/2065 of 19 October 2022 on a Single Market for Digital Services (Digital Services Act). Arts. 34, 35, 39, 40 [Электронный ресурс]. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/2065/oj/eng.
9. Regulation (EU) 2024/900 of 13 March 2024 on the Transparency and Targeting of Political Advertising. Art. 30(2) [Электронный ресурс]. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/900/oj/eng.
10. European Commission for Democracy through Law (Venice Commission). Urgent Report on the Cancellation of Election Results by Constitutional Courts, CDL-AD(2025)003. Strasbourg, 27 January 2025 [Электронный ресурс]. URL: https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD%282025%29003-e.
11. OSCE/ODIHR. Romania, Repeat Presidential Election, 4 and 18 May 2025: Final Report. 28 October 2025 [Электронный ресурс]. URL: https://odihr.osce.org/odihr/elections/romania/600295.
12. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/.
13. Федеральный закон от 10.01.2003 № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40445/.
14. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Ст. 10.2-2 [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/.
15. Parquet de Paris. Une perquisition est diligentée dans les locaux français de la plateforme X. 03.02.2026; Ouverture d'une information judiciaire concernant le fonctionnement de la plateforme X. 07.05.2026 [Электронный ресурс]. URL: https://www.tribunal-de-paris.justice.fr/sites/default/files/2026-02/20260203CPXFrance.pdf; https://www.tribunal-de-paris.justice.fr/sites/default/files/2026-05/2026-05-07%20-%20CP%20ouverture%20d%27information%20sur%20X.pdf.
16. Code pénal français. Articles 323-2, 323-3. Légifrance [Электронный ресурс]. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000030939443; https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000030939448.
17. European Commission. Commission Investigates Grok and X's Recommender Systems under the Digital Services Act. 26 January 2026 [Электронный ресурс]. URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/news/commission-investigates-grok-and-xs-recommender-systems-under-digital-services-act.
18. 互联网信息服务算法推荐管理规定 [Правила управления алгоритмическими рекомендациями в интернет-информационных сервисах]: приказ № 9; действуют с 01.03.2022 [Электронный ресурс]. URL:

https://www.cac.gov.cn/2022-01/04/c_1642894606364259.htm.

19. Федеральный закон от 24.06.2025 № 156-ФЗ «О создании многофункционального сервиса обмена информацией…»; распоряжение Правительства РФ от 12.07.2025 № 1880-р [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_508287/; https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202507150024.

20. Ограничения приложений MAX и VK в App Store: Интерфакс. 03.06.2026, 04.06.2026, 25.06.2026; Reuters. 25.06.2026 [Электронный ресурс]. URL: https://www.interfax.ru/russia/1093707; https://www.interfax.ru/business/1098256; https://www.reuters.com/world/europe/kremlin-demands-explanation-apple-after-russian-apps-removed-app-store-2026-06-25/.

21. Council Implementing Regulation (EU) 2026/1708 of 13 July 2026; «Приложения VK и MAX исчезли из Google Play» // Интерфакс. 16.07.2026 [Электронный ресурс]. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg_impl/2026/1708/oj/eng; https://www.interfax.ru/digital/1103699.

22. Федеральный закон от 07.07.2025 № 194-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей"« [Электронный ресурс]. URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_509282/.

23. International Law Commission. Articles on Responsibility of States. 2001; International Covenant on Civil and Political Rights. 1966; Human Rights Committee. General Comment No. 34. 2011; UN Guiding Principles on Business and Human Rights. 2011 [Электронный ресурс]. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/draft_articles/9_6_2001.pdf; https://www.ohchr.org/sites/default/files/english/bodies/hrc/docs/gc34.pdf; https://www.ohchr.org/sites/default/files/documents/publications/guidingprinciplesbusinesshr_en.pdf.

24. Apple. Global Trade Compliance; App Store Support; OFAC General License No. 25G; OFSI. Monetary Penalty – Apple Distribution International Limited. 19.03.2026 [Электронный ресурс]. URL: https://www.apple.com/legal/more-resources/gtc.html; https://developer.apple.com/support/app-store/; https://ofac.treasury.gov/media/933536/download?inline=;https://assets.publishing.service.gov.uk/media/69ca1da04321776215360a1c/ADI_Public_Penalty_Notice.pdf.

25. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции». Ст. 10, 10.1 [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/.

26. Regulation (EU) 2022/1925 (Digital Markets Act). Art. 6(4); European Commission. App Distribution; Правила КНР об информационных сервисах мобильных приложений. 2022 [Электронный ресурс]. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/1925/oj/eng; https://www.cac.gov.cn/2022-06/14/c_1656821626455324.htm.

References

1. Gillespie T. The Relevance of Algorithms // Media Technologies: Essays on Communication, Materiality, and Society / ed. by T. Gillespie, P.J. Boczkowski, K.A. Foot. Cambridge, MA: MIT Press, 2014. P. 167–194. DOI: 10.7551/mitpress/9780262525374.003.0009.

2. Balkin J.M. Free Speech in the Algorithmic Society: Big Data, Private Governance, and New School Speech Regulation // UC Davis Law Review. 2018. Vol. 51. P. 1149–1210 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://lawreview.law.ucdavis.edu/archives/51/3/free-speech-algorithmic-society-big-data-private-governance-and-new-school-speech.

3. Klonick K. The New Governors: The People, Rules, and Processes Governing Online Speech // Harvard Law Review. 2018. Vol. 131. No. 6. P. 1598–1670 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://harvardlawreview.org/print/vol-131/the-new-governors-the-people-rules-and-processes-governing-online-speech/.

4. Cobbe J., Singh J. Reviewable Automated Decision-Making // Computer Law & Security Review. 2020. Vol. 39. Art. 105475. DOI: 10.1016/j.clsr.2020.105475.

5. Curtea Constituțională a României. Ruling No. 32 of 6 December 2024 on the Annulment of the Electoral Process Regarding the Election of the President of Romania in 2024 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.ccr.ro/wp-content/uploads/2025/02/RULING-No-32-2024.pdf.

6. European Commission. Commission, Online Platforms and Civil Society Increase Monitoring During Romanian Elections. 5 December 2024 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/news/commission-online-platforms-and-civil-society-increase-monitoring-during-romanian-elections.

7. European Commission. Commission Opens Formal Proceedings against TikTok on Election Risks under the Digital Services Act. 17 December 2024 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/news/commission-opens-formal-proceedings-against-tiktok-election-risks-under-digital-services-act.

8. Regulation (EU) 2022/2065 of 19 October 2022 on a Single Market for Digital Services (Digital Services Act). Arts. 34, 35, 39, 40 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/2065/oj/eng.

9. Regulation (EU) 2024/900 of 13 March 2024 on the Transparency and Targeting of Political Advertising. Art. 30(2) [E`lektronny`j resurs]. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/900/oj/eng.

10. European Commission for Democracy through Law (Venice Commission). Urgent Report on the Cancellation of Election Results by Constitutional Courts, CDL-AD(2025)003. Strasbourg, 27 January 2025 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD%282025%29003-e.

11. OSCE/ODIHR. Romania, Repeat Presidential Election, 4 and 18 May 2025: Final Report. 28 October 2025 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://odihr.osce.org/odihr/elections/romania/600295.

12. Federal`ny`j zakon ot 12.06.2002 № 67-FZ «Ob osnovny`x garantiyax izbiratel`ny`x prav i prava na uchastie v referendume grazhdan Rossijskoj Federacii» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/.

13. Federal`ny`j zakon ot 10.01.2003 № 19-FZ «O vy`borax Prezidenta Rossijskoj Federacii» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40445/.

14. Federal`ny`j zakon ot 27.07.2006 № 149-FZ «Ob informacii, informacionny`x texnologiyax i o zashhite informacii». St. 10.2-2 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/.

15. Parquet de Paris. Une perquisition est diligentée dans les locaux français de la plateforme X. 03.02.2026; Ouverture d'une information judiciaire concernant le fonctionnement de la plateforme X. 07.05.2026 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.tribunal-de-paris.justice.fr/sites/default/files/2026-02/20260203CPXFrance.pdf; https://www.tribunal-de-paris.justice.fr/sites/default/files/2026-05/2026-05-07%20-%20CP%20ouverture%20d%27information%20sur%20X.pdf.

16. Code pénal français. Articles 323-2, 323-3. Légifrance [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000030939443; https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000030939448.

17. European Commission. Commission Investigates Grok and X's Recommender Systems under the Digital Services Act. 26 January 2026 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/news/commission-investigates-grok-and-xs-recommender-systems-under-digital-services-act.

18. 互联网信息服务算法推荐管理规定 [Pravila upravleniya algoritmicheskimi rekomendaciyami v internet-informacionny`x servisax]: prikaz № 9; dejstvuyut s 01.03.2022 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.cac.gov.cn/2022-01/04/c_1642894606364259.htm.

19. Federal`ny`j zakon ot 24.06.2025 № 156-FZ «O sozdanii mnogofunkcional`nogo servisa obmena informaciej…»; rasporyazhenie Pravitel`stva RF ot 12.07.2025 № 1880-r [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_508287/; https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202507150024.

20. Ogranicheniya prilozhenij MAX i VK v App Store: Interfaks. 03.06.2026, 04.06.2026, 25.06.2026; Reuters. 25.06.2026 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.interfax.ru/russia/1093707; https://www.interfax.ru/business/1098256; https://www.reuters.com/world/europe/kremlin-demands-explanation-apple-after-russian-apps-removed-app-store-2026-06-25/.

21. Council Implementing Regulation (EU) 2026/1708 of 13 July 2026; «Prilozheniya VK i MAX ischezli iz Google Play» // Interfaks. 16.07.2026 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg_impl/2026/1708/oj/eng; https://www.interfax.ru/digital/1103699.

22. Federal`ny`j zakon ot 07.07.2025 № 194-FZ «O vnesenii izmenenij v Zakon Rossijskoj Federacii «O zashhite prav potrebitelej"« [E`lektronny`j resurs]. URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_509282/.

23. International Law Commission. Articles on Responsibility of States. 2001; International Covenant on Civil and Political Rights. 1966; Human Rights Committee. General Comment No. 34. 2011; UN Guiding Principles on Business and Human Rights. 2011 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/draft_articles/9_6_2001.pdf; https://www.ohchr.org/sites/default/files/english/bodies/hrc/docs/gc34.pdf; https://www.ohchr.org/sites/default/files/documents/publications/guidingprinciplesbusinesshr_en.pdf.

24. Apple. Global Trade Compliance; App Store Support; OFAC General License No. 25G; OFSI. Monetary Penalty – Apple Distribution International Limited. 19.03.2026 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.apple.com/legal/more-resources/gtc.html; https://developer.apple.com/support/app-store/; https://ofac.treasury.gov/media/933536/download?inline=; https://assets.publishing.service.gov.uk/media/69ca1da04321776215360a1c/ADI_Public_Penalty_Notice.pdf.

25. Federal`ny`j zakon ot 26.07.2006 № 135-FZ «O zashhite konkurencii». St. 10, 10.1 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/.

26. Regulation (EU) 2022/1925 (Digital Markets Act). Art. 6(4); European Commission. App Distribution; Pravila KNR ob informacionny`x servisax mobil`ny`x prilozhenij. 2022 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/1925/oj/eng; https://www.cac.gov.cn/2022-06/14/c_1656821626455324.htm.

Статья поступила в редакцию 29.06.26;
одобрена после рецензирования 07.07.26;
принята к публикации 07.07.26.

The article was submitted 29.06.26;
approved after reviewing 07.07.26;
accepted for publication 07.07.26.

Евразийская адвокатура. 2026. № 4 (81). С. 172.
Eurasian Advocacy. 2026;(4(81)):172.

Политика и экономика Евразии

Научная статья
УДК 342.41
doi 10.52068/2304-9839_2026_81_4_172

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ИНСТИТУТА СЕМЬИ И СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

АРЗУМАНОВА Сильва Михайловна
Кандидат юридических наук, доцент кафедры публично-правовых и частноправовых дисциплин Института юриспруденции и инжиниринга Пятигорского государственного университета
357532, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9, Российская Федерация
РЯБОВА Татьяна Владимировна
Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры публично-правовых и частноправовых дисциплин Института юриспруденции и инжиниринга Пятигорского государственного университета
357532, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9, Российская Федерация

Аннотация: В статье рассматриваются основные направления государственной политики в сфере развития и сохранения института семьи и семейных ценностей. Особое внимание уделяется определению института семьи и его значению в настоящее время, а также проведен анализ конституционно-правового регулирования и защиты семейных ценностей. Установлено, что с учетом особенностей различных субъектов Российской Федерации правовое регулирование института семьи закреплено по-разному, но имеет одинаковую правовую защиту. Акцентировано внимание на реализации государственной политики Российской Федерации по сохранению института семьи и семейных ценностей. Выявлены основные проблемы в реализации государственной политики и определены основные направления для достижения задач по укреплению авторитета семьи и семейных ценностей.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, семья, семейные ценности, институт семьи, государственная политика, государство, общество, государственная поддержка, защита семейных ценностей

Для цитирования: Арзуманова С.М., Рябова Т.В. Конституционно-правовые основы государственной политики Российской Федерации в сфере защиты института семьи и семейных ценностей // Евразийская адвокатура. 2026. № 4 (81). С. 172. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_81_4_172

Policy and Economy of Eurasia

Original article

THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF THE STATE POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE FIELD OF PROTECTION OF THE INSTITUTION OF THE FAMILY AND FAMILY VALUES

ARZUMANOVA Silva Mikhailovna
Candidate of Law, Associate Professor, Department of Public Law and Private Law Disciplines, Institute of Jurisprudence and Engineering of Pyatigorsk State University
357532, Pyatigorsk, Kalinin Str., 9, Russian Federation
RYABOVA Tatiana Vladimirovna
Candidate of Law, Senior Lecturer, Department of Public Law and Private Law Disciplines, Institute of Jurisprudence and Engineering of Pyatigorsk State University
357532, Pyatigorsk, Kalinin Str., 9, Russian Federation

Abstract: The article examines the main directions of state policy in the field of development and preservation of the institution of the family and family values. Special attention is paid to the definition of the institution of the family and its significance at the present time, as well as an analysis of the constitutional and legal regulation and protection of family values. It is established that, taking into account the peculiarities of various subjects of the Russian Federation, the legal regulation of the institution of the family is fixed in different ways, but has the same legal protection. Attention is focused on the implementation of the state policy of the Russian Federation to preserve the institution of the family and

© Арзуманова С.М., Рябова Т.В., 2026 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC BY).

family values. The main problems in the implementation of state policy have been identified and the main directions for achieving the objectives of strengthening the authority of the family and family values have been identified.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, family, family values, the institution of the family, state policy, the state, society, state support, protection of family values

For citation: Arzumanova S.M., Ryabova T.V. The Constitutional and Legal Foundations of the State Policy of the Russian Federation in the Field of Protection of the Institution of the Family and Family Values = Eurasian Advocacy. 2026; 4 (81):172. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_81_4_172

Семья – активное начало, она переходит от низшей формы к высшей по мере того, как общество развивается от низшей ступени к высшей [1, С. 52–57].

Исторически сложилось так, что общество эволюционным путем пришло к тому, что у многих народов семья, возникшая из группового брака, преобразовалась в индивидуальную семью современного мира, «двухатомную молекулу» – к одному мужчине и одной женщине [1, С. 28].

Развитие института семьи обусловливает вектор развития самого общества. Таким образом, семья является своего рода отражением развития государства и общества в целом.

По определению семья представляет собой историческую форму связи между ближайшими родственниками по материнской или отцовской линии, «основанную на кровном родстве малую группу, члены которой связаны общностью быта, взаимной моральной ответственностью и взаимопомощью» [2, С. 765].

Истинная семья может быть основана лишь на фундаменте истинной любви, сущность которой – желание и потребность давать, а не брать [3, С. 15]. Для создания хорошей семьи нужна истинная любовь, регулируемая законами правды, добра, разума, основанная на почитании отца и матери.

Немаловажно отметить, что семья как исходная социальная группа является важным звеном государства и общества. Она способствует социальному здоровью и общественной безопасности страны. Новеллы Конституции РФ относительно запрета однополых браков сыграли важную роль в установлении национальных ценностей и защите государства и общества от чуждой нам идеологии. Россия установила свою конституционную идентичность, основанную на новых принципах. Как отмечает Т.В. Рябова, «под конституционной идентичностью понимается самоидентификация государства, его национальная культура … ценности…»[7, С. 232].

Как отмечает Ю.В. Гуполов, институт семьи «стабилизирует всю систему общественных отношений, несет позитивную консервативную тенденцию, позволяет власти маневрировать, внедряя новые нравственные ценности на фоне формирования имиджа охранителя привычных бытовых стандартов» [4, С. 3].

В нынешней России институт семьи и брака стал развиваться с позиции уважения семейных ценностей и традиций, приобрел особый смысл и стал одним из ключевых объектов государственной политики.

Отнесение таких семейных ценностей, как семья, материнство, детство и отцовство, к правовым категориям позволяет Конституция Российской Федерации, которая возвела их в число конституционных [5].

Такие правовые основы отражены в обновленной Конституции – это закрепление брака как союза мужчины и женщины (ст. 72). «В новом мире, где постепенно стираются границы добра и зла, границы морали и нравственных ценностей, данная поправка, которая, еще несколько десятилетий назад казалась бы обычным положением вещей, сейчас закреплена на конституционном уровне и выступает составным элементом конституционной идентичности России» [6, С. 234].

В развитие конституционных положений Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 года были утверждены основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, которые, по нашему мнению, задали новый вектор развития российского государства, общества и семьи как его основной ячейки [7].

К традиционным ценностям данный акт относит и жизнь, и права, и свободы человека, и достоинство, и патриотизм, а также гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу. В них заключены высокие нравственные идеалы, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие и справедливость, крепкая семья, созидательный труд, историческая память и преемственность поколений, единство народов Российской Федерации. Данный указ как нельзя кстати отражает реалии современной действительности, жизни мирового сообщества.

Семья – это нерушимая связь поколений, основой которой является поддержка и любовь. Эта любовь, в свою очередь, создает чувство

безопасности, которое сопровождает нас на протяжении всей жизни. Как справедливо отметил Президент Российской Федерации В.В. Путин, семья дает людям понимание многих простых, но важных истин, которые впоследствии становятся нравственными ориентирами. Более того, он отождествляет государство с огромной семьей, где веками представители разных народностей, культур и религий находятся в добрососедских отношениях, мире и согласии. «Россия – это действительно огромная семья, можно сказать, семья семей. Ведь здесь столетиями в мире и согласии живут люди разных национальностей, а многообразие их культур, языков, обычаев не разделяет, нет, а напротив, объединяет Россию. Потому что у нас общие ценности большой дружной семьи. Они делают нас более сильными, уверенными и сплоченными. Любые трудности можно одолеть, когда такая огромная страна, как наша, едина. И любых целей можно достичь, когда мы все вместе», – пояснил глава государства [8].

В целях укрепления и развития семьи и семейных ценностей как основы государственной политики в ноябре 2023 года был издан Указ Президента Российской Федерации № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи» [9].

В России семья традиционно формировалась на религиозной основе. Семья как носитель духовной традиции нашла отражение в развитии личности, общества и государства.

Как отмечает С.М. Арзуманова, реализация государственной политики в сфере защиты семьи и семейных ценностей не менее важна с учетом особенностей различных субъектов Российской Федерации – «каждый народ, проживающий здесь, сохраняет колорит и самобытность, но одно остается неизменным – дань традициям, истории своего народа, сохранение образа семьи, уважение к старшему поколению» [10, С. 278].

Права и интересы семьи, а также их защиту нормативный правовой акт связывает с выполнением ею воспитательной, жизнеохранительной, производственной, потребительской и социально-культурной функций (ст. 1).

В качестве задач, которые устанавливает закон и которые, по нашему мнению, являются значимыми с точки зрения современного института семьи, стоит отметить возрождение, укрепление престижа семьи, родительского авторитета и восстановление приоритета семейного воспитания детей.

Однако среди указанных задач базовой выступает усиление престижа семьи и семейных традиций – как сложившихся годами обычаев, ритуалов, почитаемых и проводимых в каждой семье регулярно.

Целью государственной политики в области защиты прав семьи, материнства, отцовства и детства является установление социально-экономических, организационных, правовых гарантий для развития семьи и ее всесторонней самореализации.

В этой связи органы государственной власти и местного самоуправления оказывают семьям необходимую социальную поддержку для удовлетворения не только материальных потребностей, но и реализуют социальную функцию государства по оказанию помощи семьям, оказавшимся в сложной ситуации, проводят демографическую политику.

На основании проведенного исследования можно сделать ряд выводов.

Происходящие изменения с институтом семьи в современном государстве и обществе могут быть определены, с одной стороны, как кризис, возникший в результате обширного влияния западной культуры и традиций и отхода от традиционных ценностей и идеалов, исторически сложившихся у наших предков, с другой – как модификация, то есть преобразование с учетом потребностей современного общества. Однако система семейных ценностей не стоит на месте, она развивается, как развивается и само общество.

В семейной политике в настоящее время государство в лице своих органов, а также общественных и религиозных организаций, стремится к восстановлению традиционных семейных ценностей и усилению контроля над демографическим и семейным поведением членов своего общества как на федеральном, так и на региональном уровне, что находит свое подтверждение в рассмотренных нормативных правовых актах, регулирующих институт семьи и определяющих семейные ценности. Однако для достижения задач по укреплению авторитета семьи и семейных ценностей, обозначенных в федеральных и региональных нормативных правовых актах, на наш взгляд, необходимо в первую очередь создать и обеспечить стабильность экономики, развивать социальную политику, которая будет в состоянии учесть интересы индивидуума в создании семьи, рождении и воспитании детей в духе традиционных семейных ценностей.

Список источников

1. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. М.: Политиздат, 1989. 224 с.

2. Большая советская энциклопедия / гл. ред. О.Ю. Шмидт. Ручное огнестрельное оружие – Серицит Т. 50. М.: ОГИЗ РСФСР, 1944. 464 с.

3. Арсталь А. Семья и ее задачи : книга для родителей и воспитателей, составленная родителями и друзьями детей / под редакцией Акселя Арсталя ; разработанный и дополненный для русских читателей перевод с норвежского подлинника А. и П. Ганзен. СПб.: издание А.Ф. Маркса, [1903]. 461 с.

4. Гуполов Ю.В. Формирование института советской семьи как объекта государственной политики: 1917-1940 г.г. (на материалах РСФСР): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2012.

5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. URL: http://base.consultant.ru/.

6. Рябова Т.В. Конституционная идентичность России в современных условиях государственного развития // Проблемы конституционно-правового развития России : Сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню Конституции Российской Федерации, Ростов-на-Дону, 13 декабря 2021 года / Под редакцией А.Н. Позднышова, Э.Э. Баринова, Е.В. Маркиной. Ростов-на-Дону: Общество с ограниченной ответственностью «АзовПринт», 2022. С. 231-235. EDN JVCBSW.

7. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. URL: http://base.consultant.ru/.

8. Российская Газета. Федеральный выпуск от 23.01.2024 № 9255 [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2024/01/23/putin-dal-start-godu-semi-v-rossii.html.

9. Указ Президента Российской Федерации от 22.11.2023 № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи» // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. URL: http://base.consultant.ru/.

10. Конституционное обеспечение защиты семьи и семейных ценностей / С.М. Арзуманова, Э.И. Атагимова, З.К. Аюпова [и др.]. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2025. 440 с. ISBN 978-5-392-43572-2. EDN DHYCIS.

References

1. E`ngel`s F. Proisxozhdenie sem`i, chastnoj sobstvennosti i gosudarstva. V svyazi s issledovaniyami L`yuisa G. Morgana. M.: Politizdat, 1989. 224 s.

2. Bol`shaya sovetskaya e`nciklopediya / gl. red. O.Yu. Shmidt. Ruchnoe ognestrel`noe oruzhie – Sericit T. 50. M.: OGIZ RSFSR, 1944. 464 s.

3. Arstal` A. Sem`ya i ee zadachi : kniga dlya roditelej i vospitatelej, sostavlennaya roditelyami i druz`yami detej / pod redakciej Akselya Arstalya ; razrabotanny`j i dopolnenny`j dlya russkix chitatelej perevod s norvezhskogo podlinnika A. i P. Ganzen. SPb.: izdanie A.F. Marksa, [1903]. 461 s.

4. Gupolov Yu.V. Formirovanie instituta sovetskoj sem`i kak ob``ekta gosudarstvennoj politiki: 1917–1940 g.g. (na materialax RSFSR): avtoref. dis. … kand. ist. nauk. M., 2012.

5. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrenny`mi v xode obshherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // SPS «Konsul`tant Plyus» [E`lektronny`j resurs]. URL: http://base.consultant.ru/.

6. Ryabova T.V. Konstitucionnaya identichnost` Rossii v sovremenny`x usloviyax gosudarstvennogo razvitiya // Problemy` konstitucionno-pravovogo razvitiya Rossii: Sbornik nauchny`x statej po materialam Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashhennoj Dnyu Konstitucii Rossijskoj Federacii, Rostov-na-Donu, 13 dekabrya 2021 goda / Pod redakciej A.N. Pozdny`shova, E`.E`. Barinova, E.V. Markinoj. Rostov-na-Donu: Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost`yu AzovPrint, 2022. S. 231–235. EDN JVCBSW.

7. Ukaz Prezidenta RF ot 09.11.2022 № 809 «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj politiki po soxraneniyu i ukrepleniyu tradicionny`x rossijskix duxovno-nravstvenny`x cennostej» // SPS «Konsul`tant Plyus» [E`lektronny`j resurs]. URL: http://base.consultant.ru/.

8. Rossijskaya Gazeta. Federal`ny`j vy`pusk ot 23.01.2024 № 9255 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://rg.ru/2024/01/23/putin-dal-start-godu-semi-v-rossii.html.

9. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 22.11.2023 № 875 «O provedenii v Rossijskoj Federacii Goda sem`i» // SPS «Konsul`tant Plyus» [E`lektronny`j resurs]. URL: http://base.consultant.ru/.

10. Konstitucionnoe obespechenie zashhity` sem`i i semejny`x cennostej / S.M. Arzumanova, E`.I. Atagimova, Z.K. Ayupova [i dr.]. M.: Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost`yu Prospekt, 2025. 440 s. ISBN 978-5-392-43572-2. EDN DHYCIS.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.09.26;
Одобрена после рецензирования 26.09.26;
принята к публикации 26.09.26.

The article was submitted 07.09.26;
approved after reviewing 26.09.26;
accepted for publication 26.09.26.

Евразийская адвокатура. 2026. № 4 (81). С. 176.
Eurasian Advocacy. 2026;(4(81)):176.

Политика и экономика Евразии

Научная статья
УДК 34:004.738.5
doi 10.52068/2304-9839_2026_81_4_176

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ЦИФРОВЫМИ ПЛАТФОРМАМИ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯМИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

ДЕМИДОВ Леон Игоревич
Независимый исследователь, юрисконсульт Национального исследовательского университета ИТМО
197101, г. Санкт-Петербург, Кронверкский пр., д. 49, лит. А, Российская Федерация

Аннотация: В статье проводится сравнительно-правовой анализ регулирования отношений между цифровыми платформами и профессиональными пользователями в Российской Федерации и Европейском союзе. Обосновывается тезис о том, что цифровые платформы трансформировались в частных квазирегуляторов, что порождает критическую асимметрию переговорных возможностей и демонстрирует неэффективность традиционного антимонопольного контроля. На основе исследования Регламента ЕС P2B, Закона о цифровых рынках (DMA), нового российского законодательства (ФЗ № 289-ФЗ) и судебной практики сопоставляются превентивный европейский подход (ex ante) и отечественный механизм защиты прав. Автором предлагаются направления модернизации законодательства РФ, включая внедрение асимметричного контроля системно значимых платформ, закрепление права бизнеса на переносимость данных и адаптацию критерия «активной роли» для справедливого применения иммунитета информационного посредника.

Ключевые слова: платформенная экономика, цифровые платформы, маркетплейсы, Регламент P2B, Закон о цифровых рынках (DMA), антимонопольное регулирование, переносимость данных, информационный посредник

Для цитирования: Демидов Л.И. Сравнительный анализ правового регулирования отношений между цифровыми платформами и предпринимателями в Российской Федерации и Европейском союзе // Евразийская адвокатура. 2026. № 4 (81). С. 176. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_81_4_176

Policy and Economy of Eurasia

Original article

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE LEGAL REGULATION OF RELATIONS BETWEEN DIGITAL PLATFORMS AND ENTREPRENEURS IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE EUROPEAN UNION

DEMIDOV Leon Igorevich
Independent Researcher, Legal Counsel of the National Research University ITMO
197101, St. Petersburg, Kronverksky Ave., 49, letter A, Russian Federation

Abstract: The article provides a comparative legal analysis of the regulation of relations between digital platforms and professional users in the Russian Federation and the European Union. It substantiates the thesis that digital platforms have transformed into private quasi-regulators, which creates a critical asymmetry of negotiating power and demonstrates the inefficiency of traditional antitrust control. Based on the study of the EU P2B Regulation, the Digital Markets Act (DMA), the new Russian legislation (Federal Law No. 289-FZ), and judicial practice, the preventive European approach (ex ante) and the domestic mechanisms of rights protection are compared. The author proposes directions for modernizing Russian legislation, including the introduction of asymmetric control for systemically important platforms, enshrining the right of businesses to data portability, and adapting the «active role» criterion for the fair application of information intermediary immunity.

Keywords: platform economy, digital platforms, marketplaces, P2B Regulation, Digital Markets Act (DMA), antitrust regulation, data portability, information intermediary

For citation: Demidov L.I. Comparative Analysis of the Legal Regulation of Relations Between Digital Platforms and Entrepreneurs in the Russian Federation and the European Union = Eurasian Advocacy. 2026; 4 (81):176. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_81_4_176

© Демидов Л.И., 2026 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC BY).

1. Введение

Структура отечественной платформенной экономики сегодня характеризуется безоговорочным доминированием маркетплейсов, занимающих 45,9 % рынка [1, С. 50]. Столь стремительное развитие цифровой торговли сопровождается концентрацией рыночной власти в руках владельцев электронных площадок, что порождает существенную асимметрию в отношениях между операторами платформ и зависимыми от них предпринимателями (сегмент B2B). Торговые экосистемы фактически узурпируют функцию регулятора, самостоятельно определяя условия сотрудничества и закладывая право на одностороннее изменение тарифов и регламентов непосредственно в договоры присоединения.

Следствием такого дисбаланса стал кратный рост правовых конфликтов: с 2022 года количество споров между операторами и продавцами, число которых на крупнейших отечественных площадках превысило 1,3 млн, возросло в среднем в 13 раз. Классические судебные механизмы демонстрируют объективную неэффективность в цифровой среде из-за уязвимости доказательственной базы: деловая коммуникация протекает в интерфейсе личного кабинета, где версии оферт, алгоритмы расчетов и история уведомлений могут бесследно изменяться владельцем платформы. Ситуацию усугубляет низкий средний чек онлайн-транзакций, который на российском рынке, как правило, не превышает 5000 рублей, делая инициацию полноценного судебного разбирательства экономически нецелесообразной [7, С. 48].

Обозначенный регуляторный вакуум призван системно устранить принятый Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации». Учитывая транснациональный характер электронных рынков, для адаптации национального законодательства особую практическую значимость приобретает сравнительный анализ с передовым европейским опытом – в частности, с Регламентом ЕС 2019/1150 (P2B), установившим базовые императивные стандарты прозрачности для бизнес-пользователей онлайн-посреднических услуг. Оценка европейского подхода с позиции российского права необходима для выработки действенных механизмов защиты профессиональных участников рынка от необоснованного диктата цифровых экосистем.

2. Теоретико-правовые аспекты функционирования цифровых платформ

Для корректного правового анализа необходимо строго разграничивать категории «цифровая платформа» и «платформенная экономика». Если цифровая платформа представляет собой программно-технический комплекс и информационную систему, обеспечивающую взаимодействие участников, то платформенная экономика охватывает всю систему организационно-имущественных связей, базирующихся на данной инфраструктуре [2, С. 72]. В сегменте B2B цифровые площадки не просто выполняют функцию виртуальных витрин, а глубоко интегрируются в деятельность профессиональных участников, формируя концепцию «цифрового предприятия» [5, С. 69–70, 73]. При этом, несмотря на повсеместное распространение, понятие «маркетплейс» до сих пор не имеет унифицированного закрепления в базовом гражданском законодательстве, что на практике приводит к его неоднозначному толкованию и применению по аналогии норм о «владельце агрегатора информации».

Специфика взаимодействия операторов платформ и бизнеса заключается в критической деформации принципа свободы договора. Традиционные пределы частной автономии вытесняются механизмами квазинормативного принуждения: локальными правилами модерации, безальтернативными договорами присоединения и технологическими ограничениями, имплементированными непосредственно в архитектуру программного кода [6, С. 234]. Подобная асимметрия переговорных возможностей трансформирует цифровую платформу в «частного регулятора», который подменяет диспозитивные гражданско-правовые нормы собственными императивными алгоритмами ценообразования и распределения данных [3, С. 91, 93].

Фундаментальной предпосылкой формирования отраслевого регулирования выступает феномен сетевых эффектов. Косвенные и алгоритмические сетевые эффекты, основанные на обработке больших массивов пользовательских данных, объективно провоцируют стремительную концентрацию рыночной власти по принципу «победитель получает все», создавая непреодолимые барьеры для входа новых конкурентов. Институциональной реакцией на угрозу узурпации рыночной власти цифровыми экосистемами стало принятие «пятого антимонопольного пакета» (Федеральный закон от 10.07.2023 № 301-ФЗ), впервые закрепившего легальную дефиницию сетевого эффекта. Отраслевое законодательство установило строгий запрет на монополистическую деятельность для платформ-посредников в случаях, когда влияние сетевого эффекта позволяет устранять конкурентов, а доля совершаемых

через площадку сделок превышает 35 % от общего объема товарного рынка.

3. Правовое регулирование отношений платформ и предпринимателей в РФ

Долгое время отечественная электронная коммерция функционировала в условиях регуляторного вакуума, когда сложные экосистемы судами квалифицировались через узкую категорию «владелец агрегатора информации», что не отражало реального объема их влияния на рынок [9, С. 199]. Системное оформление отрасли началось с принятием Федерального закона от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации». Данный акт легализовал статус «оператора посреднической цифровой платформы» и «партнера» (продавца, исполнителя), установив императивные рамки для процедур ранжирования, модерации и применения штрафных санкций в договорах присоединения.

Критическое значение для определения ответственности площадок имеет применение статуса информационного посредника (ст. 1253.1 ГК РФ). Для использования иммунитета от деликтной ответственности (например, при реализации контрафакта) оператор платформы обязан доказать одновременное наличие трех условий: отсутствие собственной вины, изначальную неосведомленность о неправомерности размещенного контента и факт незамедлительной блокировки нарушения после получения мотивированной жалобы [4, С.138].

Изучение отечественной судебной практики демонстрирует формирование прецедентов, пресекающих злоупотребления со стороны электронных площадок.

Так, Арбитражный суд Московской области в решении от 28 июня 2023 г. по делу № А41-37420/2023 квалифицировал отношения по передаче товара на реализацию как договор комиссии. Установив факт утраты продукции, суд фактически взыскал убытки в размере рыночной стоимости товаров в рамках агентского договора, обосновав размер возмещения применимыми к данным отношениям механизмами ответственности комиссионера. Подобная логика действует и в ситуациях, когда пропадает невыкупленный товар: например, в постановлении Арбитражного суда Московского округа от 5 декабря 2022 г. по делу № А40-209329/2021 суд возлагает именно на оператора платформы бремя доказывания того, что имущество благополучно возвращено продавцу.

Кроме того, судебная практика исходит из недопустимости самовольной утилизации операторами цифровых платформ переданного на реализацию имущества при отсутствии в нем потребительских недостатков. Нарушение маркетплейсом договорных условий, строго регламентирующих исключительные основания для уничтожения возвращенного покупателями товара, квалифицируется как ненадлежащее исполнение обязательств. В подобных случаях на платформу возлагается обязанность по возмещению убытков в форме реального ущерба, размер которого исчисляется исходя из документально подтвержденной себестоимости (закупочной цены) неправомерно утилизированной продукции. При этом взыскание упущенной выгоды признается судами необоснованным, поскольку само по себе размещение товарных предложений на маркетплейсе не гарантирует продавцу безусловного извлечения прибыли ввиду влияния факторов сезонности, потребительского спроса и внутриплатформенной конкуренции (см. постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 7 июня 2022 г. № 10АП-8183/2022 по делу № А41-6245/22).

Самостоятельную категорию споров образуют иски о взыскании необоснованных финансовых удержаний, производимых операторами цифровых платформ в одностороннем порядке. Показательным примером служит дело о признании незаконным начисления штрафных санкций за предполагаемое искусственное завышение рейтинга продавца. Разрешая подобный спор, Арбитражный суд Московской области в решении от 12 октября 2023 г. по делу № А41-65066/2023 констатировал, что односторонне составленный внутренний аналитический отчет маркетплейса не является надлежащим и достаточным доказательством, достоверно подтверждающим факт нарушения контрагентом договорных обязательств.

Также суды исходят из неправомерности необоснованной блокировки личного кабинета продавца, квалифицируя такие действия оператора цифровой платформы как недопустимый односторонний отказ от исполнения договорных обязательств. Разрешая требования о возмещении убытков, вызванных незаконным ограничением доступа к площадке, суды признают допустимым механизм расчета упущенной выгоды, базирующийся на документально подтвержденных финансовых показателях предпринимателя за предшествующий блокировке период. Размер неполученного дохода исчисляется путем применения усредненной торговой наценки к прогнозируемому объему реализации товара, что позволяет с разумной степенью достоверности

определить реальные имущественные потери продавца (см. решение Арбитражного суда Московской области от 20 сентября 2023 г. по делу № А41-65942/2023).

Наконец, суды принимают решения в пользу продавцов и при технических сбоях на самой платформе. Самостоятельным основанием для привлечения операторов цифровых платформ к имущественной ответственности выступают технические сбои в работе внутренних алгоритмов маркетплейса. Реализация переданной продукции по необоснованно заниженной стоимости, вызванная программной ошибкой (в частности, рассинхронизацией процессов обновления базовой цены и применения скидки), квалифицируется судами как ненадлежащее исполнение агентского договора. Применяя к спорным правоотношениям положения статьи 995 ГК РФ, суды констатируют, что продажа товара по цене ниже согласованной с комитентом влечет обязанность площадки возместить продавцу образовавшуюся разницу в виде убытков. Удовлетворение подобных исков базируется на доказанности факта отчуждения товара вопреки действительной воле продавца, который из-за системной задержки обмена данными на платформе был лишен объективной возможности предотвратить совершение невыгодных сделок (см. решение Арбитражного суда Московской области от 20 апреля 2023 г. по делу № А41-95886/2022).

4. Правовое регулирование отношений платформ и предпринимателей в ЕС

Долгое время фундаментальным инструментом пресечения монополистических злоупотреблений цифровых экосистем в Европейском союзе (далее – ЕС) выступала статья 102 Договора о функционировании Европейского союза. Однако классический антимонопольный контроль продемонстрировал объективную неэффективность в условиях платформенной экономики. Применение более экономически ориентированного подхода, требующего сложного индивидуального анализа эффектов и определения границ рынков, приводило к чрезмерной длительности расследований.

Первым шагом на пути преодоления асимметрии в сегменте B2B на цифровых рынках стал Регламент P2B, установивший императивные стандарты прозрачности. Положения статьи 3 Регламента P2B обязывают провайдеров формулировать пользовательские соглашения простым и понятным языком, а любые изменения в них могут вступать в силу лишь по истечении разумного срока уведомления (не менее 15 дней), что дает бизнес-пользователям возможность адаптироваться или расторгнуть договор. Статья 4 Регламента P2B жестко регламентирует процедуры блокировки: оператор обязан предоставить мотивированное обоснование причин приостановления услуг до или в момент такого приостановления, а полное расторжение договора требует предварительного уведомления за 30 дней.

Логическим продолжением формирования единой безопасной цифровой среды стало принятие Акта о цифровых услугах (далее – DSA). Данный акт частично заменил ранее действующую Директиву об электронной коммерции (2000/31/EC). Несмотря на правленность на сферу публичного контента, DSA существенно влияет на B2B-взаимодействие.

DSA устанавливает требование прозрачности, которое выражается в легальном закреплении стандарта «знай своего бизнес-клиента»: теперь платформы обязаны идентифицировать контрагентов, блокируя доступ на рынок нелегальной продукции. Кроме того, статья 20 DSA императивно требует от площадок создания внутренних механизмов рассмотрения жалоб. В результате пользователи получают как минимум полугодовой срок для оспаривания любых действий модераторов. Алгоритмы рекомендаций также выводятся из «серой зоны». В силу статьи 27 DSA оператор обязан не только раскрывать ключевые параметры ранжирования, но и обеспечивать пользователям техническую возможность влиять на эту выдачу.

Развитием данного подхода к прозрачности стал Закон о цифровых рынках (далее – DMA). Концептуально DMA развивает положения Регламента P2B, выстраивая баланс между задачами состязательности и справедливости. Если первая категория направлена на снижение рыночных барьеров и стимулирование межплатформенной конкуренции, то вторая защищает слабую сторону от дисбаланса прав внутри конкретной цифровой площадки.

Важнейшим нововведением DMA стало расширение права на переносимость данных. В связке с положениями Регламента ЕС 2023/2854 «Data Act» DMA обязывает платформы-«привратники» обеспечивать коммерческим пользователям непрерывный доступ к генерируемым ими данным в режиме реального времени. Технологическое обеспечение прямого переноса данных призвано разрушить эффект «замыкания» и снизить транзакционные издержки продавцов при переходе на альтернативные площадки.

5. Предложения по совершенствованию правового регулирования в РФ

Преодоление фрагментации правового регулирования объективно требует наднациональной унификации. Разработка совместного инструментария трансграничного регулирования обеспечит единые условия безопасного оборота данных, товаров и услуг, а также позволит повысить макроэкономическую конкурентоспособность отечественных операторов платформенной экономики на мировой арене [8, С. 144-145].

С учетом передового европейского опыта адаптация российского законодательства должна развиваться по пути легального закрепления критериев системно значимых цифровых платформ. Требуется внести дифференцирующие изменения в положения Федерального закона № 289-ФЗ, установив асимметричный режим обязанностей операторов в строгой зависимости от объема их сетевой власти, транзакционного оборота и пользовательской базы.

Для устранения структурного дисбаланса переговорных возможностей продавцов целесообразно имплементировать в российскую практику институт переносимости данных от одной цифровой платформы к другой. Законодательное закрепление права коммерческих пользователей на получение прямого доступа к генерируемой ими сквозной аналитике в режиме реального времени снизит эффект «замыкания» и позволит бизнесу свободно мигрировать между конкурирующими площадками. Одновременно необходимо ввести запрет для владельцев экосистем на использование непубличных коммерческих данных продавцов для алгоритмического продвижения собственных товаров-аналогов [10, С. 27, 48].

Особого концептуального осмысления требует применение института информационного посредничества к платформенным правоотношениям. Текущая архитектура статьи 1253.1 ГК РФ оставляет операторам маркетплейсов широкое пространство для использования правового иммунитета, позволяя им дистанцироваться от имущественной ответственности за реализацию контрафактных или некачественных товаров. Европейская практика, в частности прецедент Суда ЕС Frank Peterson v. Google LLC и Модельные правила Европейского института права, предлагает противодействовать подобным злоупотреблениям через критерий «активной роли» или «решающего контроля». Вместе с тем механическая рецепция данного инструмента в отечественный правопорядок без учета национальной специфики может быть неэффективна. Внедрение европейских стандартов утраты статуса пассивного агрегатора нуждается в глубокой догматической адаптации к российской правовой системе. Прямое заимствование конструкции решающего влияния способно вступить в системное противоречие с устоявшимися подходами Верховного Суда РФ к распределению ответственности. Ограничение режима «безопасной гавани» для площадок, напрямую контролирующих транзакции, безальтернативно устанавливающих алгоритмы ценообразования или организующих логистику, должно базироваться на органичном развитии национальных механизмов возмещения вреда, а не на искусственном переносе наднациональных директив.

Список источников

1. Алексахин А.Н., Алексахина С.А., Горшкова А.А., Байтимерова Л.С. Современные тенденции развития платформенной экономики // Вестник Академии знаний. 2024. № 5 (64). С. 46–52.

2. Васиян Р.И. Некоторые аспекты правового регулирования платформенной экономики в Российской Федерации // Российское право: образование, практика, наука. 2025. № 4. С. 67–75. DOI: 10.34076/2410-2709-2025-148-4-67-75.

3. Ильченко А.А. Проблемы развития теории и методологии ценообразования на рынке цифровых услуг: между неоклассикой, поведенческой экономикой и институциональной сложностью // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. 2024. № S3. С. 88–103. DOI: 10.18334/et.11.6.121253.

4. Коверченко И.И. Особенности ответственности операторов цифровых платформ за нарушение исключительных прав // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. Сентябрь. № 3(49). С. 130–141. DOI: 10.58741/23134852_2025_3_13.

5. Крыцула А.А. Цифровые платформы взаимодействия профессиональных участников рынка (B2B сегмент) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2026. № 1. С. 65–77. DOI: 10.17072/2619-0648-2026-1-65-77.

6. Латынин А.О. Свобода договора в цифровой среде: классификация ограничивающих норм и их влияние на структуру частной автономии // Теория и практика общественного развития. 2026. № 1. С. 233–240. DOI: 10.24158/tipor.2026.1.30.

7. Мельник В.Д. О некоторых особенностях интернет-споров, возникающих из сделок, совершенных на маркетплейсе // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 5. С. 47–53. DOI: 10.34076/2410-2709-2023-138-5-47-53.

8. Рябухин С.Н., Кокорев И.А., Сафронова А.А., Покровская О.Д., Фоменко Н.М. Основные тенденции и перспективы платформенной экономики в Российской Федерации // Мир новой экономики. 2025. Т. 19, № 2. С. 134–148. DOI: 10.26794/2220-6469-2025-19-2-134-148.

9. Шатская И.И., Илясов Д.А. Понятие «маркетплейс» в российском законодательстве: проблемы определения и пути унификации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 7. С. 199–202. DOI: 10.47643/1815-1337_2025_7_199.

10. Bostoen F. Understanding the Digital Markets Act // Journal of European Competition Law & Practice. 2022. Vol. 13, No. 2. P. 75–86. DOI: 10.1093/jeclap/lpab094.

References

1. Aleksaxin A.N., Aleksaxina S.A., Gorshkova A.A., Bajtimerova L.S. Sovremenny`e tendencii razvitiya platformennoj e`konomiki // Vestnik Akademii znanij. 2024. № 5 (64). S. 46–52.

2. Vasiyan R.I. Nekotory`e aspekty` pravovogo regulirovaniya platformennoj e`konomiki v Rossijskoj Federacii // Rossijskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka. 2025. № 4. S. 67–75. DOI: 10.34076/2410-2709-2025-148-4-67-75.

3. Il`chenko A.A. Problemy` razvitiya teorii i metodologii cenoobrazovaniya na ry`nke cifrovy`x uslug: mezhdu neoklassikoj, povedencheskoj e`konomikoj i institucional`noj slozhnost`yu // Innovacionnaya e`konomika: informaciya, analitika, prognozy`. 2024. № S3. S. 88–103. DOI: 10.18334/et.11.6.121253.

4. Koverchenko I.I. Osobennosti otvetstvennosti operatorov cifrovy`x platform za narushenie isklyuchitel`ny`x prav // Zhurnal Suda po intellektual`ny`m pravam. 2025. Sentyabr`. № 3(49). S. 130–141. DOI: 10.58741/23134852_2025_3_13.

5. Kry`czula A.A. Cifrovy`e platformy` vzaimodejstviya professional`ny`x uchastnikov ry`nka (B2B segment) // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. 2026. № 1. S. 65–77. DOI: 10.17072/2619-0648-2026-1-65-77.

6. Laty`nin A.O. Svoboda dogovora v cifrovoj srede: klassifikaciya ogranichivayushhix norm i ix vliyanie na strukturu chastnoj avtonomii // Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya. 2026. № 1. S. 233–240. DOI: 10.24158/tipor.2026.1.30.

7. Mel`nik V.D. O nekotory`x osobennostyax internet-sporov, voznikayushhix iz sdelok, sovershenny`x na marketplejse // Rossijskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka. 2023. № 5. S. 47–53. DOI: 10.34076/2410-2709-2023-138-5-47-53.

8. Ryabuxin S.N., Kokorev I.A., Safronova A.A., Pokrovskaya O.D., Fomenko N.M. Osnovny`e tendencii i perspektivy` platformennoj e`konomiki v Rossijskoj Federacii // Mir novoj e`konomiki. 2025. T. 19, № 2. S. 134–148. DOI: 10.26794/2220-6469-2025-19-2-134-148.

9. Shatskaya I.I., Ilyasov D.A. Ponyatie «marketplejs» v rossijskom zakonodatel`stve: problemy` opredeleniya i puti unifikacii // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2025. № 7. S. 199–202. DOI: 10.47643/1815-1337_2025_7_199.

10. Bostoen F. Understanding the Digital Markets Act // Journal of European Competition Law & Practice. 2022. Vol. 13, No. 2. P. 75–86. DOI: 10.1093/jeclap/lpab094.

Статья поступила в редакцию 01.06.26;
одобрена после рецензирования 07.06.26;
принята к публикации 07.06.26.

The article was submitted 01.06.26;
approved after reviewing 07.06.26;
accepted for publication 07.06.26.

Евразийская адвокатура. 2026. № 4 (81). С. 182.
Eurasian Advocacy. 2026;(4(81)):182.

Политика и экономика Евразии

Научная статья
УДК 349
doi 10.52068/2304-9839_2026_81_4_182

ЗАЩИТА ПРАВ В ЦИФРОВОМ КОНТРАКТЕ

ШУЛБАЕВ Прокопий Вячеславович
Аспирант кафедры гражданского права и процесса Академии труда и социальных отношений
119454, г. Москва, ул. Лобачевского, д. 90, каб. 106, Российская Федерация

Аннотация: В статье проводится исследование рисков, связанных с неизменностью программного кода, анализ проблем доказывания в судебном процессе, связанном с защитой нарушенных прав участников цифрового оборота, механизмов минимизации правовых рисков. Предлагаются материально-правовые средства защиты прав в контрактах, заключаемых и исполняемых в цифровой среде (click-, browse-, sign-wrap-соглашения, смарт-контракты). На базе триады доктринальных положений (формальная эквивалентность при усиленном материальном контроле, верховенство права над кодом, приоритет защиты слабой стороны) сделан вывод о необходимости дальнейшего совершенствования российского законодательства в целях обеспечения баланса между технологической инновацией и эффективной судебной защитой.

Ключевые слова: цифровой контракт, смарт-контракт, click-wrap, browse-wrap, защита прав потребителей
Для цитирования: Шулбаев П.В. Защита прав в цифровом контракте // Евразийская адвокатура. 2026. № 4 (81). С. 182. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_81_4_182

Policy and Economy of Eurasia

Original article

PROTECTING RIGHTS IN A DIGITAL CONTRACT

SHULBAEV Procopii Vyacheslavovich
Postgraduate Student of the Department of Civil Law and Procedure of the Academy of Labor and Social Relations
119454, Moscow, Lobachevsky Str., 90, office 106, Russian Federation

Abstract: The purpose of this article is to study and analyze the risks and law enforcement issues associated with the immutability of software code, proof in court proceedings, and the protection of the violated rights of digital market participants. Particular attention is paid to mechanisms for minimizing legal risks. The article examines the system of substantive and procedural means of protecting rights in contracts concluded and executed in the digital environment (click-, browse-, sign-wrap-agreements, smart contracts). Based on a triad of doctrinal provisions (formal equivalence with enhanced material control, the rule of law over code, and priority for protecting the weaker party), it concludes that further improvement of Russian legislation is necessary to ensure a balance between technological innovation and effective judicial protection.

Keywords: digital contract, smart contract, click-wrap, browse-wrap, consumer protection
For citation: Shulbaev P.V. Protecting Rights in a Digital Contract = Eurasian Advocacy. 2026; 4 (81):182. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_81_4_182

Трансформация договорных отношений под воздействием информационно-телекоммуникационных технологий ставит перед правоприменителем задачу адаптации классического инструментария защиты прав к контрактам, акцепт и исполнение которых опосредованы программным кодом. Цифровые контракты применяются для автоматизации процессов в различных сферах: финансах, поставках, недвижимости, образовании, здравоохранении и банковских услугах.

Для предпринимательского сообщества цифровые контракты открывают принципиально новые возможности: снижение трансакционных издержек, исключение посредников, повышение скорости исполнения сделок и минимизация человеческого фактора [4].

© Шулбаев П.В., 2026 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC BY).

По мере того как цифровые контракты становятся все более распространенными, стороны должны быть уверены в том, что их законные права и интересы будут защищены.

Защита прав в контексте цифрового контракта – это комплекс мер, сочетающих материально-правовые средства (признание договора недействительным; расторжение контракта; взыскание убытков; взыскание неустойки; требование специфического исполнения (исполнения в натуре); реституцию (возврат полученного по сделке)), а также процессуальные средства (обеспечительные меры (арест активов, запрет действий); определение подсудности (выбор суда); распределение бремени доказывания; оценка доказательственной силы цифровых следов (логи, хеши, блокчейн-записи)) [3].

Российский законодатель закрепил принцип функциональной эквивалентности электронной и бумажной форм (п. 2 ст. 160, п. 2 ст. 434 ГК РФ). Однако правоприменительная практика выявила целый спектр коллизий, связанных с неравенством переговорных возможностей, размытостью волеизъявления и автоматизированным характером исполнения. Конфликты, рождающиеся в сфере смарт-контрактов, подпадают под общие критерии определения применимых способов и форм защиты. Так, смарт-контракты подпадают под судебную защиту, третейское разбирательство и могут подлежать досудебному урегулированию. Одни авторы, например Ю.А. Свирин, отмечают, что для разрешения споров, возникающих из так называемых смарт-контрактов, могут быть использованы только два способа: разрешение споров традиционными арбитражными институтами или создание новых механизмов, специально предназначенных для разрешения споров, возникающих в глобальной децентрализованной среде, – блокчейн-арбитража (onchain arbitration) [11]. Другие авторы придерживаются противоположного мнения и считают, что основным, универсальным способом защиты любого права, в том числе и в цифровой среде, является государственная защита, правосудие [7]. Третьи авторы считают, что при использовании смарт-контрактов отпадет необходимость применения таких способов защиты, как понуждение к исполнению обязательства в натуре, взыскание задолженности и неустойки, признание сделки недействительной и применение последствий ее недействительности [8].

Как видно из представленных мнений, в настоящее время в отечественной науке имеются разные позиции по защите прав в цифровых контрактах.

Защита прав понимается широко: 1) материально-правовые средства – признание договора незаключенным или недействительным (ст. 166–179 ГК РФ), расторжение, взыскание убытков и неустойки, требование об исполнении в натуре (ст. 394, 450, 396 ГК РФ), реституция (возврат сторон в первоначальное положение), кондикция (неосновательное обогащение); 2) процессуальные – обеспечительные меры, определение подсудности, распределение бремени доказывания, оценка допустимости и достоверности цифровых следов (логи, метаданные, блокчейн-записи). Коллизионный блок дополняется императивными нормами о защите прав потребителей и оговоркой о публичном порядке, ограничивающими автономию воли в киберпространстве (ст. 1193, 1211 ГК РФ).

Как отмечает Е.А. Кириллова, судебная практика по спорам, возникающим из применения смарт-контрактов, только начинает формироваться. Основные вопросы, которые возникают у судов, – это вопросы доказывания, а также аспекты применения инструментов разрешения противоречий, специально ориентированных на функционирование в цифровой среде [5].

В российской юридической доктрине сложилось несколько подходов к определению правовой природы цифрового контракта. По мнению Н.Т. Минасян, такое разнообразие взглядов вызвано различной трактовкой предусмотренного в абзаце 2 ст. 309 ГК РФ положения об автоматизированном исполнении сделки, не требующем дополнительного волеизъявления сторон. Независимо от подхода, исследователи выделяют три ключевых признака смарт-контракта: (1) наличие цифрового верифицируемого события (триггера), которое может быть подтверждено блокчейном; (2) программный алгоритм реагирования на это событие; (3) юридически значимое действие на выходе (передача денег, товара, прав) [6].

Под цифровым контрактом в целях статьи понимается соглашение, при котором оферта и/или акцепт выражаются с помощью электронных средств, а исполнение обязательств полностью или частично автоматизировано. Классификация охватывает: browse-wrap (условия доступны по гиперссылке, акцепт презюмируется фактом использования), scroll-wrap (пользователь должен прокрутить текст и подтвердить ознакомление), click-wrap (активное нажатие кнопки «Согласен»), sign-wrap (электронная подпись, в том числе усиленная квалифицированная) и смарт-контракты на распределенном реестре. Каждому типу соответствует различная степень проявленности

волеизъявления, что прямо влияет на распределение бремени доказывания и выбор средства защиты.

Статья 434 ГК РФ прямо уравнивает электронный документ, подписанный электронной подписью, с письменной формой. Однако платформенная экономика создает беспрецедентную информационную асимметрию (например, согласие потребителя с условиями не должно носить фиктивный характер, а сам факт регистрации на интернет-ресурсе не свидетельствует об осознанном волеизъявлении потребителя), а также навязывание волеизъявления потребителя либо навязывание заведомо обременительных условий через стандартизированные формы. По нашему мнению, формальная действительность смарт-контракта не исключает последующего материально-правового контроля его содержания.

В доктрине была выработана концепция «код как закон». Вместе с тем код необходимо считать средством, а не правом. Тезис о «самоисполняемости» смарт-контракта не превращает программный код в автономный правопорядок. Как справедливо отмечает А.И. Савельев, смарт-контракт является лишь техническим инструментом исполнения обязательств, но не источником права [10]. В цифровых отношениях слабой стороной выступают не только потребители, но и субъекты малого предпринимательства, вынужденные акцептовать стандартные условия маркетплейсов и агрегаторов. Несправедливые условия (договорная подсудность по месту нахождения контрагента, автоматические санкции, одностороннее изменение тарифов без надлежащего уведомления) подлежат строгой оценке суда на предмет добросовестности. В спорной ситуации в смарт-контракте сомнения должны толковаться как contra proferentem – против профессионального составителя. По нашему мнению, только тогда формируется единый вектор любого договорного дисбаланса в цифровой среде и осуществляется безусловный приоритет защиты слабой стороны.

Защита прав смарт-контракта, зависящая от типа интерфейса. В большинстве случаев click-wrap и sign-wrap-соглашения при спорах признаются заключенными. Browse-wrap-условия, размещенные внизу страницы без обязательного акцепта, признаны порождающими договор, но в небольшом количестве случаев, поскольку browse-wrap не обеспечивает явно выраженного согласия, а бремя доказывания ознакомления лежит на владельце интернет-ресурса. Scroll-wrap занял промежуточное положение между указанными выше соглашениями, ближе к browse-wrap, когда текст условий был скрыт по умолчанию и требовал дополнительного раскрытия.

При наличии квалифицированной электронной подписи факт заключения договора подтверждается безусловно (ст. 6 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи») [9]. Здесь не требуется проведения специальных экспертиз по атрибуции. При использовании простой электронной подписи (СМС-код, логин-пароль) экспертиза необходима. Возможны риски признания договора незаключенным из-за невозможности достоверно идентифицировать сторону. Так, получение СМС-кода на номер телефона не будет сочтено достаточным, поскольку оператор не сможет доказать, что именно владелец телефонного номера совершил акцепт, а не третье лицо, завладевшее устройством. Как отмечает М.И. Брагинский, необходимо, чтобы избранный сторонами способ мог позволить установить, что документ исходит именно от лица, которое является стороной в договоре. Это позволяет сделать вывод, что риск, связанный с возможным отказом стороны от направленных от ее имени оферты или акцепта, несет тот, кто их принял и признал принадлежность подписи отправителя [2].

Как видно, квалифицированная электронная подпись может существенно снижать издержки доказывания, но не исключает оспаривания по материальным основаниям.

Что касается защиты потребителя, то, по нашему мнению, суды полностью должны признать недействительными либо неприменимыми условия о договорной подсудности по месту нахождения исполнителя, о праве на одностороннее изменение тарифов без предварительного уведомления и об автоматических штрафах. Здесь активного применения требует п. 2 ст. 428 ГК РФ, позволяющий требовать расторжения или изменения договора присоединения, лишающего слабую сторону прав, обычно предоставляемых в аналогичных отношениях. Цифровой формат не должен расширять диспозитивность в ущерб слабой стороне.

Что касается защиты цифровых контрактов в части требования об исполнении в натуре, то, по нашему мнению, суды могут применять реституцию как восстановление имущественного баланса без вмешательства в код или взыскивать неосновательное обогащение, в одном – обеспечительные меры, обязывающие платформу заморозить активы. Было бы целесообразно на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ разъяснить, что

при разрешении споров из смарт-контрактов приоритетным средством защиты выступает реституция, а не присуждение к исполнению в натуре. Тип пользовательского интерфейса и уровень электронной подписи выступают значимыми факторами признания договора заключенным; несправедливые условия последовательно нивелируются в потребительских и SME-спорах; для смарт-контрактов основным средством защиты является реституция, а не специфическое исполнение.

Дискуссионным является вопрос о признании недействительным цифрового контракта (заключение с неуполномоченным лицом, в том числе с малолетним или лицом, признанным недееспособным). В зарубежной литературе подчеркивается, что при работе с цифровыми контрактами сложность вызывает возможность применения норм о признании сделок недействительными [1].

Правоприменительная практика во многих странах только формируется и опирается, с учетом специфики смарт-контрактов, на уже имеющиеся дела в сфере традиционных договоров.

Таким образом, при защите прав в цифровом контракте предлагается исходить из следующего: формальная действительность не блокирует материальный контроль, код корректируется правом, а слабая сторона получает приоритетную защиту. Открытым остается вопрос о процессуальной форме доказывания принадлежности электронной подписи; на практике у судов будут трудности при оценке лог-файлов и иных цифровых следов, что требует разработки методических рекомендаций, возможно, на уровне Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Кроме того, отсутствие легального определения смарт-контракта в российском праве создает правовую неопределенность; целесообразно дополнить ГК РФ нормой, устанавливающей, что исполнение обязательств, автоматизированное с помощью распределенного реестра, не лишает сторону права на судебную защиту и применение последствий недействительности сделки.

Российской судебной системе следует безусловно опираться на традиционные цивилистические конструкции, успешно адаптировать арсенал средств защиты к цифровым контрактам, руководствуясь принципами приоритета права над кодом и усиленной охраны слабой стороны.

Полученные выводы могут быть использованы для совершенствования правоприменения, разработки методических рекомендаций по доказыванию в цифровой среде и законопроектной работы в области цифрового права.

Список источников

1. Ахмедов А. Концепция правового регулирования отношений, осложненных использованием смарт-контрактов: монография под редакцией Волоса А.А. М.: Проспект, 2020. С. 224.
2. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. М.: Статут, 2001. С. 490.
3. Засемкова О.Ф. О способах разрешения споров, возникающих из смарт-контрактов // Lex Russica. 2020. Т. 73. № 4. С. 11–12.
4. Корчагин А.Г., Проваткина В.Е., Волошина Т.В. Смарт-контракты: правовое регулирование, риски для бизнеса и защита прав предпринимателей // Образование и право. № 8. С. 531–538.
5. Кириллова Е.А., Зульфугарзаде Т.Э. Гражданско-правовое обеспечение смарт-контрактов: монография. М.: ИНФРА-М, 2024. С. 168.
6. Минасян Н.Т. Понятие и правовая природа смарт-контрактов // Современное право. 2025. № 11. С. 23–29.
7. Новиков Н.А., Михайлова Е.В. Урегулирование споров в России: правовая природа и пути развития // Нотариальный вестник. 2021. № 10. С. 45–58.
8. Романов А.А. Гражданско-правовые способы защиты прав на виртуальные активы // Арбитражный и гражданский процесс. 2025. № 12. С. 3–8.
9. Сафин В.И. Особенности правового регулирования заключения и исполнения смарт-контрактов: опыт Российской Федерации и зарубежных стран // Актуальные исследования. 2025. № 38 (273). Ч. I. С. 34–40.
10. Савельев А.И. Правовая природа смарт-контрактов по российскому и зарубежному праву // Закон. 2018. № 12. С. 94–108.
11. Свирин Ю.А. Гражданское право: учебник. М.: Прометей, 2026. С. 400–405.

References

1. Axmedov A. Koncepciya pravovogo regulirovaniya otnoshenij, oslozhnenny`x ispol`zovaniem smart-kontraktov: monografiya pod redakciej Volosa A.A. M.: Prospekt, 2020. S. 224.
2. Braginskij M.I., Vitryanskij V.V. Dogovornoe pravo. Kniga pervaya: Obshhie polozheniya. M.: Statut, 2001. S. 490.
3. Zasemkova O.F. O sposobax razresheniya sporov, voznikayushhix iz smart-kontraktov // Lex Russica. 2020. T. 73. № 4. S. 11–12.
4. Korchagin A.G., Provatkina V.E., Voloshina T.V. Smart-kontrakty`: pravovoe regulirovanie, riski dlya biznesa i zashhita prav predprinimatelej // Obrazovanie i pravo. № 8. S. 531–538.
5. Kirillova E.A., Zul`fugarzade T.E`. Grazhdansko-pravovoe obespechenie smart-kontraktov: monografiya. M.: INFRA-M, 2024. S. 168.
6. Minasyan N.T. Ponyatie i pravovaya priroda smart-kontraktov // Sovremennoe pravo. 2025. № 11. S. 23–29.
7. Novikov N.A., Mixajlova E.V. Uregulirovanie sporov v Rossii: pravovaya priroda i puti razvitiya // Notarial`ny`j vestnik. 2021. № 10. S. 45–58.

8. Romanov A.A. Grazhdansko-pravovy`e sposoby` zashhity` prav na virtual`ny`e aktivy` // Arbitrazhny`j i grazhdanskij process. 2025. № 12. S. 3–8.

9. Safin V.I. Osobennosti pravovogo regulirovaniya zaklyucheniya i ispolneniya smart-kontraktov: opy`t Rossijskoj Federacii i zarubezhny`x stran // Aktual`ny`e issledovaniya. 2025. № 38 (273). Ch. I. S. 34–40.

10. Savel`ev A.I. Pravovaya priroda smart-kontraktov po rossijskomu i zarubezhnomu pravu // Zakon. 2018. № 12. S. 94–108.

11. Svirin Yu.A. Grazhdanskoe pravo: uchebnik. M.: Prometej, 2026. S. 400–405.

Статья поступила в редакцию 07.09.26;
одобрена после рецензирования 12.09.26;
принята к публикации 12.09.26.

The article was submitted 07.09.26;
approved after reviewing 12.09.26;
accepted for publication 12.09.26.

Евразийская адвокатура. 2026. № 4 (81). С. 187.
Eurasian Advocacy. 2026;(4(81)):187.

Политика и экономика Евразии

Научная статья
УДК 347.7:336.76
doi 10.52068/2304-9839_2026_81_4_187

ТОКЕНИЗАЦИЯ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ФОНДОВ: НОВЫЕ ТРЕНДЫ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ

КОНАРОВСКИЙ Никита Александрович
Магистрант юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, строение 13 (4-й учебный корпус), ауд. 526 А, Российская Федерация

Аннотация: Цель работы – определить, в чем заключается новый тренд на токенизацию инвестиционных фондов. В статье выявляются стратегические преимущества и риски токенизации фондов, анализируется опыт ведущих иностранных государств, предлагаются перспективные подходы к регулированию в отечественном правовом поле в свете ФЗ № 282 «О цифровых валютах и цифровых правах».

Ключевые слова: токенизация, инвестиционные фонды, DLT, технология распределенного реестра, цифровое право

Для цитирования: Конаровский Н.А. Токенизация инвестиционных фондов: новые тренды в правовом регулировании // Евразийская адвокатура. 2026. № 4 (81). С. 187. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_81_4_187

Policy and Economy of Eurasia

Original article

TOKENIZATION OF INVESTMENT FUNDS: NEW TRENDS IN LEGAL REGULATION

KONAROVSKII Nikita Alexandrovich
Master's Student of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University
119991, Moscow, Leninskie Gory, 1, Building 13 (4th Academic Building), Room 526A, Russian Federation

Abstract: The purpose of this paper is to identify and define the new trend toward the tokenization of investment funds. The article identifies the strategic advantages and risks of fund tokenization, analyzes the experience of leading foreign countries, and proposes promising approaches to regulation within the Russian legal framework in light of Federal Law No. 282 «On Digital Currencies and Digital Rights».

Keywords: tokenization, investment funds, DLT, distributed ledger technology, digital rights

For citation: Konarovskii N.A. Tokenization of Investment Funds: New Trends in Legal Regulation = Eurasian Advocacy. 2026; 4 (81):187. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_81_4_187

Токенизация инвестиционных фондов: новые тренды в правовом регулировании

I. Введение

1 сентября 2026 года вступил в силу Федеральный закон от 04.08.2026 № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах» (далее – ФЗ № 282). ФЗ № 282 устанавливает принципиально новое регулирование рынка цифровых активов в Российской Федерации. ФЗ № 282 продолжает заложенный в Федеральном законе от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ № 259) тренд на токенизацию финансовых инструментов и уставного капитала хозяйственных обществ. Однако среди токенизируемых инструментов ни ФЗ № 259, ни ФЗ № 282 не упоминают паи инвестиционных фондов, что является упущением.

В последние годы государства с высокой культурой управления инвестициями, развитой цифровой экономикой и индустрией Web 3.0 активно разрабатывают нормативное регулирование токенизированных инвестиционных фондов, чтобы повысить конкурентоспособность своих юрисдикций и привлечь различные категории инвесторов [3; с. 45-49].

II. Общемировой тренд на токенизацию в сфере управления инвестициями

В 2026 году можно с уверенностью сказать, что цифровые активы перестают быть неизведанным экспериментальным правовым режимом, функ-

© Конаровский Н.А., 2026 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC BY).

ционирующим ограниченно на уровне регуляторных песочниц (Regulatory Sandbox). Токенизация, в основе которой лежит технология распределенного реестра (англ. Distributed Ledger Technology, далее – DLT), трансформирует весь процесс управления активами, обеспечивая безопасность, прозрачность и эффективность при совершении транзакций в цифровой среде [7; С. 4]. Таким образом, токенизация инвестиционного фонда – отражение (перевод) долей (корпоративных долей участия в уставном капитале хозяйственного общества) или паев инвестиционного фонда (эмиссионных ценных бумаг) на блокчейне.

Токенизированные инвестиционные фонды становятся новой вехой в администрировании и дистрибуции фондов в условиях цифровой экономики. Концепция токенизации наиболее актуальна для фондов, паи которых активно торгуются: чем чаще паи фонда покупаются и продаются (по сделкам производятся расчеты, проводятся сверки достоверности информации из распределенного реестра), тем большую выгоду участники рынка получают от подобной операционной модели организации бизнеса. Неслучайно, поиск приемлемой модели правового регулирования идет уже несколько лет в Великобритании, Франции, Люксембурге, Германии, Италии, Швейцарии, Сингапуре и ряде иных государств [3; С. 45-49]. Например, в Люксембурге и Германии приняты специальные законы, позволяющие токенизировать инвестиционные фонды [3; С. 45-49]. В марте 2026 года аналогичные законодательные акты были приняты на Каймановых островах. В апреле 2026 года Управление по финансовому регулированию и надзору Великобритании опубликовало Руководство по продвижению токенизации фондов.

Стратегические преимущества и риски токенизации инвестиционных фондов

Токенизация инвестиционных фондов имеет стратегические последствия в виде преимуществ и рисков для a) управляющих активами, b) розничных инвесторов, c) рыночной инфраструктуры.

Неоспоримыми преимуществами для управляющих активами и инвесторов являются [8; С. 8-19]: I) повышение операционной эффективности, прозрачности, ликвидности и автоматизация процессов управления фондами, II) расширение дистрибуции, выход на новые рынки и привлечение широких групп инвесторов (от «цифровых аборигенов» (digital native) до профильных высокотехнологичных компаний и предпринимателей), III) гибкость при структурировании цифровых продуктов и высокая скорость их обращения на рынке, IV) упрощение процедуры эмиссии пая и соблюдения комплаенс-процедур, V) позиционирование инвестиционного фонда как токенизированного, повышающее его ценность на национальном и мировом цифровых рынках.

Упомянутые преимущества неминуемо сопряжены с рисками [8; С. 8-19]. Во-первых, можно выделить технологический риск, проявляющийся в уязвимости инфраструктуры от внешнего воздействия (включая хакерские атаки) и в ошибках («багах») смарт-контрактов, исполняющих программу обязательств. Во-вторых, выделяется отсутствие устоявшегося правового регулирования и судебной практики, что создает «серые зоны» и снижает правовую определенность, предсказуемость действий контролирующих органов. В-третьих, долгая и сложная проверка (due diligence) лежащих в основании пая смарт-контрактов, эмитентов и инвесторов в отсутствие устоявшихся рыночных практик и стандартов поведения приобретателей цифровых активов.

Таким образом, токенизация инвестиционных фондов не направлена исключительно на технологическое обновление рыночной инфраструктуры. Это стратегический процесс, конечная цель которого – предоставить гражданскому обороту экономически эффективный инструмент структурирования сделок, вложения активов и управления ими с ясным правовым режимом.

III. Подходы к токенизации инвестиционных фондов: сравнительно-правовой обзор

Великобритания

Управление по финансовому регулированию и надзору Соединенного Королевства (далее – FCA) совместно с Ассоциацией инвестиций Великобритании (далее – IA) и представителями профессионального сообщества управленцев инвестициями последние несколько лет ведет работу по созданию наиболее благоприятной нормативной и деловой среды для повсеместной токенизации инвестиционных фондов. В частности, в Великобритании обсуждается оптимальная юридическая и техническая модель токенизации.

Во-первых, Рабочая группа по технологиям при IA определила в качестве одной из моделей использование реестров фонда на основе DLT [8; С. 20-27]. Реестр фонда, в котором учитываются права на паи, размещается в DLT. Управляющая компания сохраняет полномочия по внесению изменений в записи, исправлению ошибочных записей, заморозке записей при необходимости. Таким образом, подобный фонд является учрежденным в Великобритании классическим инвестиционным фондом, владеющим

определенными активами, который осуществляет расчеты денежными средствами вне блокчейна. Только реестр переводится в частный, разрешительный блокчейн, который фактически и технически остается под контролем профессионального управляющего. Стоит отметить, что FCA также поддержало такой подход [9].

Во-вторых, на практике начала использоваться модель выпуска «обернутых токенов» (wrapped tokens). Суть подобного подхода заключается в том, что эмитентом создается копия цифрового актива, изначально выпущенного в иной системе DLT. Токен отражает долю в инвестиционном фонде, предоставляющую право на получение прибыли (иных имущественных выгод) от пая фонда. Например, регулируемая FCA биржа Archax выпустила токены, которые представляют доли в крупнейших управляющих компаниях и паи самих фондов.

В-третьих, наиболее амбициозной и трансформационной моделью для рынка является идея выпуска нативных токенов-паев инвестиционных фондов (native token). В рамках такого подхода пай изначально является токеном и выпускается в конкретной информационной системе без привязки к аналогичному паю в «аналоговом» мире. Иными словами, токен начинает обладать самостоятельностью и экономической ценностью, а не является лишь доказательством права на иной объект. Подобный пай инвестиционного фонда функционирует на основе смарт-контракта, в рамках которого программируются и автоматизируются: процедуры расчетов и распределения прибыли, корпоративные и управленческие действия, налогово-финансовый комплаенс и контрсанкционные процедуры, интеграция в иные разнообразные on-chain-процессы, например автоматическое использование токена в качестве предмета залога по сделкам.

В октябре 2027 года в Великобритании вступает в силу новое законодательное регулирование криптоактивов. Одним из закрепляемых нововведений является то, что цифровой актив, воплощающий существующий вне DLT актив (например, ценная бумага или доля участия в фонде), будет иметь такой же правовой режим, как и его эквивалент вне системы DLT (Regulation 3 of The Financial Services and Markets Act 2000 (Cryptoassets) Regulations 2025). Закон отдельно подчеркивает, что для подобных специальных инвестиционных криптоактивов (specified investment cryptoasset) закрепляются особые требования к хранению (обеспечению сохранности) (safeguarding).

В соответствии с последними разъяснениями FCA (например, Policy Statement PS26/7. Progressing Fund Tokenisation) не исключается в усеченном формате нативная токенизация фондов. Действующее законодательство не препятствует выпуску паев в системах DLT, а после принятия Property (Digital Assets etc) Act прямо признало такие активы объектом права собственности. Однако на практике FCA все еще настороженно относится к перспективе свободных переходов паев от прежнего собственника к новому в системах DLT без каких-либо дополнительных проверок со стороны контролирующих органов. FCA требует, чтобы британские управляющие преимущественно использовали частные разрешительные блокчейны, где у управляющего сохраняется право исправлять возникающие ошибки, замораживать активы и исполнять судебные решения, проводить проверки Know Your Customer и Anti-Money Laundering.

Каймановы острова

Каймановы острова уже многие годы являются своего рода «песочницей» для экспериментов и инноваций с цифровыми активами. В 2025–2026 гг. были приняты законодательные акты, которые закрепили правовой режим токенизированных фондов. Вводятся термины «цифровой токен долевого участия» (digital equity token) и «токенизированный паевой инвестиционный фонд» (tokenised mutual fund). Первый термин означает цифровое представление всей доли участия инвестора в паевом инвестиционном фонде, второй – паевой инвестиционный фонд, доли участия в котором представлены цифровыми токенами участия.

Правовой режим токенизированного фонда во многом соответствует классическому «аналоговому» фонду, однако особое внимание законодатель уделяет новой фигуре – Оператору токенизированного фонда (Operator of a tokenised mutual fund) (статья 221 The Mutual Funds Act). Он обязан ежегодно подтверждать регулирующему органу, что все записи, отражающие выпуск, создание, распоряжение, владение долями участия ведутся надлежащим образом и хранятся в соответствии с требованиями законодательства. Распоряжение цифровым токеном долевого участия допускается только при участии и с согласия оператора фонда и в соответствии с условиями решения о выпуске токенизированного пая. Закон закрепляет обязанность токенизированных фондов раскрывать информацию о рисках, присущих цифровым токенам участия, включая риски в области кибербезопасности. Упомянутые поправки

призваны установить рамочное регулирование указанных инновационных общественных отношений. Законодатель прямо указывает, что регулирующие органы вправе устанавливать конкретные ограничения в отношении характеристик и свойств цифровых токенов долевого участия.

Германия

С 2022 года немецкое право регулирует конструкцию токенизированного инвестиционного фонда. Законодатель урегулировал правовой режим акционерных инвестиционных фондов. Доли в инвестиционных товариществах невозможно токенизировать. Постановление о криптопаях фондов (Kryptofondsanteileverordnung, далее – KryptoFAV) установило, что положения Закона Германии о торговле ценными бумагами (eWpG), касающиеся криптоценных бумаг, применяются и к паям криптофондов. Законодатель адаптировал регулирование под потребности рынка, установил гибкую модель регулирования, при которой один фонд может выпускать паи одновременно в формате записей как централизованного, так и децентрализованного реестров. Подобный подход может быть особенно востребован на начальном этапе распространения технологии в инвестиционной сфере, когда участники рынка тестируют технологию DLT, не имеют к ней достаточного доверия, но рассчитывают использовать ее в своих бизнес-процессах.

Италия

В 2023 году в Италии были приняты два ключевых акта в области токенизированных инвестиционных фондов: Декрет о финансовых технологиях и Регламент о выпуске и обращении финансовых инструментов в цифровой форме. Итальянский законодатель разрешает токенизацию акций и паев любых инвестиционных фондов, которые не допущены к торгам на фондовой бирже [7; С. 19-20]. Указанные нормативные акты сыграли важную роль в формировании наиболее удобной операционной модели ведения цифровых реестров, а также процедур приобретения и погашения паев фондов.

Так, например, управляющая компания может выпускать паи и акции фондов UCITS и AIF в распределенном реестре, который ведет она сама или специализированный посредник, оказывающий подобные услуги. Все записи в реестре вносятся в пользу инвестора-владельца паев токенизированного фонда. Инвестор владеет специальным кошельком. Специальные закрытые криптографические ключи доступа к кошельку могут храниться у самого инвестора или у специального хранителя [7; С. 19–20].

Итальянские регуляторы избрали путь наиболее тесного взаимодействия с деловым сообществом. Значительное внимание уделяется выработке общих рыночных рекомендаций и правил в формате актов «мягкого права» (soft law). Одним из документов подобного формата являются Руководящие принципы для итальянских цифровых фондов, изданные в 2024 году (далее – Принципы). Принципы, среди прочего, уделяют внимание регулированию деятельности ответственного Оператора токенизированного фонда. Итальянский подход во многом схож с регулированием деятельности Оператора на Каймановых островах. Оператор (например, управляющая компания или сторонняя организация, которая привлекается в качестве оператора информационной системы) обязан обеспечивать подлинность, целостность, неизменность, действительность записей, удостоверяющих права на паи и связанные с ними обременения. Оператор обязан создать техническую инфраструктуру, позволяющую прямо и косвенно идентифицировать в любое время субъектов, в пользу которых сделаны записи, вид и количество паев фонда, обеспечить круглосуточный и бесперебойный доступ титульному владельцу пая к записям в реестре DLT.

IV. Перспективы токенизации инвестиционных фондов в РФ

В рамках реформы крипторегулирования 2026 года и принятия ФЗ № 282 тема токенизированных инвестиционных фондов не обсуждалась, несмотря на то что одной из целей вносимых изменений является установление «комплексного и унифицированного регулирования отношений, возникающих при организации обращения цифровых валют и цифровых прав» [6].

Центральный банк РФ в исследовании «Основные направления развития финансовых технологий на период 2025–2027 годов» указывает, что токенизированные активы обладают значительным потенциалом на мировом рынке. Одним из наиболее ликвидных активов, токенизация которых произойдет в ближайшие годы, являются ETF-фонды [4]. В аналитическом докладе «Токенизация активов реального мира: экономическая природа и опыт регулирования» регулятор допускает возможность выпуска токенов на паи инвестиционных фондов [1]. Центральный банк не исследует возможность перехода в будущем к нативной токенизации паев, как это делают отдельные зарубежные правопорядки. Представляется, что на первых этапах токенизации подобный подход может быть оправдан. Идея токенизации реальных активов (Real World Assets, RWA)

предполагает наличие базового актива, остающегося вне системы DLT (упомянутая ранее концепция wrapped token). Токен при такой модели является лишь цифровым подтверждением прав на базовый актив, удостоверяет право на получение доходов и (или) иных экономических выгод. Судя по всему, в будущем необходимо пойти по пути комплексного регулирования и допустить при наличии подготовленной законодательной базы нативную токенизацию инвестиционных фондов в РФ.

В российских деловых кругах все чаще говорят о необходимости полноценного распространения токенизации на рынок управления активами [10]. Подчеркивается, что у инвесторов существует потребность в сохранении собственных и привлеченных средств в каком-либо консервативном продукте. Основная идея заключается в том, чтобы «сделать в привычной для криптоинвестора инфраструктуре фонды из традиционного мира».

В отечественной доктрине тема токенизации инвестиционных фондов активно не обсуждается. Отдельные авторы, среди прочего, указывают на то, что в ближайшем будущем токенизация может охватить и классическую сферу инвестиционных фондов [5; С. 76-78]. Другие подчеркивают, что в отсутствие каких-либо российских наработок необходимо вдумчиво и критически осмыслить передовой иностранный опыт для формирования в дальнейшем прогрессивной и устойчивой нормативной базы в РФ [3; С. 49].

В монографии Д.И. Дынника «Токенизация паев инвестиционных фондов с использованием инфраструктуры операторов цифровых финансовых активов», изданной в 2026 году, подробно исследуются существующие нормативные предпосылки и ограничения токенизации паев ПИФ с использованием имеющейся в РФ инфраструктуры операторов ЦФА [2; С. 30-43]. Автор анализирует дореформенное законодательство и делает выводы на основе ФЗ № 259. Он приходит к выводу, что наиболее эффективной в условиях действовавшего правового регулирования является разработка организационно-правовой модели выпуска ЦФА, связанных с денежными требованиями на доход от паев ПИФ, которая должна исходить из необходимости сохранения действующего правового режима инвестиционного пая [2; С. 74]. Также Д.И. Дынник утверждает, что «отсутствие специальных механизмов правового сопряжения» инвестиционных паев и цифровых финансовых активов создает дополнительные риски для участников рынка [2; С. 34]. С идеями исследователя стоит согласиться в части того, что на сегодняшний день в российском контуре в силу правовых, организационных и технических причин невозможно выпустить нативные или квазинативные токены инвестиционных фондов. Однако предлагаемая автором исследования перспективная модель структурирования отношений с участием ПИФов и инвесторов не является полноценной токенизацией инвестиционных фондов. Во-первых, автор подробно не рассматривает подходы к нативной токенизации фондов. Во-вторых, автор предлагает юридическую конструкцию (выпуск ЦФА, связанных с денежными требованиями на доход от паев ПИФ), существо которой ограничивается лишь выработкой механизма получения доходов от паев ПИФ. В-третьих, Д.И. Дынник не рассматривает значимые для выработки комплексного регулирования перспективы допуска иностранных токенизированных фондов в российский контур, не изучает автоматизацию системы управления фондами (например, токенизацию реестров паевого инвестиционного фонда).

ФЗ № 282 никак не урегулировал процесс токенизации инвестиционных фондов. Закон закрепил новые инфраструктурные требования для рынка, однако сохранил преемственность в установленном правовом режиме цифровых прав. ФЗ № 282 ввел конструкцию «доверительного управления цифровыми валютами и цифровыми правами» (ст. 16). Представляется, что указанную норму можно рассматривать в качестве одной из идейных и нормативных предпосылок для дальнейшей токенизации фондов в России.

Отечественному правопорядку стоит рассмотреть пути нативной и квазинативной токенизации инвестиционных фондов, полагаясь на опыт передовых цифровых юрисдикций. При подобном комплексном и гибком подходе рынку и инвесторам необходимо предложить разные категории финансовых продуктов, связанных с инвестиционными фондами (включая конструкцию, которую выдвигает Д.И. Дынник). В законодательстве следует установить требования к оператору информационной системы, где будут обращаться паи/акции непубличных инвестиционных фондов, выделить самостоятельную правовую категорию – «цифровой пай инвестиционного фонда». Цифровой пай инвестиционного фонда – цифровое право и цифровой финансовый актив, удостоверяющий долю в имуществе небиржевого инвестиционного фонда и дающий право на получение части имущества (включая денежные средства) при его погашении. Необходимо подчеркнуть, что на начальном этапе стоит

ограничить возможность сделок с паями таких фондов на бирже.

V. Выводы

Стремительное развитие цифровой экономики в РФ и в мире доказывает необходимость токенизации сектора управления активами, извлечения максимальных выгод и преимуществ из указанной технологии.

Совместными усилиями научного, делового сообществ и регуляторов необходимо сформировать с опорой на передовой иностранный опыт наиболее подходящую для отечественного правового поля модель токенизации инвестиционных фондов. Необходимо системно и критически оценить имеющиеся преимущества, недостатки и риски нативной и квазинативной токенизации инвестиционных фондов.

Иностранный опыт показывает, что токенизированные фонды могут гармонично вписаться в архитектуру регулирования классических инвестиционных фондов. Это обстоятельство позволит завершить постепенный переход к повсеместному использованию инвестиционных фондов 3-го поколения и к индустрии Web 3.0.

ФЗ № 282 стоит дополнить отдельным определением «цифрового пая инвестиционного фонда» и статьей, которая будет конкретизировать его правовой режим (по аналогии со статьями, посвященными цифровым акциям).

Список источников

1. Аналитический доклад Банка России «Токенизация активов реального мира: экономическая природа и опыт регулирования». Москва, 2024 [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/170116/analytical_report_22112024.pdf.

2. Дынник Д.И. Токенизация паев паевых инвестиционных фондов с использованием инфраструктуры операторов цифровых финансовых активов. Казань: Бук, 2026. С. 122.

3. Конаровский Н.А. Токенизация инвестиционных фондов: от смелой гипотезы к деловой реальности // Право и бизнес. 2026. № 1. С. 45–49.

4. Основные направления развития финансовых технологий на период 2025–2027. Москва, 2024 [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/166399/onfintech_2025-27.pdf.

5. Пепеляева Л.В. Токенизация и токен: проблемные вопросы терминологии // Банковское право. 2026. № 2. С. 76–85.

6. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О цифровой валюте и цифровых правах» [Электронный ресурс]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1194918-8.

7. Tokenisation, a buyside practitioner's guide. European Fund and Asset Management Association (EFAMA). June 2025. P. 36.

8. UK Fund Tokenisation: a Blueprint for implementation. Interim Report from the Technology Working Group to the Asset Management Taskforce. The Investment Association. November 2023. P. 30.

9. Policy Statement PS26/7. Progressing Fund Tokenisation. Financial Conduct Authority. April 2026. P. 85.

10. URL: https://www.rbc.ru/quote/27/06/2026/6a3fe3239a79474bbcfcad6d. [Электронный ресурс].

References

1. Analiticheskij doklad Banka Rossii «Tokenizaciya aktivov real`nogo mira: e`konomicheskaya priroda i opy`t regulirovaniya». Moskva, 2024 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/170116/analytical_report_22112024.pdf.

2. Dy`nnik D.I. Tokenizaciya paev paevy`x investicionny`x fondov s ispol`zovaniem infrastruktury` operatorov cifrovy`x finansovy`x aktivov. Kazan`: Buk, 2026. S. 122.

3. Konarovskij N.A. Tokenizaciya investicionny`x fondov: ot smeloj gipotezy` k delovoj real`nosti // Pravo i biznes. 2026. № 1. S. 45–49.

4. Osnovny`e napravleniya razvitiya finansovy`x texnologij na period 2025–2027. Moskva, 2024 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/166399/onfintech_2025-27.pdf.

5. Pepelyaeva L.V. Tokenizaciya i token: problemny`e voprosy` terminologii // Bankovskoe pravo. 2026. № 2. S. 76–85.

6. Poyasnitel`naya zapiska k proektu federal`nogo zakona «O cifrovoj valyute i cifrovy`x pravax» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1194918-8.

7. Tokenisation, a buyside practitioner's guide. European Fund and Asset Management Association (EFAMA). June 2025. P. 36.

8. UK Fund Tokenisation: a Blueprint for implementation. Interim Report from the Technology Working Group to the Asset Management Taskforce. The Investment Association. November 2023. P. 30.

9. Policy Statement PS26/7. Progressing Fund Tokenisation. Financial Conduct Authority. April 2026. P. 85.

10. URL: https://www.rbc.ru/quote/27/06/2026/6a3fe3239a79474bbcfcad6d. [E`lektronny`j resurs].

Статья поступила в редакцию 01.09.26;
одобрена после рецензирования 07.09.26;
принята к публикации 07.09.26.

The article was submitted 01.09.26;
approved after reviewing 07.09.26;
accepted for publication 07.09.26.

Евразийская адвокатура. 2026. № 4 (81). С. 193.
Eurasian Advocacy. 2026;(4(81)):193.

Политика и экономика Евразии

Научная статья
УДК 347.82
doi 10.52068/2304-9839_2026_81_4_193

ГРАНИЦА ДОПУСТИМОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРОЦЕДУРЫ ОПРОТЕСТОВАНИЯ БАНКОВСКОЙ ОПЕРАЦИИ ПО ПЕРЕВОДУ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ ПЕРЕВОЗЧИКУ ИЛИ АГЕНТУ В СЧЕТ ПРОВОЗНОЙ ПЛАТЫ

КАРЕВ Максимилиан Константинович
Аспирант Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики
190020, г. Санкт-Петербург, пр-кт Лермонтовский, д. 44, лит. А, Российская Федерация

Аннотация: Цель статьи – выявить основания, от которых зависит допустимость использования процедуры опротестования банковской операции по переводу денежных средств перевозчику или агенту в счет провозной платы за воздушную перевозку пассажира. Использовались формально-юридический, логический методы, а также анализ судебных актов. Обосновано, что возврат денежных средств как результат использования процедуры опротестования будет являться техническим и сам по себе не будет выступать основанием для их получения плательщиком.

Ключевые слова: договор воздушной перевозки пассажира, возврат провозной платы, опротестование банковской операции, чарджбэк, диспут, платежная карта, платежная система, Система быстрых платежей, эквайринг, неосновательное обогащение

Для цитирования: Карев М.К. Граница допустимости использования процедуры опротестования банковской операции по переводу денежных средств перевозчику или агенту в счет провозной платы // Евразийская адвокатура. 2026. № 4 (81). С. 193. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_81_4_193

Policy and Economy of Eurasia

Original article

ADMISSIBILITY OF THE TRANSACTION DISPUTE PROCEDURE IN RESPECT OF A TRANSFER OF FUNDS TO A CARRIER OR AGENT IN PAYMENT OF CARRIAGE CHARGE

KAREV Maksimilian Konstantinovich
Postgraduate Student of Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics
190020, St. Petersburg, 44 Lermontovsky Prospekt, Building A, Russian Federation

Abstract: The purpose of the article is to identify the grounds determining the admissibility of the transaction dispute procedure in respect of a transfer of funds to a carrier or agent in payment of carriage charge for the air carriage of a passenger. The study employed formal-legal and logical methods, as well as an analysis of judicial decisions. It is argued that the refund of funds resulting from the use of the dispute procedure is of a technical nature and does not, in itself, constitute grounds for the payer to receive them.

Keywords: contract for air carriage of passenger, refund of carriage charge, transaction dispute, chargeback, dispute, payment card, payment system, Faster Payments System, acquiring, unjust enrichment

For citation: Karev M.K. Admissibility of the Transaction Dispute Procedure in Respect of a Transfer of Funds to a Carrier or Agent in Payment of Carriage Charge = Eurasian Advocacy. 2026; 4 (81):193. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_81_4_193

Распространение безналичных расчетов влияет не только на оплату воздушной перевозки пассажира (далее также – перевозка), но и на действия лиц, претендующих на возврат провозной платы. Для такого возврата следует обратиться с требованием к перевозчику, что предусмотрено п. 234 Федеральных авиационных правил «Общие правила воздушных перевозок пассажиров, багажа, грузов и требования к обслуживанию пассажиров, грузоотправителей, грузополучателей» (далее – Общие правила) [1], а при возникновении спора заинтересованное лицо вправе предъявить иск.

© Карев М.К., 2026 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC BY).

Вместе с тем плательщик располагает дополнительным инструментом – процедурой опротестования банковской операции по переводу денежных средств перевозчику (агенту) в счет провозной платы (далее – процедура, процедура опротестования или операция), которая может быть инициирована оператором по переводу денежных средств, обслуживающим плательщика и выпустившим соответствующее электронное средство платежа, по его обращению. Успешным результатом названной процедуры является возврат плательщику изначально списанных денежных средств. В обороте процедура опротестования получила обозначение «chargeback» («чарджбэк»), используемое платежными системами Visa и MasterCard. Опротестование операций, совершенных платежными картами «Мир», а также посредством Системы быстрых платежей, именуется «диспут» [2, 3].

Процедура опротестования подчиняется правилам платежной системы, что следует из положений п. 4 ч. 5 ст. 15, п. 22 ч. 1 ст. 20 Федерального закона «О национальной платежной системе» [4]. В случае удовлетворения обращения плательщика об инициировании процедуры дальнейшее взаимодействие происходит между операторами по переводу денежных средств, обслуживающими плательщика и получателя – перевозчика или агента (далее также соответственно – банк-эмитент, банк-эквайер), являющимися участниками платежной системы (п. 1 ч. 1 ст. 21 названного закона). С.В. Пыхтин связывает содержание чарджбэка с возвратом «ранее списанной с банковской карты суммы» при наличии обстоятельств, предусмотренных правилами платежной системы [5]. В свою очередь, А.В. Фиошин и А.В. Белин, Ф.И. Хамидуллина и Д.Д. Юсупов, а также А.В. Хрусталева рассматривают опротестование операции как одну из форм несудебной защиты [6, 7, 8]. На допустимость использования чарджбэка для возврата денежных средств, уплаченных за товары и услуги, включая оплату авиакомпании, обращается внимание и в разъяснительных материалах Роспотребнадзора [9, 10].

Плательщик может воспринимать такой способ как более простой, быстрый и менее затратный по сравнению с предъявлением требования перевозчику (агенту), а тем более с возможным последующим обращением в суд: если денежные средства были списаны через платежный функционал, то их возврат, как может полагать плательщик, также возможен через него. Однако подобное представление смешивает разные отношения: отношения между плательщиком и банком-эмитентом, который наряду с банком-эквайером осуществляет перевод денежных средств, что следует из ч. 1, 6 ст. 5 Федерального закона «О национальной платежной системе», и отношения по договору воздушной перевозки пассажира, предусмотренные п. 1 ст. 103 Воздушного кодекса Российской Федерации [11]. Процедура опротестования, возникая из правил платежной системы и договоров, связанных с обслуживанием плательщика и получателя, имеет ограниченное применение. Это обусловлено тем, что такие правила и договоры могут устанавливать сроки и порядок обращения, однако не способны изменить содержание правоотношения, а также расширить основания возврата или преодолеть их отсутствие. На риск ненадлежащего использования чарджбэка обращают внимание М.А. Матвеева и Е.В. Гоц, указывая, что «процедура «чарджбек» позволяет получать возврат провозной платы в нарушение установленного порядка» [12].

Для договора воздушной перевозки пассажира это особенно чувствительно, поскольку возврат провозной платы не является презюмируемым последствием всякого невыполнения перевозки. Возможность и размер возврата зависят в том числе от инициатора прекращения договора, условий о возврате (невозврате) провозной платы, момента уведомления перевозчика, характера отказа от перевозки, подтверждающих документов (ст. 107 и 108 Воздушного кодекса Российской Федерации). Тем самым при рассмотрении и разрешении спорных ситуаций требуется не просто выявить факт списания денежных средств, но также установить и исследовать обстоятельства: заключен ли договор, кто инициатор прекращения договора, является ли отказ пассажира от перевозки добровольным или вынужденным, соблюден ли порядок уведомления перевозчика и проч. При этом Банк России запрещает кредитным организациям вмешиваться в договорные отношения клиентов, а взаимные претензии между плательщиком и получателем средств, кроме возникших по вине кредитных организаций, решаются без участия последних, что следует из п. 1.27 Положения Банка России «О правилах осуществления перевода денежных средств» [13]. В этой связи предлагается разграничение оснований, которые усматриваются из обращения плательщика об инициировании процедуры опротестования, на платежно-техническое и материально-правовое.

Платежно-техническое основание имеет место, когда проблема возникает в самом движении денежных средств, а именно обусловлена неоднократным списанием денежных средств за одну и ту

же перевозку. Такая ситуация может быть вызвана повторным предъявлением средства платежа, сбоем POS-терминала, дублированием платежа при дистанционной оплате или сходным техническим обстоятельством. Подобные ситуации не требуют установления и исследования условий договора, а также других связанных с ним обстоятельств, поскольку существо вопроса состоит в выявлении, действительно ли денежные средства были списаны избыточно. При платежно-техническом основании процедура опротестования выполняет свойственную ей функцию, позволяя проверить факт ненадлежащего списания и вернуть излишне перечисленные денежные средства. При этом представляется целесообразным получение банком-эквайером позиции получателя денежных средств. Если перевозчик (агент) подтвердит обстоятельства, указанные плательщиком (например, согласится с фактом технического сбоя при списании провозной платы), обратное движение денежных средств не представляет собой вторжения в договорные отношения, а устраняет нарушение в платежной среде. При отказе получателя в подтверждении (непосредственно выраженном или состоящем в бездействии) денежные средства могут быть возвращены лишь в случае установления банком-эквайером и (или) платежной системой с помощью технических данных факта неоднократного списания.

Иной характер имеет материально-правовое основание, обусловленное не пороком операции списания денежных средств, а неисполнением обязанностей перевозчиком (агентом) или прекращением договора воздушной перевозки пассажира. Например, пассажир оплатил перевозку, но агент не оформил билет; рейс отменен, а перевозчик не произвел возврат; пассажир отказался от перевозки и считает отказ вынужденным, тогда как перевозчик дает иную квалификацию. В подобных случаях спор находится за пределами платежной системы.

При этом внешне результат, наступление которого желает плательщик, одинаков независимо от основания – возврат денежных средств, однако он будет являться техническим и сам по себе не будет выступать основанием для получения денежных средств плательщиком. Значение этого состоит в том, что при отсутствии такого основания (закона, иного правового акта или сделки) на стороне плательщика в силу п. 1 ст. 1102 Гражданского кодекса Российской Федерации возникает неосновательное обогащение [14]. Иной подход переносит спор из правовой плоскости в техническую, в то время как процедура опротестования не должна подменять гражданско-правовые способы защиты.

Позиции, усматривающиеся из судебных актов, подтверждают опасность такой подмены. В делах № А40-219880/2020 и № А40-150727/2019 арбитражные суды оценивали удержание банками денежных средств, находившихся на счетах обслуживаемых ими турагентов, после инициирования процедуры опротестования по основаниям «возврат не получен» и «услуга не оказана». Удовлетворяя иски турагентов к банкам о взыскании денежных средств, суды исходили в том числе из того, что расторжение договора не влечет признания банковской операции, произведенной в оплату такого договора, в качестве спорной, мошеннической или несанкционированной, а удержав денежные средства, ответчики незаконно вмешались в гражданско-правовые правоотношения [15, 16]. Суды общей юрисдикции также обращали внимание на то, что сам по себе возврат денежных средств через процедуру опротестования не подтверждает наличие у плательщика права на их получение. Так, в деле № 2-3/2022 денежные средства, уплаченные по договору воздушной перевозки пассажира, были списаны банком-эквайером со счета агента и зачислены пассажиру-плательщику в результате процедуры опротестования. Суды первой и апелляционной инстанций пришли к выводу о возникновении на стороне пассажира неосновательного обогащения, поскольку агент доказал отсутствие у него поручения перевозчика на возврат провозной платы, требуемого в силу абзаца первого п. 231 Общих правил [17, 18]. В деле № 2-356/2021 суды удовлетворили иск, указав, что сама по себе процедура опротестования транзакции и принудительного возврата денежных средств не свидетельствует о наличии правовых оснований для удержания данных денежных средств [19].

Представляется, что для правоприменения существенны два вывода. Первый заключается в том, что, хотя оператор платежной системы и обязан обеспечивать возможность досудебного и (или) третейского рассмотрения споров с участниками платежной системы в соответствии с ее правилами (п. 4 ч. 5 ст. 15 Федерального закона «О национальной платежной системе»), такие правила не могут заменять собой применимые нормы, в том числе положения Воздушного кодекса Российской Федерации и Общих правил, а также условия договора воздушной перевозки пассажира. Второй вывод – участники платежной системы не должны исходить только из указания плательщика на «неоказанную услугу» и

т. п., если за таким указанием фактически стоит гражданско-правовой спор. При этом плательщик не лишается защиты – напротив, разграничение платежно-технического и материально-правового оснований позволяет изначально ориентироваться на надлежащий способ защиты и тем самым минимизировать издержки и экономить время. Следует учитывать также интерес перевозчика и агента, для которых ненадлежащее использование процедуры опротестования создает риск утраты денежных средств. Агент в такой ситуации оказывается особенно уязвимым, поскольку денежные средства могут быть списаны с его счета, в то время как возврат провозной платы производится перевозчиком, а агентом – только по его поручению.

Таким образом, процедура опротестования банковской операции по переводу денежных средств перевозчику или агенту в счет провозной платы должна рассматриваться как ограниченный инструмент, граница допустимости использования которого проходит по критерию основания:

1) платежно-техническое основание имеет место, если обращение плательщика обусловлено неоднократным списанием денежных средств за одну и ту же перевозку. Использование процедуры допускается, а денежные средства подлежат возврату либо при подтверждении перевозчиком (агентом) достоверности сведений в обращении плательщика, либо при установлении оператором по переводу денежных средств, обслуживающим перевозчика (агента), и (или) платежной системой с помощью технических данных факта неоднократного списания;

2) материально-правовое основание имеет место, если обращение плательщика обусловлено неисполнением обязанностей перевозчиком (агентом) или прекращением договора воздушной перевозки пассажира. Использование процедуры не допускается.

Иной подход нарушает баланс интересов плательщика и получателя денежных средств – перевозчика или агента – и влечет вмешательство кредитных организаций в договорные отношения.

Список источников

1. Федеральные авиационные правила «Общие правила воздушных перевозок пассажиров, багажа, грузов и требования к обслуживанию пассажиров, грузоотправителей, грузополучателей»: утв. приказом Минтранса России от 28 июня 2007 г. № 82 (ред. от 15.10.2025) // Рос. газ. 2007. № 225. 10 окт.

2. Интернет-страница «Недолгий спор: вам вернут деньги быстро и без суда» [Электронный ресурс]. URL: https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=10640898.

3. Интернет-страница «Система быстрых платежей – Ответы на популярные вопросы – Что делать, если при оплате товаров (работ, услуг) что-то пошло не так?» [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/PSystem/sfp.

4. Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (ред. от 09.04.2026) // Рос. газ. 2011. № 139. 30 июня.

5. Пыхтин С.В. Правовая природа операции chargeback по платежной банковской карте // Банковское право. 2022. № 6. С. 41–48 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Фиошин А.В., Белин А.В. О судебной и несудебной защите прав потребителей в условиях цифровизации // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 2 (40). С. 45–51.

7. Хамидуллина Ф.И., Юсупов Д.Д. Внесудебная защита прав плательщика электронных платежей, процедура чарджбек // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2023. № 4. С. 151–156.

8. Хрусталева А.В. Проблемы правового регулирования возврата платежа по спорной операции при безналичных расчетах в Российской Федерации // Закон. 2016. № 12. С. 58–69 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Интернет-страница «Один из способов вернуть деньги за покупку» [Электронный ресурс]. URL: https://zpp.rospotrebnadzor.ru/news/regional/339112.

10. Интернет-страница «Коронавирус COVID-19: какие права есть у потребителя и как их защитить? (ответы на типовые вопросы)» [Электронный ресурс]. URL: https://zpp.rospotrebnadzor.ru/handbook/turist/memos/207045#Раздел52.

11. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ (ред. от 28.11.2025) // Рос. газ. 1997. № 59–60. 26 марта.

12. Матвеева М.А., Гоц Е.В. Особенности правового регулирования взаимоотношений перевозчиков и пассажиров в период пандемии коронавируса // Аграрное и земельное право. 2025. № 5. С. 99–102.

13. Положение Банка России от 29 июня 2021 г. № 762-П «О правилах осуществления перевода денежных средств» (ред. от 17.06.2025) // Вестник Банка России. 2021. № 62. 8 сент.

14. Гражданский кодекс Российской Федерации от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ. Часть вторая (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. 29 янв. Ст. 410.

15. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 9 дек. 2021 г. № 305-ЭС21-23036 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

16. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 7 марта 2023 г. № 305-ЭС22-26428 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

17. Решение мирового судьи судебного участка № 48 Железнодорожного судебного района Московской области от 10 февр. 2022 г. по делу № 2-3/2022 //

48.MO.MSUDRF.RU: официальный сайт судебного участка № 48 мирового судьи Железнодорожного судебного района Московской области [Электронный ресурс]. URL: https://48.mo.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=255730243&case_number=251621392&delo_id=1540005.

18. Апелляционное определение Железнодорожного городского суда Московской области от 19 июля 2022 г. по делу № 2-3/2022 // ZHELEZNODOROJNIY.MO.SUDRF.RU: официальный сайт Железнодорожного городского суда Московской области [Электронный ресурс]. URL: https://zheleznodorojniy--mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=446141004&delo_id=5&new=5&text_number=1.

19. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 19 янв. 2023 г. по делу № 2-356/2021 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

References

1. Federal`ny`e aviacionny`e pravila «Obshhie pravila vozdushny`x perevozok passazhirov, bagazha, gruzov i trebovaniya k obsluzhivaniyu passazhirov, gruzootpravitelej, gruzopoluchatelej»: utv. prikazom Mintransa Rossii ot 28 iyunya 2007 g. № 82 (red. ot 15.10.2025) // Ros. gaz. 2007. № 225. 10 okt.

2. Internet-stranicza «Nedolgij spor: vam vernut den`gi by`stro i bez suda» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=10640898.

3. Internet-stranicza «Sistema by`stry`x platezhej – Otvety` na populyarny`e voprosy` – Chto delat`, esli pri oplate tovarov (rabot, uslug) chto-to poshlo ne tak?» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.cbr.ru/PSystem/sfp.

4. Federal`ny`j zakon ot 27 iyunya 2011 g. № 161-FZ «O nacional`noj platezhnoj sisteme» (red. ot 09.04.2026) // Ros. gaz. 2011. № 139. 30 iyunya.

5. Py`xtin S.V. Pravovaya priroda operacii chargeback po platezhnoj bankovskoj karte // Bankovskoe pravo. 2022. № 6. S. 41–48 [E`lektronny`j resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus».

6. Fioshin A.V., Belin A.V. O sudebnoj i nesudebnoj zashhite prav potrebitelej v usloviyax cifrovizacii // Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii. 2024. № 2 (40). S. 45–51.

7. Xamidullina F.I., Yusupov D.D. Vnesudebnaya zashhita prav platel`shhika e`lektronny`x platezhej, procedura chardzhbek // Sovremennaya nauka: aktual`ny`e problemy` teorii i praktiki. Seriya: E`konomika i pravo. 2023. № 4. S. 151–156.

8. Xrustaleva A.V. Problemy` pravovogo regulirovaniya vozvrata platezha po spornoj operacii pri beznalichny`x raschetax v Rossijskoj Federacii // Zakon. 2016. № 12. S. 58–69 [E`lektronny`j resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus».

9. Internet-stranicza «Odin iz sposobov vernut` den`gi za pokupku» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://zpp.rospotrebnadzor.ru/news/regional/339112.

10. Internet-stranicza «Koronavirus COVID-19: kakie prava est` u potrebitelya i kak ix zashhitit`? (otvety` na tipovy`e voprosy`)» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://zpp.rospotrebnadzor.ru/handbook/turist/memos/207045#Razdel52.

11. Vozdushny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 19 marta 1997 g. № 60-FZ (red. ot 28.11.2025) // Ros. gaz. 1997. № 59–60. 26 marta.

12. Matveeva M.A., Gocz E.V. Osobennosti pravovogo regulirovaniya vzaimootnoshenij perevozchikov i passazhirov v period pandemii koronavirusa // Agrarnoe i zemel`noe pravo. 2025. № 5. S. 99–102.

13. Polozhenie Banka Rossii ot 29 iyunya 2021 g. № 762-P «O pravilax osushhestvleniya perevoda denezhny`x sredstv» (red. ot 17.06.2025) // Vestnik Banka Rossii. 2021. № 62. 8 sent.

14. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii ot 26 yanv. 1996 g. № 14-FZ. Chast` vtoraya (red. ot 24.06.2025) // Sobranie zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii. 1996. № 5. 29 yanv. St. 410.

15. Opredelenie Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 9 dek. 2021 g. № 305-E`S21-23036 [E`lektronny`j resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus».

16. Opredelenie Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 7 marta 2023 g. № 305-E`S22-26428 [E`lektronny`j resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus».

17. Reshenie mirovogo sud`i sudebnogo uchastka № 48 Zheleznodorozhnogo sudebnogo rajona Moskovskoj oblasti ot 10 fevr. 2022 g. po delu № 2-3/2022 // 48.MO.MSUDRF.RU: oficial`ny`j sajt sudebnogo uchastka № 48 mirovogo sud`i Zheleznodorozhnogo sudebnogo rajona Moskovskoj oblasti [E`lektronny`j resurs]. URL: https://48.mo.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=255730243&case_number=251621392&delo_id=1540005.

18. Apellyacionnoe opredelenie Zheleznodorozhnogo gorodskogo suda Moskovskoj oblasti ot 19 iyulya 2022 g. po delu № 2-3/2022 // ZHELEZNODOROJNIY.MO.SUDRF.RU: oficial`ny`j sajt Zheleznodorozhnogo gorodskogo suda Moskovskoj oblasti [E`lektronny`j resurs]. URL: https://zheleznodorojniy--mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=446141004&delo_id=5&new=5&text_number=1.

19. Opredelenie Chetvertogo kassacionnogo suda obshhej yurisdikcii ot 19 yanv. 2023 g. po delu № 2-356/2021 [E`lektronny`j resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus».

Статья поступила в редакцию 20.07.26;
одобрена после рецензирования 27.07.26;
принята к публикации 27.07.26.

The article was submitted 20.07.26;
approved after reviewing 27.07.26;
accepted for publication 27.07.26.

Евразийская адвокатура. 2026. № 4 (81). С. 198.
Eurasian Advocacy. 2026;(4(81)):198.

Политика и экономика Евразии

Научная статья
УДК 346
doi 10.52068/2304-9839_2026_81_4_198

УЧАСТИЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВАХ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

РОЖКОВ Никита Геннадьевич
Соискатель юридического факультета Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова
115054, г. Москва, Стремянный переулок, д. 36, Российская Федерация

Аннотация: Цель представленной работы заключается в определении многогранности и сложности процесса участия государства в хозяйственных обществах в рамках корпоративных правоотношений с учетом установления тенденций и перспектив развития в современной России. Нормативная правовая база требует совершенствования и дополнения не только со стороны защиты государственных интересов, но и со стороны защиты прав миноритарных акционеров и иных субъектов корпоративных отношений с участием государства. Полагаем, что для перспективного развития данных взаимоотношений в России в первую очередь необходимо найти баланс интересов государства и частного сектора, бизнеса и власти. Успешность данных правовых отношений оказывает большое влияние на экономику страны в целом, на долгосрочный экономический рост, эффективное регулирование корпоративных отношений.

Ключевые слова: хозяйственные общества, корпоративное управление, дуализм, юридическое лицо, корпоративные правоотношения, корпорации с государственным участием

Для цитирования: Рожков Н.Г. Участие Российской Федерации в хозяйственных обществах: тенденции и перспективы развития // Евразийская адвокатура. 2026. № 4 (81). С. 198. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_81_4_198

Policy and Economy of Eurasia

Original article

PARTICIPATION OF THE RUSSIAN FEDERATION IN BUSINESS ENTITIES: DEVELOPMENT TRENDS AND PROSPECTS

ROZHKOV Nikita Gennadievich
Applicant of the Faculty of Law of the Plekhanov Russian University of Economics
115054, Moscow, Stremyanny Lane, 36, Russian Federation

Abstract: The purpose of the work is to determine the versatility and complexity of the process of state participation in business entities within the framework of corporate legal relations, taking into account the establishment of trends and development prospects. The regulatory legal framework requires improvement and addition not only for the protection of state interests, but also for the protection of the rights of minority shareholders and other subjects of corporate relations with the participation of the state. We believe that for the long-term development of these relations in Russia, first of all, it is necessary to find a balance between the interests of the state and the private sector. The success of these relationships has a great impact on the country's economy as a whole and on long-term economic growth.

Keywords: business entities, corporate governance, dualism, legal entity, corporate legal relations, corporations with state participation

For citation: Rozhkov N.G. Participation of the Russian Federation in Business Entities: Development Trends and Prospects = Eurasian Advocacy. 2026; 4 (81):198. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_81_4_198

Развитие предпринимательства и привлечение инвестиций, равно как и создание комфортных условий для осуществления предпринимательской деятельности с участием государства, невозможны без правового определения порядка регулирования гражданско-правовых, предпринимательских и корпоративных правоотношений между участниками хозяйственного общества и

© Рожков Н.Г., 2026 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC BY).

бизнес-партнерами [13].

Наука гражданского, предпринимательского и корпоративного права на современном этапе развития нуждается в переосмыслении теоретических основ института участия государства в хозяйственных обществах как отдельного комплексного правового явления и самостоятельного элемента системы частного права [14].

Убеждены, что в современных реалиях участие Российской Федерации в хозяйственных обществах выполняет ключевую роль в обеспечении устойчивости гражданского оборота и защите частно-публичных интересов. Соответственно, полагаем, что успешное функционирование государственных корпораций возможно лишь при прозрачности, эффективности и социальной корпоративной ответственности, что позволит обеспечить гармоничное синергетическое взаимодействие между государственным и частным участием в гражданском обороте.

Считаем, что участие Российской Федерации в хозяйственных обществах представляет собой особый правовой режим реализации и использования публичной собственности, при котором государство выступает субъектом корпоративных правоотношений с ограниченной правоспособностью, обусловленной конституционными принципами разделения властей, верховенства права и публичного интереса. В условиях применения рестриктивных мер возникает коллизия между императивными нормами иностранного санкционного законодательства и диспозитивными началами российского корпоративного права, что требует формирования специального правового механизма защиты корпоративных прав Российской Федерации как участника хозяйственных обществ через институты коллизионного регулирования, ответных мер и адаптации норм гражданского законодательства к условиям юрисдикционной изоляции.

В процессе рыночных преобразований в России в конце XX – начале XXI в. образовалось значительное количество хозяйствующих субъектов, не способных оперативно адаптироваться к новым правилам осуществления предпринимательской деятельности и тем самым не выполняющих или ненадлежащим образом выполняющих принятые на себя гражданско-правовые обязательства [9, С. 15]. Полагаем, что на сегодняшний день одним из показателей продуктивной деятельности организации, стабильности гражданского оборота является оптимальное корпоративное управление организациями с государственным участием.

При современной системе экономического развития реализация интересов всех участников цифрового торгового оборота возможна лишь путем сохранения баланса публичных и частных интересов [3, С. 6]. Подчеркнем, что Российская Федерация как субъект публичной власти обладает уникальными инструментами контроля над юридическими лицами и воздействия на них, что ставит перед учеными и практиками множество вопросов о пределах такого контроля. Убеждены, что корпоративное управление в корпорациях с государственным участием должно быть ориентировано на создание устойчивой платформы, способствующей достижению как коммерческих, так и социальных целей. Применение современных методов и принципов в области корпоративного управления может значительно повысить эффективность управления государственной собственностью, укрепить рыночную среду и повысить уровень доверия общества. Эффективное управление хозяйственными обществами с государственным участием важно не только для достижения краткосрочных выгод, но и для обеспечения долгосрочного устойчивого развития и социальной стабильности [6, С. 38].

В течение последнего десятилетия Российская Федерация столкнулась с беспрецедентным давлением со стороны западных государств посредством введения множества санкций. Ограничительные меры (санкции) сформировали новый правовой режим участия Российской Федерации в акционерных обществах, характеризующийся дуализмом: с одной стороны, сохранением формального титула собственности на акции в соответствии со статьей 7.1 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее – Закон об акционерных обществах), с другой – фактическим отчуждением экономического содержания и управленческих правомочий в отношении данных активов под влиянием экстерриториального применения рестриктивных мер. Данный дуализм порождает системные вызовы для теории корпоративного права, требуя переосмысления категории «государственного участия» в условиях глобализированной экономики и усиления тенденции к фрагментации международных отношений через призму геополитических конфликтов. Перспективы нормативного урегулирования указанной проблемы видятся в развитии института ответных мер, совершенствовании механизмов защиты прав российских акционеров за рубежом через двусторонние договоры, а также в формировании альтернативных моделей корпоративного

управления, минимизирующих зависимость от недружественных государств, перечень которых утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 430-р «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц» (далее – недружественные государства).

В доктрине корпоративного права В.А. Лаптев обоснованно определяет, что нормативно закрепленные модели управления корпоративными организациями утратили универсальный характер и в отдельных отраслях экономики страны сформировались специальные режимы осуществления корпоративных прав [2, С. 79]. Эффективность корпоративного управления юридическим лицом с государственным участием, таким образом, оказывает влияние на развитие корпоративных правоотношений в целом. Вместе с тем такая важная роль корпоративного управления не позволила до сих пор установить точного определения данного понятия, хотя в научной литературе предложено большое количество определений данного термина.

Деятельность корпораций с государственным участием не ограничивается пределами Российской Федерации. Получили распространение транснациональные (трансграничные) государственные компании (корпорации) – юридические лица, осуществляющие деятельность в различных странах путем образования либо без образования юридических лиц в каждой из них [10, С. 125].

Как обоснованно установлено в частноправовой доктрине, «все участники гражданского оборота хотят работать с надежными и добросовестными контрагентами» [4, С. 39]. Особо отметим, что в хозяйственных обществах с государственным участием само государство осуществляет не только управленческие полномочия, но и реализует контрольно-надзорные функции в рамках осуществления полномочий юридическим лицом. В этой связи при соотношении корпоративного контроля с управлением интересна позиция Е.П. Губина, который определяет корпоративный контроль как возможность обеспечивать постоянное влияние на принятие стратегических управленческих решений [11, С. 18].

В науке корпоративного права И.С. Шиткина, фактически основываясь на деятельностном подходе к пониманию управления, пишет, что «корпоративное управление – это совокупность способов воздействия или процесс, с помощью которого организуется деятельность корпораций как особой организационно-правовой формы юридического лица» [1, С. 153]. Формирование государственного участия в корпоративных правоотношениях в России носит эволюционный, многоэтапный характер и тесно связано с трансформацией форм собственности и сменой моделей управления. Исторический анализ эволюции от дореволюционных акционерных компаний к постсоветскому корпоративному праву показывает, что современная модель участия государства в хозяйственных обществах опирается на статус «государственных» организаций и специфические механизмы их управления.

Самое активное участие в корпоративных отношениях принимают неправосубъектные с точки зрения гражданского права образования – органы юридического лица, а элементы неравенства (власти-подчинения) не характерны для других видов гражданско-правовых отношений, принятие корпоративных решений происходит не вследствие согласования воли всех участников, а обеспечивается преимущественным большинством при «игнорировании интересов меньшинства» [12].

В настоящее время прослеживаются разрозненность и непоследовательность регулирования и правового закрепления роли государства в таких отношениях, поскольку правовая регламентация рассредоточена по различным нормативным правовым актам, в то время как существует необходимость создания целостного закона, закрепляющего не только основные (несколько поверхностные) положения, регламентирующие такое участие, но и содержащего ключевые специализированные нормы. При этом нельзя забывать, что в отечественном законодательстве значительное количество норм содержится не в законах, а в подзаконных актах (постановлениях Правительства Российской Федерации, указах Президента Российской Федерации и т. д.).

Правовой статус Российской Федерации как участника хозяйственных обществ характеризуется дуализмом: государство реализует корпоративные права в рамках частноправовой формы (участие в уставном капитале, право голоса, получение дивидендов), однако содержание этих правомочий определяется не коммерческой логикой, а публично-правовыми императивами, вытекающими из конституционных функций государства. Данный дуализм порождает правовую коллизию между формальным равенством участников корпоративных отношений и фактическим приоритетом публичного интереса при реализации государством своих корпоративных прав, что находит

отражение в ограничении диспозитивности уставного регулирования: уставные нормы хозяйственных обществ с государственным участием не могут исключать или ослаблять механизмы публичного контроля, установленные федеральным законодательством, а решения органов управления таких обществ подлежат дополнительной проверке на соответствие критериям публичного интереса независимо от формального соблюдения корпоративных процедур.

Определено, что разрешение указанной коллизии требует применения специального правового механизма, включающего: а) дифференциацию правомочий государства как акционера и как органа публичной власти; б) установление приоритета публично-правовых императивов при реализации корпоративных прав в стратегических секторах экономики; в) формирование особого порядка ответственности представителей интересов Российской Федерации, участвующих в органах управления хозяйственных обществ.

В современных условиях возрастает значение государства как акционера, учитывая санкции, необходимость выработки правовых условий с целью противодействия саботированию ключевых решений руководящего состава корпораций является одной из приоритетных задач для обеспечения суверенитета государства и устойчивого экономического развития [6, С. 39]. Результат правового регулирования корпоративных отношений, рассматриваемый в качестве универсальной цели, не всегда сопоставляется с общественными (публичными) интересами. Несмотря на это, приоритетным является публичный интерес при условии соблюдения баланса с законными частными интересами участников корпоративных отношений. Установлено, что государственное вмешательство в организационно-хозяйственную деятельность корпорации должно быть ориентировано на обеспечение баланса частных и публичных интересов, реализуемого через охрану прав и законных интересов хозяйственного общества и его участников, а также посредством правовых механизмов воздействия государства на деятельность хозяйственных обществ.

Считаем, что в качестве основных характеристик корпоративного управления в компаниях с государственным участием выделяется противоречие между публичными целями государства и частными коммерческими интересами, которые направлены на максимизацию прибыли. Как правило, основной задачей коммерческой корпорации является максимизация капитала акционеров или участников общества, в то время как мотивация государства как акционера часто отличается от мотивации коммерческого агента и носит социальный и общественно-политический характер. Это приводит к формированию специфических особенностей корпоративного управления и способов его реализации, направленных на достижение стратегических преимуществ в области внешней политики, улучшение качества жизни населения и обеспечение эффективного производства жизненно важных услуг, таких как связь, тепло и электроэнергия.

Государство, участвуя в гражданско-правовых сделках и вступая в корпоративные правоотношения, сохраняет за собой статус особого субъекта права, обладающего властными полномочиями и реализующего публичные функции. Этот дуализм правового положения государства проявляется в том, что, с одной стороны, оно действует как суверенный носитель публичной власти, а с другой – как равноправный участник гражданских правоотношений, бизнес-процессов, подчиняющийся общим правовым нормам, регулирующим поведение всех субъектов частного права в рамках организации бизнеса [8, С. 242].

В науке гражданского права профессор А.Н. Левушкин обоснованно определяет, что «способы защиты прав участников корпорации, закрепленные в гражданском законодательстве, имеют весьма эффективную форму реализации. Их применение способствует оптимальному использованию финансовых ресурсов компании и преодолению возможных препятствий для ведения бизнеса в рамках корпорации» [5, С. 8]. «При соблюдении принципов прозрачности, ответственности и разумного вмешательства государства в управление можно создать более эффективные условия для развития как самого государственного сектора, так и всей экономики в целом» [7, С. 322]. Необходимо осознавать, что правовое положение Российской Федерации как субъекта публичной власти и одновременно участника корпоративных правоотношений оказывает существенное влияние на практическую реализацию корпоративных прав. С одной стороны, действующее законодательство формально содержит комплекс норм, направленных на защиту прав и законных интересов акционеров и участников хозяйственных обществ; с другой стороны, наличие таких системных проблем, как конфликты интересов, недостаточная степень транспарентности корпоративных процедур и высокая зависимость эффективности защиты прав от сложившейся судебной практики, обусловливает ограниченность реальной реализации указанных гарантий.

Доказано, что ключевое значение в преодолении данных ограничений имеют совершенствование законодательства о корпоративных отношениях, развитие единообразной и предсказуемой правоприменительной практики, а также усиление образовательного и методического обеспечения в сфере корпоративного управления, что в совокупности способствует улучшению предпринимательского (делового) климата и повышению доверия к институтам корпоративного управления.

Подводя итог, следует сделать отдельные выводы.

1. Создание специального федерального закона. Для минимизации противоречий при правовом регулировании участия Российской Федерации в хозяйственных обществах необходимо разработать единый федеральный закон «Об участии Российской Федерации в хозяйственных обществах», объединяющий некоторые положения Закона об акционерных обществах, Закона об обществах с ограниченной ответственностью, а также Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая), направленные на определение правового положения Российской Федерации в корпоративных правоотношениях. Новый федеральный закон должен разрешить правовую коллизию между формальным равенством участников корпоративных отношений и фактическим приоритетом публичного интереса при реализации государством своих корпоративных прав. Более того, данный закон должен разграничить права Российской Федерации как участника хозяйственного общества и полномочия публичного органа власти.

2. Дифференцированная ответственность. С целью справедливого распределения рисков и последствий принятия корпоративных решений, инициированных публичным акционером, сохранения баланса частных и публичных интересов при разрешении корпоративных конфликтов, необходимо дополнить ст. 66 Гражданского кодекса Российской Федерации положением о специальной ответственности для Российской Федерации в лице Федерального агентства по управлению государственным имуществом, Министерства финансов Российской Федерации или Министерства обороны Российской Федерации за ущерб, причиненный хозяйственному обществу. Включить субсидиарную ответственность органа государственной власти, выдавшего с учетом публичного интереса директиву для голосования по вопросам повестки дня органов управления хозяйственного общества, исключая полную солидарность с частными участниками.

3. Корпоративная защита в условиях санкционного давления. Для обеспечения устойчивости корпоративного контроля над стратегически значимыми активами, предотвращения недружественных поглощений и утраты влияния государства в ключевых секторах экономики необходимо включить в Закон об акционерных обществах, Закон об обществах с ограниченной ответственностью положения о принудительном выкупе акций или долей Российской Федерации у недружественных нерезидентов по цене, определенной отчетом независимого оценщика, а также о создании реестра «защищенных активов» стратегических предприятий, установив запрет на их отчуждение без согласия Правительства Российской Федерации.

4. Институт антикризисного управления. Для создания правового механизма оперативного антикризисного вмешательства государства в управление ключевыми хозяйственными обществами, предотвращения их разрушения и сохранения производственного потенциала необходимо дополнить статью 69 Закона об акционерных обществах положением о праве Российской Федерации ввести временное управление в хозяйственных обществах с ее участием при угрозе банкротства или саботаже (санкции, внутренние конфликты), с передачей полномочий управления органу государственной власти (Федеральному агентству по управлению государственным имуществом, Министерству финансов Российской Федерации или Минобороны России), осуществляющему права управления акциями и долями данной организации, принадлежащими Российской Федерации, на срок до 2 лет.

5. Защита миноритарных прав Российской Федерации. Для обеспечения возможности защиты публичных интересов в ситуациях, когда формально не достигается контрольный размер участия государства в хозяйственных обществах, но последствия принимаемых корпоративных решений затрагивают вопросы обороноспособности, безопасности страны, необходимо закрепить в Законе об акционерных обществах и в Законе об обществах с ограниченной ответственностью право Российской Федерации на блокирование принятия решений органов управления хозяйственного общества, включенного в специальные перечни (стратегическое предприятие или предприятие, входящее в оборонно-промышленный комплекс Российской Федерации), угрожающих публичным интересам Российской Федерации.

Список источников

1. Корпоративное право: учебный курс: в 2 т. / отв. ред. И.С. Шиткина. Т. 2. М.: Статут, 2018. 976 с.
2. Лаптев В.А. Корпоративное управление предприятиями оборонно-промышленного комплекса: смена парадигм // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 6. С. 75–85.
3. Левушкин А.Н., Морозов С.Ю. Цифровой торговый оборот и дистанционный способ продажи товаров в парадигме теории и правоприменительной практике // Вестник арбитражной практики. 2024. № 5. С. 3–10.
4. Левушкин А.Н., Морозов С.Ю. Проверка контрагента перед заключением договора как непоименованный способ обеспечения исполнения предпринимательских обязательств // Юрист. 2021. № 7. С. 37–42.
5. Левушкин А.Н. Применение отдельных способов защиты корпоративных прав // Право и бизнес. 2025. № 3. С. 6–11.
6. Рожков Н.Г. Современная концепция корпоративного управления в корпорациях с государственным участием // Право и экономика. 2026. № 9. С. 38–45.
7. Рожков Н.Г. Понятие и особенности правового положения корпораций с государственным участием в Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2025. № 12. С. 320–324.
8. Рожков Н.Г. Семейные компании с государственным участием: проблемы правосубъектности // Семья, семейный бизнес и наставничество как традиционные ценности российского общества: монография / отв. ред. И.В. Ершова, А.Н. Левушкин. М.: Юстицинформ, 2026. С. 239–256.
9. Ткачев В.Н. Институт несостоятельности (банкротства) как элемент комплекса мер по обеспечению экономической безопасности хозяйствующих субъектов // Гражданское право. 2012. № 6. С. 13–17.
10. Ткачев В.Н. Теоретические и практические проблемы трансграничной несостоятельности // Журнал российского права. 2007. № 4. С. 120–129.
11. Управление и корпоративный контроль в акционерном обществе: Практическое пособие / Под ред. Е.П. Губина. М.: Юристъ, 1999. 247 с.
12. Синицын С.А. Корпоративное право: опыт, состояние, перспективы: монография. М.: Инфотропик Медиа, 2023 [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/481247957/.
13. Снытникова Н.В. Добросовестность и злоупотребление правом в корпоративных правоотношениях: дис. … канд. юрид. наук. М., 2025 [Электронный ресурс]. URL: https://www.ranepa.ru/upload/iblock/cbd/b3is6tj5k85k15hubm2ftouyixdg9exm.pdf.
14. Нарайкин О.В. Частноправовой институт сделок, в совершении которых имеется заинтересованность: дис. … канд. юрид. наук. М., 2025 [Электронный ресурс]. URL: https://www.rudn.ru/storage/media/science_dissertation/a26d8e30-38e0-4fd0-bf24-33411b3b4b7a/DeucEQu9MEQP2ljeJQjTNpn6IMaAuuYW3aazdL2M.pdf.

References

1. Korporativnoe pravo: uchebny`j kurs: v 2 t. / otv. red. I.S. Shitkina. T. 2. M.: Statut, 2018. 976 s.
2. Laptev V.A. Korporativnoe upravlenie predpriyatiyami oboronno-promy`shlennogo kompleksa: smena paradigm // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2025. № 6. S. 75-85.
3. Levushkin A.N., Morozov S.Yu. Cifrovoj torgovy`j oborot i distancionny`j sposob prodazhi tovarov v paradigme teorii i pravoprimenitel`noj praktike // Vestnik arbitrazhnoj praktiki. 2024. № 5. S. 3-10.
4. Levushkin A.N., Morozov S.Yu. Proverka kontragenta pered zaklyucheniem dogovora kak nepoimenovanny`j sposob obespecheniya ispolneniya predprinimatel`skix obyazatel`stv // Yurist. 2021. № 7. S. 37-42.
5. Levushkin A.N. Primenenie otdel`ny`x sposobov zashhity` korporativny`x prav // Pravo i biznes. 2025. № 3. S. 6-11.
6. Rozhkov N.G. Sovremennaya koncepciya korporativnogo upravleniya v korporaciyax s gosudarstvenny`m uchastiem // Pravo i e`konomika. 2026. № 9. S. 38-45.
7. Rozhkov N.G. Ponyatie i osobennosti pravovogo polozheniya korporacij s gosudarstvenny`m uchastiem v Rossijskoj Federacii // Agrarnoe i zemel`noe pravo. 2025. № 12. S. 320-324.
8. Rozhkov N.G. Semejny`e kompanii s gosudarstvenny`m uchastiem: problemy` pravosub``ektnosti // Sem`ya, semejny`j biznes i nastavnichestvo kak tradicionny`e cennosti rossijskogo obshhestva: monografiya / otv. red. I.V. Ershova, A.N. Levushkin. M.: Yusticinform, 2026. S. 239-256.
9. Tkachev V.N. Institut nesostoyatel`nosti (bankrotstva) kak e`lement kompleksa mer po obespecheniyu e`konomicheskoj bezopasnosti xozyajstvuyushhix sub``ektov // Grazhdanskoe pravo. 2012. № 6. S. 13-17.
10. Tkachev V.N. Teoreticheskie i prakticheskie problemy` transgranichnoj nesostoyatel`nosti // Zhurnal rossijskogo prava. 2007. № 4. S. 120-129.
11. Upravlenie i korporativny`j kontrol` v akcionernom obshhestve: Prakticheskoe posobie / Pod red. E.P. Gubina. M.: Yurist``, 1999. 247 s.
12. Sinicyn S.A. Korporativnoe pravo: opy`t, sostoyanie, perspektivy`: monografiya. M.: Infotropik Media, 2023 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://base.garant.ru/481247957/.
13. Sny`tnikova N.V. Dobrosovestnost` i zloupotreblenie pravom v korporativny`x pravootnosheniyax: dis. … kand. yurid. nauk. M., 2025 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.ranepa.ru/upload/iblock/cbd/b3is6tj5k85k15hubm2ftouyixdg9exm.pdf.
14. Narajkin O.V. Chastnopravovoj institut sdelok, v sovershenii kotory`x imeetsya zainteresovannost`: dis. … kand. yurid. nauk. M., 2025 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.rudn.ru/storage/media/science_dissertation/a26d8e30-38e0-4fd0-bf24-33411b3b4b7a/DeucEQu9MEQP2ljeJQjTNpn6IMaAuuYW3aazdL2M.pdf.

Статья поступила в редакцию 17.07.26;
одобрена после рецензирования 27.07.26;
принята к публикации 27.07.26.

The article was submitted 17.07.26;
approved after reviewing 27.07.26;
accepted for publication 27.07.26.